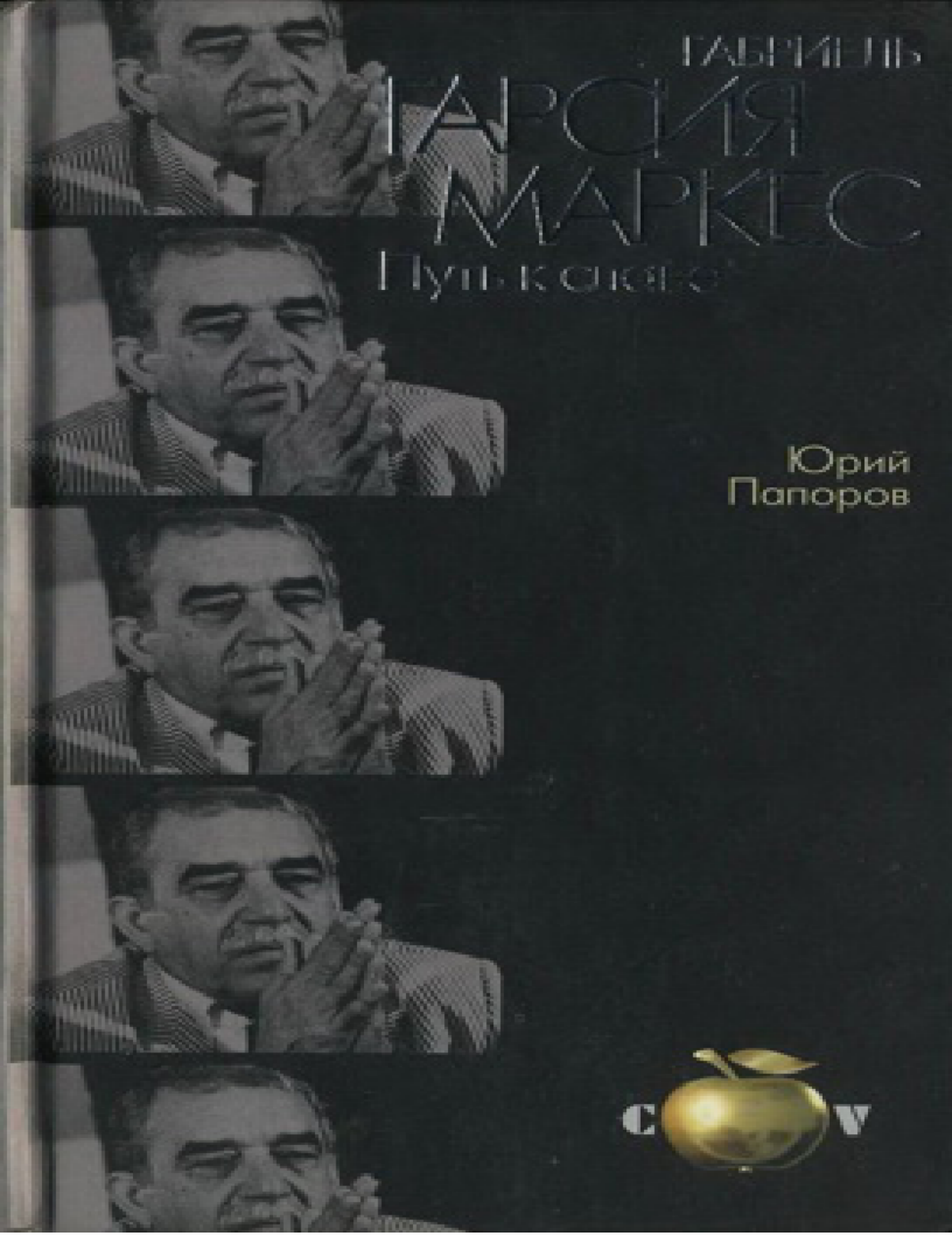


Габриэль Гарсия Маркес

Путь к славе

Юрий Папоров

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Габриель Гарсия Маркес — один из величайших писателей в истории мировой литературы, автор бессмертного романа «Сто лет одиночества», символ самого популярного жанра наших дней — «магического реализма».

Впервые публикуемая книга «Габриель Гарсия Маркес. Путь к славе» — не просто биография. Это уникальный материал, интервью и письма писателя, газетные и журнальные публикации, воспоминания друзей: Хулио Кортасара, Марио Варгаса Льосы, Карлоса Фуэнтеса; десятилетия литературного труда и яркой жизни, — путь к мировой славе.

- Габриель Гарсия Маркес. Путь к славе
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI
  - ГЛАВА VII
  - СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
  - ФОТОГРАФИИ
    - Будущему писателю 5 лет
    - Гарсия Маркес в доме деда в Аракатаке
    - Мерседес Барча Пардо, невеста Гарсия Маркеса
    - Последний день в газете «Эспектадор». Июль 1955 г.
    - Гарсия Маркес в подмосковном колхозе. 1957. (Писатель первый справа)
    - Гарсия Маркес и Мерседес. Мехико. 1966
    - Гарсия Маркес с женой и их сыновья Гонсало и Родригес. Барселона
    - Гарсия Маркес и его жена Мерседес. 1978
    - Пабло Неруда и Гарсия Маркес. Барселона. 1971
    - Встреча в Кремле. Гарсия Маркес и Михаил Горбачев. Москва. 15 июля 1987 г.
    - Гарсия Маркес. 1987
    - Гарсия Маркес в редакции журнала «Огонек». 1987
    - Гарсия Маркес и Виктор Флорес Олеа. Лос Пиньос. 1989

- Гарсия Маркес
- Посол Колумбии Кертис Канман, президент Колумбии Андрес Пастрама, Гарсия Маркес и госсекретарь США Мадлен Олбрайт после утверждения программы помощи Колумбии в борьбе с распространением наркотиков. 14 января 2000 г.
- Гарсия Маркес. 1996
- Гарсия Маркес

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

Габриель Гарсия Маркес. Путь к славе

Посвящаю издателям России, в деле которых вижу залог ее возрождения

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда зарождался план книги о жизни Эрнеста Хемингуэя на Кубе, у меня не возникало вопроса о том, как об этом писать. Для подавляющего большинства советских читателей творчество Хемингуэя было откровением, которое позволяло проникнуть в неведомое бытие, увидеть мир другими глазами.

На этот раз все было не так.

Роман Габриеля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества» — явление столь необычное, что, когда возникла мысль рассказать о самом писателе, стало ясно — форма повествования тоже должна быть неординарной.

Дело в том, что речь идет не просто об одном из наиболее выдающихся литераторов современности. Его земляки довольно часто называли и называют Гарсия Маркеса великим писателем, гением. Хотя есть и такие критики, для которых он — gran fabulador — великий выдумщик всяких небылиц. По-испански fábula — это миф, сказка, небылица, выдумка, и никогда — реальный сюжет.

Сам Гарсия Маркес не раз утверждал: описание того, что читатель видит и ощущает в реальной жизни, мало кого интересует. Шехерезада, барон Мюнхгаузен — то есть все невероятное, диковинное, экзотическое, неправдоподобное — вот чего ждут читатели! Своим творчеством Гарсия Маркес доказал, что был прав.

Должен сказать, этот писатель близок мне не только тем, что он большой мастер органичного соединения литературы и народных мифов. Его, как подлинного художника, глубоко волнует проблема насилия над личностью в нашем неспокойном мире и извечная тема человеческого одиночества.

Цель настоящего повествования — познакомить русскоязычного читателя с человеком, который сочинил знаменитый роман «Сто лет одиночества», а также с историей его создания. Форма, выбранная для этого, не случайна: категории места и времени здесь, как и в романе, носят условный характер, а основная сюжетная линия — раскрытие личности писателя — соотносится с главной сюжетной линией романа, то есть с жизнеописанием его главного героя Мелькиадеса.

При работе над биографией писателя в диалогах и беседах, основанных на его интервью, личных письмах, газетных и журнальных статьях, были использованы и другие документы, а также статьи и воспоминания таких известных писателей, как Х. Кортасар, К. Фуэнтес, М. Варгас Льоса и других.

Форму, в которой написана биография, можно было бы назвать «условно-временной», а диалоги в ней порой виртуальны, однако факты и события жизни и творчества писателя — абсолютно достоверны.

Что из всего этого получилось — судить читателю.

Ю. Папоров

ГЛАВА I
«Сто лет одиночества». Мексика (1965–1967)

— Отец, дорогой, мне тогда было всего восемь лет. Ты был так суров со мной. Я не помню, чтобы ты хоть раз приласкал меня, — говорил Габриель по телефону. Как всегда, без тени упрека.

— По моему глубокому убеждению, сын мой, ты давно обязан был меня простить. Ты был тогда не столько моим сыном, сколько любимым внуком отца твоей матери, избалованным и изнеженным, — ответил Габриель Элихио Гарсия Мартинес.

Когда-то он был телеграфистом, позднее, получив лицензию, стал практикующим гомеопатом; у него было одиннадцать законнорожденных и четверо внебрачных детей от пяти разных женщин.

— Я и увидел-то тебя в первый раз и узнал, что ты мой отец, в день твоего рождения, когда тебе исполнилось тридцать три, а мне уже было семь лет и девять месяцев.

— Мы об этом уже говорили сто раз, Габриель. Твой любимый дед был, как тебе известно, воинствующим либералом, а я — консерватором. К тому же он считал меня недостойным руки твоей матери. Если ты полагаешь, что я в чем-то виноват перед тобой, прости.

— Давно простил! Я сейчас не об этом, отец. Когда я приехал жить в твой дом, мне все казалось таким чудным. И дом, и город Барранкилья, и тамошние люди. Ты прозвал меня вруном и выдумщиком — ведь все, что я видел и слышал, я потом пересказывал по-своему. Работало мое растревоженное воображение, а ты этого не понимал.

— Габо, ты можешь этому не верить, но я всегда по-своему любил тебя. Кто привил тебе вкус к чтению? Я приносил в дом серьезные книги. Чтение и сделало тебя писателем.

— Нет, папа, вот за этим-то я тебе и звоню. Писателем меня сделала та самая потребность во «вранье», мое врожденное необузданное воображение. Сейчас мне предстоит совершить нечто необычное… И ты еще больше будешь мной гордиться. Благослови на выдумки, отец! Хотя, должен сказать тебе, все, что я написал и еще напишу, опирается только на реальные события, которые я пережил сам, либо на исторические события, которые пережила моя страна.

— Старого попугая не научишь говорить. Так что, сын мой, пока молод — дерзай! Я буду молиться за тебя.

«Много лет спустя, перед самым расстрелом, полковник Аурелиано Буэндия припомнит тот далекий день, когда отец повел его поглядеть на лед»[1] *— так начинает колумбийский писатель Габриель Гарсия Маркес свой роман-эпопею «Сто лет одиночества», опубликование которого в мае 1967 года принесло ему широкую известность, а в 1982 году Нобелевскую премию по литературе и всемирную славу. «Много лет спустя писатель Габриель Гарсия Маркес вспомнит тот далекий день, когда его дед, полковник Николас Рикардо Маркес Мехия, повел внука показать ему, что такое лед» — так сможет написать в будущем биограф знаменитого Габо. Это было в 1931 году, когда будущему писателю исполнилось четыре года, и дед, водивший повсюду за руку маленького Габо, взял его с собой в «американскую» часть селения Аракатаки, где на роскошных виллах жили служащие «Юнайтед Фрут Компани» и где рыба хранилась, пересыпанная льдом.*

«Макондо был тогда небольшим поселком из тридцати глинобитных, с камышовыми крышами домишек, стоявших на берегу реки, что несла свои прозрачные воды по ложу из гладких, белых и огромных, как доисторические яйца, валунов», — читаем мы вторую фразу «Ста лет одиночества» и вспоминаем Аракатаку, село, где писатель родился и провел восемь первых лет жизни в огромном доме своего деда, полковника Николаса Маркеса, и реку Адуриамена-Аракатаку, которая «несла свои прозрачные воды по ложу из гладких, белых и огромных, как доисторические яйца, валунов».

Естественно, не все события, ситуации и персонажи «Ста лет…» и других произведений есть только воспоминания о виденном и пережитом самим писателем. Однако биографы Гарсия Маркеса считают своим долгом искать в биографии писателя прежде всего те факты, которые послужили отправной точкой событий, описываемых в его произведениях. И они правы: в этом смысле творчество Гарсия Маркеса несомненно продолжает традицию классиков мировой литературы — Диккенса, Гюго, Джека Лондона, Достоевского, Гоголя, Куприна, Фолкнера, Хемингуэя и других писателей, которые переносили виденное и пережитое на страницы своих рассказов, повестей и романов.

Колумбийско-испанский критик Дассо Сальдивар, наиболее вдумчивый, глубокий и скрупулезно следующий фактам биограф Гарсия Маркеса, считает, что подлинным началом биографии писателя явилось одно из реальных событий, которое произошло

задолго до его рождения: «Вполне можно согласиться с тем, что именно в тот день (19 октября 1908 года. — Ю.П.) и именно в том месте начинается биография Габриеля Гарсия Маркеса, за девятнадцать лет до его рождения, поскольку случившееся в тот день в селении Барранкас предопределило его личную и литературную судьбу. Шестнадцать лет спустя следствием этого события явилось знакомство будущих родителей писателя, и оно же явилось причиной, хотя и несколько отдаленной, того, что Габриель Гарсия Маркес до девятилетнего возраста жил с дедом и бабушкой в их огромном, полном призраков и привидений доме в селении Аракатака» (27, 27)[2]

Так вот: в полдень того дня, 19 октября 1908 года, полковник Николас Маркес, будущий дед Габриеля, убил Медардо Пачеко Ромеро, которого считал своим другом. Точно так же поступил Аркадио Буэндия, в романе «Сто лет одиночества», убив своего друга Пруденсио Агиляра.

К этому событию мы еще вернемся, а сейчас вспомним 1965–1967 годы, полные упорного труда, сомнений и страданий. Но одновременно это были годы активного творчества, которые принесли Гарсия Маркесу огромное удовлетворение и сделали его самым счастливым человеком на свете.

С июля 1961 года Маркес жил в городе Мехико. В 1965 году он снимал дом № 19 по улице Лома, в респектабельном районе Сан-Анхель-Инн, и вел жизнь затворника. Именно тогда он начал сочинять первые главы романа «Сто лет одиночества». Однако прежде чем приступить в июле 1965 года к созданию этого произведения, писатель прошел период мучительных исканий и, преодолев его, чувствовал себя, по собственному выражению, «опустошенным и выхолощенным».

Еще в январе 1964 года уругвайский критик Эмир Родригес Монегаль, посетивший «светлый и комфортабельный» дом в Сан-Анхеле-Инн, засвидетельствовал: «Гарсия Маркеса я нашел совершенно изнуренным, он живет в самом страшном для творческого человека аду, название которого — бесплодие». А ведь в то время, как справедливо утверждает Дассо Сальдивар в уже упоминавшейся книге, Гарсия Маркес был хорошо оплачиваемым сценаристом и специалистом по коммерческой рекламе и славно плавал в море определенного благосостояния, носил дорогие костюмы и галстуки, тесно общался с продюсерами, кинорежиссерами, журналистами, писателями, художниками, певцами, знаменитыми актерами и актрисами и позволяя себе бывать в фешенебельных барах и ресторанах. Другой известный критик, чилийско-североамериканский литератор Луис Харсс, посетивший дом Гарсия Маркеса в начале июля 1965 года, нашел,

что колумбийский писатель переживал один из периодов сомнений и неуверенности, когда он почти не прикасался к перу и в наиболее черные часы ощущал такую исчерпанность и пустоту, что считал себя конченым как писатель.

— Если б ты знал, Альварито, как мне плохо! — произнес Габриель Гарсия Маркес, срывая с себя галстук. Они только что вернулись из шикарного дома известного мексиканского писателя Карлоса Фуэнтеса, где тот жил вместе с женой, популярной актрисой Ритой Маседо, и где каждое воскресенье устраивали «открытый пятичасовой чай». Там собиралась культурная элита страны. — ¡Machete caído, indio muerto![3] Иной раз мне хочется умереть, но я слишком люблю Мерседес и сыновей! Я измотан душой, я чувствую себя чьим-то придатком, пишущей машинкой, отстукивающей чужие, абсурдные, дурацкие фразы. Я похож на манекен! Я совершенно опустошен, у меня нет ни единой живой мысли.

— Не преувеличивай, Габо. Никакой ты не манекен! Тебе незачем прятать глаза. То, что ты пишешь, пользуется спросом.

Альваро Мутис был взрослее Габриеля на четыре года и чувствовал себя его старшим братом.

— И это говоришь мне ты — утонченный поэт? Человек, познавший из-за своих левых убеждений, что такое Лекумберри[4]. — Габо в сердцах сплюнул на пол веранды. — Если и есть Иуда на земле, так это писатель, который продает свой талант буржуазному кино и телевидению! Эта так называемая работа в этих шарагах — она же кастрировала меня! Я больше никогда не буду писать по-настоящему, карахо![5] Ни единой мысли, ни в голове, ни за душой. Пуст! Изнурен до предела. Мне нечего больше сказать! Я — евнух! Ты понимаешь это или нет?

Альваро пристально посмотрел на лучшего друга и, махнув рукой, решительно сказал:

— Столько лет дружу с тобой и не знал, что ты такой кретин! — Мутису нелегко дались эти слова, однако он понимал, что только так можно встряхнуть Габо, охваченного глубокой меланхолией, пораженческими мыслями, убийственной для писателя апатией. — Я не желаю больше тебя слышать! Я ухожу!

Мутис сбежал со ступенек и заспешил к калитке, по дороге столкнувшись с Мерседес, женой писателя.

— Габо, что ты ему наговорил? — кинулась она к Маркесу с вопросом. — Альваро со мной даже не попрощался. Только и бросил на ходу: «Мерседес, не слушай ты его, что бы он там ни бубнил!»

С Альваро Мутисом, колумбийским поэтом и писателем левых убеждений, Гарсия Маркес познакомился в 1949 году в Барранкилье, куда Мутис прибыл из Боготы в качестве представителя Колумбийской страховой компании. Альваро всегда был одним из самых преданных друзей Гарсия Маркеса; при его непосредственном участии в жизни писателя произошли два очень важных события.

В январе 1954 года Альваро Мутис, возглавлявший тогда рекламный отдел американской нефтяной компании «Эссо» в Боготе, вытащил Гарсия Маркеса из богемной Барранкильи, прислав ему билет на самолет и затем устроив в своем доме в столице. Альваро Мутис договорился тогда с владельцами газеты «Эспектадор», и они приняли Гарсия Маркеса обозревателем, сразу дав ему постоянную должность.

А в июне 1961 года, когда бывший корреспондент кубинского революционного агентства Пренса Латина в Нью-Йорке Габриель Гарсия Маркес остался без работы и без денег, не кто иной, как Альваро Мутис уговорил его переехать с семьей в Мексику, встретил его на вокзале в Мехико и помог найти жилье и работу.

Но в 1964-м и в начале 1965 года Гарсия Маркес переживал серьезный творческий кризис; он писал грустные письма и вел мысленные беседы с самыми близкими друзьями.

— Помнишь, дорогой мой Плинио, я тебе не раз рассказывал, мне тогда было десять лет и я узнал, что умер мой дед Николас? Он был для меня самым дорогим и любимым человеком на свете. Тогда мне стало так страшно, я подумал — ведь и я могу умереть, и у меня на теле появятся вши, и все об этом узнают. Взрослые говорили, что, когда кто-то умирает, у него на теле обязательно появляются вши. Но настоящее, глубокое горе — много лет спустя я говорил тебе и об этом — я почувствовал от того, что не стало на свете деда. С тех пор, всякий раз когда со мной случалось что-то особенное, пусть даже очень радостное, я не испытывал полного счастья, потому что эту радость не мог разделить со мной мой дед. Никто не мог мне его заменить! Мой отец жил на другой волне. Со дня смерти деда, если мне и случалось испытать ощущение радости, оно всегда было у меня неполным. Но сегодня, сейчас — мне стыдно тебе об этом говорить — коньо[6], я рад, что деда уже нет, — по крайней мере, он не может знать, что со мной происходит. Я — полный кастрат! Я — пустой человек! Принимаю транквилизаторы, намазанные на хлеб вместо масла. Райская жизнь сценариста на самом деле есть лишь маленький оазис, вокруг которого расстилаются джунгли сугубо коммерческой кинопромышленности. Там правят законы

джунглей, по которым сценарист есть не что иное, как безропотное прирученное животное. Я готов бросить все к чертовой матери и вернуться в Колумбию! Пусть даже на пустое место. Я не могу больше работать на бесталанных, безграмотных людей, для которых существуют только деньги, и подчиняться их воле.

— Я тебя прекрасно понимаю, дорогой Габо. Прежде ты — я это отлично помню — твердо верил, что именно средствами кино можно поведать людям о том, что тебя волнует и что ты как писатель обязан им сказать. Однако теперь, два года проработав сценаристом в угоду, как ты пишешь, «монстрам от целлулоида», ты с болью и унижением вынужден признать, что проза как жанр — неизмеримо выше кино. Я с тобой согласен и думаю, в этом состоит парадокс современной жизни: массовое кино есть непримиримый враг настоящей прозы. А хуже всего, что ты, прирожденный певец свободы, обязан исполнять чужие причуды в интересах толстосумов-продюсеров и беспринципных зачастую кинорежиссеров. Ты, конечно же, не предназначен для этого. Не знаю, дорогой друг, что тебе и посоветовать, но, думаю, возвращение в Колумбию — это не выход. Ты здесь зачахнешь! Обстановка в стране — сплошное удушье. Здесь ты станешь страдать еще больше! Найди в себе силы порвать с кино, брось заниматься коммерческой рекламой. Вспомни твои прежние литературные планы. Закончи «Дом».

— Ты даешь хороший совет, Плинио. Работу над «Домом» я забросил еще в начале шестьдесят второго. В рукописи было уже более шестисот страниц. Я к ней с тех пор не прикасался. А теперь и вовсе не уверен, смогу ли вернуться к этому роману, во всяком случае сейчас. Хотя… хотя, может, ты и прав. Что-то ведь надо делать…

Между тем в то время — начало 1965 года — Гарсия Маркес был занят сочинением своего первого самостоятельного киносценария «Время умирать» («Tiempo de morir»), Однажды, возвращаясь домой, писатель увидел, что сторож, который в прошлом был профессиональным убийцей, мирно сидит и вяжет себе свитер. Родилась идея сценария «Время умирать», по которому затем был снят фильм «Чарро»[7]. После того как мексиканец Карлос Фуэнтес переписал диалоги колумбийца Гарсия Маркеса, Артуро Рипштейн, двадцатилетний сын известного продюсера, принялся за съемки.

Период с марта по июнь 1965 года стал чрезвычайно тяжелым для писателя. Гарсия Маркес горько сетовал матери, отцу и близким друзьям на свою судьбу.

«В какой мере работа Гарсия Маркеса в кинематографе повлияй на его литературную судьбу?» На этот вопрос писатель в середине 1967 года (уже будучи «на коне». — Ю. П.) ответил так: «Работа для кино требует великой покорности. В этом состоит разница между кино и литературной работой. В то время как новеллист, сидящий перед пишущей машинкой, свободен и независим, сценарист есть лишь деталь сложнейшей системы зубчатых колес и в своей работе он почти всегда движим чуждыми ему интересами…» (34, 71).

Очевидно, последней каплей, переполнившей терпение писателя, явились для него съемки фильма «Чарро» и приезд из Соединенных Штатов Америки его испанских литературных агентов, Кармен Балсельс и ее мужа Луиса Паломареса. Именно тогда он принял твердое и, как оказалось, важнейшее решение в своей жизни.

Балсельс и Паломарес с радостью прилетели в Мехико, чтобы поближе познакомиться с Гарсия Маркесом, поскольку им удалось разместить в издательстве «Харпер и Роу» все четыре книги писателя в английском переводе. Правда, по контракту Гарсия Маркес получил всего… тысячу долларов.

— Ваш контракт — сущее дерьмо! — прямо заявил Гарсия Маркес своим литературным агентам, пребывавшим в эйфории от достигнутых успехов. Те были шокированы не только содержанием, но и формой высказывания — писатель нередко огорошивал людей в первые минуты встречи.

— Паршивых тысячу долларов за четыре книги! Они написаны на превосходном испанском языке! Карахо, они стоили мне пятнадцати лет изнурительного труда…

— Но теперь они выйдут и на английском языке, причем в Соединенных Штатах! — довольно твердо возразила Кармен. — Поймите, такое случается не с каждым писателем из Латинской Америки. И потом, мы так старались! Вы просто не осознаете, какой это успех.

Габо замолчал и… три дня и три ночи возил чету по лучшим ресторанам, музеям, историческим достопримечательностям Мехико, знакомил со своими приятелями. Между Кармен, Луисом и Гарсия Маркесом сложились крепкие дружеские отношения. В последний вечер пребывания каталонцев в Мехико, в присутствии давнего друга писателя, тоже каталонца Луиса Висенса, деятеля кино, прежде проживавшего в Колумбии, состоялся такой разговор.

— Послушай, Габо, будь настоящим другом. — Лицо Кармен сделалось пунцовым. — Я чувствую, я твердо знаю, что не ошибаюсь. Я делаю на тебя серьезную ставку! Чем твое перо

уступает таланту Алехо Карпентьера, Хулио Кортасара, Марио Варгаса Льосы, твоих друзей мексиканцев Хуана Рульфо и Карлоса Фуэнтеса?

— Кого еще? — насторожился писатель, однако видно было, что сравнение пришлось ему по душе.

— Хуана Карлоса Онетти, Жоао Гимарайеса, если хочешь, даже Мигеля Анхеля Астуриаса. Ты уже известный латиноамериканский писатель. Один из лучших. Просто… как тебе сказать, ни на одно из твоих уже опубликованных произведений не пал крупный выигрыш. Ты хорохоришься там, где не надо, а где надо показать себя, Габриель Гарсия Маркес становится зажатым и неуверенным в себе. Почему так получается? Возможно, потому, что у тебя не было настоящей рекламы…

Гарсия Маркес молчал, и Луис Паломарес пришел ему на выручку:

— Это все дело наживное. Мы тебе поможем! Займемся рекламой. Вот увидишь, останешься доволен. Еще как! Главное — мы в тебя верим.

— Ну что ты молчишь, Габо? Другой бы на твоем месте послал нас подальше или заявил, что садится за написание своего звездного романа. Что ты все хнычешь, будто кино тебя выхолостило и ты не знаешь, о чем писать! А между тем именно работа в кино дала тебе необходимый ресурс. Ты ни в чем не нуждаешься. А продолжаешь быть робким, страждущим, замкнутым. Ты до сих пор ведешь себя так, будто ты везде лишний. Карамба![8] В тебе должна сработать обратная пружина. Слава Богу…

— Слава Богу, — перебил жену Паломарес, — три года назад тебе казалось — ты говорил об этом Луису, — что ты обязан оставить прозу и отдаться душой и телом седьмому искусству. Сегодня, похоже, ты прозрел. И понял, что все это чушь. Возьми себя в руки, Габо! Брось к черту кино! Садись за новый роман!

— Ты права, Кармен! И ты, Луис, дело говоришь. То же самое мне много раз повторял мой друг и собрат по кинематографу Карлос Фуэнтес. «Не забывай, Габо, — твердил он, — дерьмо, которое мы строчим с тобой для кино, годится только на то, чтобы собрать необходимые средства для сочинения романа. Не забывай — ты обязан накропать свой великий роман». И я это сделаю! Вы оба правы, Кармен Балсельс и Луис Паломарес. Как только вы покинете Мехико, я сяду за роман! Я знаю, о чем буду писать. Многое у меня уже сделано. Даю вам слово!

— Вот теперь дай я тебя поцелую! — И Кармен чмокнула писателя в небритую щеку, — Мы подпишем новый контракт?

— Завтра, седьмого июля шестьдесят пятого года, наступит поистине исторический день. Я предоставляю вам права на издание всего, что уже написано и будет сочинено за мою оставшуюся жизнь, на всех языках мира и сроком на сто пятьдесят лет!

Однако на следующий день после отлета литературных агентов писатель не смог приступить к работе, как обещал накануне. Он срочно был вызван в штат Морелия, на озеро Пацкуаро, где Артуро Рипштейн снимал фильм «Чарро».

В это же время, в первой половине июля, в Мехико на встречу с Хуаном Рульфо и Карлосом Фуэнтесом прибыл Луис Харсс. Он готовил книгу «Наши» («Los nuestros») о девяти ведущих писателях Латинской Америки: Борхесе, Астуриасе, Карпентьере, Онетти, Гимарайсе, Кортасаре, Варгасе Льосе, Рульфо и Фуэнтесе. Последний порекомендовал включить в книгу «Наши» очерк о Габриеле Гарсия Маркесе. Харсс послушался совета и отправился искать писателя к озеру Пацкуаро.

Гарсия Маркес, потрясенный тем, что молодой Рипштейн делал с его сценарием, а скорее чтобы не подвести своего мексиканского друга Фуэнтеса, впервые дал подробное интервью, где с необычайной откровенностью поведал Харссу о том, как стал писателем, каких мучений стоили ему уже опубликованные книги, и о том, что он не находит себе места, потому что не в состоянии рассказать читателю обо всем, что его переполняет. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что Харсс застал писателя, что называется, «на месте происшествия». Харсс собственными глазами видел, что творил кинематограф с литературным сценарием Гарсия Маркеса в угоду коммерческому успеху.

Вместе с тем Гарсия Маркес во время встречи с Харссом ни словом не обмолвился о своих планах начать новый роман, который должен был называться «Сто лет одиночества». Хотя, по утверждению Дассо Сальдивара, летом 1965 года, во время встречи с Луисом Харссом, Гарсия Маркес уже принял решение о том, что его новый роман должен быть «абсолютно убедительным, что сделало бы правдоподобным разнородный мир Макондо, и что его интонация должна быть такой же невозмутимой, какая была у его бабки Транкилины Игуаран Котес, когда она рассказывала внуку фантастические истории, а его тетя Франсиска Симодосея Мехия приказывала ватаге мальчуганов развести во дворе дома в Аракатаке костер, чтобы сжечь яйцо василиска» (27, 435).

— Карлос, помоги! — взывал к своему другу Габо. — Две пары глаз видят лучше, чем одна. Придумай что-нибудь! Ты умеешь. Мой «великий роман» уже созрел, но у меня нет ни

одной свободной минуты. Обязательства по кино и рекламе душат меня, мне не дают покоя все эти «милые» люди, которые обрывают телефоны и шлют ко мне гонцов день и ночь. Тогда, с Матуком, ты нашел что посоветовать.

— Помню, Габо, помню. Та работа была и престижна, и выгодна. Такого, как Антонио Матук, нет больше в нашем кино. Он тогда так ловко посадил тебя и Луиса Алькорису, личного сценариста Бунюэля, на зарплату, и вы строчили ему сценарии. Он выжимал из вас все соки. Сколько вы ему тогда написали?

— Три, а то и четыре полных сценария и массу разных заготовок. Только ни один наш сценарий не был использован. Это даже смешно — так много литературы для коммерческого кино!

— Я посоветовал вам тогда «выбросить полотенце» Матуку. Вы поступили правильно.

— А теперь придумай, как мне отделаться от этих пиявок. Они меня доконают, Карлос!

В тот же вечер Гарсия Маркес молил Альваро Мутиса:

— Брат, дорогой мой, если ты мне не поможешь, я конченый человек! И ты станешь могильщиком грандиозного романа. Он созрел, понимаешь, но мне не дают разродиться. Я погибну, если он умрет во мне! Найди, пожалуйста, кого-нибудь для этих акул из «Вальтера Томпсона». Пусть меры заменят. Коньо, им ведь все равно, кто будет делать рекламу.

— Я подумаю, Габо. Мне совсем не хочется быть могильщиком. Рад за тебя. Это разговор мужчины. Не волнуйся! Даже из задницы черта есть выход. Я поговорю с Гарсия Рьерой. Он тебя любит. Помнишь, с каким жаром он писал сценарий по твоему рассказу «У нас в городке воров нет»?

— Скажи Эмилио, что я ему друг. Я считаю, что здесь, в Мексике, он лучший кинокритик и сценарист. Он ведь испанец-республиканец? Значит, хороший человек.

— Недавно получил мексиканское гражданство. Собирает материал, хочет выпустить многотомную «Документальную историю мексиканского кино».

— Попроси его, Альваро, пусть он меня выручит. Я столько наговорил Луису Харссу. Он не побоялся поставить меня в один ряд с самыми лучшими на континенте. Надо же когда-нибудь покончить с тем, что мексиканские издатели меня не печатают.

— А «Эра»?

— Это единственное издательство, и то оно выпустило только одну книгу. Все считают, что я так себе, средненький. Мой роман так нужен сейчас! И я дал слово каталонцам из Барселоны. Кармен — это мужик в юбке! Она сделает все, что надо. Обо мне заговорят по-другому. Я должен писать!

— Помогу, Габо. Сегодня же переговорю с Гарсия Рьерой. Он согласится. Но твой сценарий…

— Я порву контракт! Возвращу аванс. Помоги мне и в этом, дорогой. У меня нет ближе друга. Завтра мой дом будет закрыт на семь замков. Нет, вы с Кармен приходите, но только после семи вечера. Я люблю Кармен Миракль… Тебе повезло с женой, как и мне с Мерседес. Я вручил сегодня жене пять тысяч долларов. Этого хватит на шесть месяцев жизни. И я закончу роман. Я отключусь! Завтра отвезу ребят в колледж и сажусь за машинку. Многое возьму из «Дома». Эта рукопись — золотые россыпи. Мой дед Николас, его дом, мое детство, Аракатака, ее люди — все это бурлит во мне! Ты будешь гордиться мной, Альваро! Я заслуженно займу место среди лучших писателей континента!

— Бог тебе в помощь, Габо! Я не оставлю тебя. Помогу во всем. Вот и Хоми с Марией Луисой говорят, что обожают Гарсия Маркеса. Начинай, карахо!!!

Дом № 19 по улице Лома, в котором в ту пору жил Габриель Гарсия Маркес с женой Мерседес и сыновьями Родриго и Гонсало, был двухэтажным, каменным, с гаражом, обширным двором и садом. Такой дом был писателю не очень-то по карману, но зато превосходно подходит для затворнической жизни. С помощью привратника, бывшего профессионального убийцы, Гарсия Маркес в просторной гостиной нижнего этажа выгородил себе из дощатых щитов рабочую комнату в одно окно, которую окрестил Пещерой Мафии. Каморка три на два метра, где помещались лишь диван, этажерка для книг и стол с пишущей машинкой «оливетти», была светлой и обогревалась электрокалорифером.

Ровно в восемь тридцать утра Гарсия Маркес отвозил сыновей в колледж «Уильямс» на белом «опеле», купленном два года назад за три тысячи долларов (премия за роман «Недобрый час»), после чего запирался в Пещере Мафии, садился за машинку и поднимался со стула в два тридцать, к обеду, когда ребята возвращались домой. После обеда небольшая прогулка с детьми, но чаще получасовая сиеста, а затем он снова садился за машинку до восьми — восьми тридцати вечера. В это время обычно приходили Альваро Мутис с женой Кармен и другая пара верных друзей-испанцев — кинорежиссер Хоми Гарсия Аскот и его жена, писательница Мария Луиса Элио.

Поначалу писателю трудно было усидеть в Пещере Мафии во время, отведенное для работы. Он шел к Мерседес, которая занималась домашними делами, и уныло жаловался.

— Не идет! Ну нет сил! Помоги мне! Не знаю, о чем писать.

Боюсь, это пустая затея. Серьезно думаю, эта книга ни к чему. Мысли пляшут, роятся в голове, но ни одна, черт возьми, не выскакивает. Помоги сесть на коня, Мерседес.

— Вон мясорубка. Пропусти мясо. Ты же только вчера говорил: «Вижу все, как в кино». Ты так горячо рассказывал об этом Альварито. Не трогай мясо, иди в Пещеру! Не тот мастер, кто дела боится, а тот, кого дело боится. До сих пор не могу забыть, как ты здорово придумал найти галеон среди сельвы. Давай и далее в том же духе. Всем известно: ты затворился, чтобы работать, а что ты им покажешь? И знай, Габо, я тебя очень люблю. Ни о чем не беспокойся. Иди! Пиши, дорогой. Кто не желает победы, уже побежден.

Жена нежно целовала Габриеля, и тот покорно отправлялся в «Пещеру», к машинке «оливетти».

А вечером того же дня он говорил другу:

— Ты понимаешь, Альваро, выходит, мои наиболее яркие и устойчивые воспоминания не о людях, а о самом доме в Аракатаке, где я провел детство с моими любимыми дедом и бабкой. Каждый день я просыпаюсь с ощущением, что я все еще в том доме. И слышу, как дед говорит мне: «Если хочешь богатства и славы, не позволяй солнцу заставать тебя в постели».

Прощаясь с Марией Луисой и Хоми, он сказал:

— В феврале пятьдесят второго я вел колонку «Жираф» в газете «Эральдо» в Барранкилье. В марте не работал. Мы с мамой уехали в Аракатаку продавать дом деда. Я тогда пришел в полное замешательство, не столько потому, что обожаемый мною с детства дом пребывал в ужасном запустении, сколько потому, что увидел, как зачахла жизнь в Аракатаке. Селение обезлюдело, многие жители покинули его навсегда. И я понял, что все написанное мною прежде далеко от действительности и что я должен писать иначе.

— Уверен, Габо, что сейчас ты пишешь иначе. Все, о чем ты рассказывал в последнее время, так не похоже на то, как ты писал раньше, — заметила Мария Луиса.

— Когда я считался начинающим писателем, мне стукнуло двадцать пять. Я полагал тогда, что любой хороший роман обязан отвечать двум непременным условиям: он должен содержать в себе попытку разгадать тайну существования, и он обязательно должен являться художественным преображением действительности. Для меня, как показали годы, та поездка явилась решающим фактором, определившим весь ход моей литературной жизни и писательской судьбы.

На следующий день, во время сиесты, Габриель мысленно беседовал со своей матерью, которую очень любил.

— Ты помнишь, мама, как я начинал? Мне не было тогда и двадцати. Сейчас — другое дело!

— Твой первый рассказ, который я читала, ты назвал странно — «Глаза синей собаки». Потом писал сразу две книги: «Дом» и «Палая листва». Ты хотел описать жизнь моих родителей, Николаса Маркеса и твоей бабушки Транкилины.

— Теперь, мама, я сочиняю роман, который называется «Сто лет одиночества», и только и думаю что о них. Помнишь, вскоре после того, как мы с тобой продали дом деда, я ездил в те места, где дед и бабушка жили прежде, в конце прошлого и начале нынешнего века?

— Ты ездил туда не один, а с твоим другом Рафаэлем Эскалоной. Не знаю, почему вы все называли его «племянником епископа». Эскалона рассказывал мне, как ты словно одержимый все искал людей, которые знали твоих предков, и записывал все, что слышал. Ты ведь был в селе Вальедупаре и в Гуахире, где жили твои дедушка и бабушка.

— То, что мне в детстве в Аракатаке рассказывали дед и бабушка, обрело тогда новый смысл. Я многое увидел по-другому. Однажды с Рафаэлем мы пили пиво на террасе единственного погребка в селении Ла-Пас, недалеко от Вальедупаре. К нам подошел крепкий мужчина в широкополой шляпе пастуха, в крагах и с кобурой на поясе. Эскалона побледнел и представил нас друг другу. Он показался мне симпатичным парнем. Протянул сильную руку, крепко пожал мою и спросил:

«Вы имеете какое-нибудь отношение к полковнику Маркесу Мехия?»

«Я его внук!» — ответил я с гордостью.

«Тогда выходит, ваш дед убил моего деда. Меня зовут Лисандро Пачеко».

«А вашего деда звали Медардо Пачеко Ромеро», — сказал я. Что мне еще оставалось делать?

«Сорок пять лет назад в селении Барранкас ваш дед, полковник Николас Рикардо Маркес Мехия…»

«То был поединок», — напомнил я.

«И все же ваш дед отправил моего на тот свет», — закончил Лисандро Пачеко и попросил разрешения сесть за наш стол.

«Лисандро, друг, не вороши старое. Прошу тебя, — обеспокоенно произнес Рафаэль. Он, конечно, не напрасно боялся. — Лисандро, выпей с нами пива, а мне дай пострелять из твоего револьвера. Хочу проверить, не разучился ли стрелять от городской жизни». — Рафаэль расстегнул кобуру на поясе Лисандро и вынул оружие.

«Стреляй сколько хочешь. Патронов у меня навалом», —

сказал с улыбкой Лисандро и попросил принести себе пива.

Когда Рафаэль разрядил барабан, Лисандро сунул руку в карман галифе и вынул пригоршню патронов.

«Дай-ка и я постреляю».

Рафаэль нерешительно протянул револьвер Лисандро. Тот стрелял лучше Рафаэля, а потом они предложили пострелять и мне, но я отказался. Я предложил выпить еще пива. Они расстреляли все до последнего патрона, а потом мы с Лисандро устроились у него в фургоне и пили теплый бренди в память о наших дедах. Закусывали холодным, плохо прожаренным мясом козленка. Однако Эскалона окончательно успокоился, только когда Лисандро Пачеко обнял меня и сказал:

«Вижу, ты отличный парень, не брезгуешь общаться с контрабандистом. Давай еще по одной!»

Мы гуляли, мама, три дня и три ночи и расстались друзьями. Прошло пять лет, и я описал в «Рассказе о рассказе» эту нашу встречу и историю поединка двух настоящих мужчин.

— Я хорошо помню этот рассказ.

— С замиранием сердца, мама, я вспоминаю сейчас те дни. Вместе с Эскалоной и моим новым другом Лисандро мы объехали деревню за деревней в районах Сесар и Гуахира. Побывали и в Барранкасе. Кажется, это было вчера. Именно тогда я практически закончил собирать материал. Теперь, тринадцать лет спустя, он ложится в основу романа, который я сейчас сочиняю. Пожелай мне успеха, мама!

Итак, Рафаэль Эскалона опасался напрасно. Встреча внука того, кто убил, с внуком убитого не обернулась кровопролитием. Во-первых, были не те времена, но главное заключалось в другом: Габриель и Лисандро на многое смотрели одинаково и оба негодовали на несправедливость, которая творилась вокруг. Знакомство с забытой богом деревней Барранкас еще больше сблизило тех, чьи деды скоро стали персонажами романа «Сто лет одиночества». Это Буэндия и Агиляр.

Лисандро Пачеко сделал все, чтобы его новый друг собрал в Барранкасе как можно больше материала, а читатели знаменитого романа смогли по достоинству оценить художественное изображение дуэли, которое явилось одной из самых ярких страниц этой книги.

Николас Рикардо Маркес Мехия родился 7 февраля 1864 года в Риоаче, городе, наполненном солнцем, пылью и запахом селитры. Его отец, прадед писателя, был выходцем из испанской провинции Астурия, откуда уехал в Колумбию в поисках лучшей жизни.

Николас Маркес, окончив начальную школу и проработав

несколько лет в кузнице своего отца, освоил профессию ювелира. У него уже было двое сыновей от внебрачных связей, когда он влюбился в свою двоюродную сестру Транкилину Игуаран Котес из довольно состоятельной семьи. Они поженились. У них уже подрастали двое сыновей, когда в стране в результате глубоких разногласий между консерваторами и либералами в 1899 году возник вооруженный конфликт, известный в истории как «Тысячедневная война». Николас Маркес, возглавлявший отряд из пятисот либералов, получил звание полковника и с гордостью носил погоны до самой смерти.

После окончания войны Николас Маркес перебрался с семьей в некогда богатое, но тогда опустевшее шахтерское село Барранкас, где 25 июля 1905 года и родилась Луиса Сантьяга Маркес Игуаран, будущая мать писателя. Дед жил ожиданием пенсии, как и другие ветераны войны, которым она была обещана правительством консерваторов во время перемирия, и неплохо зарабатывал, работая ювелиром. Если в романе «Сто лет одиночества» полковник Аурелиано Буэндия выделывает лишь золотых рыбок, то дед писателя превосходно мастерил из золота кольца, серьги, браслеты, цепочки и фигурки животных.

— Всякая война жестока. «Тысячедневная» обошлась Колумбии в сто тысяч жизней — брат шел на брата, сын на отца. Мой дед был храбрым человеком, но иной раз и ему приходилось до последнего патрона вести бой с отрядами консерваторов, в рядах которых сражались не только родственники его жены, моей бабушки, но и его собственные внебрачные сыновья.

Все это Габриель говорил своим друзьям в 1965 году, в сентябре, после непременного в это время года ежевечернего дождя, а тем временем Альваро Мутис откупоривал бутылку виски «Джонни Уолкер»,

— А у полковника Буэндия был прототип? — спросил Хоми.

— Полковника я пишу, опираясь на фигуру генерала Рафаэля Урибе-Урибе. Имя и фамилия полковника в романе идут от полковников Аурелиано Наудина и Франсиско Буэндия, которые отличились в той войне. Когда, живя в Картахене, я уже писал нескончаемый роман «Дом», отец писателя Мануэля Сапаты Оливельи дал мне почитать свои записи о полковниках Наудине и Буэндия.

— А Макондо? Есть такая деревня в Колумбии? — спросила Мария Луиса.

— Деревня есть, но я говорю об Аракатаке, моем родном селе. — Габо отпил виски, взял со стола газету «Эспектадор» от 30 марта 1952 года и стал читать: «Только что возвратился из

поездки в Аракатаку. Пыльное село, где только тишина и покойники. Это так печально; в селе остались только состарившиеся полковники, умирающие на задних дворах под банановыми деревьями, да шестидесятилетние старые девы, траченные жизнью, чьи увядшие „прелести“ щедро обливает потом немилосердное послеполуденное солнце».

— А как ты станешь описывать войну? — последовал вопрос Кармен.

— Есть множество свидетельств. Кроме того, мне рассказывал о ней дед. «Тысячедневная война», которая поставила друг против друга не только консерваторов и либералов, но и ближайших родственников, была чистейшим абсурдом. Не прошло и двух лет после войны, как оказалось, что в практической жизни страны консерваторы и либералы — одна и та же дрянь. Карахо, и об этом со всей прямотой будет говорить Аурелиано Буэндия. И это правда!

— Габо, а как ты полагаешь, в чем состояла главная причина поражения либералов? — Альваро подлил себе виски.

— Одной из причин, и, пожалуй, самой главной, является тот факт, что в армии консерваторов, которую возглавлял генерал Бенхамин Эррера, была строжайшая дисциплина. В отрядах же генерала Урибе-Урибе царила анархия. Отсутствие военной дисциплины, строгой субординации и то обстоятельство, что сам генерал Урибе часто разъезжал по стране, а то и уезжал за границу, отрицательно сказывалось на боеспособности его отрядов. А Эррера не покидал свое войско, и солдаты постоянно чувствовали его присутствие.

— Либерал — liberalis — это всего-навсего желающий свободы, вольнодумец, и только, — заметил Хоми. — Габо, а из-за чего произошла дуэль твоего деда с его другом?

— Медардо Пачеко Ромеро, незаконнорожденный сын Медарды Ромеро и Николаса Пачеко, был майором, сражался под началом деда, и они были друзьями. Когда Медардо прибыл в Барранкас, мой дед помог ему устроиться. Но тут пошли разговоры, что Медарда, мать майора, спит с женатым мужчиной. Однажды, прогуливаясь с приятелями по сельской площади, мой дед услышал эти сплетни и воскликнул: «Неужели это правда?» Злые языки донесли до Медардо, что полковник Маркес во всеуслышание утверждает, будто мать Медардо прелюбодейка. Та, конечно, оскорбилась. И стала настаивать, чтобы сын потребовал удовлетворения. Мой дед был уважаемым человеком в Барранкасе и другом Медардо. Сын отказал матери. Тогда она заявила: «Надень мою юбку, а я натяну твои штаны!» Это было худшим оскорблением для мужчины, и Медардо обругал деда

последними словами, а закончил так: «У тебя и во время войны был длинный язык. Кроме того, ты черное пятно в нашей либеральной партии». Дед ответил ему, стараясь быть сдержанным: «Ты закончил, Медардо? Так знай, я не курица, чтобы кудахтать где и что попало. Настоящий мужчина не станет трепать языком, как ты, и понапрасну оскорблять других». И ушел домой.

В этот момент в открытое настежь окно гостиной влетела прелестная бабочка сочикетцаль. Все невольно залюбовались огромным, причудливо разноцветным насекомым; бабочка облетела гостиную и выпорхнула в ночь.

— Ну а что было потом? — нетерпеливо спросила Мария Луиса.

— Медардо не переставал поносить деда где только мог. Дед же продолжал жить как жил. В течение полугода он выполнил все заказы на ювелирные изделия, отдал долги, продал дом с садом, передал ювелирную мастерскую своему помощнику и сообщил Медардо, чтобы тот впредь не выходил из дома без оружия, потому как «пробил час пулями решить дело чести». Девятнадцатого октября девятьсот восьмого года, в день Святой Девы Пилар, покровительницы Барранкаса, шел проливной дождь. Медардо, с зонтом в руке, пошел за село накосить мулам травы. В тихом переулке его терпеливо поджидал мой дед. Когда Медардо оказался шагах в двадцати, дед окликнул его: «Медардо, я привел в порядок все свои дела. Ты вооружен?» Медардо Пачеко бросил охапку травы, зонт, выхватил из кобуры револьвер, ответил: «Да, я вооружен!» — и стал целиться. Это были последние слова, которые он произнес в своей жизни. Две пули меткого стрелка насмерть поразили Медардо.

— Так просто. Как в кино, — заметила Кармен.

— Не так все было просто, — сказал Габриель. Все видели, что он словно отключился, что мысленно он не здесь, а на месте действия. — На выстрелы из своего дома выскочила какая-то женщина. Она вскрикнула: «Ай! Ты его убил!» На что полковник ответил: «Да! Победила пуля чести!» — и пошел сдаваться в полицию. Но прежде дед зашел домой и рассказал жене о том, что случилось. В полиции он заявил: «Я убил Медардо Пачеко Ромеро, и если он воскреснет, то я снова его убью!»

Как мы знаем, много лет спустя Хосе Аурелиано Буэндия, держа в руках смертоносную пику, скажет нечто подобное в романе «Сто лет одиночества» Пруденсио Агиляру. И потом будет тяжко страдать, ибо его везде будет преследовать призрак Пруденсио. То же самое дед писателя переживал в связи с

убийством Медардо Пачеко до конца своих дней.

Когда будущему писателю исполнилось семь лет, он был. поражен до глубины души рассказом деда, который признался любимому внуку: «Ты, Габито, не знаешь, чего стоит убить человека!»

В день, когда полковник Маркес убил своего бывшего друга, жители Барранкаса приняли это как должное, считая, между прочим, что полковник Маркес в течение шести месяцев, видимо, ждал и надеялся, — вдруг произойдет нечто такое, что снимет с него обязательство отомстить. Смерть Медардо Пачеко была для многих настолько естественной, что дядя погибшего — единственный полицейский селения — дежурил у двери в камеру, чтобы другие родственники, подстрекаемые матерью убитого, не отомстили бы за Медардо. А его дед, генерал Франсиско Хавьер Ромеро, укрывал у себя в доме бабушку писателя Транкилину Игуаран и ее троих детей, в том числе и Луису Сантьягу, будущую мать Габриеля, которой тогда исполнилось три года.

Полковник Маркес пробыл всего несколько дней в тюрьме Барранкаса. Мэр селения был вынужден отправить его в тюрьму города Риоача, но и там оказалось, что жизнь полковника в опасности, поскольку родственники Медардо горели желанием отомстить. Тогда деда писателя выслали в отдаленный городок Санта-Марта, куда вскоре прибыли морским путем его жена с детьми и другие родственники. В романе «Сто лет одиночества» этот переезд изображен иначе. Хосе Аркадио Буэндия и его близкие совершают путешествие через горы и сельву.

Дед и бабушка писателя со всем своим многочисленным семейством перебрались на постоянное жительство в село Аракатаку в августе 1910 года, когда Аракатака и соседние селения Сьенага и Пуэбло-Вьехо были охвачены «банановой лихорадкой». Американская компания «Юнайтед Фрут Компани» осваивала новые земли под плантации бананов. После Первой мировой войны и до середины 1920-х в те места устремлялись, с намерением заработать денег, не только колумбийцы из других районов страны, но и боливийцы, венесуэльцы, испанцы, итальянцы, французы, греки и даже арабы. Аракатака, где прежде было около двухсот пятидесяти дворов и чуть более тысячи двухсот жителей, утроила и число дворов, и численность обитателей. Селение разделилось на три части: грязный, пыльный, дышащий зноем район, заполненный пришлыми людьми — «палой листвой», «мусором»; добротные дома местной аристократии, окруженные садами; и новая, цивилизованная зона, построенная гринго для администраторов и служащих «Юнайтед Фрут Компани» по ту сторону железной дороги. Просторные коттеджи и элегантные

виллы, утопавшие в тенистых садах с цветниками и голубыми бассейнами, постоянно охранялись вооруженными американскими неграми. В романе «Сто лет одиночества» писатель назвал этот район «электрифицированным курятником».

7 сентября 1965 года Карлос Фуэнтес в здании Дворца изящных искусств делал сообщение в связи с окончанием работы над своим романом «El sueño» («Мечта»), который вышел в свет в 1967 году под названием «Cambio de piel» («Меняя кожу»). Там же был и Габриель, который не мог не принять приглашения верного друга. Заканчивая свое выступление, мексиканский писатель отдал должное своим наиболее близким друзьям, отметив, что среди других он с особым уважением относится к Габриелю Гарсия Маркесу. «С ним меня связывают не только воскресные встречи, — сказал он, — но и мое восхищение глубокими познаниями этого певца старой Аракатаки».

После выступления Альваро Мутис пригласил к себе Карлоса Фуэнтеса с Ритой Маседо, Гарсия Маркеса с Мерседес, писателей Елену Гарро, Фернандо Бенитеса, Фернандо дель Пасо, Марию Луису Элио и ее мужа Хоми Гарсия Аскота.

Поначалу разговор шел о романе «Мечта» и о выступлении Карлоса Фуэнтеса, но очень скоро Габо увлек всех историями, которые он придумывал в своем новом романе. Внимательнее других его слушала Мария Луиса Элио. В конце вечера они уединились, и Габо поведал ей в деталях весь план романа.

— Ну, что? Как тебе кажется? — спросил Гарсия Маркес, не скрывая волнения. — Многое из этого у меня было написано раньше.

— Столько всего невероятного, — с сомнением произнесла Мария Луиса. — Как это так, Габо, католический священник пьет кипящий шоколад и обладает способностью преодолевать силу притяжения? Летает. Галеон в дебрях сельвы, вдали от моря. Чашка черного кофе без сахара, со смертельной дозой яда, прошла через руки стольких людей и непременно должна была быть выпита полковником. И он не умер. Цыган Мелькиадес со своими штучками. И его вставная челюсть в конце девятнадцатого века… Это невероятная аберрация…

— Гипербола, ты хочешь сказать. Это необычно, неправдоподобно? Так это и должно понравиться читателю. Он только этого и ждет! Описание того, что человек сам видит и ощущает в жизни, никого не интересует. Хотя в романе отец Никанор Рейна, например, в точности списан с реальной личности, с отца Педро Эспехо из Аракатаки. Этот священник был частым гостем в доме моего деда, полковника Маркеса. А когда

Эспехо был переведен в другое селение, он нередко приезжал погостить в Аракатаку и всегда останавливался у нас. Потому дом деда и получил название «Ватикан». Другой факт. В Аракатаке жил анархо-коммунист Эдуардо Маэча. Он был одним из профсоюзных руководителей. О нем ходили легенды. Он был скорее бунтарем от природы, чем политическим деятелем. У него был врожденный дар оратора, он свободно писал и хорошо знал историю рабочего движения Колумбии. Однако в большей степени он привлекал к себе людей, которых затем использовал в профсоюзной работе, знанием гомеопатии. Гомеопатическими шариками он подпольно лечил почечную болезнь, туберкулез, умел выгонять застрявшие в протоках камни, лечил болезни печени. В моем романе Алирио Ногера будет использовать знание гомеопатии в политических целях. А Буэндия станет действовать, как Эдуардо Маэча. Но в целом тебе нравится? — Глаза у Габо горели.

— Если ты все это напишешь, это будет безумием, сумасбродством, но безумием восхитительным! Это будет великолепно!

— Тогда вот это самое безумие и сумасбродство я дарю тебе, Мария Луиса Элио! — воскликнул писатель. — Я посвящу его тебе. Вот увидишь!

И уже в ноябре 1965 года Габриель Гарсия Маркес подробно рассказал. Луису Харссу, для публикации в его книге «Наши», о том, как складывалась и шла работа над романом «Сто лет одиночества». Гарсия Маркес говорил: «Схожу с ума от счастья. После пяти лет полного бесплодия эта книга бьет из меня фонтаном, и я не испытываю никаких затруднений с языком… Скорее всего, нет, наверняка я закончу работу в марте или апреле шестьдесят шестого».

Однако человек предполагает, а Бог располагает. Работа над романом «Сто лет одиночества» затянулась еще на целый год. И в доме начались материальные трудности. Мерседес, не говоря ни слова мужу, делала что было в ее силах. Уже полгода они не платили за аренду дома, и полгода хозяин мясной лавки отпускал им продукты в долг, терпеливо ожидая денег.

Ситуация вынудила Мерседес переговорить с мужем. Тот молча сел в свой белый «опель», поехал в центр города, где находился Монте де Пьедад — центральный ломбард, — и вернулся домой пешком, но с суммой, которая позволила покрыть долги и просуществовать еще три месяца.

А потом Мерседес молча принялась закладывать свои драгоценности, телевизор, радиоприемник, оба детских велосипеда.

Из всех электроприборов в доме остались только фен для волос, миксер, с помощью которого готовилась еда для детей, и электронагреватель, спасавший Габо от холода по утрам и поздними вечерами. И тогда друзья — Кармен и Альваро, Мария Луиса и Хоми, иногда Карлос Фуэнтес и Рита Маседо — стали приходить в дом с объемистыми пакетами в руках. Все делали вид, что ничего не происходит. А вечерами беседы непременно начинались с разговора о том, как продвигается работа над книгой и что еще нового придумал Габо.

Все терпеливо ждали рождения этого романа, как ждут появления на свет желанного ребенка.

— Необыкновенно колоритным, судя по твоим рассказам, Габо, получается образ Урсулы Игуаран. — Фуэнтес говорил, потирая рукой подбородок. — Эдакая типичная латиноамериканская матрона. Ты, дорогой, обязательно, как будут полностью готовы первые главы романа, пришли мне их в Париж.

Карлос Фуэнтес пришел попрощаться с другом, поскольку получил дипломатическое назначение в посольство Мексики во Франции.

— И не сомневайся! Но если б ты знал этих двух женщин, с которых я списываю Урсулу! Наверняка, Карлос, ты бы упрекнул меня в неспособности писать. Моя бабка, Транкилина Игуаран Котес, и тетка-мама, Франсиска Симодосеа Мехия, родственница деда, которую все за глаза звали Цербером, были настолько яркими и экспрессивными личностями, что я и сейчас часто вижу их во сне. И когда появляется тетка-мама Франсиска, я просыпаюсь в холодном поту.

— Чем же это она тебя так доставала? — спросила Рита.

— Одно слово — Цербер, хотя… фактически она Управляла домом в большей степени, чем бабушка и даже дед-полковник. Она знала в доме все и вся и все время отдавала приказания. Была крикливой, властной и в кульминационные моменты разражалась цветастыми диатрибами, не стесняясь в выражениях! И при этом была ревностной католичкой. Недаром ей доверяли хранение ключей от церкви и кладбища. Вообще-то сердце у нее было доброе. Кроме того, в отличие от бабушки, Франсиска была образованна и, что самое главное, крепко стояла ногами на земле. «Никогда не лезь туда, куда не поместишься», — поучала она. «Кто ничего не знает, тот ничего не видит!» И так далее. Бабушка же витала в облаках… Франсиска каждое воскресенье водила меня в церковь.

— А что ты имел в виду, когда сказал «хотя»? — решила

уточнить Кармен.

— Что тете Франсиске я обязан многим. По сути дела, это она меня воспитывала до восьми лет. Она привила мне вкус к фольклору, симпатию к простым людям. Однако и у нее был свой «привет». Однажды к нам в дом пришла девушка из селения, за советом к «ученой» тете Франсиске. Она принесла куриное яйцо со странной выпуклостью на скорлупе. Во всей Аракатаке никто не мог объяснить этой девушке, к счастью это или к беде. Тетя Франсиска — мне тогда было пять лет, и я хорошо это помню — прищурила глаз, обнюхала яйцо, послушала, что происходит внутри, и заключила, что это яйцо василиска. Она тут же приказала нам, мальчишкам, немедленно разложить во дворе костер. И когда он разгорелся, велела девице бросить туда яйцо, чтобы уничтожить плод чудовища с головой петуха в короне, туловищем жабы и хвостом змеи. «Василиск убивает одним своим взглядом, — тогда сказала тетка-мама, — но теперь иди себе спокойно домой. Мы уничтожили его плоть!»

— А откуда в романе появилась девочка, которая ест землю? — в свою — очередь спросила Мария Луиса.

— Ребека Буэндия. Я видел это своими глазами в доме деда. Это моя сестра Марго. Она до восьми лет немного отставала в развитии и тайком ела землю и выковыривала из стен известку. Марго была хорошенькой, никого никогда не обижала. Я относился к ней очень нежно. У меня и сейчас к ней теплые чувства. Нас с ней крестили в один день. Это было в июле тридцатого года.

В тот вечер гости дома № 19 по улице Лома, в районе Сан-Анхель-Инн, засиделись до трех часов ночи, и разговор шел только о романе «Сто лет одиночества». Уже перед самым уходом Хоми спросил Габриеля:

— А дом Буэндия в Макондо, это и есть дом твоего деда в Аракатаке?

— Дом деда, каким он был в действительности, я в точности описал в «Палой листве». Сейчас вся его обстановка, вещи, легенды о нем, цвета, звуки и запахи, сад с деревьями и цветниками, бассейн и природа вокруг, его жители, их поведение, склонности и вкусы, — все вновь ложится на страницы «Ста лет…», ну разве что с небольшими отклонениями.

Уже на улице, перед тем как сесть в машину, Хоми спросил Фуэнтеса:

— Что ты думаешь, Карлос?

— Пока трудно сказать, но я верю в талант Габо.

— У меня такое ощущение, что из этого ничего не получится или… выйдет нечто совершенно необычное, прежде никем не

написанное.

— Дело в том, что Габо никудышный рассказчик, — заметила Мария Луиса. — Когда он рассказывает свои истории, то сокращает их, и они получаются несколько гротесковыми. Что-то вроде карикатуры на то, что он пишет. Но я тоже верю в Габо.

Много позднее, в Университете Боготы, три студента-дипломника посвятили свои выпускные работы описанию дома деда писателя. Все трое, каждый в отдельности, ездили в Аракатаку, искали документы, живых свидетелей, чтобы собрать материал для своих дипломов. На самом деле для этого им вполне достаточно было внимательно прочесть романы «Палая листва» и «Сто лет одиночества».

Уже после опубликования романа «Сто лет одиночества», который принес писателю мировую славу, Гарсия Маркес утверждал, что главным импульсом написания книги явилась его жизнь в доме деда и бабки и сто раз читанный им памятник средневековой арабской литературы «Тысяча и одна ночь». Писатель категорически заявлял: «С тех пор как умер мой дед, со мной не случалось ничего значительного. Все, о чем я писал до и после этого, я узнал в доме деда на протяжении первых восьми лет моей жизни».

Очевидно, этим утверждением Гарсия Маркес хотел подчеркнуть, насколько важным в процессе формирования личности было влияние деда писателя. Иначе зачем тогда он ездил в Аракатаку в 1952 году, а затем снова поехал туда через год, и не только в Аракатаку, но и во все районы «бананового бума», где в 1928 году проходили забастовки рабочих банановых плантаций, которые закончились кровавой расправой, а также в районы действий отрядов полковника Маркеса во время «Тысячедневной войны» и в селение, где когда-то жил его дед?

— Послушай, Висенте, все знают, что ты энциклопедист. Достань мне книги о болезнях бери-бери и пеллагра. — Габо смотрел на Висенте Рохо с мольбой.

— Пеллагра — это заболевание, вызванное недостатком в организме витаминов В и главным образом РР — никотиновой кислоты, — начал было Висенте, но Габо его перебил:

— Нет, коньо, мне нужно научное исследование. Пожалуйста, прошу тебя, достань. А ты, Эмилио, друг мой, может, найдешь какую-нибудь книгу по средневековому оружию. Нужно позарез.

— А я, Габо, чем могу быть полезна? — спросила Альба.

— Узнай, как в Средние века уничтожали тараканов — все известные способы. Альваро, спасибо ему, раздобыл мне учебник

по алхимии.

Разговор, приподнимающий завесу над творческой «кухней» писателя, состоялся у Марии Луисы и Хоми. В конце 1966 года Габриель и Мерседес с детьми каждое воскресенье проводили в доме Гарсия Аскот-Элио, куда очень часто, после колледжа, приезжали Родриго и Гонсало — пообедать и поиграть с Диего, сыном Марии Луисы и Хоми.

На этот раз в гостеприимном доме собрались Висенте Рохо, известный художник и издатель, со своей женой Альбой, Альваро Мутис с Кармен, Эмилио Гарсия Рьера, сценарист Луис Алькориса и кинодеятель Хосе де ла Колина.

Они, как и многие другие друзья хозяев дома, уже не раз слышали, что Гарсия Маркес сочиняет «Моби Дика» Латинской Америки.

— Габо, а в твоем новом романе ты рассказываешь о знаменитой забастовке рабочих «Юнайтед Фрут»? — спросил Эмилио. — Она ведь охватывала и Аракатаку.

— Еще как! Кровавая расправа с забастовщиками на железнодорожной станции Сьенага была ужасной. Правда, тогда мне еще не исполнилось и двух лет, но у меня собрано множество достоверного материала. — Габо говорил с вдохновением. — Все, что там произошло, я описываю с предельной исторической точностью. Привожу и документы. Знаменитый «Декрет номер четыре» беспощадного генерала Карлоса Кортеса Варгаса. Этот верный служака консерваторов нагло заявлял в том самом «документе», что в результате расстрела рабочих, собравшихся на станции Сьенага, чтобы отправиться в город Санта-Марту с требованием к правительству, было убито всего девять человек. На самом же деле, карахо, тогда погибло около трех тысяч человек…

— До сих пор было известно — так утверждали уцелевшие участники забастовки, — что было убито, по одним сведениям, «около двухсот человек», по другим — «более тысячи» и по третьим — «около полутора тысяч», — взял слово колумбиец Альваро Мутис. — Уверен, что теперь, как только будет напечатан роман Габо, историки и те признают цифру в три тысячи убитых.

— Та всеобщая забастовка не только обратила внимание общественности Колумбии на беззакония, творившиеся в «Юнайтед Фрут Компани». Забастовка послужила причиной того, что впоследствии администрация компании прекратила варварскую эксплуатацию плодоносных земель Колумбии.

— А тут как раз подоспел мировой кризис двадцать девятого года, — добавил Альваро.

— Да! В результате резко снизились размеры экспортных

поставок. А «библейский потоп», невиданное наводнение, разразившееся в октябре тридцать второго года, довершило дело. «Юнайтед» была вынуждена оставить богатейшие земли Колумбии. И вышло, что банановый североамериканский спрут оказался не только соучастником преступления консервативного правительства сеньора Мигеля Абадия Мендеса. «Мамаша Юнай», под давлением которой и было совершено это оплаченное ею преступление, понесла заслуженное наказание.

Писатель в романе «Сто лет одиночества» смещает во времени одно историческое событие. «Библейский потоп» обрушивается на Макондо несколько часов спустя после «свинцового побоища» как наказание Божие и длится в романе «четыре года, одиннадцать месяцев и два дня». Наказание Божие одновременно карает как «Юнайтед Фрут Компани», так и население Макондо.

Габо было пять лет и восемь месяцев, когда на Аракатаку обрушился «библейский потоп», длившийся несколько дней подряд. Когда он стал журналистом, он описал то, что видел и чувствовал в те дни, в рассказе «Исабель смотрит на дождь в Макондо», который впервые, под названием «Зима», был опубликован в газете «Эральдо» города Барранкилья 24 декабря 1952 года, а потом вошел в роман под названием «Палая листва».

Исабель из рассказа, как и герои «Ста лет…», оказалась свидетелем того, как Макондо погрузилось «в океан грязи и тины», не только покрывшей улицы и дворы, но и уничтожившей на корню банановые плантации «Юнайтед Фрут».

— Небывалые грозы, одна за другой, и низвергающиеся с неба нескончаемые потоки воды разрушили Сьенагу и особенно Аракатаку, из-за ее канала. Он был проложен гринго, чтобы соединить реки Аракатака, Сан-Хоакин и Ахи. — Теперь Гарсия Маркес говорил как настоящий драматический актер. — Население Аракатаки действительно приняло это как кару, как возмездие Божие. За жестокость и высокомерие гринго, за беспорядки, вызванные забастовкой, за беспутную жизнь, которую вели жители селения, за драки и постоянные убийства в кабаках, бильярдных и игорных домах. Наконец, за блуд в домах терпимости и прочие излишества и безобразия, которые позволяла себе «палая листва» в Аракатаке. Вот!

— Габо, у меня из головы не идет, как это так — три тысячи убитых и чтоб никто об этом толком не знал, — заметил Эмилио.

— Их в ту же ночь вывезли в двухстах товарных вагонах и выбросили в море. — Габо произнес эту фразу, как прокурор в

суде.

— И этого никто не видел? Ведь это двести вагонов…

— Да! Их тащили три паровоза. Спереди, сзади и один посередине. Об этом я как раз и пишу в Романе!

— Ты себе представляешь, какой это должен быть состав! Таких не бывает, они просто не смогли бы передвигаться по железной дороге, — не унимался Эмилио.

— Коньо, прочтешь у меня — согласишься. — Габо чувствовал себя победителем.

А на следующий день, в понедельник, после трудового дня, Габо вспомнил Рамона Виньеса, «ученого каталонца», или «старика, прочитавшего все книги», как он назвал его в своем романе. Престарелый поэт и драматург Рамой Виньес вместе со своим сверстником, колумбийским писателем Феликсом Фуэнмайором, в пятидесятые годы были в Барранкилье духовными отцами пятерых закадычных друзей: Альваро Сепеды Самудио, Алехандро Обрегона, Альфонсо Фуэнмайора, Германа Варгаса и Гарсия Маркеса. В сборнике рассказов «Похороны Великой Мамы» Маркес упоминает об этой группе молодых литераторов как о mamodores de gallo — так их и называли в Барранкилье, — бравых шутниках, выдумщиках и пустомелях.

И тогда между мэтром, уже пребывавшим в ином мире, и лучшим его учеником состоялся мысленный разговор.

— Мне было очень приятно узнать, Габо, что ты с головой погружен в создание нового романа. Почему-то я уверен, что это будет лучшим из того, что тобою уже написано. Я отсюда слежу за тобой и горжусь, что сумел многое в тебя вложить. Не сомневаюсь, что Фолкнер, Вирджиния Вулф и Джойс, с которыми я тебя познакомил, во многом тебе помогут. Ты уже созрел для того, чтобы сочинить свой шедевр. Согласись, дорогой мой, семена знаний, посеянные еще в Барранкилье, должны были дать достойные всходы. — Голос каталонца дрожал, но звучал, как всегда, убедительно.

— Я часто вспоминаю вас. Вы были и остаетесь «лучшим часом в нашем суточном существовании». Не встреть я вас на своем пути, кто знает, что бы из меня получилось.

— Так вот, послушай меня, милый Габо. Я недавно перечитал твое предисловие к «Палой листве». Хочу тебе напомнить то место, где ты говоришь о простолюдинах Аракатаки, как своих, так и пришлых. Послушай и вспомни: «Вдруг точно вихрь взвился посреди селения — налетела банановая компания, неся палую листву. Листва была взбаламученная, буйная — человеческий и вещественный сор чужих мест, облетки гражданской войны, которая, отдаляясь, казалась все более неправдоподобной. Листва

сыпалась неумолимо. Она все заражала буйным смрадом толпы, смрадом кожных выделений и потаенной смерти». И еще, вспомни, Габо, что роман «Недобрый час» поначалу ты хотел назвать «Este pueblo de mierda» («Это дерьмовое село»). Но ведь слово «пуэбло» означает не только «село», но также и «народ». Будь терпимым, Габо!

— Ну зачем вы так? Ведь я написал все, как было! «Банановая лихорадка», принесенная гринго в северо-восточную часть Колумбии, действительно собрала «палую листву» со всей округи. В Аракатаке царило пьянство и распутство, процветали черная магия «вуду», колдовство. Религиозные власти прислали в Аракатаку священника Педро Эспехо, чтобы спасти народ. А в романе «Сто лет одиночества» я с предельной точностью описываю и жизнь аристократии Аракатаки, с ее разгулом и излишествами.

— Ты знаешь, что делаешь, Габо. Я просто счел своим долгом напомнить тебе…

Обращает на себя внимание тот факт, что в романе «Сто лет одиночества» довольно скупо, фактически без писательской оценки, которая все-таки должна была бы прозвучать, описывается жизнь «электрифицированного курятника» Макондо.

Дед Габриеля, полковник Маркес, водил туда внука, когда тот был еще дошкольником. Благоустроенные дома под цинковой крышей, ухоженные сады и лужайки, голубые бассейны, теннисные корты, асфальтированные дороги, царившая везде чистота и нарядные дети, игравшие в тени огромных зонтов от солнца, не могли не вызывать у мальчика зависти. С годами, по мере знакомства Гарсия Маркеса с марксистской литературой и приобщения к кубинской революции Фиделя Кастро, эта зависть переросла в неприязнь к богатым американцам. Надо сказать, американцы и сами давали к этому повод высокомерным отношением к тем, кто изнурительным трудом умножал их богатства.

Разница между пыльным, зачумленным селением и благоустроенной частью Аракатаки была так огромна, что не могла не оставить в душе и сознании будущего писателя глубокого следа.

Незабываемое впечатление на маленького Габито Гарсия Маркеса произвело появление на пыльных, заваленных мусором улицах Аракатаки открытого лимузина, за рулем которого сидела ослепительной красоты женщина из «курятника» в сопровождении огромного сторожевого пса.

В романе это видение обрело плоть в образе Патрисии Браун.

Правда, после потопа 1932 года, который покончил и с «банановой лихорадкой», и с «курятником», от красавицы остается в романе лишь перчатка, забытая в лимузине, который скрыли густые заросли буйных тропических бегоний.

Не меньшее впечатление оставило личное знакомство в раннем детстве и затем в годы поисков писательского материала более подробное ознакомление с историей богатого итальянца Антонио Даконте Фама. Он, как и многие другие европейские дельцы, появился в Аракатаке, привлеченный возможностью нажиться на «банановой лихорадке». Прибыв в Аракатаку, Даконте Фама способствовал ее временному процветанию. Он привез с собою немое кино, наладил аренду диковинных в ту пору велосипедов и продажу граммофонов и радиоприемников, впервые появившихся в Аракатаке. Предприниматель оказался любвеобильным, жил сразу с двумя женщинами, которые приходились друг другу сестрами. Женщины, превосходно ладили между собой и рожали ему — одна только мальчиков, другая только девочек.

Все говорили, что дом, где жил итальянец с сестрами, полон привидений и домовых. Поэтому в детстве любимым занятием Габито и его друзей Франко Видали и Луиса Корреа Гарсия было подглядывать за привидениями и домовыми в доме синьора Даконте Фама.

В романе «Сто лет одиночества» этот итальянский предприниматель был выведен под именем Пьетро Креспи.

— Мария Луиса, у тебя есть пять минут? Я хочу прочесть тебе одну сцену. Только что написал. — Габриель был явно возбужден.

— Читай, Габо, только в трубку. Я тебя плохо слышу.

— Это о том, что вытворял в Макондо мистер Браун. «Прежние полицейские были заменены наемными убийцами, вооруженными мачете. Уединившись в своей мастерской, полковник Аурелиано Буэндия размышлял над этим новшеством, и в первый раз за молчаливые годы одиночества его охватила мучительная мысль, что было ошибкой не продолжать гражданскую войну до ее победного конца. Несколько дней тому назад брат забытого всеми полковника Магнифика Висбаля повел своего семилетнего внука выпить прохладительное в киоске на площади. Мальчик случайно толкнул полицейского сержанта и облил его форму напитком. Этот варвар своим мачете превратил мальчика в рубленое мясо. Когда же дед попытался остановить полицейского, тот одним ударом отрубил деду голову. Все село видело, как несколько мужчин несли обезглавленное тело, а женщина тащила за волосы отсеченную голову.

Останки мальчика несли в окровавленном мешке». Ну, как тебе кажется, Марилу?

— У меня даже горло перехватило. Это очень жестокая сцена.

— Но правдивая, карахо! Так было! Спасибо, Марилу. Сцена получилась! Мы ждем вас сегодня вечером. Приходите. — И Гарсия Маркес положил трубку.

В те самые дни начала лета 1966 года писатель был в подавленном состоянии, хорошо знакомом ему по 1956 году, когда он работал в Париже, в такой же каморке, над повестью «Полковнику никто не пишет». В доме не было денег, а главное — мучила мысль, что вот-вот предстоит расстаться с главным героем истории о Макондо. Пора было выводить полковника Аурелиано Буэндия из игры. Ему предстояло умереть, и писатель чувствовал боль, будто расставался со старым другом. Он возвращался к первым главам, исправлял написанное и никак не мог заставить себя покончить с Буэндия, старым полковником, который отливал золотых рыбок, чтобы тут же их расплавить, а потом снова сделать, который участвовал в тридцати двух войнах, произвел на свет семнадцать детей от разных женщин, познал, что такое ждать собственного расстрела, не умер от сильнодействующего яда, устоял перед соблазном покончить с собой… и оказался, по сути дела, в полном одиночестве.

К слову сказать, у деда писателя, полковника Маркеса, помимо сына и двух дочерей было еще девять внебрачных детей.

Наконец настал день, когда Гарсия Маркес, собравшись с силами, покончил с полковником Буэндия. В романе «Сто лет одиночества» он умирает так же, как умер когда-то один из друзей деда Габриеля, дед сам рассказывал об этом Габо: под старым каштаном, в луже собственной мочи.

Поставив точку, Габриель Гарсия Маркес покинул Пещеру Мафии, поднялся на второй этаж, в спальню, где Мерседес дремала после обеда, сообщил ей о печальном событии, лег на кровать и заплакал. В тот вечер они должны были забрать детей из дома Хоми и Марии Луисы. Увидев Габриеля, друзья пришли в замешательство — так он был бледен и не похож на себя. Писатель объяснил друзьям: «Я только что убил полковника Аурелиано Буэндия».

Телефон разрывался минуты три, прежде чем Габриель вышел из Пещеры Мафии. Это было 15 июня 1966 года, в Мехико было два часа дня, а в Париже уже девять вечера. Мерседес ушла за детьми.

— Кого надо? — недовольно произнес Габриель.

— Привет, дорогой! Думал уже вешать трубку. Как хорошо, что ты подошел. — Голос Карлоса Фуэнтеса был едва слышен. — Нью-Йорк долгое время не давал Мехико. А ты мне нужен позарез.

— Извини, ради Бога, Карлос. Ты знаешь, как мне трудно отрываться от работы. Извини, я очень рад твоему звонку.

— Ну, мерзавец, ну, молодец! Дьявол ты эдакий, Габо! Сегодня закончил читать присланные тобою главы «Ста лет…». Это грандиозно, старик! Завтра отправляю их Фернандо Бенитесу в «Сьемпре». Он напечатает. Так и озаглавил — «Сто лет одиночества».

— Ты действительно доволен, Карлос? — От радости Габриелю было трудно говорить.

— Не валяй дурака! Ты прекрасно знаешь, что это здорово. Всех переплюнешь! Я начинаю так. Слушай. «Только что прочел восемьдесят мастерски написанных страниц. Это начало романа „Сто лет одиночества“, над которым работает Габриель Гарсия Маркес. Уже в повести „Полковнику никто не пишет“ Гарсия Маркес, обосновавшись в королевствах Ромуло Гальегоса и Хосе Эустасио Риверы, сумел превратить географию в историю и анонимное в личностное… Гарсия Маркес сейчас еще сильнее трансформирует плохое и низменное в красивое и достойное, поскольку понимает: наша история не только фатальна и написана черными красками, как мы, видимо, сами того хотели. Все дурное в ней он превращает в юмор». После публикации моей статьи тебе оборвут телефоны!

— Ты знаешь, Карлос, я думаю, у меня будут неприятности с Висенте Рохо, Неус Эспресате и Эммануэлем Карбальо. Я уже думал об этом.

— Это почему?

— Они настраиваются на издание «Ста лет…», а я хотел бы отдать этот роман более солидному издательству. С громким именем. Например «Сейс-Барраль» в Мадриде.

— Я их понимаю! Однако ты не прав! Все-таки лучше бы издать этот роман в Латинской Америке. У нас дома. Не гони волну. Пока ты пишешь, мы что-нибудь придумаем. Послушай последнюю фразу моей статьи. «Роман содержит множество мистификаций, благодаря которым мертвое прошлое превращается в живое настоящее. И мистификаций, при помощи которых живое настоящее возвращает себе прошлую жизнь». Как тебе?

— Это здорово, Карлос! Подумай, что еще можно сделать.

— Пожалуй, я покажу то, что прочел, Хулио Кортасару. Ему непременно понравится. Мы с ним сделаем волну!

— Спасибо! Ты настоящий друг. Извини, что не говорю ни о чем другом. Когда пишу, ни о чем другом говорить не в силах. Надеюсь, ты меня понимаешь?

— Пока, Габо! Еще раз поздравляю. Через неделю звони Бенитесу.

Этот телефонный разговор с именитым другом вдохновил Гарсия Маркеса. Он не сказал Фуэнтесу, что еще в марте того года летал на несколько дней в Боготу на премьеру своего фильма «Время умирать» и показывал первые главы романа своим друзьям, тем самым matadores de gallo из Барранкильи, а также в столичной газете «Эспектадор». Здесь Гарсия Маркеса встретили особенно тепло и, в знак особого расположения к своему давнему репортеру, 1 мая 1966 года начали печатать первые главы «Ста лет одиночества».

Фуэнтес оказался прав. Известный аргентинский писатель Хулио Кортасар пришел в восторг от первых страниц нового произведения Гарсия Маркеса и тут же послал вторую главу в Монтевидео уругвайскому критику Эмиру Родригесу Монегалю, который немедленно опубликовал ее в августовском номере журнала «Новый мир» («Mundo Nuevo»),

— Скажи, Габо, а откуда появилось название села Макондо? — спросил Эммануэль и подлил себе «баккарди».

— В доме деда часто бывал некто Рамон Гарсия. Крепкий мужик. Управляющий банановыми плантациями усадьбы Макондо. Усадьба в триста тридцать гектаров земли. Она вплотную примыкала к берегам реки Севилья. Относилась к муниципалитету Гуакамайаль. Именно там зародилась идея забастовки рабочих двадцать восьмого года.

— Ты сам бывал в Макондо?

— Один раз. — Габо попросил подлить ему рома. Они сидели на кухне в доме Гарсия Маркеса. — Но всякий раз, когда мы с дедом, бабушкой или моими тетками ездили по железной дороге в Сьенагу, Санта-Марту или в Барранкилью, мы проезжали мимо роскошной усадьбы с шикарными цветочными клумбами, укрытыми тенью густых американских кедров, деревьев манго, и где росли гуайябы, сейбы и стройные королевские пальмы. Сейчас мне кажется, я впервые услышал это название, когда мне было пять лет, в полицейском участке Аракатаки. Он находился на углу, по диагонали от дома деда. Хотя, конечно, я мог слышать его и раньше. В Колумбии так называется тропическое дерево с очень крепким стволом, которое Гумбольдт назвал «бонго», и, кроме того, это название игры в карты. В соседнем с Аракатакой

округе Пивихай есть деревня с таким названием.

— Но слово это явно иностранного происхождения, — заметил Эммануэль. — «Макондо» отдает Африкой.

— Ты прав, мой образованный друг. Шестнадцатый век. Начало заселения неграми района Карибского моря. Одни из них говорили на языке банту и называли бананы «макондо». В переводе это означает «пища дьявола». Правда, банту оригинальны? Им бы писать романы.

С той поры как Гарсия Маркес прибыл в 1961 году на постоянное жительство в Мексику, он познакомился и сдружился не только с Фуэнтесом, но и мексиканским критиком Эммануэлем Карбальо, который вместе с Фуэнтесом издавал «Мексиканский литературный журнал».

В конце 1963 года Карбальо взял интервью у колумбийского писателя, которое было опубликовано в «Мехико эн ля Культура», литературно-художественном приложении популярной в Мексике газеты «Новедадес».

Они сидели на просторной террасе дома Гарсия Маркеса. Карбальо видел перед собой застенчивого, неуверенного в себе провинциального писателя, одетого в яркую рубашку, джинсы и сандалии на босу ногу, который, однако, был твердо уверен в том, что он может и обязан быть среди литературной элиты Латинской Америки. Во всяком случае, манерой держать себя Гарсия Маркес это доказывал. Парадокс!

— Я, как и наш общий друг Карлос Фуэнтес, уверен, что ты уже стоишь в одном ряду с Варгасом Льосой, Виньесом, Даносо и Кабрерой Инфанте, — мягко говорил Карбальо. — Интересно знать, истории, описываемые в твоих рассказах и романах, действительно основаны на твоем личном опыте? Это так?

— Не помню сейчас, кто это сказал: первые шесть книг любого писателя, даже обладающего поэтическим воображением, всегда автобиографичны. Я опубликовал четыре книги, и все они основаны на личном опыте. Разумеется, в каждой присутствует вымысел. Кто хочет определить его границы, не должен ломать голову. Худшее в книге и есть те самые измышления.

— В чем конкретно состоит твой опыт?

— Все, что я видел и познал в первые восемь лет моей жизни, — это и есть мой личный опыт. Он и лег в основу моих произведений. С тех пор у меня нет иной заботы, как наилучшим образом поведать о нем моему читателю. Начиная с моего первого романа «Палая листва», который я написал в восемнадцать лет, и кончая последним романом «Недобрый час» я

писал об одном и том же. Смешно, но я до сих пор не убежден, что мне хоть кто-то верит. Во всех моих книгах действуют одни и те же персонажи, с теми же именами. Они совершают одинаковые поступки и живут в одних и тех же селениях.

— В противовес некоторым критикам я не считаю, что твое творчество механически воспроизводит структуру и стилистику Фолкнера. Полагаю, кое-где на страницах твоих книг просматривается влияние Хемингуэя. Твое творчество в ориентации на факты основательно совпадает с творческой манерой Фолкнера, а персонажи также действуют в рамках ограниченного географического пространства. Объясни мне, пожалуйста, как возникла и какую цель преследует эта настойчивая манера перепевов, бесконечно закручивающих одну и ту же гайку? — Эммануэль внимательно глядел на собеседника.

Гарсия Маркес немного подумал, улыбнулся и уверенно произнес:

— Конечно, дело вовсе не в том, чтобы дурачить читателя. Фолкнер прибегает к подобным повторениям, и, смотри, ему дали Нобелевскую премию. Мне ее никогда не дадут, поскольку речь идет о двух разных намерениях. Фолкнер делает так, потому что он всю свою жизнь создавал интегральный мир, писал о неразрывно связанном, цельном обществе. А я это делаю, потому что не могу писать иначе, и это стоит мне огромных усилий и труда. Ты не поверишь, но я до сих пор так и не знаю, чего хочу. Мне было пятнадцать лет, когда я впервые подумал, что могу не только читать книги, но и писать их сам. Я подумал: мне есть что сказать. Но тогда я еще не умел сочинять. Свои первые рассказы я нацарапал, когда мне стукнуло восемнадцать. И тогда мне казалось, что они написаны как надо. Однако скоро я понял, что это не так. Не мог же я переписывать их заново, чтобы в тридцать лет они снова показались бы мне никчемными и я опять должен был бы их переделывать. Тогда и пришла мысль, что лучше всего перемалывать собственный опыт, каждый раз по-новому глядя на вещи. Написаны уже четыре книги, а я так и не знаю, закончу ли когда-нибудь с воспоминаниями. Это все равно что стрелять в одну и ту же птицу с надеждой, что рано или поздно попадешь в цель.

На террасе появилась Мерседес с подносом, на котором дымились две чашки крепкого черного кофе.

— Габо, тебя Альваро просит к телефону.

— Жизнь моя, скажи, что я перезвоню ему через полчаса. Объясни ему.

Мерседес ушла, Карбальо отпил кофе и снова заговорил:

— В повести «Полковнику никто не пишет» обращает на себя

внимание лапидарность стиля, отсутствие динамики в действиях персонажей и некоторая расплывчатость образов. Такие вещи обычно обедняют текст. Эта скупость на слова у тебя спонтанна или это продуманный прием?

— Одним из обстоятельств, которые удлиняют процесс моей работы, является стремление отделаться от очевидного порока латиноамериканских прозаиков — пышной риторики. Писать напыщенно — легко. Но это шулерство. К этому прибегают, когда хотят скрыть за словесным недержанием слабость сути. Писать надо ясно и конкретно, но именно это стоит большого труда. В этом случае нет ни возможности, ни времени для шулерства. «Палая листва» — роман несколько растянутый. Полагаю, лучше всего мой стиль просматривается как раз в повести «Полковнику никто не пишет». Я категорически против всяких словесных излишеств, поскольку это снижает уровень литературного повествования. Книга в конечном варианте имеет семьдесят восемь страниц, что равно восьмидесяти машинописным. Когда я только закончил это сочинение — это было в Париже в пятьдесят шестом году, — в рукописи было сто сорок страниц. И в этом варианте было столько же эпизодов, сколько в окончательном. Получается, что роман состоял на шестьдесят машинописных страниц из никчемных, бесполезных слов. В то время я изучал французский язык и теорию и практику кино. Тогда я и обратил внимание на точность французских сценарных текстов, с одной стороны, а с другой — на выразительную строгость их языка. Я разорвал уже написанную рукопись и принялся сочинять роман заново. Второй вариант также оказался раздутым. В нем тоже есть лишние слова. Мало, но все-таки есть.

— Возвращаясь к твоей манере придерживаться одних и тех же тем в разных произведениях, можно ли говорить, что ты из книги в книгу творчески шлифуешь, углубляешь образы твоих персонажей? Я, например, вижу, что с каждой новой книгой они совершенствуются, достигая классических пропорций.

— Все мое творчество — это сплошное экспериментирование. Возможно, как раз это и вызвало интерес читателя. Я даю ему возможность идти по следу того или иного события или персонажа от начала и до конца. — Гарсия Маркес положил руки на колени, давая понять, что сказал все, что хотел.

— Позволю себе модный вопрос. Извини, Габо. Почему ты пишешь? — Карбальо улыбнулся.

Гарсия Маркес ответил просто:

— Я пишу не для того, как ты понимаешь, чтобы прославиться. Поначалу я писал, потому что видел — друзья слушают меня и за мои рассказы любят меня еще больше. Сейчас

я пишу, потому что в противном случае чувствую изжогу. Она проходит, только когда я сочиняю.

— Существуют писатели, которые в своем прекраснодушии полагают, что их книги изменят мир к лучшему, сделают людей более совершенными. Ты принадлежишь к разряду этих писателей, замечательных и полных добрых намерений?

— Я абсолютно не пытаюсь благоустроить мир своими книгами! Я хочу только поведать читателю о том, что порой случается с людьми, и сделать это так хорошо, как только смогу. Мне нравятся мои произведения, но мою самую любимую книгу написал не я. Ее автор — Хуан Рульфо, и книга эта называется «Педро Парамо».

В начале сентября 1966 года по инициативе Карбальо Автономный госуниверситет Мексики (УНАМ) задумал выпустить в своей коллекции «Живой голос Латинской Америки» пластинку, где колумбийский писатель Гарсия Маркес читает отрывки из своего нового романа. Вступительное слово должен был написать и прочесть Карбальо.

В ту пору писатель и критик встречались каждую субботу, ближе к вечеру. Карбальо забирал с собой свежие страницы и в следующую субботу возвращал их с весьма дельными замечаниями. Так их оценивал сам Гарсия Маркес, хотя Карбальо до сих пор утверждает, что это был поиск «блох», «работа шлифовальщика», который лишь «полировал превосходно выструганное сочинение», ставшее «одним из лучших испаноязычных романов второй половины XX века».

Хоми только что проснулся. Он стягивал с себя пижаму, когда зазвонил телефон.

— Старичок, как дела? — из трубки доносился голос Габриеля.

— Только встал. Собираюсь в душ.

— А Марилу? Дай ее мне.

— Она еще спит.

— Подними ее, ради Бога! Она мне очень нужна. Давай скорей!

Через минуту в трубке послышался сонный голос Марии Луисы:

— Слушаю тебя, Габо. Говори, дорогой, что надо?

— Видишь ли, Меме, дочь Фернанды боится забеременеть. Что ты посоветуешь?

— Что?

— Я думаю, горчичные припарки. Что скажешь?

— Я использую другой способ.

— Какой?

— В Колумбии он не в ходу. А про горчицу я слышала.

— А если Меме все-таки забеременеет, что надо пить? Может, какие-нибудь отвары? Из какой травы? Ну, ты же все знаешь.

— Тебе приспичило? Дай подумать. Вечером скажу. Я еще сплю. Вспомни, когда мы вчера от вас вернулись.

Вечером того же дня в дом Гарсия Маркеса, как это бывало почти ежедневно, приехали с пакетами в руках Альваро с Кармен и Хоми с Марией Луисой. Родриго и Гонсало отправились спать, а взрослые сидели в гостиной, потягивали хайбол[9] и шумно разговаривали.

— Конечно, Висенте и особенно Неус — я знаю ее испанский характер — непременно обидятся, — говорил Альваро, размахивая руками. — Но, если они действительно твои друзья, они должны понять. Ни один автор на твоем месте не поступил бы иначе. Если только «Судамерикана» клюнет, Габо, с закрытыми глазами соглашайся! Такой шанс! Они издадут «Сто лет…» как надо! Сделают такую рекламу!

— А в чем проблема, Габо? — спросила Мария Луиса.

— Рохас и Эспресате, ты знаешь, совладельцы издательства «Эра». Они намереваются тиснуть у себя в издательстве «Сто лет…». Спасибо им, но этот роман надо издать с помпой. А у меня, похоже, складываются отношения с престижным аргентинским издательством «Судамерикана», — пояснил Габриель.

— Висенте и Неус переиздали две книги Габо, когда никакое другое мексиканское издательство не желало это делать. «Полковника…» и «Недобрый час», — добавил Хоми. — Муж Неус, Карбальо, с самого начала читает рукопись нового романа и не устает говорить, что это великая книга. А ты что думаешь, Мерседес?

— Я никогда не читаю рукописи. Вот выйдет книга… Но Габо, естественно, должен отдать этот роман лучшему издателю.

— Я много думал и, кажется, нашел выход, друзья! — Габриель улыбался, как школьник, получивший пятерку на экзамене. — Висенте я попрошу оформить обложку, а Эммануэль напишет предисловие. Что скажете? По-моему, это выход!

Гарсия Маркес говорил так, будучи уверен в том, что Луис Харсс сумеет заинтересовать каталонца Антонио Лопеса Льяусаса, владельца издательства «Судамерикана», и его главного редактора Франсиско Порруа. Оказалось, однако, что последний, весьма опытный издатель, прежде не слышал о Гарсия Маркесе.

Это было в начале 1966 года, когда Луис Харсс передал «Судамерикане» свою книгу «Наши». Тогда Харсс вручил Порруа четыре книги колумбийца: «Палая листва», «Полковнику никто не пишет», «Недобрый час» и сборник рассказов «Похороны Великой Мамы». Когда Порруа их прочел, издательство «Судамерикана» направило письмо автору с предложением переиздать все четыре книги.

Гарсия Маркес был счастлив, но ответил, что, к сожалению, не может предоставить «Судамерикане» это право, так как связан договорами с другими издательствами, но что он с превеликим удовольствием мог бы предложить издать его новый роман «Сто лет одиночества», работу над которым он заканчивает в ближайшие дни.

Порруа попросил прислать первые главы романа. Когда он получил их (вместе со статьей Карлоса Фуэнтеса и публикациями в «Эспектадор» и «Новом мире») и прочел несколько страниц, то понял, что имеет дело с необычным произведением, принадлежащим перу мастера. Издательство «Судамерикана» тут же направило Гарсия Маркесу договор и чек на пятьсот долларов в качестве аванса. Эти деньги немедленно пошли на покрытие долгов.

Но здесь проявила себя Кармен Балсельс, и у нее было на это право. Она тотчас связалась по телефону со своим земляком Антонио Лопесом Льяусасом и стала выбивать лучшие условия как для писателя, так и для себя. Гарсия Маркес занервничал: так он, не дай Бог, может потерять возможность издать роман в «Судамерикане». Из дома Альваро Мутиса Габриель позвонил в Барселону своим литагентам и категорически заявил Кармен: «Перестаньте вы там спорить из-за каких-то пятисот долларов. Главное, чтобы они меня издали и сделали это немедленно!» (27, 447).

10 сентября 1966 года Гарсия Маркес подписал договор, согласно которому ему полагалось десять процентов от продажной стоимости книги.

— Милая мамочка, ты даже не представляешь, как я сейчас уверен в себе! На все сто! Мой новый роман обойдет весь мир. — Пожалуй, в редкие минуты своей жизни Габриель говорил с такой уверенностью.

— Сынок, почему ты так в этом убежден? У тебя уже изданы четыре книги, однако…

— Мама, я убежден хотя бы потому, что в детстве моими любимыми сказками были «Спящая красавица» и «Тысяча и одна ночь». И еще потому, что у меня есть такая мама и был

несравненный, незабываемый дед, твой отец, а еще бабушка и тетка.

— Я хорошо помню, какое впечатление на тебя произвела «Тысяча и одна ночь». Ты весь день ни с кем не разговаривал. Но то были сказки, а ты, как говорит твой отец, описал в романе настоящую жизнь, без прикрас. Это не очень нравится людям. Но если ты прав, я буду так гордиться тобой!

— Ты верно говоришь насчет сказок. Я был еще совсем мальчиком, только научился читать. Ты этого не знаешь, а я, роясь однажды в бабушкином сундуке, обнаружил там истрепанную книжку без начала и конца. Я читал ее с замиранием сердца. У меня пот выступил на лбу, когда я узнал, что один несчастный восточный джинн был засажен в бутылку и просидел там целых шестьсот лет! Простой рыбак откупорил бутылку и выпустил его, дал ему новую земную жизнь.

— Описывая прошлую жизнь Аракатаки, ты тоже выпускаешь джинна.

— Опять ты права! Но не забывай, что кроме Шехерезады у меня были еще и фантастические истории, рассказанные бабушкой. И тетей Франсиской! Та книжка меня настолько увлекла, что читать ее мне было интереснее, чем играть с мальчишками, чем даже рисовать, есть и все остальное. Я читал ее не поднимая головы. Конечно, мир бабушки очень отличался от мира Шехерезады, но обе они рассказывали такие необычные истории! И заметь, всегда абсолютно невозмутимо. Можно сказать, что истории Шехерезады разбудили джинна, спавшего во мне. Я стал буквально проглатывать одну книгу за другой. Вы с дедом мне их покупали. Братья Гримм, Перро, Дюма, Жюль Верн и Сальгари[10].

С той поры Габито редко видели без книжки в руках. Книга стала вторым «я» будущего писателя, который на протяжении всей жизни не раз возвращался к прочитанному, снова и снова штудируя произведения Софокла, Кафки, Фолкнера, Толстого, Хемингуэя, Достоевского, Сарояна, Трумэна Капоте, Дос Пассоса, Колдуэлла, Джойса, В. Вулф и мексиканца Хуана Рульфо.

В книге «Сто лет одиночества» Аурелиано Второй и Аурелиано Вавилония, пристрастившиеся к загадочным пергаментам Мелькиадеса, одержимы такой же страстью к чтению, которая определила литературную судьбу автора романа.

— Потом, мама, я не имею права забывать предсказаний Клементе Мануэля Сабалы. Помнишь, он клялся жизнью, что я далеко пойду, и не только как журналист, но и как писатель. Это

предсказание непременно должно сбыться!

— Это какой Сабала?

— Главный редактор газеты «Универсаль» в Боготе. Этим романом я сохраню ему жизнь!

— Я рада за него и поздравляю тебя!

— И еще, мама. В Мексике большинство издателей, которым я показывал первые главы, в один голос говорят, что «Сто лет…» — произведение, ни на что не похожее, и отказываются его печатать. Не могу же я им сказать, что с первых шагов моей литературной деятельности я только и мечтал быть писателем, ни на кого не похожим. Я уже тебе писал, мама, это просто чудо, что я вовремя покинул писательские круги нашей столицы. Это позволило мне сохранить связь с землей, где я родился, и с карибской культурой. И потом, ты сама мне много раз говорила: «Будь ближе к хорошим, и ты станешь одним из них». Сейчас я живу среди очень хороших людей.

— Я так рада за тебя! Пиши, звони, не забывай, Габо!

В октябре 1966 года писатель наконец поставил последнюю точку в рукописи. Он торопился скорее всего потому, что экономическое положение семьи было хуже не придумаешь. Гарсия Маркес не находил себе места, Пещера Мафии не спасала, надо было разослать сразу несколько экземпляров романа, а денег, чтобы заплатить машинистке, не было. С другой стороны, не давала покоя мысль, каким будет окончательное суждение редакторов «Судамериканы». Хотя договор уже был подписан и писатель понимал, что им создано мастерское произведение, сомнения его не оставляли.

По поручению Габриеля Мерседес отправилась в центр города на Главпочтамт, чтобы отправить рукопись в Буэнос-Айрес. Почтовый служащий взвесил пакет и сказал, что это будет стоить восемьдесят песо. Мерседес лихорадочно перерыла сумочку и наскребла полсотни песо. Она разделила рукопись на две части и отправила в «Судамерикану» первую половину.

Приехав домой, Мерседес сложила в коробку фен, миксер и электронагреватель, отправилась в ломбард, в Монте де Пьедад, где заложила эти вещи за пятьдесят песо. Затем пошла на почту и отправила вторую часть рукописи.

— Ну как? — Габриель был дома.

— Теперь у детей нет миксера, у тебя электронагревателя, а у меня фена. Но рукопись я отправила. Слушай, Габо, не хватает только, чтобы этот роман им не понравился. Тогда мы пропали!

— Ты что, марихуаны накурилась?! — Габриель тут же

пожалел, что накричал на жену, и крепко обнял ее, — Да быть не может такого! Хотя бы потому, что рукопись отправила ты, а не я. Ты вот не читаешь рукописи, а Хоми, Мария Луиса, Эммануэль, Висенте, Неус… все говорят, что это здорово. Вчера Альваро — он только что закончил читать — обнял меня, поздравил. Очень хвалил. А Карлос Фуэнтес, Хулио Кортасар — это тебе не «одна бабка сказала». Вот увидишь, роман «Сто лет одиночества», как «Дон Кихот», станет поворотным моментом в истории испаноязычной литературы. Потерпи еще немного, Мерседес. Я тебе так за все благодарен! «Сто лет…» изменит нашу жизнь! Ты навсегда забудешь, что такое нужда. Я обещал тебе, помнишь? Когда мы поженились и летели из Барранкильи в Венесуэлу, я обещал тебе, что в сорок лет создам шедевр. Он у нас есть, дорогая! О романе уже везде говорят и пишут: в Колумбии, Венесуэле, Уругвае, Аргентине и здесь, в Мексике. Только бы рукопись не затерялась. Надо послать еще один экземпляр в Барселону. У кого бы занять денег?

В середине ноября рукопись была в конторе Кармен Балсельс. Она прочла ее и убедилась, что ее клиент Габриель Гарсия Маркес сдержал слово, данное ей и ее мужу Паломаресу в начале июля 1965 года. Кармен принялась за организацию перевода романа на французский, итальянский и английский языки.

О том, что Гарсия Маркес написал необыкновенный роман, узнал Габриель Ферратер, ведущий редактор издательства «Сейс-Барраль». Он попросил Кармен дать ему почитать рукопись. А когда прочитал, то решительно заявил: роман должен быть издан в «Сейс-Барраль». И что в этом случае он непременно получит Премию Малой Библиотеки, самую престижную для испаноязычных авторов.

Гарсия Маркес не раздумывая отказался от этого предложения, справедливо полагая, что «Сто лет одиночества», как советовал Фуэнтес, нужно издать дома, в Латинской Америке. Европа, с ее мизерными тиражами, никуда не уйдет.

Примерно в это же время Альваро Мутис, который уже год работал представителем известной американской кинокомпании «XX век Фокс» в Латинской Америке, придумал себе командировку в Буэнос-Айрес, чтобы отвезти в «Судамерикану» текст романа. Гарсия Маркес беспокоился, что рукопись, отправленная Мерседес по почте, может затеряться.

— Старик, я тебя еще раз поздравляю! Не успел я связаться по телефону с Франсиско Порруа и сообщить, что привез ему твой роман, как он просто заорал в трубку: «Не говори мне ничего по

телефону! Я уже получил оба пакета. Роман гениален! Ты где находишься? Сейчас приеду! Хочу знать, что говорят в Мексике и что ты сам думаешь».

— Разве вы с ним знакомы? — спросил Габриель.

— Нет, но разговаривал он со мной, как с родным братом.

— Еще бы, ведь ты представитель «XX век Фокс», а не деревенской футбольной команды. — Габриель представил лукавую улыбку друга.

— Я сказал, что остановился в отеле «Пласа», и Порруа примчался туда через полчаса. Засыпал меня вопросами. Я выдал все, что мог, сам понимаешь.

— Да ты для меня больше, чем брат родной! Что бы я без тебя делал?

— Замолчи! Теперь я буду гордиться тем, что я твой друг. Порруа подготовит почву! У него все на крючке: журналы, газеты, телевидение. Он всех поднимет на ноги. Можешь быть спокоен. Дело сделано!

— Надо наконец поговорить с Эммануэлем, Висенте и Неус, — виновато сказал Габриель.

— Я тоже думаю, Габо, что пришла пора.

Разговор с Неус и Висенте Рохо состоялся в конце рабочего дня в конторе издательства «Эдисионес Эра». Гарсия Маркес использовал все свои «домашние заготовки» и старался держаться как можно вежливее и мягче, насколько позволяли его характер и темперамент. Он превосходно понимал, что наносит своим друзьям и издателям незаслуженный удар. Владельцы «Эдисионес Эра», опираясь на компетентные суждения Карбальо о новом романе писателя, уже строили финансовые планы, вели предварительные переговоры с книготорговцами в Мексике и в других странах Латинской Америки.

Когда же Гарсия Маркес честно сказал, что предоставляет права на первое издание романа «Сто лет одиночества» аргентинскому издательству «Судамерикана», Висенте вспылил, а Неус на мгновение лишилась дара речи. Габо попросил друзей понять его: он не может упустить возможность выпустить книгу в свет в одном из крупнейших издательств Латинской Америки. В конце концов, владельцы «Эры» пока только вели с ним переговоры, а «Судамерикана» уже прислала договор и пятьсот долларов аванса.

В итоге Висенте, который хорошо знал о материальных затруднениях Гарсия Маркеса, смирился. К тому же Маркес предложил художнику сделать обложку для книги и обещал договориться с «Судамериканой», что предисловие напишет

Эммануэль Карбальо, муж Неус.

Габриель встретил Висенте Рохо на террасе.

— Знаешь, Габо, было не просто. Столько персонажей и столько историй. Я долго ломал голову над главной идеей. В конце концов выбрал фольклорные мотивы. Сейчас увидишь. Рисунки на обложке не являются прямой иллюстрацией к роману, но тебе они понравятся.

Он достал эскизы. Обложка напоминала изразцовое панно: на белом фоне синие прямоугольники со скошенными уголками, и в каждом — в черных и ярко-оранжевых тонах — какой-нибудь символ из народных сказок: кровоточащие сердца, купидоны, улыбающееся солнце, танцующие дьяволята, ангелы, убывающие луны, колокольчики, падающие звезды, яркие орнаменты, летающие рыбки и символы смерти. Как бы заключая главную свою идею, художник вывел имя автора и название романа нарочито крупными буквами, а букву «E» в слове «SOLEDAD» («одиночество») развернул в обратную сторону, как пишут иной раз в Колумбии простые люди.

— Мне нравится, Висенте. Здорово! Но издательство так нас торопило… Боюсь, первый тираж они дадут с импровизированной обложкой. Что тогда?

— Тогда будет второй, и обложка им понравится!

Оба оказались правы. Первый тираж вышел 30 мая 1967 года с обложкой, где был изображен галеон в зарослях сельвы. Последующие же издания, до миллиона и более экземпляров — таков был интерес читателей Латинской Америки, — сделали обложку Висенте Рохо столь же популярной, как и сам роман.

Правда, отдельные критики ломали головы над перевернутой «E», а владелец крупного книжного магазина в Гуаякиле попросил издательство «Судамерикана» не присылать ему больше книг с опечаткой, которую он, прежде чем продавать роман, исправляет на каждом экземпляре.

С тиражом тоже произошел курьез. В самом начале мая Порруа сообщил Гарсиа Маркесу, что издательство намерено выпустить книгу первым тиражом в восемь тысяч экземпляров. Гарсия Маркес пришел в замешательство и тут же отправил письмо, в котором, весьма обеспокоенный, утверждал, что издательство рискует надолго забить свои склады экземплярами этого романа.

Быть может, чувство уверенности снова изменило писателю?

Порруа же делал «большую волну». Газеты и журналы Буэнос-Айреса давали анонсы и печатали статьи о скором выходе в свет

«небывалого» романа «Сто лет одиночества». Ведущий еженедельник «Примера Плана» в самом начале июня отправил в Мексику своего ответственного секретаря Эрнеста Шоо. Тот взял у Гарсия Маркеса пространное эксклюзивное интервью, и журнал собирался к началу продажи книги выпустить специальный номер с портретом автора на обложке. А когда этот номер вышел в свет, все восемь тысяч экземпляров «Ста лет…» были уже почти распроданы. Слава Буэнос-Айреса как «города, где бурлит культура», делала свое дело. И когда 20 июня Гарсия Маркес с Мерседес прилетели в Буэнос-Айрес, издательство «Судамерикана» уже готовило к выпуску второй тираж в десять тысяч экземпляров. Автор «Ста лет…» был приглашен на презентацию книги не только как ее автор, но и как член жюри литературного конкурса «Примера Плана Судамерикана».

В три часа ночи Гарсия Маркеса встречали в аэропорту Франсиско Порруа и Томас Элой Мартинес, главный редактор еженедельника «Примера Плана». Они пришли в изумление, услышав, что автор «Ста лет…» предлагает тут же отправиться в пампу есть асадо[11] и встречать там рассвет. Вместо пампы Гарсия Маркеса с женой повезли в ночной ресторан. «Глядя на писателя, сидевшего рядом с Мерседес, на его яркий, карибской расцветки пиджак, узкие брюки а-ля Пьетро Креспи, на его золотые зубы, столкнувшись с его менторским тоном и обескураживающей прямолинейностью, Франсиско Порруа и Томас Элой Мартинес начали понимать, что только такой cataquero[12], странствующий собиратель историй, мог сочинить роман, который за две недели „положил на обе лопатки“ восемь тысяч аргентинских читателей» (27, 455).

Первые два дня прошли спокойно, хотя во многих витринах города, на обложке журнала «Примера Плана», красовался портрет Гарсия Маркеса. Однажды, завтракая в кафе, он увидел женщину, нагруженную авоськами. Какова же была радость автора, когда среди помидоров и баклажанов он вдруг заметил знакомую обложку своей книги. А в тот же вечер Габриель с Мерседес были приглашены на премьеру в театр Института Ли-Телла. Они немного опоздали, и, когда шли по партеру, свет в зале уже был погашен. Однако прожектор (по команде все того же Порруа) выхватил их из темноты и «повел». Они уже собирались было занять свои места, когда кто-то выкрикнул: «Браво!» — и раздались аплодисменты. Перекрывая их, женский голос прокричал: «Спасибо за роман!» Аплодисменты перешли в овацию, весь зал встал, и публика долго аплодировала писателю. «В ту минуту я увидел, как слава спустилась с небес, будто на крыльях, облаченная в сияющие белоснежные покровы, как Ремедиос Прекрасная,

создавая вокруг Гарсия Маркеса облако света, неподвластное разрушительному действию времени» — так вспоминает об этом писатель Т. Элой Мартинес.

И начался триумф славы, который, по сути дела, навсегда покончил с одиночеством и покоем Габриеля Гарсия Маркеса. Через пару дней его вынуждены были переселить на частную квартиру и приставить к писателю секретаршу, которая отвечала на многочисленные телефонные звонки.

Интуиция не подвела Гарсия Маркеса. Роман «Сто лет одиночества» следовало издавать именно в Буэнос-Айресе. «В поле нашего языка только такой культурный мегаполис, как Буэнос-Айрес, обладал условиями для создания бестселлера, каковым явился роман „Сто лет одиночества“, прежде чем он мог быть отмечен в Нью-Йорке, Париже или Риме» (2, 456).

Гарсия Маркес возвратился в Мексику, твердо зная, что «Сто лет одиночества» поставили его во главу современного латиноамериканского литературного процесса.

Уже на следующий день ему позвонил из Каракаса Плинио Апулейо Мендоса, старый друг и коллега по журналистской работе в Боготе. Сын известного колумбийского журналиста и политика Плинио Мендоса Нейры, опубликовавший свои первые рассказы в возрасте шестнадцати лет в газете «Эспектадор», входил, как и Гарсия Маркес, в кружок поэтов и будущих литераторов Колумбии, завсегдатаев столичных баров «Мельница», «Черная кошка», «Рейн» и «Астурия».

В 1967 году Плинио Апулейо Мендоса жил в Венесуэле и руководил там журналами «Элита» и «Момент».

— Габо, какую цель ты преследовал, когда сел за написание «Ста лет…»? Именно это хотят знать читатели моих журналов.

— Дорогой мой, я стремился дать наиболее целостный литературный выход всему тому опыту, который накопился за время моего детства… Кроме того, я хотел оставить историческое свидетельство о том мире, который окружал меня в детстве и который, как ты знаешь, замыкался в огромном странном доме деда, где жили моя сестра — та, что ела землю, — и бабушка, предсказывавшая будущее.

— Ты не считаешь, что история семьи Буэндия — это символическое изображение истории Латинской Америки?

— Конечно считаю! История Латинской Америки — это суть романа, множество драм, бесплодных усилий и бесполезных поступков, так или иначе обреченных на забвение.

— Слушай, Габо, твой полковник, проигравший тридцать две войны, это намек на наши политические неудачи. А что бы

случилось, если бы полковник вышел победителем?

— В романе один из приговоренных к смерти говорит полковнику Аурелиано Буэндия: «Вы еще увидите, как беспредельна ненависть к военным. Вы так долго нас ненавидели, так долго сражались с нами, что в конце концов стали такими же, как мы. Если дело и дальше так пойдет, ты станешь самым деспотичным и кровавым диктатором, каких еще не знала наша история».

— Я вспоминаю, Габо, когда ты только начинал писать и делал первые шаги в литературе, ты уже сочинял нечто подобное.

— Да. В романе «Дом». Я полагал, что вся история должна была проистекать в доме Буэндия.

— А как тебе работалось сейчас?

— Тяжело и радостно! Знаешь, Плинио, мне очень помогали друзья! Но не будь рядом со мной Мерседес, не было бы никакого романа. Нам нечего было есть, и я не знаю, как она умудрялась кормить семью в течение полутора лет, что я писал. Я работал день и ночь.

— Скажи честно, Габо, ты сам уверен в дальнейшем успехе «Ста лет…»?

— Уверен лишь в том, Плинио, что у романа будет хорошая критика. А как его будут читать, не знаю. Пока в Буэнос-Айресе он вызвал ажиотаж. Сомневаюсь, однако, что у него будет «широкий читатель». Его оценят только знатоки.

— А какова главная причина одиночества полковника?

— Он не умел любить! Ни один из Буэндия не был способен любить. Если человек не в состоянии оценить «чувство локтя», он всегда одинок.

— Макондо — это собирательный образ колумбийского селения?

— В общем это Аракатака и в чем-то Барранкилья. Однако Макондо не просто населенный пункт, это состояние духа.

— Были какие-то конкретные трудности в твоей работе?

— Было три невыносимо тяжких дня. Первый — когда я должен был начать писать. Второй — когда предстояло покончить с полковником и описать его смерть. И третий — когда я вдруг поставил последнюю точку. Было одиннадцать тридцать утра. Ни Мерседес, ни детей не было дома. Я метался по комнатам, не зная, что мне делать! Оборвал телефоны друзей, звонил кому только мог, но никого не застал. Я чуть было не рехнулся. Мерседес пришла домой в три часа дня. Она поцеловала меня, тогда я успокоился и сказал: «Дорогая, мы победили!»

Когда Габриель и Мерседес возвратились в Мехико, дома их

ждали поздравительные телеграммы от друзей из Картахены. Особенно радостными и пространными были послания верных друзей юности из Барранкильи.

Первыми, кого Габриель Гарсия Маркес пошел повидать по возвращении в Мехико, были Хоми и Мария Луиса. Тут было все — смех, поцелуи, слезы радости. После чего победивший и ныне прославленный автор вручил своим закадычным друзьям свежий, еще пахнувший типографской краской экземпляр романа «Сто лет одиночества». На титульном листе была написана единственная строчка: «Хоми Гарсия Аскоту и Марии Луисе Элио».

Супруги ликовали, но одна мысль не давала покоя обоим: «Габо теперь стал таким знаменитым. Не скажется ли это на нем?»

— Друзья мои, мы с семьей уезжаем. Мне необходимо поездить по странам Латинской Америки. Кое-что повидать своими глазами, кое с кем познакомиться поближе.

— Теперь у тебя, дорогой Габо, будет иная жизнь, — с грустью сказала Марилу.

— Вы всегда будете в моем сердце. Но сейчас мне надо уединиться и писать. И не в Мексике. У меня уже полностью созрел план будущего романа «Осень патриарха». По структуре и языку он не имеет прецедентов в литературе Латинской Америки. В этом смысле я должен переплюнуть самого себя. Главный герой — фигура анонимная и вымышленная. У нас на континенте масса таких патриархов, или, лучше сказать, диктаторов.

— Но не думай, Габо, что ты окончательно порвал с кино. Теперь будут делать фильмы по твоим произведениям, — сказал Хоми.

— Коньо! Но писать для кино я больше никогда не буду!

В тот же вечер Габриель побывал и в доме Альваро и Кармен. С Альваро они виделись утром, когда тот встречал чету Гарсия Маркесов в аэропорту Мехико.

— Старик, я писал, старался, я, конечно, хотел стать знаменитым, но, карахо, я не знал, какое все это дерьмо! Так вот что такое быть знаменитым. Теперь я принадлежу не самому себе, а им…

— Привыкнешь, Габо. В конце концов, не на погост же тебя несут! Мишель де Монтень еще четыре века назад утверждал, что слава и покой суть две вещи несовместные. — Альваро Мутис чувствовал и радость, и огорчение — он уже знал о намерении Габриеля уехать в Испанию.

— Коньо, никогда не думал, что это так чертовски смердит. Еще труднее дышать, чем когда я возился с кино. Но, Альварито, дорогой, сейчас мне как никогда надо много работать. Столько

глаз теперь устремлено на меня!

— *Нам дарует радость не то, что нас окружает, а наше отношение к окружающему.* Франсуа де Ларошфуко. Ты найдешь выход, Габо.

— Решено! Мы летим в Барселону. Латинская Америка завоевана. Карахо, согласись, Альваро, теперь пора покорять Европу! Для этого мне необходимо быть рядом с Кармен Балсельс. Она молодец!

— Это верно, Габо, я слышал, она уже договорилась во Франции о переводе «Ста лет…». А я буду здесь потихоньку подыскивать дом. В Сан-Анхель-Инн, конечно! Рано или поздно, я это твердо знаю, ты вернешься в Мексику. Я уверен! Ты не можешь жить без домовых. Гарсия Лорка был прав: «В Мексике много разных домовых». И потом, ведь именно здесь тебя посетила слава…

— Послушай, Альваро, а что происходит с твоим романом о Боливаре?

— Я утонул в море его переписки и прочих документов. История оставила их навалом. Сорок две тысячи писем! Когда он только успевал? Когда, я спрашиваю, ему было заниматься освобождением Латинской Америки? Похоже, надо считать, что я забросил эту затею.

— Тогда, Альварито, я заберу собранный тобою материал?

— В день проводов я с большим удовольствием поднесу тебе в дар все папки.

Если бы Гарсия Маркес знал, что происходило в ту минуту в душе Альваро Мутиса, поэта и друга писателя, сыгравшего в его жизни такую значительную роль, Габриель в тот вечер не покинул бы его дом так просто.

В середине июля 1967 года состоялись прощальные ужины с друзьями. Поначалу в домах самых близких друзей: писателя Хуана Гарсия Понсе, деятелей кино Луиса Висенсы, Эмилио Гарсия Рьеры и Луиса Алькорисы, а затем у Висенте Рохо, Гарсия Аскота-Элио и у Альваро и Кармен.

Шикарный ужин закатил Гарсия Маркесу в знаменитом кабаре «Ла Фуэнте» кинорежиссер Артуро Рипштейн. Приглашали Габриеля и Мерседес к себе на обед и Эммануэль Карбальо и Неус Эспресате.

— Так что, Габо, я испытываю двойную радость — и за тебя, и за себя. — Эммануэль говорил несколько напряженно.

— Я тоже, — подтвердила Неус.

— Я не ошибся в том, что «Сто лет одиночества» — одно из

выдающихся произведений, какие нечасто встречались в истории литературы. — Хозяин дома откупорил бутылку виски «Белая лошадь».

— Этим я во многом обязан моим друзьям и очень им благодарен. — Габриель взял из рук Эммануэля стакан. — Но я не знал, что «Судамерикана» не издает книг с предисловиями.

— Это нестрашно. Главное, ты мастерски показал, что невероятное и мистическое вполне реально и даже обыденно. Порой оно более реально, чем сама жизнь. Кто-то уже назвал это «волшебным реализмом».

— Иногда писать таким образом было очень легко. Я просто вспоминал то, что мне в детстве рассказывали бабушка и мои тетки. Тогда это меня завораживало, как истории из «Тысячи и одной ночи».

— Мы все восхищаемся тем, что ты создал. И тем, что это создано именно в Мексике. Это несомненно! Однако семь великих городов оспаривали посмертную славу Гомера, а при жизни он выпрашивал на хлеб.

— Я через это прошел. — Габриель насторожился.

— Об этом я и хочу сказать. У тебя, Габо, теперь будет столько денег, что они, вкупе со славой, сделают тебя другим человеком. Это печально, но неизбежно. Не обижайся, но это будет именно так.

— Я не такой, как ты думаешь, Эммануэль!

— Вспомни Гете. *Лавровый венок приносит больше страданий, чем счастья.* Ты испытаешь это на себе.

— Потому я и утверждаю, что мне нужно найти такой уголок на земле, где можно было бы уединиться.

— Вот видишь! Твои мексиканские друзья тебе уже в тягость. Но, Габо, увы, теперь тебе такого уголка не найти на всей земле.

— Да быть того не может!

— Уж очень ты строго судишь, Эммануэль, — в разговор вступила Мерседес. — Мой Габо не такой, как все.

— Вот именно, — сказала Неус. — Не захотел отдать нам свой роман. Ладно, я его давно простила. Понятное дело, слава… Эммануэль прав! Габо очень скоро узнает, что это такое.

— Надо быть невероятно стойким. — Эммануэль подлил виски в стакан Габо. — И обладать особым даром, чтобы не позволить популярности изменить тебя.

— Габо такой и есть! — Мерседес продолжала защищать мужа.

— Вспомним сентенцию Вольтера: *Un instant de bonheur vaut mille ans dans l'histoire.*

— *Минута счастья стоит большего, чем тысяча лет славы,* —

перевел Габо.

— Если только Мерседес будет доставлять тебе эти минуты. — Неус старалась разрядить обстановку.

— А я уверен — мы потеряли нашего Габо. Ему не устоять против всемирной известности и кучи денег.

В тот вечер Гарсия Маркес покинул дом своих друзей в сильном раздражении; тогда он еще не чувствовал никаких признаков болезни, которая называется «испытание славой».

Но очень скоро эта болезнь заявила о себе.

Накануне отлета Мерседес с детьми в Барранкилью (это было за три дня до того, как дом № 19 по Улице Лома был сдан его владельцу) у Гарсия Маркеса собрались друзья, но проводы получились печальными. Все много пили, напрасно пытаясь развеселиться.

Проводив Мерседес с сыновьями и закрыв дом, Гарсия Маркес перебрался в квартиру Луиса Висенсы, а 1 августа улетел в Каракас, чтобы принять участие в XIII Международном конгрессе иберoамериканской литературы и присутствовать на вручении литературной премии имени Ромуло Гальегоса перуанскому писателю Марио Варгасу Льосе за его роман «Зеленый дом».

Гарсия Маркес был знаком с Варгасом Льосой только по переписке. Их встреча состоялась в аэропорту «Майкетия». Самолеты из Лондона и Мехико приземлились в Каракасе один за другим.

— Я с восторгом читал твой роман «Сто лет одиночества», — сразу заявил Варгас Льоса; они горячо пожали друг другу руки и, как принято в Мексике, похлопали друг друга по спине. — Следующая премия Гальегоса — твоя. Не сомневайся!

— Мне не до премий, Марио. Куда бы скрыться? Мне надо писать, — сказал Габриель.

— Я теперь с еще большим пылом готов приступить к нашей давней затее — написать роман в четыре руки.

— Это было бы здорово! О трагической и нелепой войне между нашими странами.

— Начало тридцатых. Да? Черные годы. Время зарождения многих военных диктатур на нашем континенте. — Марио не переставал улыбаться и радостно потирать руки. — Это не так просто — писать дуэтом. Получится славный роман. Единственный в своем роде. А «Сто лет…» — прекрасная книга Я только что опубликовал в журнале «Амару» статью о твоем романе. Почему бы нам, Габриель, не слетать вместе в Лиму? Там есть на что посмотреть и кому себя показать. Я тебя приглашаю!

— Карахо! Это мечта моей жизни!

— Но как же это тебя угораздило смастерить такое!

— По сути дела, «Сто лет…» должен был быть моей первой книгой. Но в семнадцать лет мне это было не под силу. Недоставало техники. А история уже была готова. Понадобилось сочинить четыре книги, чтобы почувствовать себя готовым для работы над этим сюжетом, понимаешь? В романе множество слишком серьезных проблем, и он написан на основе исторических фактов.

— Как раз об этом я и пишу в своей статье. А какой разгул фантазии! Уму непостижимо!

— Таким уж я родился. И потом, я много читал Рабле. А сейчас, когда есть время, читаю Дефо, «Записки чумного года». Это одно из моих наваждений (34, 28).

— Знаешь, дорогой мой друг Габо, мне бы хотелось сочинить нечто похожее на «Сто лет…». Послать подальше четыре века литературной застенчивости и целомудрия, поспорить с действительностью на равных и превратить повествование в нечто осязаемое, отображающее мир таким, какой он есть, — многосложным, как океан.

Пятнадцать лет спустя состоялся другой разговор на эту тему. На этот раз между Гарсия Маркесом и Плинио Мендосой. Беседа была долгой, и здесь мы приведем лишь фрагменты.

— Каково было твое главное намерение, когда ты сел за сочинение «Ста лет одиночества»?

— Я уже говорил — дать всеобъемлющее литературное изображение того, что произвело на меня в детстве сильное впечатление.

— Многие критики видят в этом произведении гиперболу или аллегорию истории человечества.

— Нет, это не так. Я лишь хотел оставить поэтическое свидетельство мира моего детства, которое, как ты знаешь, протекало в огромном печальном доме, где жили многочисленные родственники с одинаковыми именами, не видевшие большой разницы между счастливыми и блаженными.

— Это правда, что ты в восемнадцать лет пытался сочинить этот самый роман?

— Да, это был роман «Дом». Я полагал, что все действие должно происходить в доме Буэндия.

— Почему ты прервал работу над тем романом?

— Потому что в то время у меня недоставало опыта, не было ни вдохновения, ни техники, чтобы создать такое произведение.

— Однако сюжет глубоко укоренился в твоем сознании.

— На целых пятнадцать лет! Я не находил тональности, убедительной для меня самого. Однажды, по пути в Акапулько — я ехал с Мерседес и детьми, — на меня снизошло озарение: я должен излагать так, как это делала моя бабушка, рассказывая мне разные истории, и начать с того дня, когда мой дед повел меня поглядеть на лед.

— Это верно, что ты развернулся на шоссе, приехал домой и засел за сочинение?

— Да, так и было. Мы не доехали до Акапулько.

— А Мерседес?

— Ты же знаешь, она всегда терпеливо сносила мои причуды. Без Мерседес, однако, я никогда бы не написал эту книгу.

— В твоей книге различные безумства приходятся на долю мужчин (выдумки, изобретения, занятия алхимией, войны, безудержный разгул), а здравомыслие — на долю женщин. На твой взгляд, это соответствует действительности?

— Думаю, именно женщины поддерживают земной шар в равновесии, иначе он бы просто развалился, в то время как мужчины стремятся делать историю. И кто знает, какая из этих двух позиций более безрассудна.

— Женщины, похоже, не только продолжают род человеческий, но и являются основой продолжения действия в романе. Возможно, этим и объясняется чрезвычайное долголетие Урсулы Игуаран?

— Да, по первоначальному замыслу она должна была умереть перед гражданской войной, когда ей было около ста лет. Однако я понял: не будет ее, не будет и книги. К моменту ее смерти роман набирает столько «пара», что дальнейшее уже не так важно.

— Наиболее трудный момент в работе над романом?

— Начать его. Хорошо помню тот день, когда я с великим трудом закончил первую фразу и с испугом спросил себя: карахо, а что же писать дальше? И до тех пор пока я не нашел галеон среди сельвы, я не верил, что эта книга будет окончена. Но начиная с того момента писал в каком-то исступлении — даже самому было удивительно.

— Есть ли в книге нечто такое, что критики, к которым ты испытываешь столько неприязни, проглядели? Можешь назвать?

— Они проглядели самую главную ее ценность — огромное сострадание автора к своим бедным созданиям.

— Кто явился лучшим читателем твоей книги?

— Одна моя советская подруга встретила женщину, уже пожилую, которая переписывала мою книгу от руки, с начала до конца Моя подруга спросила эту женщину, зачем она это делает, и та ответила: «Потому что хочу знать, кто из нас сумасшедший

— автор или я, и думаю, единственный способ это понять — переписать книгу заново». Мне трудно себе представить лучшего читателя, чем эта сеньора.

— На сколько языков была переведена эта книга?

— На шестнадцать.

— Тебя не озадачивал успех «Ста лет одиночества»?

— Да, и очень сильно.

— И тебе не хотелось открыть секрет этого Успеха?

— Нет, я не хотел его знать. Мне кажется, это опасно — пытаться понять, почему книга, которую я написал лишь для своих друзей, продается повсюду, как горячие пирожки.

Конечно, Карлос Фуэнтес прав, утверждая, что роман «Сто лет одиночества», «без сомнения, одна из наиболее занимательных книг, когда-либо написанных в Латинской Америке» (11, 58). Он рекомендует читать ее много раз. О том, что автор раскрылся в ней во всю мощь своего таланта, говорит бразильский писатель Жоржи Амаду: «Если писатель рождается без литературного дарования, его усилия ни к чему не приведут. Жаждущий стать писателем не добьется ничего, он так и умрет, утонув в водах своих поползновений. Величие литературного произведения зависит от формы его воплощения, благодаря которой писатель достигает высот своего призвания. Это требует кропотливого и серьезного труда, ответственности и, прежде всего, глубокого знания жизни, близости и любви к своей земле и ее людям, своему народу. Все это присуще Габриелю Гарсия Маркесу».

Обращает на себя внимание тот факт, что в романе нет ни одного положительного героя. Разве что цыган Мелькиадес да проститутка негритянка Нигроманте. Вместе с тем и Карлос Фуэнтес, и Хулио Кортасар, и Марио Варгас Льоса, да и другие писатели и критики Латинской Америки считают «Сто лет одиночества» романом-зеркалом. Вот что говорил по этому поводу Томас Элой Мартинес: «Роман есть детально выписанная метафора всей латиноамериканской жизни, с ее войнами, безумными видениями и напрасными надеждами». Вспомним финал романа: «…ибо ветвям рода, приговоренным к ста годам одиночества, не дано повториться на земле».

Если это так, то сам собой напрашивается вывод — странам Латинской Америки предстоит долгий путь, прежде чем они смогут занять достойное место среди высокоразвитых государств мира.

ГЛАВА II
Детство, отрочество и юность (1924–1948)

— Мамочка, расскажи мне, как вы встретились с отцом, как поженились. Вам ведь пришлось много чего преодолеть, — попросила Лихия Гарсия Маркес. Она была пятым ребенком в семье родителей писателя.

Разговор происходил в Картахене, на террасе дома Габриеля Элихио Гарсия Мартинеса и Луисы Сантьяги Маркес Игуаран. Дом утопал в зарослях плюща и кустах орхидей.

— Да это, милая, давно быльем поросло. — Видно было, что матери не хотелось вспоминать старое.

— Ну пожалуйста, мамочка. Теперь, когда Габо стал таким знаменитым, я чувствую, что обязана собрать все, что касается его и нашей жизни.

— Почему обязана? — поинтересовалась мать.

— Падре[13] говорит, что мы, мормоны, призваны, более чем кто-либо другой, творить добро. Он похвалил меня, когда узнал, что я хочу собрать материал о брате. Его читателям это наверняка будет интересно.

Луиса Сантьяга поудобнее устроилась в кресле-качалке. Она была матерью одиннадцати детей, последний из которых родился, когда ей было уже сорок два года, но она все еще не утратила былой красоты.

— Мы жили тогда в Аракатаке. Было лето двадцать четвертого года. Мы тогда всей семьей, кроме твоего деда, отдыхали в Сайта-Марте. В это время в Аракатаку прибыл на работу новый телеграфист. Он привез рекомендательное письмо от знакомого моему отцу священника. И молодой Габриель Элихио так понравился полковнику, что тот взял да и пригласил твоего будущего отца поехать вместе с ним к нам, в Санта-Марту.

— Это верно, что дед, когда они приехали, купил на вокзале моему будущему отцу клетку с жаворонком, чтобы тот преподнес тебе ее в подарок?

— Да. Твой отец тогда был видным молодым человеком, умел красиво говорить, сочинял стихи, хорошо играл на скрипке, даже лучше деда. Мне тоже сразу понравился Габриель. Но потом, в Аракатаке, оказалось, что он волочится за каждой юбкой и завел себе невесту. Звали ее Роса Элена. Позднее эта Роса Элена стала первой учительницей нашего Габито.

— Ты очень переживала? Ведь ты была самой красивой девушкой в селении. Из уважаемой семьи. Тебя называли «цветок Аракатаки».

— Да. Но как раз в те дни я чем-то отравилась, и врачи отправили меня в горы. Когда через месяц я вернулась, на вокзале, среди родственников и знакомых, меня встречал и твой будущий отец. Он был одет в лучшее, что у него было, а в руке держал букетик фиалок. В воскресенье, во время утренней мессы, мы всю службу с ним переглядывались, и он понял, что я к нему неравнодушна. И вот жарким мартовским днем двадцать пятого года я возвращалась домой от подруги, а он поджидал меня у дороги. Он проводил меня домой, мы вышли в сад, и под сенью самого большого миндального дерева твой будущий отец объяснился мне в любви и сделал предложение.

— Интересно, а что он говорил? — Щеки Лихии раскраснелись.

— Говорил, что любит, что в его сердце нет другой женщины, что оно целиком принадлежит мне, что я лишила его сна и что из-за меня он принимает и отправляет телеграммы с ошибками. «Давай поженимся как можно скорее!» — сказал он, дав мне на раздумья двадцать четыре часа и ни минутой больше. Но тут нам помешала тетя Франсиска. Кажется, она слышала конец нашего разговора. Она выпроводила жениха и заявила мне, что он пустой человек, болтун и авантюрист, да к тому же еще пишет стихи и играет на скрипке.

Отец писателя, Габриель Элихио Гарсия Мартинес, родился 1 декабря 1901 года в Синселехо, столице департамента Сукре, Колумбия. Он был внебрачным сыном мелкого служащего Габриеля Мартинеса Гарридо и четырнадцатилетней Аргемиры Гарсия Патернины. Родители обоих были родом из Мадрида. Детство и юность Габриеля Элихио, никогда не видевшего своего отца, прошло в семье, которой хорошо была знакома нужда. Несмотря на это, юноша получил звание бакалавра и несколько лет учился на зубного врача в университете Картахены, столицы департамента Боливар. Однако Лихия в своих воспоминаниях замечает, что ее отцу просто разрешили посещать занятия и что с января 1923 года он вынужден был зарабатывать на жизнь, работая телеграфистом в маленьких городках, хотя он и не оставлял при этом своего любимого занятия — гомеопатии.

Поселившись в селении Ачи, Габриель Элихио скоро стал отцом первого из своих четверых внебрачных детей, а по переезде в селение Айяпель уже собирался было играть свадьбу, но его отговорил двоюродный брат, Карлос Энрикес Пареха, который

двадцать три года спустя стал преподавателем Габриеля Гарсия Маркеса на факультете права Госуниверситета в Боготе.

В Аракатаке церковный музыкант Габриель Элихио соблазнил не одну из девушек-хористок. Так что тетка писателя, Франсиска Симодосея Мехия, с которой списана тетя Эсколастика Даса из романа «Любовь во время чумы» и которую именно Габриель Элихио окрестил Цербером, была отчасти права.

Но в Луису, дочь уважаемого всеми полковника и ювелира Николаса Рикардо Маркеса Мехии, Габриель Элихио влюбился всерьез. Вот как он вспоминал о встрече на вокзале Аракатаки: «Я приветствовал ее легким пожатием руки. Она ответила мне тем же и протянула коробку со сладостями, которые привезла для меня. Она не сказала мне ни слова, но по тому, как дрожали ее руки, я понял, что я ей небезразличен».

— Что же было дальше, мама?

— А дальше… Мне удалось украдкой сообщить Габриелю, что я жду его на следующий день в церкви, после вечерней мессы. Тетя Франсиска об этом не знала. Из дому я ушла тайком. Как только мы встретились, он сразу же спросил меня: «Что вы решили?» Я ответила: «Я что-то сомневаюсь. Очень уж вы влюбчивый! Во всех, без разбору». И тогда он сказал: «Если вы мне отказываете, сеньорита Маркес, я не стану долго ждать. Для многих девушек Аракатаки я желанный жених». — «А если я соглашусь, что вы можете мне обещать?» — спросила я. Он твердо заявил: «Только смерть помешает мне жениться на вас!» Я протянула ему руку и сказала: «Только смерть помешает мне выйти замуж за вас. Но вы должны знать: мои родители пока не хотят выдавать меня замуж и они будут препятствовать нашему браку». Тогда мы в первый раз поцеловались.

В этот момент крохотная колибри замерла перед цветком орхидеи, и мать с дочерью невольно залюбовались ею.

— Дед был против вашего брака?

— Не то слово! Когда в семье узнали об этом, Габриелю запретили к нам приходить. Твой дед послал гонцов во все концы, чтобы те собрали слухи и сплетни о твоем будущем отце. Говорили, что я еще очень молода, но я знала, что отец просто не хотел со мной расставаться.

— Но ведь была и другая серьезная причина, — сказала Лихия и опустила глаза.

— Конечно. Моя мать и особенно тетки не уставали твердить, что Габриель незаконнорожденный, что он очень смуглый…

— …и не из того круга людей, к которому принадлежал полковник.

— И потом, ты же знаешь, твой будущий отец принадлежал к партии консерваторов, а твой дед был ярым либералом.

Как полагает большинство биографов писателя, и в частности Марио Варгас Льоса в своей работе «Гарсия Маркес: история одного богоубийства», изданной в Барселоне, основной причиной отказа на брак с Луисой Маркес были социальные предрассудки.

Мать писателя — Луиса Сантьяга Маркес Игуаран, третья и последняя из законнорожденных детей полковника Николаса Маркеса, родилась 25 июля 1905 года в селении Барранкас департамента Гуахира. Ей было пять лет, когда ее родители поселились в Аракатаке. В семь лет ее отправили в религиозную школу города Сайта-Марта, где она провела восемь лет и где монахини научили ее грамотно писать, приобщили к азам культуры и привили навыки благовоспитанной сеньориты. В Аракатаке все считали Луису украшением села.

Когда семья отказала телеграфисту, Луиса не отступила: жених и невеста обменивались письмами и часто встречались — то в церкви, то в кинотеатре, то в аптеке, что была наискосок от дома полковника, то прямо на главной площади села. Габриель Элихио был настойчив и не боялся дарить своей любимой серенады, играя на скрипке у нее под окном.

— Пришел час, и мои родители решили, что расстояние способно погасить нашу любовь. Твоя бабушка Транкилина, я и одна из служанок отправились в Санта-Марту, по дороге останавливаясь в городках и селениях у кого-нибудь из друзей моего отца. Так мы добрались до Санта-Марты.

— Когда это было, мама?

— Из Аракатаки мы уехали в апреле двадцать пятого, а в Санта-Марту прибыли в марте следующего года.

— А что мой будущий отец?

— О! Он и не думал сдаваться. Габриель договорился с телеграфистами всех городов и селений, где мы останавливались, и без конца слал мне любовные письма по телеграфу и по почте.

— Так, как это делал Флорентино Ариса в романе «Любовь во время чумы». Фермина Даса все знала о своем любимом, — радостно заключила Лихия.

— Да! Габо описал все точно так, как я ему рассказывала.

Когда шхуна, на которой прибыли мать с дочерью и служанкой, пришвартовалась к пристани в Санта-Марте, первым, кого увидела Транкилина, был телеграфист из Аракатаки, в

парадном костюме и с огромным букетом цветов. Луиса, одетая в розовое платье, светилась радостью. Тогда-то мать Луисы поняла, что молодые люди все это время поддерживали тесный контакт и что расстояние не уничтожило их любовь, как надеялся полковник, но только укрепило ее.

Оставив дочь под присмотром ее старшего брата, мать отправилась на семейный совет в Аракатаку. А Луиса рассказала обо всем викарию Педро Эспехо, который некогда был священником в Аракатаке и с давних пор — близким другом семьи полковника Маркеса.

Святой отец тут же попросил своего коллегу из Синселехо прислать ему самые лучшие отзывы о Габриеле Гарсия, а сам 24 мая 1926 года послал полковнику Маркесу длинное письмо. Падре Эспехо считал, что уж лучше дать согласие на брак, дабы «избежать худших последствий», и заверил своих друзей в том, что молодые составят счастливую пару. Они получили согласие, но Габриель, который чувствовал себя уязвленным, не пожелал видеть на свадьбе родителей невесты и поклялся, что никогда не переступит порога их дома в Аракатаке.

Свадьба состоялась 11 июня 1926 года в кафедральном соборе Санта-Марты, и молодожены переехали в Риоачу, куда перевелся Габриель Гарсия. Сообщение о том, что Луиса ждет ребенка, несколько смягчило отношения молодоженов и родителей Луисы: из Аракатаки стали приходить письма, посылки с фруктами и сладостями, с детской одеждой, и наконец родители Луисы предложили дочери и зятю переехать на постоянное жительство в дом полковника в Аракатаке. Будущий отец писателя отказался, и только когда стало известно, что донья Транкилина из-за всей этой истории заболела и не встает с постели, он согласился, чтобы Луиса поехала рожать в Аракатаку. Будущий писатель Габриель Хосе Гарсия Маркес появился на свет 6 марта 1927 года[14].

Было восемь тридцать утра. Дед, который очень хотел, чтобы родился мальчик, был в церкви на утренней мессе. Через полвека мать Габо вспоминала, что младенец родился, стянутый пуповиной, что он задыхался и весь посинел и тогда тетя Франсиска, которая командовала в доме и знала все на свете, приказала — чтобы мальчик не умер — немедленно обрызгать его освященной водой.

— Вот почему Габито по-настоящему крестили в церкви, — Лихия поглядела в свои записи, — лишь спустя три года, четыре месяца и двадцать два дня?

— Да. Вместе с вашей сестрой Марго. Рождение Габито

помирило всех. Полковник протянул руку твоему отцу и попросил у него прощения. Мы переехали в Аракатаку. Твой отец оставил службу телеграфиста и всерьез занялся гомеопатией. Мы жили довольно обеспеченно. Но твой отец был непоседа. Он решил, что в Барранкилье он сумеет зарабатывать больше. Но, скорее всего, он до конца так и не смог простить твоего деда. Мы уехали, а Габито дед с нами не отпустил.

В январе 1929 года родители будущего писателя вместе с его четырехмесячным братом Луисом Энрике переехали в Барранкилью. Там бывший телеграфист открыл свою аптеку, а «Габито, оставшись с дедом и бабушкой, стал для них не столько внуком, сколько собственным ребенком» (28, 87).

Надо сказать, родители Габриеля часто его навещали. Он же впервые отправился со своей бабушкой в Барранкилью в ноябре 1929 года, в связи с рождением его сестры Марго. Его поразили уличные светофоры. Еще более сильное впечатление на будущего писателя произвел самолет над городом, когда он с бабушкой, уже в декабре 1930 года, снова был у родителей, на этот раз по случаю рождения его второй сестры Аиды Розы, впоследствии ставшей монахиней. Однако ни первая, ни вторая встреча с родителями не слишком ему запомнились.

Первая встреча с матерью, о которой вспоминает Габо, произошла в Аракатаке в конце июля 1930 года, когда та приехала на крестины дочери Марго и Габито, которому уже было три года и пять месяцев. Вот как сам Гарсия Маркес описывает это в романе «Палая листва»: «Я вошел; мама сидела на стуле в гостиной дома в Аракатаке. На пей было розовое платье с подкладными плечами и зеленая шляпка. Тут мне сказали: „Поздоровайся со своей мамой“, и я помню, меня очень удивило, что это моя мама. С того момента я ее и помню».

О своем отце, в беседе со своим другом, колумбийским журналистом и литератором Плинио Апулейо Мендосой, весной 1982 года, Гарсия Маркес говорил, что тот за свою долгую жизнь — отец писателя прожил более восьмидесяти лет — не выпил рюмки вина и не выкурил ни одной сигареты и что «у него было шестнадцать детей, которых он признал, и неизвестно сколько непризнанных», и еще, что его отец был «подвержен пороку чтения» и «читал все, что попадалось под руку: классическую литературу, бестселлеры, газеты и журналы, рекламные брошюры, инструкции по использованию холодильников и прочее». Он рассказывал Плинио, что впервые увидел своего отца, когда тому исполнилось тридцать три года (1.XII.34 г.), и он, вместе с матерью, после почти шестилетнего перерыва, приехал в дом деда — будущему писателю

было без малого восемь лет. «Это был красивый мужчина, смуглый, темноволосый, в дорогом белоснежном костюме и канотье, необыкновенно веселый и остроумный. Он сейчас обижается, что я меньше говорю о нем, чем о матери. И он прав. Но это лишь потому, что я мало его знаю. Только теперь, когда я считаю, что мы с ним сравнялись в возрасте, между нами установились более или менее дружеские отношения. Когда я переехал к родителям, мне было восемь лет, и мое представление о мужчине в доме, о главе семьи было связано с дедом. Отец же не просто был не похож на деда, он был его прямой противоположностью. Его характер, взгляды на жизнь, на воспитание детей — все было иным. Думаю, я очень страдал тогда от этой перемены. И пока я не стал взрослым, наши отношения были очень сложными. Отчасти по моей вине: я никогда не знал, как мне вести себя с отцом, как заслужить его одобрение. Его строгость я принимал за нелюбовь… Зато я думаю, что своим литературным призванием я во многом обязан отцу… Он всю жизнь обожал настоящую литературу и читал с упоением, и сейчас, когда бы я ни приехал к нему в дом, мне не надо спрашивать, где отец. Все знают, что он читает у себя в спальне, единственном спокойном месте в их сумасшедшем доме» (20, 20).

— А что ты можешь сказать о своих отношениях с матерью? — спросил Плинио.

— Отличительной чертой моих отношений с матерью с раннего детства была серьезность. Пожалуй, не было и нет в моей жизни человека, с которым я могу быть таким искренним, как с ней.

— Что ты имеешь в виду?

— Нет ничего, чем бы я не мог с ней поделиться. Нет темы, которую мы бы с ней не обсуждали. Наши отношения не так просто объяснить. Между нами не только родственная близость, мама всегда была чрезвычайно требовательна ко мне. Возможно, это объяснялось тем, что я стал жить с родителями уже в сознательном возрасте. После смерти деда. Я был старшим из детей, и мать видела во мне человека, на которого она могла рассчитывать в решении домашних проблем. Каковых было множество, если вспомнить, что бедность нашей семьи порой доходила до крайности. С другой стороны, мы никогда подолгу не жили вместе. Когда мне исполнилось двенадцать, я стал учиться в колледже Барранкильи. С тех пор мы виделись изредка и каждый раз недолго.

— Но ты ее очень любишь.

— Беспредельно! С тех пор как я перестал нуждаться в

деньгах, где бы я ни был, каждое воскресенье, всегда в одно и то же время, я звоню ей по телефону. И не потому, что я хороший сын — не лучше любого другого, — а потому, что я всегда считал: этот воскресный звонок — тоже часть наших отношений.

— Это верно, что она без труда находит ключ к расшифровке твоих романов?

— Да. Из всех моих читателей она одна обладает безошибочной интуицией, и, кроме того, она информирована лучше других, так что всегда угадывает в персонажах моих книг реальные прототипы. Это не просто, поскольку герои моих книг — образы собирательные.

— Которая из твоих героинь похожа на нее более всего?

— Только героиня «Истории одной смерти, о которой знали заранее». В характере Урсулы Игуаран из «Ста лет одиночества» есть некоторые ее черты, по в целом образ Урсулы сложился из нескольких женских характеров. Урсула для меня — идеал женщины, она несет в себе все то, что значит для меня это слово. В «Истории…» я дал достоверный портрет моей матери. Такой я ее вижу, и потому она выведена там под своим именем. Когда она прочитала этот роман, то воскликнула по поводу Сантьяги, своего второго имени: «Ай, Боже мой, я всю жизнь старалась скрыть это некрасивое имя, а теперь о нем все узнают, да еще прочтут об этом на иностранных языках!»

Вернемся к тому времени, когда Габито после отъезда родителей остался с дедом, бабушкой и тетками, коренными жителями провинции. Они и сформировали характер будущего писателя, детство которого прошло в огромном доме в селении Аракатака, пришедшего в упадок после банановой лихорадки, среди многочисленных родственников, друзей и приживалов, пользовавшихся гостеприимством полковника Маркеса.

Мы читаем у Дассо Сальдивара: «…нельзя сказать, что ребенок был очарован домом. Очарование пришло с воспоминаниями, с ностальгией. Он жил в доме деда, как любой другой ребенок, и очень хотел скорее вырасти, чтобы стать детективом и быть похожим на Дика Трейси»[15]. Скорее всего дом для него был вместилищем призраков времен его детства, как в рассказе Хулио Кортасара «Захваченный дом», поскольку половина незанятых комнат принадлежала умершим родственникам.

Естественно, что образ «захваченного дома» следовал за Габо всю жизнь и много раз появлялся на страницах его сочинений.

Снова читаем у Дассо Сальдивара: «В таком огромном доме, полном теней прошлого и необычайных обитателей, живя в Аракатаке, городке, напоминавшем столпотворение вавилонское,

ибо пришлые люди перевернули весь привычный уклад жизни, оставалось только расти, впитывая все то, что он слышал от бабушки и теток, и считая деда самым главным человеком на земле. Габито вел себя, как любой другой ребенок; очень скоро он превратился в настоящего чертенка. …Хотя он был замкнутым и застенчивым, но за завтраком частенько капризничал, требуя то, чего не полагалось; отличительной его чертой было несносное любопытство: он задавал вопросы всем и каждому и в любое время, и когда в дом приходил какой-нибудь гость, пятилетний Габо, по сути дела, становился его главным собеседником» (28, 91–93).

В это время у Габито появилась странная привычка: когда он слушал, то непроизвольно моргал. Встревоженная бабушка и тетки лечили его настоями из трав, а он, уже будучи взрослым, признавался, что посмеивался над ними, поскольку никакого недуга у него не было — просто моргая он лучше запоминал услышанное.

Злился Габито редко, но когда его близкие уделяли особенное внимание приходившим в гости детям, он больно щипал их, советуя идти плакать к себе домой. В таких случаях все улаживала его тетя-мама, Франсиска Симодосеа. С «невозмутимым лицом» она принималась рассказывать одну из тысяч придуманных ею историй, и Габито замирал.

Несомненно, прав биограф писателя Дассо Сальдивар, утверждая, что именно эта способность Франсиски Симодосеи придумывать невероятные, фантастические истории и сформировала столь необычный литературный метод Гарсия Маркеса, позволила ему тридцать лет спустя создать «Сто лет одиночества» и заявить, что именно этот метод и есть главный ключ к пониманию его творчества.

— Ты что плачешь, мой хороший? — Дед ласково погладил по голове внука, который стоял, прижавшись мокрым от слез лицом к стволу мангового дерева.

Габито тыльной стороной руки вытер нос и жалобно ответил:

— Тетя-мама Франсиска сказала, если я буду плохо есть, у меня в животе заведется змей. А раз я не ем, и ему нечего будет есть, он сожрет меня изнутри.

Дед рассмеялся, снял очки в золотой оправе, протер стекла и весело сказал:

— Побольше ты их слушай! Волосы на голове перестанут расти. Разум потеряешь. Все это бабьи выдумки! Плюнь на них! Держись ближе ко мне.

Полковник Маркес понимал, что в доме, где так много женщин, а мужчин только двое — он и Габо, их многое сближало.

Габито старался следовать указанию деда, однако его страстно влекло в мир женских суеверий, выдумок и фантазий.

— А это правда, бабушка говорила, что ты потерял один глаз, потому что долго смотрел на белого коня, которого хотел купить, а денег не было? — Габито с любовью и состраданием глядел на деда.

— Да чепуха это! Я потерял глаз из-за глаукомы. Есть такая болезнь. Однако это верно, я почувствовал, что теряю зрение, когда любовался красавцем конем. Это было еще в Барранкасе. Держи платок. Вытри слезы и послушай, что я тебе скажу. Ты уже много раз слышал от меня об Освободителе Симоне Боливаре, великом патриоте Латинской Америки. Так вот, недавно исполнилось сто лет со дня его смерти. А умер он в Колумбии, в имении «Сан-Педро-Алехандрино», неподалеку от Санта-Марты. На днях мы с тобой, дружок, вдвоем отправимся туда. Пойди надень башмаки. Сходим погулять. Угощу мороженым.

Итак, бабушка и тетки увлекали мальчика фантастическими историями и рассказами о привидениях, по и дед много занимался внуком. Он всюду водил Габито с собой, рассказывал ему волнующие истории о войне, о прошлом страны и ее людях, устраивал дальние походы в тропический лес и далее в горы Сьерра-Невада, водил внука к водопадам, и там, в ледяной воде истоков реки Аракатака, они купались. По дороге пересекали нескончаемые банановые плантации, душные и заброшенные, так ярко описанные в романах «Сто лет одиночества» и «Любовь во время чумы».

Габито беспредельно любил своего деда и стремился во всем ему подражать: он говорил, ел, ходил, как его дед, и старался быть таким же отважным и уверенным в себе. Но его многое связывало с миром бабушки и теток. И это обстоятельство исследователи жизни и творчества Габриеля Гарсия Маркеса признают, говоря не только о «Палой листве» и книге «Сто лет одиночества», но и о других его произведениях.

Первые познания в арифметике, географии, зоологии, ботанике, астрономии, грамматике и даже лексикологии преподал будущему писателю его дед. Внук не оставался в долгу. Он засыпал деда вопросами, которые порой ставили полковника в затруднительное положение.

Дед научил Габито читать, когда тому исполнилось шесть лет, а вскоре будущий писатель впервые принял участие в политической жизни страны. Колумбия воевала с Перу из-за спорной территории (1932–1934), и чиновники военного ведомства по указанию президента принудительно собирали у населения средства и драгоценности на нужды войны. В доме полковника они

забрали все, что тот не успел спрятать, а когда они попытались отобрать у бабушки и деда их обручальные кольца, Габито ринулся на чиновников с кулаками, но представители власти указали ему его место.

В семь лет, как пишет Лассо Сальдивар, юный Габито «уже видел и начинал понимать, что жизнь деда, как и всякого другого человека, вращается вокруг некой оси, причем у одних это движение поступательное, у других обратное, потому что одни имели все, а другие ничего, одни командовали, а другие подчинялись, одни знали все, а другие жили в невежестве, и что в этом движении вперед или назад свою долю ответственности несли обитатели заповедного города, американского „электрифицированного курятника“, ведь именно они были в ответе за невиданную забастовку 1928 года, следствием которой явились известные трагические события, именно они изменили русло реки, в которой мальчик любил купаться с дедом, и, что самое главное, именно они навсегда поменяли русло истории страны и судьбы ее людей» (28, 107).

Полковник Маркес был человек среднего роста, крепкий, подвижный, несмотря на солидный живот, с могучей шеей и высоким лбом. У него были пышные усы, посеребренная годами шевелюра и очки в золотой оправе собственного изготовления. Он смотрел на мир одним глазом, но видел лучше, чем иные люди двумя, говорил не спеша, взвешивая каждое слово, и его речь лилась красиво, была содержательной, а сказанное слово всегда попадало в цель. Но еще больше друзья и знакомые ценили в нем практичность и организованность, верность своему слову и гражданскому долгу — он был казначеем муниципалитета Аракатаки.

— Габо, давай поговорим о нашем деде, — предложила сестра Лихия, «семейный летописец», и раскрыла свои записи.

Писатель оживился, пригладил усы и заговорил:

— А ведь верно, я тебе еще много чего не рассказал. А знаешь, с детских лет во мне зародилось уважение к деду прежде всего потому, что он всегда очень строго одевался…

— Чего не скажешь о тебе!

— Это да. А дед умудрялся, несмотря на жару, носить еще и пиджак, и галстук. В праздники одевался особенно элегантно, в жилетном кармане всегда носил золотые часы с массивной цепочкой. Потрогать цепочку он позволял только мне. Он всегда был тщательно выбрит и благоухал одеколоном — разных сортов, но всегда очень дорогим.

— И любил поесть. Мне говорила мама.

— И не только поесть! Он действительно всегда ел с

аппетитом и много. Может, поэтому был неисправимым бабником.

— Как наш отец? — Лихия покраснела.

— Дед гулял напропалую. Однажды — позже мне рассказывала об этом мать — тетя-мама Франсиска сказала бабушке, что у ее Николаса есть любовница, и не одна. Бабушка, вечно витавшая в облаках, была так занята домашними заботами, что пропустила заявление тети Франсиски мимо ушей. А дед был ходок! У него было девятнадцать внебрачных детей! И это только те, которых я разыскал! Когда записывал всех, у меня не хватило бумаги…

— А почему у полковника Аурелиано Буэндия их только семнадцать?

— Потому что мне нравится это число и потому что дед не Аурелиано. А то, как вкусно и много ел наш дед, я использовал при создании образов Хосе Аркадио и Аурелиано Второго.

— Неужели бабушка не ревновала?

— Тогда были другие времена. И потом, ее характер точно соответствовал ее имени — Транкилина[16]. Бывало в дом деда приезжали, особенно на Рождество, его побочные отпрыски, и бабушка принимала их словно родных. Так же, как Урсула Игуаран вела себя с незаконнорожденными детьми полковника Буэндия.

Габриель замолчал, и Лихия почувствовала, как ее брат унесся в мир воспоминаний.

— Аракатака! — произнес он. — Там было столько странных людей, особенно из пришлых; когда я начал писать, достаточно было только вспомнить их лица, поступки и судьбы.

— Как и доктор Хувеналь Урбина, ты проживал «медленные часы твоего детства, наблюдая этих людей со страхом, почти мистическим». — Лихия процитировала на память фразу из романа «Любовь во время чумы».

— Повторяю, Лихия, способностью сочинять романы я обязан «Спящей красавице», Шехерезаде, Жюлю Верну, Дюма, братьям Гримм и Сальгари. Я читал их запоем еще до поступления в школу в Сипакирé.

Летом 1934 года Луиса Сантьяга вернулась в Аракатаку; 8 августа она родила Лихию, а 1 декабря прибыл и Габриель Элихио Гарсия. Габито было семь лет и девять месяцев, он учился в подготовительном классе, когда он впервые увидел своего отца. Тот снял жилье поблизости от дома полковника Маркеса и открыл аптеку. Через год Габриель Гарсия запатентовал «сироп ГГ», который регулировал менструальный цикл, однако его заработков

хватало лишь на скудное содержание многочисленного семейства. 27 сентября 1935 года родился Густаво, третий сын и шестой ребенок в семье.

Габито жил в доме деда, но в декабре 1936 года его отец в очередной раз решил поменять место жительства — обнищавшая и опустевшая Аракатака окончательно превратилась в «душегубку для бедных», как ее с первых дней знакомства окрестил отец будущего писателя.

Они переехали жить в Синселехо, в дом бабушки по отцовской линии, Аргемиры Гарсия Гарсия Патернины. Там Габито продолжил занятия в начальной школе, однако уровень преподавания был таким низким, что пользы от уроков было немного.

Через два дня после того, как ему исполнилось десять лет, Габо услышал разговор отца с бабушкой Аргемирой, из которого понял, что 4 марта скончался его любимый дед. Полковник Николас Рикардо Маркес Мехия умер в возрасте семидесяти трех лет от «двустороннего крупозного воспаления легких», в Санта-Марте, где и был с почестями похоронен на городском кладбище.

— Расскажи мне о своем легендарном деде, — попросил Плинио Апулейо Мендоса.

— Мы с тобой уже не раз говорили о нем. Ну да ладно. Мне кажется, это был человек, которого я понимал лучше, чем все другие люди, и с которым мне было очень легко. Тогда я этого не осознавал. Когда я узнал о его смерти, казалось, я должен был горько плакать, но слез не было. Насколько он был мне дорог и какую неоценимую роль сыграл в моей жизни, я понял много лет спустя. Коньо, да что я говорю? «Неоценимую». Не было бы деда — не было бы писателя Гарсия Маркеса.

— Кто из персонажей твоих книг похож на него?

— Единственный, кто похож на моего деда, — это безымянный полковник в «Палой листве». Скажу больше: он почти целиком с него списан. Разница только в том, что мой дед был слеп на один глаз, а полковник из «Палой листвы» хромал на одну ногу. Впрочем, у деда на ноге был огромный шрам от раны, полученной во время «Тысячедневной войны». Я видел этот шрам, когда деда осматривал врач; не помню, по какому случаю приходил врач[17], но дед показался мне тогда легендарным героем.

— А я всегда думал, с твоего деда списан полковник Аурелиано Буэндия.

— Нет! Буэндия прямо противоположен полковнику Маркесу. Дед был коренастый толстяк и, кроме того, обжора и бабник. Полковник Буэндия скорее походит на костлявого генерала

Рафаэля Урибе-Урибе[18] — как и тот, он склонен к строгости и стоицизму.

В начале 1938 года Габриель Гарсия снова переехал с семьей на новое место — на этот раз в Барранкилью. Габито было десять лет, он был замкнутым и стеснительным. Несмотря на то что в мае того же года Министерство образования Колумбии выдало Габриелю Гарсия Мартинесу диплом врача-гомеопата, аптека и врачебная практика не приносили достаточного дохода. Бывали дни, когда на стол подавали только кофе и хлеб. Габито решил помочь отцу. У него был каллиграфический почерк, так что он стал писать разные объявления, а затем и вывески для владельцев соседних магазинов.

Когда он впервые заработал двадцать пять песо за вывеску автобусной остановки, в доме устроили настоящий пир. На эти деньги семья не только нормально питалась целый месяц, в доме даже появилась кое-какая новая мебель.

Габито в те дни успешно закончил третий, предпоследний класс начальной школы, которая называлась «Картахена-де-Индиас».

В июне 1939 года будущий писатель окончил начальную школу с медалью, однако дома он забросил ее в дальний угол. Учеба в школе его не увлекала. Ему нравилась его работа художника-оформителя, и он очень много читал, не только Дюма, Жюля Верна, Сальгари, братьев Гримм, но и испанских классиков.

В ноябре того же года доктор Габриель Гарсия, пытаясь выбиться из нужды, переехал с семьей в селение Сукре, в департамент того же названия. Там наконец судьба улыбнулась незадачливому доктору, и семья мирно и счастливо прожила в тихом селении двенадцать лет, но без Габито. В возрасте тринадцати лет Габо, который уже чувствовал себя самостоятельным, в начале января 1940 года возвратился в город Барранкилью, чтобы поступить в среднюю школу колледжа иезуитов «Сан-Хосе».

— Уже почти восемь месяцев, как Габито живет с нами. Он поправился, окреп и скоро снова уедет от нас в колледж, а между вами будто черная кошка пробежала. Ты с ним общаешься как со знакомым, а не как с сыном, — с грустью говорила Луиса Сантьяга своему мужу в январе 1942 года.

— Он сам виноват! Молчун. Слова не вымолвит, вечно сидит, уткнувшись в книгу.

— Но ты же, слава Богу, сам ему их приносишь. Он тебе за это очень благодарен. И не забывай, Габриель, Габо узнал тебя

как отца, когда ему было почти восемь лет!

— Вот и я говорю. Во всем виноват дед! Он воспитал его не моим сыном. И потом, Габо все время врет. Ты только послушай, что он рассказывает братьям и сестрам. Такие небылицы!

— Это от бабушки и его теток. Но Габито фантазирует, а не врет. Он сказал мне, что, может быть, станет писателем, — заметила Луиса.

— Хорошо, что уже не детективом. Больше его слушай! А вы с ним спелись! Тебе этого недостаточно? — Габриель Элихио улыбнулся.

— У тебя в юности тоже было богатое воображение. Этим ты мне и понравился. Стихи писал, играл на скрипке и тоже любил читать.

Конечно, эти качества, присущие отцу писателя, сыграли определенную роль в формировании литературного призвания Гарсия Маркеса, и он убедительно показал это в романе «Любовь во время чумы». А его жизнь в селении Сукре, в основном во время каникул, дала будущему писателю обширный материал.

В романе «Любовь во время чумы» есть эпизод, где юный Флорентино Ариса впервые познает близость с женщиной. Вот как описал Гарсия Маркес то, что произошло с ним самим и легло в основу этой сцены. Ему было чуть больше двенадцати лет, когда он по поручению отца должен был отнести лекарство какой-то проститутке из публичного дома. Габито постучал в дверь и, когда ему открыли, назвал имя девушки, которой предназначалось лекарство. Женщина, которая открыла ему дверь, окинула его взглядом с головы до ног и пригласила войти. Она провела его за руку по темному коридору и привела в комнату, где ловко его раздела и проделала с ним все то, что делала с любым другим мужчиной. Испанский журналист Росарио Агудело записал со слов Гарсия Маркеса: «..это было самым ужасным, что случилось в моей жизни, я совершенно не понимал, что происходит. Я был абсолютно уверен, что обязательно умру».

На этом закончилось детство мальчика из села Аракатака, который три десятилетия спустя удивил весь читающий мир.

В школе Габриель Гарсия Маркес учился только на пятерки и очень много читал, даже во время перемен, когда другие мальчишки играли в футбол, бейсбол, прятки или чехарду. Подростки бывают весьма наблюдательны и часто дают друг другу меткие прозвища. Очень скоро сверстники прозвали Габриеля Стариком. И через много лет Флорентино Ариса в романе «Любовь во время чумы» проявит «странное свойство казаться старым с детского возраста».

Интересно процитировать Дассо Сальдивара, который записал пятьдесят два года спустя мнение своего однофамильца, падре Игнасио Сальдивара, преподавателя литературы в первых классах колледжа «Сан-Хосе»: «Он почти не занимался спортом, был типичным интравертом, интеллектуалом и по-взрослому оценивал жизненные проблемы; он не был склонен к озорству и разного рода проделкам, был обаятельным и обладал чувством юмора. В свободное время он всегда был рад поговорить с кем-нибудь из преподавателей о книгах, о жизни и почти всегда высказывал свои соображения с позиции взрослого человека». В противоположность своим бывшим коллегам по школе падре Сальдивар утверждал: «Никто не предполагал, что Габриель достигнет того, что он достиг; он был замкнутым тихоней, правда, любил читать. Был опрятно одет. Однако это было все» (28, 137).

Не совсем «все». Гарсия Маркес был лучшим учеником школы, а в сохранившихся экземплярах школьного журнала «Хувентуд» («Юность») исследователи находят и стихи, и статьи, и заметки, и талантливые рисунки Гарсия Маркеса. Первые школьные сочинения Габриеля проникнуты юмором, характерным для жителей атлантического побережья Колумбии. Но, пожалуй, еще более важным обстоятельством в процессе формирования личности будущего писателя явилось то, что Габриель довольно скоро стал тяготиться обществом священников-иезуитов, монашеской дисциплиной и даже школьной программой. По этому поводу Марио Варгас Льоса высказал свое мнение: «Аракатака — это незаживающая рана, это ностальгия, которая со временем не угасает, а только усиливается, это очень личное воспоминание о том, каким представлялся ему мир во времена его отрочества» (35).

— Что же все-таки послужило истинной причиной того, что ты ушел из семьи и оставил колледж, Габо? — спросил Альваро Мутис. Они сидели в доме у поэта, пили пиво и с жаром обсуждали последние страницы рукописи «Ста лет одиночества». — Тебе не хватало двух месяцев до шестнадцати лет. Что вынудило тебя так поступить? Ты говорил, трудное положение семьи. Или причина в твоем отце?

— Честно говоря, и то и другое.

— Но, насколько я знаю, твой отец в то время прилично зарабатывал.

— Да, но у меня уже было семь братьев и сестер: Луис Энрике, Марго, Аида, Лихия, Густаво, Рита, Хайме, и мама вот-вот должна была опять родить. Появился Эрнандо, и я знал, что это

не последний ребенок в семье. Что же касается отношений с отцом, он был со мной чересчур строг. Мне казалось, он не любил меня. Я не хотел, чтобы он платил за колледж. В январские каникулы сорок третьего я отправился в Боготу, чтобы там держать экзамен на получение стипендии Министерства образования. На пароходе, хлюпавшем по реке Магдалена, я встретил одного боготинца. Этот «качако» всю дорогу или читал, или слушал, как я пел болеро и куплеты, и ему понравилось. Уже в поезде, который пыхтя карабкался в гору…

— Представляю! Паровоз должен был притащить вас на высоту двух тысяч шестисот метров. — Альваро откупорил очередную пару бутылок.

— Так вот, в том самом поезде я и ухватил свою первую счастливую звезду, если не считать деда. Твое здоровье, дорогой Альваро! Ты тоже моя счастливая звезда. «Качако»-книголюб попросил меня записать ему слова одного болеро для его невесты. И он же помог мне разместиться в пансионе.

— Кто-то мне говорил, что в день приезда в Боготу ты плакал от того, что там увидел.

— Еще бы! Меня охватило такое отчаяние! Отсыревшее постельное белье, на улице целый день дождь, все тепло одеты, и только в черное, и у всех зонтики. И все спешат, неприветливые, чужие, а мне так холодно, и, кроме того, я задыхался от недостатка кислорода на такой высоте. Богота была не моя Колумбия. Однако есть Бог на свете! Я уже хотел было возвращаться, но тут наступил день экзамена. В тот день я встал рано и пошел в Министерство образования, а там, карахо, очередища! Я совсем скис. Но… — вот она звезда! Я был уже близко от дверей министерства, когда увидел того боготинца, которому записывал слова болеро. И он меня узнал. «А ты что здесь делаешь?» — спросил он. «Стою в очереди, чтобы сдать экзамен на стипендию», — ответил я. «Не будь пендехо[19], пошли со мной!» — сказал он и провел меня в свой кабинет. Коньо, он оказался ни больше ни меньше как директором департамента госстипендий. Адольфо Гомес Та́мара. Житель побережья из Синселехо. Но при всем желании, даже несмотря на то что экзамен я сдал на «отлично», Адольфо не мог устроить меня в самый престижный колледж «Сан-Бартоломэ» и отправил в Национальный мужской лицей в Сипакире́. В «Сан-Бартоломэ» брали детей только из привилегированных семей.

В пятидесяти километрах от столицы, в маленьком живописном городке колониальной архитектуры, где было всего пять тысяч жителей, юный Габриель Гарсия Маркес чувствовал то

же одиночество, как и в первую неделю пребывания в Боготе. Он еще глубже ушел в себя и первое время в интернате почти ни с кем не общался. Уже будучи писателем, Гарсия Маркес вспоминал, что в школе учились представители самых разных культур из всех регионов страны, в основном подростки из бедных семей, из которых было множество одаренных детей, занимавшихся с истинным рвением. «Всеми моими знаниями я обязан лицею в Сипакире́». Это и понятно: уровень преподавательского состава был весьма высок.

Колокол звонил в пять сорок пять утра. В шесть тридцать учащиеся садились завтракать, а уже в семь часов были за партами. Два часа занятий, перемена и снова в класс. Второй завтрак в двенадцать часов, и потом часовой урок физкультуры. Снова два часа занятий, обед, получасовой отдых и опять занятия до семи вечера. Затем два часа на подготовку домашних заданий тут же, за партами. В девять часов вечера ужин и отход ко сну под наблюдением дежурного педагога, комната которого представляла собой отгороженный угол в спальне воспитанников.

Габриель в ту пору был худощавым юношей с удивленными глазами, одетый в мешковатый костюм; учился он прилежно, хотя постоянно страдал от холода и боялся заболеть воспалением легких. Его мучила казарменная дисциплина лицея, который он называл «монастырем без отопления и без цветов». Именно в это время приключенческие романы, которые он раньше читал, были окончательно вытеснены испанскими и греческими классиками, прозой ведущих латиноамериканских писателей. Особенно его увлекали стихи отечественных поэтов-«ниспровергателей», объединившихся под влиянием творчества Хуана Рамона Хименеса и Пабло Неруды в альянс «Камень и Небо»; это Хорхе Рохас, Эдуардо Карранса, Аурелио Артуро Камачо, Карлос Мартин, Дарио Сампер и другие. Их сочинения отличались от творений лириков, «парнасцев» и неоклассиков. Они использовали невиданные ранее смелые метафоры. «Они терроризировали время, — признавался впоследствии Габриель своему другу Плинио Апулейо. — Если бы не было группы „Камень и Небо“, не уверен, стал ли бы я писателем» (20, 43).

Однако правы и те исследователи жизни и творчества Гарсия Маркеса, которые утверждают, что писателем он бы не стал, не будь в его жизни Национального университета в Боготе, лицея в Сипакире́ и, главное, его Аракатаки.

В 1946 году, 12 декабря[20], Габриель Гарсия Маркес, прочитавший все книги в библиотеке лицея, причем многие не один раз, оказался первым учеником среди тех, кто получал в лицее города Сипакире́ диплом бакалавра, и в своем выступлении на

выпускном вечере заявил, что, кроме всего прочего, именно в Национальном мужском лицее он «по-настоящему заболел литературной корью».

Юношеское тщеславие порой не знает границ, но намерения осуществляются редко. Как оказалось, юный Габриель Гарсия Маркес не ошибся.

Колумбийский критик Оскар Кольясос считает, что на решение юного Габриеля стать писателем повлиял конкретный эпизод. «В пятнадцать лет[21] он вместе с матерью отправляется в Аракатаку, чтобы продать „Дом“ (таким будет название романа, задуманного еще в ранней юности), „который был полон призраков усопших“. Донья Транкилина, в старости ослепнув, умерла в окружении теней умерших родственников. Тогдашняя встреча с домом и Аракатакой была для Габриеля решающей: молодому человеку уже не казалось, что дом овеян легендами, как это было в детстве; все, что он видел вокруг, глубоко его ранило. С одной стороны, все было как прежде, однако время нанесло невосполнимый урон, и то „пыльное, с удушающей жарой селение“ теперь, увиденное им „в страшный полдень“, было уже селением-призраком, где не было „ни единой души на улицах. <…> Я совершенно уверен: моя мать страдала, как и я, глядя на то, что сделало время с Аракатакой и домом“. Картина опустошения переворачивала душу: он видел, как Луиса, его мать, безутешно плакала вместе с одной из своих подруг прошлых лет. „В ту минуту, — скажет Гарсия Маркес позже, — у меня родилась мысль запечатлеть на бумаге все то, что предшествовало этой встрече» (6, 21).

Следует обратить внимание на то, что писатель Гарсия Маркес в своих интервью, выступлениях, беседах и даже в собственных статьях весьма неточен в отношении событий своей жизни. Это не раз ставило его биографов в затруднительное положение. Вряд ли это объясняется забывчивостью. Скорее всего это черта характера, своеобразный юмор, привычка писателя tamar gallo. Это выражение принято в Колумбии и Венесуэле. В переносном смысле tamar gallo означает «дурачить кого-то», «насмешничать», «издеваться».. Сам Гарсия Маркес объяснял, что tamar gallo — это «уметь говорить о серьезных вещах с юмором».

— Писать я начал случайно, хотел доказать одному моему другу, что в моем поколении тоже может родиться писатель. Но оказалось, что это ловушка, я стал получать удовольствие от этого занятия и, таким образом, попал в капкан, и сейчас больше всего на свете я люблю писать, — говорил Гарсия Маркес в уже знакомых нам «Беседах» с другом Плинио Апулейо Мендосой.

— Ты утверждал, что писать для тебя — это радость. Однако ты также говорил, что это — мучение. Так что же это все-таки такое?

— Оба утверждения правильны. Когда я только начинал осваивать ремесло, писать было радостно, ведь я не чувствовал почти никакой ответственности. Я тогда заканчивал работу в газете в два-три часа ночи и после этого был в состоянии сочинить четыре, пять, а то и десять страниц. Однажды в один присест я накатал целый рассказ.

— А теперь?

— А теперь считаю удачей, если за рабочий день выходит один стоящий абзац. Со временем писательство обернулось мучительным трудом.

— Но почему? Казалось бы, теперь, когда ты столько знаешь, когда владеешь профессией, писать не составляет никакого труда…

— Просто со временем возрастает чувство ответственности. Теперь кажется, что каждое слово, написанное тобой, может иметь резонанс и волновать множество людей.

— Может быть, это следствие славы? Она не мешает тебе?

— Мешает! Худшее, что может произойти с человеком, лишенным тщеславия, к тому же жителем континента, не готового иметь литературных знаменитостей, это то, что его книги продаются, как сосиски. Ненавижу быть участником публичного спектакля. Ненавижу телевидение, съезды, конференции, круглые столы.

— А интервью?

— В равной степени! Нет, славы я не пожелаю никому. Похоже на то, что происходит с альпинистами. Они рискуют жизнью, чтобы достичь вершины, а когда взбираются на нее, что делают дальше? Спускаются, стараясь при этом не утратить достоинства.

— Когда ты был молодым и зарабатывал на жизнь журналистикой, ты писал ночами. Ты тогда много курил?

— По две пачки в день!

— А теперь?

— Теперь не курю и работаю только днем.

— По утрам?

— С девяти до трех, в комнате, где тихо и тепло. Чужие голоса и холод мне мешают.

— У многих писателей чистый лист бумаги вызывает страх. У тебя тоже?

— Да! После клаустрофобии для меня это поначалу была самая страшная штука. Но после того как я, по совету Хемингуэя,

стал заканчивать рабочий день, только когда точно знал, о чем буду писать завтра, с этим покончено (20, 43).

Здесь следует вспомнить Альфонсо Лопеса Микельсена, бывшего президента Колумбии (1974–1978) и председателя Либеральной партии на протяжении многих лет, который говорил после присвоения писателю Нобелевской премии: «Я знал Гарсия Маркеса, когда он только начинал учебу на факультете права Национального университета. Тогда я возглавлял кафедру конституционного права. Его мало интересовала юриспруденция, он тогда не проявлял никакого интереса к знаниям, которые получил годы спустя. Паскаль говорил, что гений — это долготерпение. Думаю, лишь немногие поклонники Гарсия Маркеса, которые считают его гением, задумывались, насколько его гений обязан терпению, — терпению на протяжении стольких долгих лет».

— Он поражал и своих сверстников, и особенно нас, педагогов, знанием наизусть невероятного количества стихов испанских классиков и колумбийских поэтов. Он исполнял их под гитару, на музыку собственного сочинения. Жаль, в ту пору не было магнитофонов, — рассказывал поэт Карлос Мартин, бывший ректор лицея в Сипакире, уже немолодой человек с приятным баритоном. Он и бывший преподаватель литературы лицея беседовали с президентом Колумбии Альфонсо Лопесом Микельсеном на приеме в президентском дворце 20 июля, в день национального праздника страны.

— Теперь это дело прошлое. Габриель Гарсия Маркес — на вершине Олимпа, — с улыбкой сказал бывший преподаватель литературы Карлос Хулио Кальдерон. Будущий писатель был его любимцем и часто показывал ему свои стихи. — Он был таким тихоней, пока не повзрослел. И вдруг превратился в проказника и заводилу, и не только во время воскресных танцев…

— Помню, когда Габриеля Гарсия Маркеса принимали в Госуниверситет, ректор объявил, что он из тех абитуриентов, которые близки к коммунистам. Я голосовал за него. Экзаменаторы говорили, что он отвечал блестяще и что почти каждый ответ иллюстрировал стихами, чужими и своими. Однако существовала бумага, где было написано, что Гарсия Маркес читал в лицее запрещенные марксистские книги. Их давал ему тайком учитель истории. Он же распространял среди учащихся и еретическое сочинение Нострадамуса «Центурии».

— Зато оттуда, скорее всего, и появился прекрасный Мелькиадес. — Седовласый Кальдерон с удовольствием

предавался воспоминаниям. — Я был в лицее префектом дисциплины, и когда Гарсия Маркеса за его проделки следовало строго наказывать, вплоть до предупреждения об исключении, я засаживал его за парту и приказывал написать рассказ к… завтрашнему дню. И он это делал! Я хорошо помню его первый рассказ. Он назывался «Навязчивый психоз», и писать его для Габриеля не было наказанием. Рассказ про девушку, которая превращалась в бабочку, и пока она летала, с ней приключались разные истории. Когда рассказ прочел ректор лицея, то сказал, что это превосходные вариации на тему «Превращения» Кафки. Я же хорошо знал, что Габриель тогда Кафку еще не читал. А как он рисовал! Многие полагали, что он станет художником.

— Да, учился он лучше всех, но последние два года учебы был большим проказником. Это ведь он придумал: как только дежурный педагог засыпал в своей каморке, Габриель вместе с дружками, в основном ребятами с побережья, на скрученных простынях спускались со второго этажа в патио, а оттуда — кто в театр «Мак-Дуаль», кто к своей девушке. Иногда ходили по барам, кабачкам, ну, и прочее… Мне рассказывал о нем единственный в то время уролог города.

— Не исключено, что ваши бунтарские стихи, мэтр Мартин, и подвигали его на подобные поступки. Но, как бы там ни было, сегодня он — гордость Колумбии! — сказал президент. В этот момент к нему подошли иностранные послы, и разговор перешел на другую тему.

Дассо Сальдивар по этому поводу пишет: «Кое-кто, например уролог Армандо Лопес, который не учился вместе с Габриелем, но знал в деталях обо всех его похождениях и злоключениях, утверждает, что юноша из Аракатаки одно время вел весьма беспорядочный образ жизни» (28, 157).

Однако это касалось только внешней стороны его жизни. Его верность литературной группе «Камень и Небо», куда входили Эдуардо Карранса, Карлос Мартин, Хорхе Рохас, Дарио Сампер, Артуро Камачо Рамирес, Херардо Валенсия, Томас Варгас Осорио и другие, была неизменной. Именно эта вполне сознательная любовь и была одной из первопричин, по которой Габриеля Гарсия Маркеса потянуло в литературу.

Сам Гарсия Маркес много раз утверждал: «…если бы группы „Камень и Небо“ не было, я не уверен, стал ли бы я писателем. … Эти поэты восстали против академичности, и когда я увидел, на что они отваживаются, я почувствовал воодушевление и обрел уверенность как литератор. И я сказал себе: если это позволено в литературе, то она мне нравится и я в ней остаюсь. Мне решительно показалось тогда, что мы можем сотрясти пьедестал

Валенсии[22] и прочих поэтов-„парнасцев “».

Следует признать также неоценимую роль в духовном становлении будущего писателя его лицейского преподавателя испанского языка и литературы Карлоса Хулио Кальдерона Эрмиды. Тот безошибочно угадал путь, по которому пойдет любимый ученик, поскольку верил в его незаурядные литературные способности.

Именно под руководством этого человека еще в 1944–1945 годах были написаны первые стихи в стиле группы «Камень и Небо» — «Песня», «Если кто постучит в твою дверь», «Сонет о невесомой школьнице» и первые рассказы: «Навязчивый психоз», «Колос», «Драма в трех актах» и «Гибель розы». Именно Хулио Кальдерон опубликовал их в лицейской «Литературной газете». Однако Габриель подписал свои первые сочинения псевдонимом Хавьер Гарсес. Почти все они были посвящены его девушке, красивой, чувственной блондинке по имени Сесилия Гонсалес, которая прекрасно разбиралась в литературе.

Именно Кальдерон познакомил начинающего поэта с Каррансой и Рохасом, вожаками группы «Камень и Небо», посетившими осенью 1944 года Сипакире. «Литературные бунтари» почувствовали в юном Габо «своего», и Эдуардо Карранса, который тогда выпускал литературное приложение к солидной столичной газете «Tiempo» («Время»), опубликовал 31 декабря того же года стихотворение Гарсия Маркеса «Canción» («Песня»). И не кто иной, как Кальдерон повторял Гарсия Маркесу, что стихи его хороши, но что это более проза, чем поэзия, и настоятельно советовал ему писать рассказы. Габо же считал, что он прирожденный поэт.

Прощаясь с учеником, учитель сказал ему: «Ты поэт, но ты должен развивать и свою прозу и без устали читать рассказы и романы, которые попадутся тебе под руку, — только тогда ты станешь лучшим писателем Колумбии».

Мария Луиса Элио с удовольствием приняла приглашение Мерседес, которая только что возвратилась из Буэнос-Айреса, где была свидетельницей шумного успеха книги «Сто лет одиночества». Мерседес попросила съездить с ней в только что открывшийся дорогой универмаг «Паласио де Иерро». Перед отъездом из Мексики нужно было не просто обновить гардероб — следовало поменять его целиком. Они выбирали строгое вечернее платье для официальных приемов, когда Мария Луиса спросила:

— Слушай, это верно, что тебе было тринадцать, когда Габо увидел тебя и влюбился?

— Да. Мы с подружкой были в одном знакомом доме на танцах. Там оказался Габо. Он был нашим соседом, но учился в

Сипакире. Приехал на каникулы летом сорок пятого. Сразу выбрал меня и потом весь вечер не отпускал. Танцевал он по-столичному и не переставая читал стихи. Такие красивые, что я даже не знала, какие были его, а какие настоящих поэтов.

— Так же, как потом это делал его герой Каэтано Делаура, читая стихи Гарсиласо де ла Вега в рассказе «О любви и других наваждениях». А верно, что ты ждала его тринадцать лет?

— Да, дорогая! Это было тяжело и сладко. Он сделал мне предложение в тот самый вечер, когда мы познакомились.

— Конечно, ты сейчас уже не помнишь, что он говорил.

— Хорошее быстро забывается. Но мне врезалось в память, как он страдал, живя вдали от моря, высоко в горах. Габо страдал от холода, а главное, от отчужденности тамошних людей. Он не любил «качакос».

— Это поймет каждый, кто прочтет «Любовь во время чумы», где Фермина Даса откажется от поездки в Боготу, «город холодный, мрачный и угрюмый, где женщины покидали свои дома лишь для того, чтобы идти на пятичасовую мессу». В том же романе Флорентино Ариса в годы своей юности откажется подняться в Анды.

— И в романе «Сто лет…» он тоже плохо вспоминает о Сипакире.

— Скорбное и мрачное поселение людей, за тысячу километров от моря, куда Аурелиано Второй отправится искать Фернанду дель Карпио.

Тут к ним подошел продавец, и Мерседес купила дорогое платье.

В Национальный университет, основанный в 1867 году в Боготе, Габриель Гарсия Маркес был зачислен 25 февраля 1947 года[23] на факультет права как подававший надежды юрист. Однако скоро стало ясно, что поэта Гарсия Маркеса юриспруденция абсолютно не интересовала: на лекциях он вместо кодексов и учебников по вопросам права запоем читал стихи разных поэтов. Читал Габо стихи и студентам во время перемен на университетском дворе, где росли раскидистые сосны и стройные эвкалипты. По воскресеньям, когда шел дождь, а в этом городе всегда шел дождь, его любимым занятием, как он впоследствии признавался друзьям и критикам, было с девяти утра и до тех пор, пока не зажигались фонари, ездить в теплом трамвае, за пять сентаво, от кольца до кольца и читать стихи поэтов всех стран мира. В будние дни, по вечерам, он покидал свою сырую комнату в бедном пансионе и проводил время в кафе, барах и кабачках центральной, 7-й карреры[24], а затем, накачавшись рома,

отправлялся в бордель, где иной раз и ночевал.

Единственной радостью для двадцатилетнего Габо было общение с признанными поэтами столицы, такими как Хорхе Саламея, Рафаэль Майа, Леон де Грейф, и с несравненными Хорхе Рохасом и Эдуарде Каррансой. Они тоже быт завсегдатаями кафе «Рейн», «Аутоматико», «Колумбия», «Астурия», «Мельница» и «Черная кошка», расположенных на 7-й каррере между площадью Боливара и 24-й улицей, где по вечерам велись бесконечные разговоры о литературе и политике, о писателях и журналистах, обо всем, что появлялось на страницах журналов и газет.

Часто его сопровождали друзья и однокурсники, земляки Хосе Паленсия и Хентиле Чименто, будущий Сантьяго Нассар из «Истории одной смерти, о которой знали заранее», Плинио Апулейо Мендоса, Луис Вильяр Борда, Гонсало Мальярино и Камило Торрес, в будущем священник, принимавший участие в партизанских действиях, сторонник революционной борьбы с буржуазией, и молодые поэты Даниэль Аранго и Андрес Ольгин.

В августе в модном кафе «Астуриас» Хорхе Саламея, пожалуй самый авторитетный покровитель молодых литераторов Боготы того времени, говорил с Габо о «неповторимом писателе» Франце Кафке, и Габо тут же поинтересовался в пансионе у своего земляка, сына богатых родителей, занимавшего лучшую комнату, нет ли у него какой-нибудь книги Кафки. Хорхе Альваро Эспиноса дал Габо почитать рассказ «Превращение». Это было первое произведение Франца Кафки, которое он прочитал, и, пожалуй, именно Кафка, подобно скульптору, окончательно вылепил представление Габриеля Гарсия Маркеса о том, каким должен быть писатель.

Вот как описывает это Плинио Апулейо Мендоса: «Сегодня он вспоминает, как пришел в свою комнату в бедном пансионе, с книгой, которую ему дал один сокурсник. Габриель сбросил пиджак и ботинки, лег на кровать, открыл книгу и прочел: „Проснувшись однажды утром после тревожного сна, Грегорцу Самса обнаружил, что он лежит в своей постели и что он превратился в чудовищное насекомое“. Габриель закрыл книгу и ощутил дрожь. „Карахо, — подумал он, — значит, подобное может случиться“. На следующий день он написал свой первый рассказ. И забросил учебу».

И не только учебу. Габо отошел от поэзии, вспомнив совет Кальдерона, своего лицейского учителя литературы, и сменил сборники стихов на книги Кафки, Флобера, Бальзака, Золя, Стендаля, Достоевского, Толстого, Гоголя, Диккенса, Гонгоры, Кеведо, Кальдерона, Лопе де Веги, Софокла, Сократа, Геродота, после которых пришла очередь Джойса, Вирджинии Вулф, Фолкнера и Хемингуэя. И это несмотря на то, что Луис Вильяр и Камило

Торрес, его друзья, издававшие по вторникам «Университетскую жизнь», приложение к столичной газете «Расон», как раз в это время, 1 и 22 июля 1947 года, напечатали две удачные поэмы Габо «Небесная география» и «Поэма внутри улитки».

Дассо Сальдивар пишет со слов Гарсия Маркеса: «Тогда я подумал: значит, такое в литературе возможно, а раз меня это так привлекает, я тоже буду так делать. Я-то полагал, что в литературе подобное не дозволено. Получается, что до того момента у меня было искаженное представление о литературе, я привык считать, что она совсем другая. Я сказал себе: если можно выпустить джинна из бутылки, как в сказке из „Тысячи и одной ночи“, и можно делать то, что делает Кафка, значит, существует иной путь создания литературы» (28, 180).

Именно в ту ночь, как считает биограф Сальдивар, и определилась судьба литератора Габриеля Гарсия Маркеса. Он понял, что станет писателем, и понял, как именно он будет писать.

За полгода до этого, еще в городе Сукре, в доме аптекаря и врача-гомеопата состоялся такой разговор.

— Послушайся моего совета, Габриель. Лучшее, что ты можешь придумать, — это стать священником. — Отец старался говорить как можно убедительнее. — Они живут лучше всех. Стать фармацевтом и взять дело в свои руки ты не хочешь. Иди в священники.

— Габриель, неужели ты не видишь, что Габо совершенно для этого не годится! Живешь, будто не на земле. Больше половины преподавателей лицея в Сипакире — коммунисты, — высказала свое мнение мать Габриеля-младшего. — Ты готов помочь ему деньгами, так пусть идет в университет. Ему надо продолжать учиться!

— Согласен! Для меня было бы самым большим счастьем дать тебе высшее образование, сын мой. Я его получить не мог.

— Я знаю, что Габо не хочет быть врачом, — сказала мать.

— А что же он хочет?

— Если говорить об университете в Боготе, то я буду поступать на факультет права. Стану юристом, — заявил Габо.

— Учти! Будешь плохо учиться, наш сосед ни за что не отдаст за тебя свою дочь Мерседес. Я знаю, она тебе нравится.

На следующий день после того, как он прочел «Превращение», Габриель Гарсия Маркес, которому следовало отправиться на лекции в университет, сел писать свой первый рассказ «иного пути». Он работал над ним, по утверждению сверстников, как

«седовласый академик»: по два-три раза переписывал каждое предложение, по пять раз менял слова в поисках подходящего варианта. Как раз в это время Габо прочел в колонке «Город и мир», которую вел известный журналист и писатель Эдуардо Саламея Борда в столичной газете «Эспектадор», ответ читателю. Некий читатель обвинял Эдуардо Саламею в том, что в литературном приложении к той же газете, редактором которого тоже был Эдуардо Саламея, печатаются рассказы лишь известных писателей и нет новых имен. В своем ответе редактор заверял, что готов печатать молодых, однако они не присылают своих сочинений.

Это подхлестнуло Габо, работавшего над рассказом уже двенадцать дней, и он в последние выходные дни августа дописал рассказ и в понедельник отправил его в газету.

Каково же было изумление будущего писателя, когда в субботу, 13 сентября, он случайно увидел, как один из посетителей кафе «Аутоматико» читает его рассказ «La tercera resignación» («Третье смирение»), Габо бросился к газетному киоску, но тут будущий лауреат Нобелевской премии обнаружил, что у него в кармане нет пяти сентаво, чтобы купить газету. Выручили однокурсники. В тот день в пансионе кафкианский рассказ Габо прочли все его товарищи.

Через полтора месяца, 25 октября, та же газета «Эспектадор» опубликовала второй рассказ Гарсия Маркеса «Eva está dentro de su gato» («Ева внутри своей кошки»), и тут же появилась первая критическая статья. Автором ее был Эдуардо Саламея Борда, который объявил о рождении в Колумбии нового большого писателя.

Меж тем студент первого курса Гарсия Маркес уже почти не посещал занятий в университете, на экзаменах был рассеян и первый курс окончил посредственно и с двумя «хвостами» — по статистике и демографии.

Дома, в Сукре, чтобы предупредить неприятное объяснение, Габо, едва успев поздороваться, тут же стал говорить отцу:

— Один очень хороший человек, крупный писатель и поэт Эдуардо Саламея Борда…

— По прозвищу Улисс, — перебил отец. — Все его знают. Он издает прекрасное литературное приложение «Конец недели» лучшей газеты Колумбии «Эспектадор».

— Ну, отец, лучшая газета — «Тьемпо», но это для богатых, туда не сунешься. Так вот, Эдуардо Саламея напечатал в своей газете мой рассказ «Третье смирение». И не потому, что я его друг. Саламея говорил, в Колумбии нет хороших писателей, тут пустыня, одни поэты.

— А тебя он считает писателем? — Отец усмехнулся.

— Да, как и учитель лицея Хулио Кальдерон. Саламея говорит, что я подаю надежды. Не веришь, тогда послушай. — Габо извлек из кармана брюк потрепанный экземпляр газеты «Эспектадор» от 28 октября 1947 года и стал читать: — «Читатели „Конца недели“, литературного приложения к этой газете, отметили появление нового оригинального дарования, с ярко выраженной индивидуальностью. Были опубликованы два рассказа за подписью Гарсия Маркеса, о котором я никогда прежде не слышал. Теперь от коллег по редакции я узнал, что автор рассказа „Ева внутри своей кошки“ — двадцатилетний студент первого курса факультета права, который еще не достиг совершеннолетия. Меня немало удивила эта новость, поскольку сочинения Гарсия Маркеса ошеломляют неожиданной для его возраста зрелостью. Он пишет в новой манере, которую порождает малоизвестная область подсознания, впрочем, это закономерно. Человеческое воображение безгранично. Однако не каждому двадцатилетнему юноше, который совершает первые шаги в литературе, под силу такая естественность.

В лице Габриеля Гарсия Маркеса рождается новый писатель, и писатель значительный. Вместе с тем, не сомневаясь в его таланте, неординарности, в его желании упорно работать, я отказываюсь думать, — не умаляя никоим образом личных достоинств Гарсия Маркеса, — что среди колумбийской молодежи это единственный и исключительный случай». — Габо перевел дыхание и вытер со лба пот.

— Я давно знаю, что Эдуардо Саламея умеет красиво писать, — заявил отец.

Габо пропустил обидное замечание мимо ушей — он был слишком взволнован.

— У меня голова закружилась, отец, и не потому, что меня похвалили. Я почувствовал ответственность, которая вдруг обрушилась на мои плечи. Я не знал, что мне делать, как мне быть, чтобы не подвести Эдуардо Саламею. А теперь я хочу сказать тебе, что я должен и буду писать всю свою жизнь. И хорошо писать, отец!

— Но ты не сможешь на это прожить! Подумай, писатели и поэты не могут литературным трудом зарабатывать на жизнь. Стань адвокатом, черт возьми, открой контору и тогда забавляй себя и Эдуардо Саламею. — Габриель Элихио Гарсия Мартинес был убежден в своей правоте.

Однако Луиса Сантьяга передернула плечами и решительно заявила:

— Нет, мой сын должен писать! Тем более, у тебя это хорошо

получается и ничем другим ты заниматься все равно не хочешь. Я же вижу!

Сын с благодарностью посмотрел на мать.

— А я буду зарабатывать литературой, отец! Клянусь, карахо, даю тебе слово! У тебя будет обеспеченная старость!

На втором курсе, за время каникул, Габо отпустил длинные волосы и густые усы, однако ко вкусам «качакос», особенно в одежде, привыкнуть не мог. Стоило ему появиться на улице, в кафе, в университете, в нем безошибочно угадывался провинциал, житель побережья. Одевался он «а-ля кубана»: носил пестрые рубашки, яркие свитера, цветастые галстуки и кричащих тонов носки. Все, кто знал Гарсия Маркеса в ту пору, вспоминают его как худощавого парня с бледным лицом, который очень много курил, был не слишком веселого нрава, но с реакцией бейсболиста и танцора румбы. Многие, однако, считали его ни на что не годным, не понимая, что он жил среди чуждых ему по духу людей, что изучал профессию, которая не была его призванием, и что он страдал от одиночества. И еще одно. Писатель говорил об этом в интервью Герману Кастро Гайседо: «Если я хотел пойти в кино, то не мог, потому что мне всегда не хватало пяти сентаво. Билет стоил тридцать пять сентаво, а у меня было тридцать. Если хотел посмотреть бой быков, а это стоило одно песо двадцать сентаво, у меня было лишь песо и пятнадцать сентаво. И так постоянно».

Между тем 17 января 1948 года газета «Эспектадор» опубликовала третий рассказ Гарсия Маркеса «Тубаль-Каин выковывает звезду», в котором, так же как и в первых двух, присутствовала тема смерти. Дассо Сальдивар считает: «За четыре месяца он опубликовал три совершенно необычных в контексте колумбийской прозы рассказа и уже рассматривался критиками как восходящая звезда отечественной литературы» (28, 185).

Это так, однако, каким бы «блистательным выдумщиком», в стиле Шехерезады, Кафки или бабушки Транкилины, ни был Гарсия Маркес, он не мог предвидеть поворотов истории. 9 апреля 1948 года случилось событие, которое совершенно изменило судьбу будущего писателя.

В Боготе был убит Хорхе Эльесер Гайтан, лидер либеральной партии, наиболее вероятный кандидат на пост будущего президента, за которого был готов голосовать простой народ Колумбии. Убийство вызвало волну негодования. Повсюду громили богатые дома и магазины, а их владельцев расстреливали тут же на улице.

Вот как о тех событиях вспоминает сам Гарсия Маркес: «Я был в пансионе и собирался обедать, когда мне сообщили, что убили Гайтана. Я поспешил к месту преступления, но Гайтана уже увезли на такси в больницу. Я пошел обратно в пансион и по дороге видел, как толпы людей разносили магазины и поджигали соседние дома. Я присоединился к манифестантам. Что за день! В тот вечер я по-настоящему понял, в какой стране живу. Я много думал о своей жизни и пришел к убеждению, что мои рассказы чрезвычайно далеки от действительности.

Я возвратился в Барранкилью, на Карибское побережье, где прошла моя юность и где была иная моя жизнь, которую я знал и о которой хотел писать. Я решил оставить университет и начать работать в газете. В домашних библиотеках моих друзей из Барранкильи было много книг современных авторов, усердным чтением которых я и занялся. Я читал и писал, и в этом была вся моя жизнь».

Дойдя до улицы Флориан (сейчас 8-я каррера), Габриель увидел, что горит его пансион. Сердце у него сжалось, в висках застучало, он бросился бежать. Увидев, что пылают только верхние этажи, Габриель бросился к входной двери и тут почувствовал, как кто-то схватил его за руки и за плечи. Друзья оттащили Габо подальше от огня, а когда отпустили его, он раскричался:

— Коньо! Сукины дети! Там мои рукописи! Они сгорят!

— Напишешь новые, а если сам сгоришь, идиот, их не будет никогда! — пытался увещевать Габо Хорхе Альваро Эспиноса, в будущем ведущий экономист страны, который и познакомил Габо с «Превращением» Ф. Кафки.

Хентиле Чименто, один из лучших друзей Габо, положил руки ему на плечи:

— Габито, это революция! Карахо, что они сделали с Гайтаном! Столько убитых…

— Но там мои вещи, книги и последние деньги! Коньо, как ты этого не понимаешь? Мои рукописи… — Из глаз Габриеля брызнули слезы.

— Не печалься, мы тебе поможем. — К нему подошли его брат Луис Энрике, который месяц назад поступил в Национальный университет, и верный друг Хосе Паленсия, с которыми Габриель делил комнату в пансионе.

Через два дня, в понедельник, 12 апреля, стало известно, что Национальный университет закрыт и занят солдатами, и Габриель Гарсия Маркес с братом Луисом Энрике решили лететь домой в

Барранкилью, чтобы продолжить учебу в тамошнем университете. Габриель к тому же решил попытаться найти там работу журналиста.

Немного денег прислал ему отец, и помогли друзья. Габриель Гарсия Маркес купил билет на самолет до Барранкильи и вместе с Хосе Паленсия надолго распрощался с Боготой и навсегда — со своей юностью. Это было 20 апреля 1948 года.

ГЛАВА III
Зрелость. Журналистика. — «Дом» (1948–1949)

— Я больше не мог жить в Боготе! Я не понимал этих дерьмовых «качакос», а они меня, провинциала, презирали. Отчужденные и чопорные, как англичане, вечно в черных отутюженных траурных костюмах и в пижонских шляпах. И что они могли понимать в современной литературе? Их проза и поэзия писалась в башне из слоновой кости. Их столичные души законсервировались в колониальном формалине! А потом, этот холод и проклятая вечная изморось! — говорил Габриель за столом, за которым в день приезда старших сыновей собралось все многочисленное семейство.

— Не у всех же законсервировались души, — возразил Луис Энрике, младший брат писателя. — Вспомни хотя бы Эдуардо Саламею. Фактически это он вывел тебя на дорогу как писателя, Габо.

— Ты ничего не понимаешь! Не он, так другой написал бы обо мне то же самое. Просто он намного умнее прочих. Писателем меня сделало другое…

— Не отвлекайся, Габо, — попросила мать. — Что было дальше с тобой в день убийства Гайтана? В котором часу в него стреляли?

— Около часу дня. В час и пять минут. В двух шагах от нашего пансиона. На 7-й каррере, между авеню Хименес де Кесада и 14-й улицей. Стрелял в упор из револьвера человек по имени Хуан Роа Сьерра.

— А кто его нанял и сколько ему заплатили? — спросил отец.

Габриель запнулся, посмотрел на отца и решительно ответил:

— Платили консерваторы, олигархи, реакция. Этот тип был безработным, и к тому же оказался шизофреником. Но народ взбунтовался. И я участвовал. В одном офисе взял пишущую машинку, вынес на улицу, чтобы разбить. И не смог. Тут мне помог один кубинец. Громадного роста, сильный мужик. Мы вместе с ним раскачали машинку и подбросили вверх. Она упала и разлетелась на куски.

— А откуда там взялся кубинец? — спросил отец.

— Он с друзьями приехал в Боготу, чтобы в противовес Девятой Панамериканской конференции, проводившейся под руководством США, организовать там же Конгресс

латиноамериканской молодежи. Мы с ним подружились. Смелый парень, на два года старше меня. Фидель Кастро Рус. Он пытался стихийный народный протест превратить в революцию. Еле ноги унес. Его как кубинского коммуниста, хотя, по словам Фиделя, он им не был, искала полиция, чтобы свалить на кубинцев убийство Гайтана и уличные беспорядки. Когда он подошел к своему посольству, вход охраняли солдаты. Кастро перемахнул через забор.

— Много крови пролилось, а у нас сгорели все вещи и деньги. Иначе я бы не стал просить у тебя на самолет, папа. Теперь будем здесь устраиваться в университет. — Луис поглядел на мать.

— Это обязательно! И говорить нечего! — заверил Габриель.

— Габо, я скажу родителям правду. Мама, папа, он, конечно, будет учиться, но его заветная мечта — писать! А пока он хочет стать журналистом. — Луис протянул руку брату и пожал ее, как бы желая успеха.

— Вот увидите! Я стану и журналистом, и писателем! И в Колумбии не будет лучшего, чем я! — Габриель стукнул кулаком по столу.

Но в Барранкилье Габриель и его брат Луис столкнулись с теми же проблемами. Университет в Барранкилье также был закрыт, и они решили отправиться в легендарный, некогда пиратский город Картахену, куда собирались переехать и их родители с многочисленным семейством.

Однажды, шагая по улицам Картахены, Гарсия Маркес случайно встретил одного знакомого по Боготе, врача Мануэля Сапата Оливейю, интеллектуала, писателя и журналиста, автора известного романа «По ту сторону лица», который, скрываясь от преследования, переехал в Картахену. Габриель рассказал ему о своих делах. Сапата Оливейя буквально за руку отвел его в редакцию местной прогрессивной газеты «Универсаль», которая начала выходить в Картахене всего два месяца назад.

День 18 мая 1948 года запомнился Гарсия Маркесу на всю жизнь. Оказалось, что не только Мануэль Сапата, но и его друзья из «Универсаль», в том числе и опытный журналист, либерал Доминго Лопес Эскариаса, основатель и главный редактор газеты, прочитали и высоко оценили рассказы Гарсия Маркеса, опубликованные в «Эспектадор». В тот же день он был сразу принят в штат, на должность комментатора. И уже 20 мая в колонке «Комментарии», на 4-й полосе, где печаталась передовица, появился материал под названием «Приветствую Габриеля Гарсия», подписанный секретарем редакции Клементе Мануэлем Сабалой, который вкратце излагал приукрашенную биографию нового

сотрудника и заканчивал статью так: «Сегодня Габриель Гарсия Маркес, движимый сентиментальными чувствами, возвратился в родные пенаты и вошел в наши университетские круги, заняв место студента факультета права, где он продолжит учебу, которую начал в Боготе с превосходными отметками.

Жадный до учения писатель, интеллектуал, в этот новый период своей жизни не станет молчать и расскажет на страницах газеты о подавлении личности в нашей стране, явлении, с который он каждодневно сталкивается и которое тревожит его воображение. Он будет рассказывать также об известных и о простых людях и о разных событиях и происшествиях».

В действительности Гарсия Маркес был зачислен на второй курс Университета Картахены и начал занятия лишь 17 июня 1948 года[25]. Однако в редакции газеты дела его сразу пошли успешно. Мы читаем у Сальдивара: «Клементе Мануэль Сабала попросил приготовить первую заметку на свободную тему, и Габриель сочинил ее, дав волю своему воображению, используя и свои познания в поэзии, и склонность к самобытной прозе. Когда он вручил свою работу редактору, Мануэль Сабала взял со стола красный карандаш и стал править текст. Габриель тщательно пригляделся к стилю шефа и пришел к заключению, что его собственный стиль разительно от него отличается. В следующей заметке правки было уже значительно меньше. А еще через пару недель править было уже совсем нечего. Однако Габриель всегда сохранял собственный стиль, который отличался присущей ему одному игрой воображения и вымыслом на грани невероятного, и скоро Мануэль Сабала стал говорить, что Габриель пойдет далеко не только как журналист, но и как писатель» (28, 197–198).

Первая статья Гарсия Маркеса в газете «Универсаль» называлась «Жители города…» и была посвящена славным страницам истории колониального города Картахена-де-Индиас. Она была опубликована 21 мая 1948 года на двух полосах и открывала новую колонку «Точка. И с красной строки». На следующий день в этой колонке появилась заметка «Не знаю, из чего состоит аккордеон», затем «В то время как Совет Безопасности спорит…», и вскоре колонка приковала к себе внимание читателей. Так начался путь одного из лучших журналистов Колумбии Габриеля Гарсия Маркеса и, возможно, лучшего из репортеров, писавших на испанском языке.

— Вчера Габо в сильном подпитии благодарил судьбу за то, что вовремя оставил тлетворную интеллектуальную среду столицы. И утверждал, что пьян от общения с карибской культурой. — Мануэль Сабала показывал главному редактору

Лопесу Эскауриасу очередную статью Гарсия Маркеса.

— Это хорошо! Вот только ректор университета жалуется, что наш Габо плохо посещает лекции и никакого интереса к учению не проявляет, — заметил главный редактор.

— Но его колонка имеет успех! Для нас он подарок.

— А долго ли он будет с нами? Он помешан на создании новой литературы. Подруга моей дочери, молодая поэтесса, пересказывала мне речи, которые Габо произносит перед друзьями в кафе. Он с яростью говорит о том, что колумбийская литература — сущее дерьмо, поскольку она оторвана от реальной жизни страны.

— Извини, но его собственные рассказы — чистейшая абстракция, интеллектуальная игра и явно написаны под влиянием Кафки, Джойса, Борхеса.

— Однако они выстилают путь для литературы будущего. Я в этом не сомневаюсь. — Главный редактор говорил, одновременно читая статью, после чего возвратил ее Мануэлю Сабале. — А ведь пишет он здорово!

— Я тебе не говорил, но под нашим с ним влиянием сложилась Группа литераторов Картахены: кроме нас это Густаво Ибарра Мерлино, Эктор Рохо Эрасо, Рамиро де ла Эсприелья, Сантандер Бланко Кабеса, еще кое-кто, и даже Мануэль Сапата Оливейя присоединился к нам.

— Это хорошо, что ты патронируешь молодых. Это реклама для газеты. Я знаю, твой Габо в тебе души не чает. — Доминго Лопес пил кофе из маленькой чашечки.

— Я ему во многом помогаю. Я верю в его будущее. Характер у него, конечно, не сахар, но талант огромный! И такой тяги к знаниям я еще не встречал. Он перечитал уже почти всю мою библиотеку. — Сабала пригладил пышные, уже седеющие волосы. — Меня поражает количество стихов современных поэтов и классиков, которое Габриель знает наизусть.

— А меня поражает его способность в полночь диктовать срочные материалы прямо на типографский станок, потом, как говорят, идти в дом мадам Матильды Ареналес «Кровати напрокат», а к часу следующего дня класть тебе на стол очередную статью.

— Чаще после работы он с друзьями и подругами отправляется читать стихи на набережную залива Де-Альмас[26].

— Не только за этим. Однажды он мне признался, что черпает материал для своих статей из разговоров с пьянчугами, ночными гуляками и проститутками. И я ему верю.

— Это не мешает ему тщательно штудировать Вирджинию Вулф, например. Он уже три раза брал у меня «Миссис Дэллоуэй»,

изучил «Моби Дика» Джозефа Конрада… — Сабала не договорил — в кабинет следом за секретаршей вошел Гарсия Маркес.

— Извините, я могу отнести статью в набор? Я тороплюсь в университет, — произнес Габриель и закашлялся.

— Похвально! — сказал главный редактор. — Ты бы еще курил поменьше, а спал побольше. Словом, береги здоровье!

В то время Гарсия Маркес особенно сдружился с молодым адвокатом и писателем Рамиро де ла Эсприелья. Их литературные вкусы были поразительно схожими. По-разному они относились лишь к Трумэну Капоте и Сарояну, а любимыми писателями обоих были Фолкнер и В. Вулф, служившие им образцами нового стиля в прозе.

Оба были заядлыми matadores de gallo — шутниками и балагурами. Известен такой забавный факт. 5 июля 1949 года им было поручено вручить короны и скипетры двум королевам красоты на городском конкурсе. Оба написали свои выступления заранее, но поменялись текстами, и каждый не знал, что написал другой, так что публика получила двойное удовольствие — как от содержания речей, так и от манеры чтения обоих ораторов.

Читатель «Ста лет одиночества» помнит, как менялись текстами выступлений Хосе Аркадио Второй и Аурелиано Второй.

Дверь в кабинет главного редактора едва не слетела с петель. На пороге появился Гарсия Маркес.

— Вызывали, шеф?

— Приглашал. Входи и садись, герой, — миролюбиво предложил Лопес Эскауриаса. — Не знаю, как ты это воспримешь, ведь ты работаешь журналистом всего три недели и еще очень молод. Однако над твоей головой сгущаются тучи. Я к подобным вещам отношусь спокойно. За правду, за разоблачение политического бесчестия погиб не один журналист, но других это не останавливает.

Габриель побледнел, нервно закурил и закашлялся.

— Неужели Кармен-де-Боливар? — теперь его лицо залилось краской.

— Да, но пока ничего страшного. Я тебе помогу, если что. Однако суть дела вот в чем. Мне звонили двое разных людей. Оба назвались полковниками, и оба заявили, что сообщать свои фамилии не видят смысла. Полковники — и этим все сказано.

— Карахо, а что они хотели?

— Ты еще спрашиваешь? Именно потому ты и сидишь у меня в кабинете и сейчас будешь пить кофе, который готовят только главному редактору. Габо, они настойчиво требовали, чтобы

газета прекратила печатать материалы о событиях в Кармен-де-Боливар. Угрожали.

— То есть мои материалы, коньо! Они знают, кто автор?

— Не сомневайся, дорогой. Знаем только мы трое: я, Сабала и ты. За нас я спокоен, а вот ты никому не говорил?

— Еще нет. Хотя, кажется, Густаво Ибарра знает, и кто-то еще.

— Ибарра свой и умница, а вот кто-то еще… Однако ты прекрасно понимаешь, что военной контрразведке установить имя автора — что палец сунуть в ухо. Вот я и подумал: с одной стороны, информация о событии уже прошла, а с другой — не такое уж оно важное, чтобы стоило из-за него ломать копья.

— Согласен! Но если военные опять натворят что-нибудь подобное, я первый буду об этом писать.

— Молодец! Я в тебе не ошибся. А вот и кофе. — В кабинет вошла секретарь с подносом, на котором дымились две чашечки крепкого кофе. — А теперь скажи, когда ты послал в столицу свой последний рассказ и о чем он?

4 июня 1948 года вместе со своей одиннадцатой по счету статьей, названной «Неправда, что вы часто посещаете…», которую Гарсия Маркес подписал своим именем в колонке «Точка. И с красной строки», он опубликовал резкую заметку без подписи в связи с событием, которое произошло в небольшом соседнем с Картахеной городке Кармен-де-Боливар. Там была расстреляна мирная религиозная манифестация, и журналист требовал от правительства официальных объяснений произошедшего и соответствующего наказания виновных. Было опубликовано уже три статьи, когда в кабинете главного редактора раздались телефонные звонки. Члены литгруппы считали Габриеля героем, но его больше волновало, когда будет опубликован очередной его рассказ, уже давно посланный им в газету «Эспектадор».

В июле Гарсия Маркес печатает в газете «Универсаль» всего три статьи, а в августе ни одной. Он усиленно занимается и сдает экзамены за полугодие в университете.

А 25 июля в воскресном приложении столичной «Эспектадор» на 6-й и 12-й страницах был опубликован четвертый рассказ Гарсия Маркеса «Другая сторона смерти».

Однако самым главным в те месяцы было для Гарсия Маркеса зарождение замысла большого романа, в котором он собирался рассказать о своей жизни в доме деда, о войне, в которой тот принимал участие, о несправедливой политике партии консерваторов, об американцах, которые нещадно эксплуатировали богатейшие земли Колумбии, о ее бедном, бесправном народе.

Однажды, в середине августа 1948 года, вычитав очередную статью, в два часа ночи, Габриель Гарсия Маркес взял первый попавшийся под руку лист газеты, набранный лишь наполовину, перевернул его и на чистой, еще влажной стороне большими буквами вывел: La Casa — «Дом». Через два часа он закончил писать и отправился домой. И с тех пор сотрудники газеты, друзья, домашние и завсегдатаи его любимых кафе часто видели преуспевающего журналиста с рулоном газетной бумаги под мышкой. Иногда, сидя за столиком кафе, он разворачивал рулон и продолжал сочинять роман, который оказался бесконечным, но не бесполезным.

Шеф редакции Сабала поднялся с кресла и вручил Гарсия Маркесу четыре страницы очередной статьи.

— О'кей! Отлично пишешь. В набор!

— Спасибо, маэстро, стараюсь изо всех сил, — ответил сиплым голосом Габриель и пошел к двери.

— Тут мне один человек рассказывал о литературной жизни в твоей Барранкилье. Говорит, наша группа в Картахене — это слабое отражение, главное сейчас происходит в Барранкилье, и у них там вовсю бурлит литературная жизнь.

— А кто там? — заинтересовался Габриель.

— Мой друг назвал журналиста и писателя Альваро Сепеда Самудио, двух журналистов — Германа Варгаса и Альфонсо Фуэнмайора, художника Алехандро Обрегона и их учителей, Хосе Феликса Фуэнмайора и Рамона Виньеса. Он называл кого-то еще, но я забыл.

— Кое о ком я слышал.

— Мой приятель сказал, кто-то из них опубликовал хорошие рецензии на твои рассказы в «Эспектадор».

— Да? Это здорово! Можно я отлучусь, смотаюсь туда. Сегодня седьмое сентября. Тринадцатого, пусть меня черти съедят, буду на месте.

— Я не возражаю. Думаю, ты правильно сделаешь, но надо поговорить с главным. Впрочем, уверен, он согласится.

Знакомство Гарсия Маркеса в Барранкилье с matadores de gallo из «Пещеры» сыграло чрезвычайно важную роль в дальнейшей судьбе писателя.

Прибыв в Барранкилью, Гарсия Маркес и его друг Густаво Ибарра Мерлано в редакции газеты «Насьональ» узнали, где найти Альваро Сепеду и Германа Варгаса. Варгас вспоминает об их встрече: «Мы обменялись несколькими словами, высказали кое-какие идеи и поделились взглядами на жизнь, а вечером

отправились пьянствовать».

Гарсия Маркес произвел сильное впечатление на заместителя главного редактора местной газеты «Эральдо» Альфонсо Фуэнмайора и своим знанием литературы, и точностью характеристик. На следующее утро он отправился к главному редактору с идеей заполучить Гарсия Маркеса в газету. Мысль эта главному редактору понравилась, однако финансовая ситуация газеты была настолько трудной, что о приеме на работу нового сотрудника не могло быть и речи.

Вернувшись в Картахену, друзья рассказали о том, что видели в Барранкилье, и обязали Сабалу дважды в неделю устраивать встречи литературной группы, где бы они могли читать вслух и обсуждать книжные новинки. Получалось что-то вроде литературной мастерской.

Сам же Гарсия Маркес продолжал заполнять обратную сторону газетных полос романом «Дом». Он читал написанное всем, кто соглашался его слушать, вплоть до девочек из дома мадам Матильды Ареналес «Кровати напрокат».

Толстый рулон газетной бумаги, свернутый, как обои, лежал на соседнем с Габриелем стуле, и странного вида ангелочки, которыми были расписаны стены кафе, так же странно глядели на свиток и его владельца. Он только что закончил читать написанные им накануне страницы романа и, в ожидании суждения друзей, сделал большой глоток рома.

— Знаешь, Габо, то, что ты печатаешь в газете, это иной раз даже не статьи, а рассказы, маленькие жемчужины, — сказал Рамиро де ла Эсприелья.

— А я знаю твердо, когда ты, Габо, станешь известным на весь мир писателем, твои биографы начнут изучать творческий путь Гарсия Маркеса с того, что ты пишешь сейчас в нашей газете. И будут удивляться твоему высокому журналистскому мастерству, — произнес Эктор Рохас Эрасо.

— Там, где молодых будут обучать ремеслу журналистики, непременно станут штудировать твои нынешние работы, — добавил Густаво Ибарра Мерлано.

— Карахо, ну и что дальше? — хрипло спросил Габриель и закурил очередную сигарету.

— Я тут читал журнал «Лайф». В нем была статья о том, что в США зарождается новый тип журналистики. По-моему, они опоздали! Ты, в Колумбии, их опередил, — заявил Эктор.

— А чем это он «новый»? — спросил Габриэль.

— Хемингуэй утверждает, что журналист не может быть одновременно хорошим писателем. Если он хочет им стать, он

обязан бросить журналистику. Ты же доказываешь, что граница между журналистикой и литературой может быть почти невидима, — пояснил Эктор и поглядел на Сабалу.

— Коньо! Тогда почему, как только я начинаю говорить о моем «Доме», вы все как в рот воды набрали? Не тот писатель, кто сидит дома за машинкой и носа на улицу не высовывает. Работа журналиста дает писателю знание жизни, реальные факты! — Габриель осушил рюмку рома.

— Молодец, Габо! Я в тебя верю! И что бы мы тут тебе ни говорили, ты ведь не бросишь писать, — высказал свое мнение мэтр Сабала.

— Никогда! Клементе Мануэль Сабала, вы, как все утверждают, человек загадочный! Я не забуду вас до конца моих дней! Вы сами не знаете, как много мне даете! Но сейчас вы молчите! Ни слова о моем романе!

Сабала вздохнул.

— Если ты настаиваешь, я скажу. Твоя новелла «растекается по древу». Ты хочешь сказать слишком много сразу, а это не получается. Сумбур! Но, Габо, если ты бросишь работу над «Домом», ты очень меня огорчишь. Продолжай писать, и ты найдешь себя! Писателями не рождаются. Однако ты стоишь на верном пути. Вот только что ты будешь дальше делать с университетом? Я знаю, ты его посещаешь, только чтобы не перечить отцу. С другой стороны, журналистика, и чтение, и наша литмастерская и так дают тебе необходимые знания. Только диплома не будет. Однако поздно уже. Я, пожалуй, пойду. — И Сабала тяжело поднялся со стула.

Когда мэтр ушел, Габриель вопросительно посмотрел на своих друзей.

— Пока ясно просматривается только одно — твоя ностальгия по людям, вещам и событиям, уже принадлежащим истории, — начал Эктор. — Ты часто уходишь от главной темы, да ее вообще нелегко уловить. Получается несколько расплывчато…

— С другой стороны, твой реализм не оплодотворяется ни фантазией, ни подсознанием — ничем потусторонним, — дружелюбно добавил Рамиро.

— Ты как-то уж слишком вольно обращаешься со временем. — Густаво придвинул свой стул поближе к стулу Габриеля. — Ни у Фолкнера, ни у Стейнбека этого нет.

— Но я и не стараюсь писать, как Фолкнер. Госпожа Дэллоуэй многое дала мне. Это так, однако это будет мой собственный роман! Ну ладно. Спасибо. Вы настоящие друзья. Пошли по домам, — миролюбиво произнес Габриель.

В тот момент он подумал о своих новых друзьях из Барранкильи особенно тепло, и еще он вспомнил испанца-республиканца из Каталонии, Рамона Виньеса, который знал все на свете и «от которого никогда не отдавало нафталином».

Здесь интересно вспомнить, что говорил писатель своему другу Плинио Апулейо Мендосе в апреле 1982-го, за полгода до получения Нобелевской премии по литературе:

«— Должен тебе сказать, мне нравится читать не только потому, что эти книги написаны лучшими писателями, а по причинам, которые не всегда просто объяснить.

— Ты часто упоминаешь Софокла, его „Царя Эдипа“.

— „Царя Эдипа“ и „Амадиса из Гаулы“, „Поводыря из Тормеса“ „Дневник во времена чумы“ Даниэля Дефо, „Первое путешествие вокруг земного шара“ Пигафетты.

— И „Тарзана из страны обезьян“.

— Берроуза, да.

— И авторов, которых ты постоянно перечитываешь?

— Конрада, Сент-Экзюпери…

— Почему Конрад и Сент-Экзюпери?

— Главная причина, по которой ты перечитываешь какого-либо автора, это то, что он тебе по душе. Что мне больше всего нравится в Конраде и Сент-Экзюпери? Единственное, что их объединяет, — это манера схватывать самую суть и говорить обо всем так спокойно, что реальная жизнь видится поэтичной далее в тех случаях, когда речь идет о самых обыденных вещах.

— А Толстой?

— От него у меня ничего нет, но я всегда полагал, что лучший роман, который был им написан, это „Война и мир“.

— Однако ни один критик не обнаружил в твоих произведениях влияния упомянутых писателей.

— Это правда, я всегда старался ни на кого не походить. Вместо подражания я всю жизнь стремился избегать схожести с авторами, которые мне нравились.

— Между тем критики постоянно обнаруживают в твоих книгах тень Фолкнера.

— Ты прав. И они так упорно настаивают на этом, что было время, когда я и сам стал в это верить. Я не отказываюсь от этого, потому что считаю Фолкнера одним из самых великих новеллистов всех времен. Однако критики устанавливают степень влияния таким образом, что я никак не могу их понять. В случае с Фолкнером аналогии в большей степени географические, чем литературные. Я обнаружил это, путешествуя по югу Соединенных Штатов, спустя много лет после того, как я сочинил

мои первые рассказы. Пыльные, раскаленные от зноя поселки, отчаявшиеся люди, — все было так похоже на то, что я описывал в моих рассказах. Возможно, это совпадение не случайно, ведь Аракатака — селение, где я провел детство, — была в большей степени отстроена североамериканской компанией „Юнайтед Фрут“.

— Я бы сказал, есть аналогии более глубокие. Существует родственная связь между полковником Сарторисом и твоим полковником Аурелиано Буэндия, между Макондо и графством Йокнапатауфа. В твоих произведениях есть женщины с железным характером героинь Фолкнера и некоторые стилевые особенности, присущие только ему… Отрицая определенное влияние на тебя Фолкнера, не становишься ли ты отцеубийцей?

— Может и так. Я уже говорил тебе, что моя задача заключалась не в том, чтобы имитировать, повторять Фолкнера, а чтобы его разрушить».

Мексиканский критик Эммануэль Карбалье писал об этом так: «Гарсия Маркес, упорно и настойчиво оставаясь в своих романах и рассказах автором одной темы, описывая одних и тех же людей и одни и те же пейзажи, сделан для испаноамериканской литературы столько же, сколько Фолкнер для литературы Соединенных Штатов, — он создал новый мир прозы, убедительный и самодостаточный. Для испаноязычного читателя Макондо и соседнее еще меньшее село, чье название никогда не упоминается, так же интересны, так же необычайно колоритны и полны дыхания живой жизни, как для англоязычного читателя графство Йокнапатауфа. Макондо — забытое богом, жалкое селение департамента Магдалены — в широком смысле действительно является многозначной метафорой, за которой скрывается вся Колумбия; миф, изобретенный автором, который представляет собой прошлое и настоящее Латинской Америки и прорицает ее будущее, охваченное огнем» (5, 10).

Нет сомнений в том, что в конечном счете ни Софокл, ни «Илиада» и «Одиссея», ни «Песнь о Роланде», ни «Песнь о моем Сиде», ни «Шехерезада», ни Сервантес (о Шекспире писатель никогда не упоминал), ни Дюма, ни Клодель, ни Кьеркегор, ни даже Кафка, а именно североамериканские романисты послужили тем импульсом, который позволил Габриелю Гарсия Маркесу создать его собственный мир. И не исключено, что слава Фолкнера и В. Вулф также повлияла на процесс его творческого становления.

А пока Гарсия Маркес все меньше работает в газете «Универсаль» и усиленно трудится над сочинением романа «Дом». Иногда, для поддержания контакта со столичной газетой, он пишет рассказы. 23 января 1949 года газета «Эспектадор» на 11-й

странице воскресного приложения напечатала рассказ «Диалог с зеркалом».

Закадычные друзья Габриель Гарсия Маркес и Рамиро де ла Эсприелья вышли из дома мадам Ареналес.

— Габо, что ты еле ноги волочишь? Только не сваливай на девицу! Еще до того как мы вошли, ты был белый, как мука. Ты что, мало ешь?

— Да так себе…

— И для газеты почти перестал писать.

— Коньо, да что там печататься! За статью платят по тридцать два сентаво!

— Карахо! Это же десять порций мороженого. Что они, сдурели? А везде говорят, что тебя любят, что ты отлично пишешь.

— Таков закон капитализма — побольше взять, поменьше дать. — Габриель остановился — казалось, у него закружилась голова.

— Пятнадцать статей в месяц — четыре восемьдесят. Три раза сходить к мадам… Как же ты протягиваешь месяц на одно песо восемьдесят?

— Плохо, но я не жалуюсь. Пошли дальше.

— И за воротник закладываешь прилично. Неделю назад мой отец видел тебя вдрызг пьяным.

Ты шел домой, держась за изгороди и стены домов. Зачем ты так много пьешь?

— От одиночества! Другой бы меня не понял, Рамиро. Но ты-то должен меня понять. Людей вокруг много, а я чувствую себя совершенно одиноким.

Рамиро остановился, сердце его сжалось. Он столько раз думал об этом! Талантливый человек всегда одинок. Возможно, потому, что, благодаря своей одаренности и знаниям, он всегда впереди своего времени.

— Только с тобой мне хорошо! — Габриель тряхнул головой и пошел дальше.

Вот что писал об этом периоде жизни Гарсия Маркеса поэт Оскар Кольясос: «Между тем молодой писатель, открывший для себя в Боготе „Превращение“ Кафки, в Картахене сдружился с кутилами и стал активно посещать притоны и злачные заведения низкого пошиба» (6, 27). Друг детства Плинио Мендоса в 1982 году свидетельствовал о том же: «У него хватало времени, чтобы писать рассказы и пить ром со своими дружками в шумных портовых тавернах до самого рассвета, пока контрабандисты

вместе с проститутками не отправлялись на своих баркасах к островам Аруба и Кюрасао» (20, 44).

А вот что говорил сам писатель, уже вкусивший славы и познавший и ее радости, и ее горечь, Варгасу Льосе в сентябре 1967 года в Лиме. Они встретились в Национальном инженерном университете и долго говорили о том, что всю жизнь не давало Гарсия Маркесу покоя: «В самом деле, я не знаю никого, кто бы в той или иной степени не чувствовал себя одиноким. Одиночество интересует меня как явление. Возможно, это отдает метафизикой и звучит реакционно, и вдобавок кажется противоположным всему тому, что я собой представляю и чем хочу быть на самом деле, однако думаю, что человек обречен на одиночество».

ВАРГАС ЛЬОСА: «Ты полагаешь, что именно это и характеризует человека?»

ГАРСИЯ МАРКЕС: «Я считаю, что это основная составляющая человеческой природы» (35, 23).

— Сто лет тебя не видел, Габо, — сказал Эктор Рохас. Вместе с Густаво Ибаррой они шли по главной улице Картахены. — Все рожаешь свой роман?

— Я как золотоискатель! Чем больше обработаю породы, тем больше найду золотых крупинок, — ответил Гарсия Маркес. — Мы виделись неделю назад.

— Дорогой ты мой, для меня это словно год. — Эктор с жаром тряс руку друга. — Что-то ты бледный какой-то. Плохо себя чувствуешь?

— Эктор, я думаю, нам всем надо оставить в покое Габриеля с его «Домом». — Густаво обнял друга. — Настоящий писатель никогда ничего не пишет просто так, понапрасну…

— А Гоголь? Он же сжег свои рукописи… — Эктор не закончил мысль.

— Ну, нам всем далеко до него.

— Я тоже уверен, что ничего не делаю зря. — Габриеля мучил кашель. — Уже больше восьмисот машинописных страниц написано, они не пропадут даром. Я собираюсь из всего этого оставить двести, ну, может, чуть больше. Это и будет моим первым романом.

В конце марта 1949 года Габриель заболел, у него поднялась температура, и врачи определили воспаление легких. 30 марта отец Габриеля и верный друг Рамиро де ла Эсприелья закутали Габо в одеяла и отвезли на машине в город Сукре, где с конца прошлого года обосновались в собственном доме родители писателя.

Провожали его друзья по литературной мастерской: Эктор Рохас Эрасо, Клементе Сабала, Густаво Ибарра Мерлано и Хорхе Альваро Эспиноса. Все они были старше Габриеля, все занимались писательством, и, конечно, каждый из них внес свою лепту в процесс формирования творческой личности будущего лауреата Нобелевской премии. В своих интервью Гарсия Маркес не раз утверждал, например, что «развитием моей литературной жилки я ничуть не менее обязан Клементе Сабале, чем „ученому каталонцу“ из „Ста лет…“» (имеется в виду Рамон Виньес из Барранкильи).

В редакции «Универсаль» сразу почувствовали отсутствие Гарсия Маркеса, и уже 30 марта 1949 года Эктор Рохас Эрасо, журналист, поэт, художник и будущий писатель, сообщил на страницах газеты о его отъезде. Он пожелал коллеге выздоровления и, среди прочего, писал: «Гарсия Маркеса сейчас нет с нами, и у всех в редакции такое ощущение, будто в доме недостает родного брата. Его проза, прозрачная, точная, напряженная, шла в ногу со временем. Он знал, как из множества разнородных новостей выбрать ту, которая вызовет интерес у читателей, поскольку чувствовал ее необходимость и значение благодаря природной интуиции и журналистскому чутью. Его стиль быстро обрел всеобщее признание. Он удивительно чувствовал время, как это присуще только настоящему мастеру, которым он стал, работая над рассказами и романами».

Статья заканчивалась фразой: «Сегодня Гарсия Маркес является не только прекрасным журналистом и лучшим в Колумбии автором рассказов; с упорством, достойным подражания, он сочиняет роман, наполненный волнующим дыханием жизни».

— Мои несравненные, волшебные горошинки! Я тебе говорил, они за неделю поставят тебя на ноги. Ты еще очень слаб, но уже здоров! — Габриель Элихио хлопотал около тумбочки, уставленной лекарствами.

Под ветвистыми кронами манговых деревьев во дворе дома стояло несколько кроватей. На одной из них, укрытый легким одеялом, лежал исхудавший Габриель: заросшие щетиной щеки, ввалившиеся черные глаза, высокий лоб. Яркое, почти экваториальное солнце щедро прогревало воздух, напоенный ароматами тропиков.

— Коньо, неужели это и впрямь благодаря твоим горошинкам? — тихо спросил отца Габриель.

— Ты мне всегда не доверял, — печально обронил отец.

— Неправда! Я люблю тебя, отец. За последние годы я многое

понял и на многое теперь смотрю иначе. Жизнь хороша, только если делишь ее с другими людьми.

— А знаешь, Габо, пока ты болел, я читал твои газетные листы. Там есть яркие куски, черт побери, и очень точные зарисовки.

— Спасибо, папа. Из этих кусков я задумал сделать роман, который будет называться «Скошенное сено» или, может быть, «Палая листва». Надо, карахо, всем рассказать, что за народ у нас в Колумбии и как он живет.

В это время на дорожке показались мать писателя, его брат Луис Энрике и восьмилетний брат Хайме. У каждого в руках было по картонной коробке.

— Твои друзья из Барранкильи посылают тебе книги, — сказала Луиса Сантьяга. Они поставили коробки на землю, в ногах кровати.

Посылки привез Луис Энрике, который учился в университете Барранкильи. Брат вручил Габриелю письмо и стал разбирать книги.

— Вирджиния Вулф, Драйзер, Трумэн Капоте, Колдуэлл, Дос Пассос, Андерсон, Хемингуэй, Хаксли, Фолкнер…

— Это Рамон Виньес, Альваро Сепеда Самудио и Герман Варгас. Дорогие мои и верные друзья. С ними мне было бы и жить и работать куда легче. Они точно знали, что мне нужно, и прислали именно те книги моих любимых авторов, которые я не читал. И потом, в Барранкилье я был бы рядом с братом.

Вот что рассказывает Сальдивар своим читателям: «Лежа в гамаке, подвешенном между двумя манговыми деревьями на берегу речушки Мохана, Гарсия Маркес не только много читал, но и занимался демонтажом, переписыванием каждого из уже опубликованных рассказов и романа, как если бы разбирал механизм часов, изымая из корпуса целые компоненты повествования. Когда через несколько месяцев он возвратил книги друзьям из Барранкильи, у него уже был закончен первый вариант „Палой листвы“ и разработана в целом методика написания романов» (28, 211).

Гарсия Маркес возвратился в Картахену 13 мая, и через пару дней на страницах «Универсаль» появилась статья без подписи «Возвращение товарища», автором которой был все тот же Эктор Рохас. В ней, в частности, говорилось: «На берегу речки Мохана, в доме родителей в городе Сукре, Гарсия Маркес закончил редактирование и поставил последнюю точку в рукописи своего романа, который скоро выйдет в свет. Он называется „Уже скосили сено“. Мы имели возможность ознакомиться с некоторыми

фрагментами оригинала еще в процессе работы и берем на себя смелость утверждать, что эта книга — серьезная заявка, сделанная в Колумбии с целью вывести нашу страну на широкую дорогу мирового литературного процесса».

В гостиной дома Сабалы было не продохнуть от сигаретного дыма и запаха рома и кофе. Группа литераторов Картахены собралась во второй раз после возвращения Гарсия Маркеса. По обычаю, самая интересная тема обсуждалась в конце вечера (никто из них не боялся, что другой может использовать его сюжеты, образы, удачные выражения). Слово предоставили знатоку древнегреческой литературы Густаво Ибарре, который был первым, кто прочел рукопись романа «Уже скосили сено».

— Я поздравляю тебя, дорогой Габо, от всей души с большим успехом! Это совсем не то, что твой роман «Дом». И я полностью разделяю оценку этого произведения, данную Эктором в его статье, при том что Эктор романа не читал.

— И согласен с названием, которое он дал роману? Габо считает, что лучше назвать его «Палая листва». И я с ним согласен, — заявил Рамиро.

— Я понимаю его в буквальном смысле. Макондо и его народ, измордованный компанией «Юнайтед Фрут», — это скошенная трава. Да и сам Габо прежде так думал, — объяснил Эктор.

— Это не очень типично для нас: косить сено, — заметил Хорхе Альваро Эспиноса.

— Не в этом дело! Главное — читать роман, исполнившись любви к нашему другу, — в разговор вступил Густаво. — И тогда поймешь: лучшее название — это «Палая листва».

— И я так решил! — заявил Габриель.

— Кстати, в этом романе Габо есть тема, разработанная в пятом веке до нашей эры Софоклом, в его «Антигоне».

— Так это же хорошо, карахо! — вставил хозяин дома, он же глава Группы. — Один из трех великих представителей античной трагедии, которые стремились соединить новое со старым. Он первым начал говорить о свободе личности. И вот теперь, как ты говоришь, это делает наш товарищ.

— Да! Похороны человека, который шел против воли народной, — это та центральная линия, и в античности, и у нашего Габриеля, которая превосходно выражает силу и глубину конфликта. Это здорово!

— Коньо! У кого есть «Антигона»? Меня это радует, но и настораживает, — произнес Габриель, и лицо его порозовело.

— Я тебе дам эту книгу, но, карамба, зачем она тебе? Я твердо уверен, что в тебе, Габо, уже поселился тот самый бес,

который сделает из нашего Габриеля Гарсия Маркеса выдающегося романиста. Конечно, есть еще бугорки и ямки, но их немного. Я потом их тебе покажу.

— А я их расчищу и отполирую! — Габриель осушил рюмку. Глаза его блестели, он чувствовал себя «на коне».

Итак, начальный вариант первого романа Гарсия Маркеса «Палая листва» был готов в июне 1949 года, когда писатель еще жил в Картахене. Роман прочли все члены литгруппы, и, если не считать мелких замечаний, все сошлись в одном — в колумбийской литературе еще не было произведения такой силы, такой проблематики и такой своеобразной стилистики.

Сальдивар по этому поводу заметил: «Не отрицая влияния, которое, без сомнения, оказало на него знакомство с западной культурой, необходимо признать, что именно история Аракатаки и воспоминания детства, а также глубокое проникновение в мир героев Уильяма Фолкнера и Вирджинии Вулф явились той плодородной почвой, на которой вырос первый роман писателя» (28, 213).

Между тем Габриель Гарсия Маркес почти полностью прекратил работу в газете «Универсаль». Он обещал отцу успешно закончить третий курс юридического факультета, и тот помог сыну деньгами.

Однако вот что мы читаем по этому поводу в примечании к предисловию обширного исследования творчества Гарсия Маркеса, автором которого является Жак Гилар, серьезный литературовед и ученый: «Студент Гарсия Маркес очень часто пропускал лекции. На втором курсе он девять раз пропустил лекции по международному гражданскому праву и шесть занятий по римскому праву. На третьем курсе он тридцать семь раз пропустил занятия по гражданскому праву, шесть раз не посещал семинары по этой дисциплине и пропустил двадцать одну лекцию по испанскому и индейскому праву. Провалившись на трех экзаменах, Гарсия Маркес был исключен с третьего курса университета, о чем, похоже, узнал лишь четырнадцать месяцев спустя, когда в феврале 1951 года, по возвращении в Картахену после годичного проживания в Барранкилье, попытался было начать занятия в тамошнем университете на четвертом курсе» (15).

В это время Гарсия Маркес шлифовал «Палую листву» и писал новые рассказы. 13 ноября в воскресном приложении «Эспектадор» был напечатан очередной рассказ писателя — «Огорчение для трех сомнамбул».

«Картахена и картахенские друзья Маркеса, конечно, позволили ему восстановить близость к карибской культуре и обогатиться

должными знаниями, чтобы стать писателем и журналистом, о чем он так мечтал со времени пребывания в Сипакире.

Однако в последующие двадцать лет отношения Гарсия Маркеса с Картахеной можно охарактеризовать как любовь-ненависть. Писателю трудно забыть нищенское существование, ничтожную плату, которую он получал за свой труд в „Универсаль“, и особенно пренебрежительное высокомерие некоторых представителей местной буржуазии, которые не скрывали своего отношения к бедному провинциальному журналисту. С другой стороны, Гарсия Маркес не мог не оценить всего того, что дал ему этот город за те два года, которые он там прожил, потому что всю его жизнь Картахена, наряду с Аракатакой, Сукре, Вальедупаром и Барранкильей, была для писателя неисчерпаемым литературным источником. Тень этого города легко угадывается на страницах первых двух сборников рассказов и четырех первых романов», — писал Дассо Сальдивар (28, 216).

Следует добавить, что именно в Картахене состоялось знакомство молодого писателя с Альваро Мутисом, человеком, который сыграл такую значительную роль в будущей судьбе писателя! Состоятельный боготинец, менеджер колумбийской авиакомпании «Ланса» и поэт, Альваро Мутис в свои двадцать шесть лет был хоть и непоседа, но обладал такими устойчивыми качествами, как великодушие, благородство и преданность в дружбе. Они знали о существовании друг друга по публикациям в газетах стихов Мутиса и рассказов Гарсия Маркеса, но познакомились случайно ранним ноябрьским утром на набережной Картахены, куда Мутис привез одного своего друга из Боготы специально, чтобы показать ему океан.

Они проговорили на балкончике номера захудалого портового отельчика в районе Боканегра все утро, потом весь день и всю ночь и… стали неразлучными друзьями. Их взаимную симпатию укрепила любовь к чтению. Но еще сильнее их сблизило то, что они одинаково смотрели на мир. Им не хотелось расставаться.

Мутис все же улетел в Боготу, а Габриель Гарсия Маркес, оставив Картахену, встречал Рождество Христово и Новый, 1950 год среди своих друзей в городе Барранкилья.

Они сидели в баре уже более четырех часов. Альваро Мутис прощался со своими давними друзьями Эктором Рохасом, Густаво Ибаррой, Дональдо Боссой и новым приятелем Габриелем Гарсия. Он читал свои поэмы и слушал стихи Эктора, Дональдо и Габриеля. Когда тот на минуту вышел, Альваро сказал:

— Друзья, я искренне полюбил Габо. Я думаю, у него большое

будущее. Он мировой «катакеро». И я хочу ему помочь.

— Сделаешь большое дело! — с радостью произнес Густаво

— Он говорил мне, что у него есть сногсшибательный роман.

— Это так, Альваро! Может, он еще сыроват, но это переворот в литературе! Такого у нас в Колумбии еще никто не сочинял. Да и во всей Латинской Америке. Яркие воспоминания детства, забытый всеми маленький городок, проблематика, по глубине не уступающая Софоклу, а техника — смесь Фолкнера с Вирджинией Вулф. Конечно, помоги, если можешь! — Эктор положил руку на плечо Альваро. — Мы все за него.

— Вы слышали о Кабальеро Кальдероне? У него тоже есть толковая рукопись. Я пошлю обе в Буэнос-Айрес.

— Мы знаем книги Кабальеро. — Дональдо опрокинул рюмку рома. — Альваро, ты наш друг! И ты сделаешь большое дело.

— А у тебя есть связи в Байресе? — спросил Густаво.

— Мой друг в Боготе — представитель издательства «Лосада». Я его уговорю!

Тут появился Гарсия Маркес. Когда он подошел к столу, Альваро сказал ему:

— Ведь ты живешь неподалеку? Дуй за своей рукописью! Я отправлю ее в Аргентину. И не куда-нибудь, а в «Лосаду».

Габриель посмотрел на друзей — те только кивали — и сорвался с места.

Однако через минуту он вернулся.

— Что случилось, мучачо?[27] — насторожился Альваро.

— Мутис, друг, ты улетаешь завтра в девять. Я буду в аэропорту в восемь. Принесу рукопись. Ее еще надо привести в порядок…

В начале декабря 1949 года Хулио Сесар Вильегас, представитель в Колумбии издательства «Лосада», одного из крупнейших в Аргентине, отправил в Буэнос-Айрес рукописи романа «Христос со стороны спины» Эдуардо Кабальеро Кальдерона и романа «Палая листва» Габриеля Гарсия Маркеса.

ГЛАВА IV
Журналистика. «Палая листва» (1950–1955)

— Вы написали, Альфонсо, что я прибыл в Барранкилью провести отпуск. Должен ли я понимать это как ваше нежелание, маэстро, видеть Габриеля Гарсия Маркеса в Барранкилье в течение длительного периода? — Габриель, как и все остальные, был навеселе. Праздновали Рождество.

— Да что ты такое говоришь! Не я ли год назад упрашивал главного редактора «Эральдо» дать тебе работу? Я даже предлагал урезать мою зарплату вдвое, чтобы можно было платить тебе. И я уговорил хозяина! Можешь считать это новогодним подарком. Так что, наоборот, оставайся! И если согласишься, с первого января у тебя будет своя колонка в газете. — Альфонсо Фуэнмайор не принял шутки Габо. Сам он был писателем и журналистом и, кроме того, заместителем главного редактора газеты «Эральдо», где одновременно вел собственную колонку «На злобу дня» и подписывался псевдонимом *Пакк*[28].

— Значит, я уже могу придумывать название колонки?

— Давай за это выпьем!

— Назовем колонку «Жираф». Я серьезно! И не вздумайте отступать, маэстро! — Габриель чокнулся с Фуэнмайором.

Герман Варгас, Альваро Сепеда, Хуан Фернандес Реновицкий по очереди горячо обняли Габо.

— А подписываться буду Септимус!

— Ты серьезно? — Фуэнмайор пришел в волнение. — Это персонаж из «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вулф. Но он же сумасшедший!

— А разве мы все не чокнутые? — спросил Гарсия Маркес, грустно улыбаясь. Ему неожиданно вспомнилась Картахена. «Все-таки это очень красивый город. В нем есть магия, он весь дышит историей. Целых два года он был для меня тихой заводью. Я столько узнал там, к тому же накатал там не менее девятисот страниц „Дома“ и сочинил свой первый роман!»

17 декабря 1949 года на 3-й полосе ведущей ежедневной газеты Барранкильи «Эральдо», куда более значительной, чем «Универсаль», за подписью Пакк было опубликовано сообщение о приезде в город Гарсия Маркеса. В нем говорилось: «Габриель Гарсия Маркес решил

доставить себе удовольствие провести отпуск именно в нашем городе.

Уйдя от сомнительных обещаний создать реальную действительность, Гарсия Маркес сумел, однако, разгадать одну из вечных загадок бытия — человеческую душу, и сделал это с обескураживающей откровенностью. Хочется верить, что Габриель Гарсия Маркес, или, как зовут его друзья, Габито, и есть тот выдающийся романист, которого так долго ждала наша страна».

Несомненно, начинающий писатель принял правильное решение перебраться в Барранкилью. В Картахене литературная жизнь еле теплилась, здесь же она била ключом. Это полностью отвечало творческим планам Гарсия Маркеса и, кроме того, давало ему возможность проявить себя как журналиста, обрести новые знания и опыт.

Недели через три после Нового года, когда Альфонсо Фуэнмайор пришел в редакцию, он увидел в приемной целую толпу народа и Гарсия Маркеса, который был еще бледнее, чем всегда. Гарсия Маркес подошел к нему.

— Мне надо с вами поговорить, но не здесь! Я буду ждать вас там, — шепотом сказал Габриель и указал через открытое окно на одну из лавочек рынка на противоположной стороне улицы.

Через полчаса, освободившись от срочных дел, Фуэнмайор вошел в мясную лавку. Гарсия Маркес был там, он еле сдерживался.

— Что случилось, Габо? — озабоченно спросил Альфонсо.

— Досталось мне по первое число! — осипшим от волнения голосом произнес Габриель и достал из кармана письмо.

Фуэнмайор увидел бланк издательства «Лосада».

— Кто такой этот Гильермо де Торре? — тихо, но с раздражением спросил Габриель.

— Видимо, президент «Лосады». Я не знаком с ним лично, — ответил Альфонсо, понимая, однако, что есть основания сочувствовать Габриелю. Де Торре был не только президентом издательской группы «Лосада», но еще и испанцем и, кроме того, приходился то ли свояком, то ли зятем самому Хорхе Луису Борхесу. — Но кто бы что ни писал, это еще не причина для паники.

— Допустим, но вы сначала прочтите. — И Гарсия Маркес поднес текст к очкам Фуэнмайора. — Он, видите ли, признает некоторое присутствие в тексте поэтики, а потом от рукописи камня на камне не оставляет! Свинья, он не видит во мне писателя, утверждает, что у меня нет будущего. Дерьмо! Советует мне вообще бросить писать! И заняться чем-нибудь другим. Сам-то он написал хоть один рассказ? Marrano![29]

— Габо, да не огорчайся ты так, прошу тебя! — примирительно сказал Фуэнмайор, прочитав письмо. — Такова жизнь! Такова судьба каждого начинающего писателя. И таковы люди, особенно издатели! Ты-то сам знаешь себе цену. И мы ее знаем. Придет время, и Де Торре не раз пожалеет о своих словах. Зато твой вчерашний материал в «Жирафе»…

— «Элегия бандиту»?

— Он самый! Его очень хвалил главный. Вот о чем надо думать. Поверь мне, ты свое возьмешь!

— Я просто хотел подзаработать…

— Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Наберись терпения, и все у тебя будет. Я уверен! Пошли в редакцию. Там дел навалом. Вечером приглашаю тебя в «Хапи». А ты знай себе делай свое дело. Пиши!

В лавке, где они разговаривали, Габриель увидел деревянный прилавок для разделки мяса, на котором лежал огромный топор для рубки костей. Гарсия Маркес аккуратно разложил письмо на прилавке и топором измельчил ответ из «Лосады» на кусочки. Мясники, глядя на него, смеялись. Скорее всего они думали, что это было письмо невесты, отказавшей парню выйти за него замуж.

Гарсия Маркес, следуя совету старшего друга, с головой ушел в работу газетчика. Он был и комментатором, и редактором статей, и автором передовиц, и выпускающим редактором. За двадцать месяцев, которые он прожил в Картахене, он опубликовал в «Универсаль» всего 39 статей. А вот статистика его материалов в газете «Эральдо»: в январе — 14, в феврале — 14, в марте — 27, в апреле — 23, в мае — 26, в июне — 21 материал, и так далее, не считая написанных им передовиц.

Первые публикации в колонке «Жираф» появились 5, 7, 10, 11 и 12 января 1950 года и назывались соответственно «Святой в середине нашего века», «В поисках утраченного времени», «Поговорим об Эрнандо Тельесе», «Важная сеньора» и «Элегия бандиту».

Конечно, еще до прибытия в Барранкилью Гарсия Маркес с полным основанием мог считать себя членом Литературной группы Барранкильи или, как называли ее сами участники собраний, Группа из «Пещеры», по названию бара, где они чаще всего проводили свои литературные встречи. Наиболее активными членами группы были Альваро Сепеда Самудио, Альфонсо Фуэнмайор, Герман Варгас и Алехандро Обрегон. Все они появились впоследствии в цикле рассказов «Похороны Великой Мамы» как Los matadores de gallo de La Cueva — «Шутники из „Пещеры“». Их духовными отцами и литературными наставниками являлись

известный колумбийский писатель Хосе Феликс Фуэнмайор, священник отец Альфонсо и испанец-республиканец, писатель и драматург Рамон Виньес, увековеченный Гарсия Маркесом в образе «ученого каталонца» в романе «Сто лет одиночества».

На этот раз они собрались в кафе «Колумбия». Вел встречу только Рамон Виньес, поскольку Хосе Феликс Фуэнмайор плохо себя чувствовал и не пришел. Звучала негромкая музыка, посетители разговаривали, официанты сновали между столиками, слышалось звяканье посуды. Было уже поздно, и обсуждение литературных новостей закончилось.

— Габо, я заканчиваю читать рукопись твоего романа «Палая листва». А ты молодец! Но я давно хочу спросить тебя о другом: ты что, действительно не нашел ничего лучшего для жилья, чем комната в борделе «Небоскреб»? — Виньес опустил глаза. — Извини, но ты ведущий журналист «Эральдо». «Злые языки страшнее пистолета».

— Да мне плевать! Там удобней и дешевле. В «Эральдо» мне платят больше, чем в «Универсаль», но я пока не Ротшильд, — весело ответил Габриель.

— Но, Габо, как это терпит та девушка, которую я видел однажды с тобой на танцах? — спросил Алехандро Обрегон.

— Ты что-то имеешь против нее? — Габриель нахмурился.

— Ничего. Наоборот, хочу тебя поздравить. Она мне понравилась. Красивая. У нее очень необычное лицо, и в ней есть загадка. Я бы с удовольствием написал ее портрет.

— В ней есть египетская кровь. Это Мерседес Барча Пардо — моя невеста уже четыре года. Сейчас ей семнадцать, и она будет ждать меня еще четыре года, если понадобится, — уверенно заявил Габриель. — И чтоб никто из вас глаза на нее не пялил. Для вас она — сестра!

— Ну сестра-то как раз может потерпеть, а невеста-то как терпит? — спросил Альфонсо. — Я согласен с маэстро и Алехандро. Они правы! И впрямь, с чего ты поселился в «Небоскребе»?

— Да там дешевле, я же говорю! И интересней! Вы что, не знаете? За статью в «Жирафе» мне платят три песо, за передовицу — четыре. На эти деньги особенно не разгуляешься! Жизнь-то все дорожает. Комната в «Небоскребе» стоит полтора песо в сутки. Вот и живу!

Габриель не уточнил, что в комнате, где он жил, не надо было напрягать слух, чтобы через фанерную стенку слышать разговоры девиц и их клиентов. Для его литературного багажа все эти

постельные откровения были настоящим подарком. Нередко он использовал эти признания и в своих журналистских статьях.

Не рассказал Габриель и о том, что одна бездетная толстуха, «вышедшая в тираж» по возрасту, от которой густо пахло дешевыми духами, бесплатно стирала и гладила ему одежду: две пары холщовых брюк, четыре пестрые рубахи, пронзительных тонов носки и носовые платки. Трусы он стирал сам.

«Небоскребом» называлось серое квадратное здание в пять этажей, без лифта, на улице Реаль, которое находилось как раз напротив редакции газеты «Эральдо». Первый этаж занимали адвокатские и нотариальные конторы, а все остальные этажи представляли собой дома свиданий. На террасе каждого этажа был общий душ, где мылись по очереди девицы и посетители. Гарсия Маркес занимал крошечную комнатку — три метра на три — на третьем этаже, с окном на улицу. Все прелести уличной жизни были у него перед глазами. Успокаивало то, что до самого окна дотягивались густые ветви могучего миндального дерева — отрадное напоминание о детстве. Особенно красивым дерево было в цвету.

Было еще одно важное обстоятельство. Между Габриелем и портье установились приятельские отношения, а у начинающего писателя, несмотря на то что он был уже преуспевающим журналистом, не всегда были в кармане полтора песо, чтобы заплатить за жилье. В таких случаях он приглашал к себе в комнату портье, негра Дамасо Родригеса, доставал из-под деревянной кровати кожаный тубус для чертежей, в котором хранились рукописи романов «Дом» и «Палая листва», и торжественно провозглашал: «Глядите, Дамасо, бумаги, которые вы здесь видите, это самое дорогое, что у меня есть, и они стоят во много раз дороже, чем полтора песо. Я оставляю их у вас, а завтра заплачу, клянусь!» Вот так будущий лауреат Нобелевской премии прожил в доме терпимости «Небоскреб» почти целый год.

В то время обычный день писателя протекал примерно так: после нескольких часов сна у себя в комнатушке Гарсия Маркес шел в редакцию, где работал над статьей час-два, после чего в полдень отправлялся в кафе «Колумбия» — обычно там собирались перекусить его друзья. Потом он снова шел в редакцию газеты. В шесть-семь вечера, когда работа заканчивалась, а дежурства не было, он снова шел в кафе или в книжный магазин «Мундо» («Мир»), который находился по соседству и где часто собирались члены литературной группы. Там друзья просматривали книги, особенно новинки, и прежде всего издания из Буэнос-Айреса. Когда магазин закрывался, все шли в «Колумбию», а когда закрывалось и кафе, все, ни на секунду не прерывая литературных дискуссий,

отправлялись в какой-нибудь бар: «Ля Куэва» («Пещера»), «Рим» или «Хапи». Таким образом, уже глубокой ночью, а то и под утро заканчивался день человека, который вскоре станет гордостью Латинской Америки. Он писал урывками, иногда оставаясь на ночь в огромном пустом помещении редакции газеты.

По утверждению Жака Гилара, «коллективная жизнь Группы представляла собой беспечную круговерть из интеллектуальных разговоров, алкоголя и весьма невоздержанного образа жизни, однако по сути своей она была достаточно серьезной, хотя и обходилась без увлечения „высокими материями“» (15,21). А какая еще жизнь могла дать будущему писателю столь необходимый ему жизненный материал?

Писатель не раз повторял, что ему бесконечно повезло с друзьями: Альваро Сепеда, Герман Варгас и Альфонсо Фуэнмайор честно делили с Габриелем радости и печали, читали и корректировали его рукописи, хвалили или порой ругали его. Трудно переоценить то, что дало Гарсия Маркесу общение с ними и с его наставниками Виньесом и Фуэнмайором и чем были для него в то время собрания литературной Группы и их жаркие споры.

Вот что пишет о заводиле Группы и об одном из самых близких друзей Габриеля Гарсия Маркеса той поры Дассо Сальдивар: «Альваро Сепеда Самудио, являющийся ядром Группы, можно было бы назвать „человеком эпохи Возрождения“, поскольку он распределял свои многочисленные дарования между журналистикой, литературой, кино, рекламой, предпринимательством и другими разнородными занятиями. Внешне он походил на карибского варвара: растрепанные вихры, сандалии на босу ногу, как носят водители автобусов, матерные словечки, оглушительный смех, который „пугал даже крокодилов“, и врожденная нерасположенность ко всякого рода формальностям и протоколу. Однако по отношению к друзьям он являл собой пример нежности, скромности и великодушия. Кроме того, он был существом стихийным, самобытным, верным в своих привязанностях и стойким в убеждениях, который тайком от своих друзей сочинял рассказы. Он вставал в пять утра и, сидя в своем любимом кресле-качалке, подолгу читал любые книги, которые попадались ему под руку, не замечая, что рассвет уже давно наступил. В глубине души Альваро Сепеда был испуганным ребенком; его преследовали мучительные воспоминания тяжелого детства, которое прошло в большом сумрачном доме в Сьенаге, городе селитры, где он родился 30 марта 1926 года» (28, 227).

— Так вот, дорогой Габо, я закончил читать твою рукопись. Читал внимательно и неторопливо. Книга пойдет с трудом, но

когда она будет издана, то принесет тебе известность. — Они сидели вдвоем с Виньесом в полупустом кафе «Колумбия». Виньес, в отличие от других земляков, говорил тихо, приятно шепелявя: — Есть структурные и стилистические недочеты. Однако я уверен, ты с ними справишься.

— Я вам это обещаю, маэстро! — Глаза Габриеля заблестели.

— Когда ты показал мне в свой первый приезд наброски огромного романа «Дом», я понял, что твоя работа не напрасна, что она не окажется в корзине. «Палая листва» практически вся взята оттуда. И она намного лучше первоначального текста. И ты еще не раз будешь использовать тот «мусор» в своих будущих произведениях. Я в этом уверен и горжусь тобой, Габо.

— А почему вы решили сказать мне все это наедине, маэстро? Пускай бы и друзья послушали.

— Скажу и им, но в свое время. А сейчас хочу обратить твое внимание, Габо, на два очень важных обстоятельства. В твоих рукописях, как в «Доме», так и в «Палой листве», ты даешь настоящее название места действия. Поверь на слово старому литературному волку, вымышленные названия придадут повествованию мистический оттенок. Это как раз в стиле твоей прозы. И второе — надо писать проще. Ведь когда ты говоришь, тебя все понимают, и писать надо так же. — Рамон Виньес, как это умеют делать каталонцы, чуть пригубил из бокала «шабли». Он больше любил кока-колу и пил вино только в торжественных случаях.

В этот момент к ним подошел еще один мэтр — Хосе Феликс Фуэнмайор. Он слышал последнюю фразу и согласно кивнул.

— Я подумаю.

— Коньо, да что ж тут думать!

— Вы правы. Я так и сделаю!

Фуэнмайор положил руку на плечо молодого коллеги.

— Знаешь, Хосе Феликс, когда я думаю, что Габо мой ученик, я особенно сожалею о том, что жизнь прожита и скоро пора умирать, — с грустью произнес Виньес.

— Что ты этим хочешь сказать, Рамон?

— Что Габо большой друг-приятель всех девочек как из «Небоскреба», так и из заведения «У черной Эуфемии».

Рамой Виньес — «старик, который прочел все книги на земле», общение с которым Габо называл «лучшим часом нашего суточного существования на земле» (15), — родился в 1882 году в деревушке, затерянной в Пиренеях. Детство и юность он провел в Барселоне, а к тридцати годам уже был известным писателем и драматургом. Однако собратья по литературному цеху во многом не разделяли

взглядов Виньеса, он оказался в одиночестве, бросил писать и в 1913 году, переехав в Колумбию, оказался в городе Сьенага, в центре «банановой лихорадки». Проработав год бухгалтером, он снова занялся литературой. Он переехал в Барранкилью, стал писать, а также создал литературный журнал «Voces» («Голоса»), который сыграл заметную роль в развитии литературы атлантического побережья Колумбии.

В 1931 году Рамон Виньес вместе с женой, уроженкой Барранкильи, вернулся в Барселону, где, после падения монархии, стал активным республиканцем. Когда к власти пришел Франко, Виньес чудом выбрался из концлагеря и вновь оказался в Барранкилье. Тут он стал наставником литгруппы молодых интеллектуалов и вновь сыграл неоценимую роль в развитии литературы колумбийского побережья.

Вот и теперь Рамон Виньес дал мудрый совет начинающему писателю, а потом неделю просидел с ним над рукописью, указывая строчку за строчкой, над которыми было необходимо поработать.

Следуя советам Виньеса и своих друзей, Гарсия Маркес еще раз переписал «Палую листву», а одна из девиц «Небоскреба», в прошлом секретарь-машинистка, взялась бесплатно перепечатать рукопись. Сам же Гарсия Маркес продолжал сочинять новые рассказы, выкраивая их из давно написанного необъятного «Дома».

Совместная работа с автором над «Палой листвой» оказалась «лебединой песней» Виньеса в его литературной жизни. Здоровье его к тому времени ухудшилось, и 15 апреля 1950 года он уехал в Барселону, «чтобы умереть на родной земле».

В конце апреля 1950 года группа «Шутники из „Пещеры“» начала выпускать еженедельник «Хроника». Ни один из биографов Гарсия Маркеса не указывает, кто был инициатором этого проекта, так что, вполне возможно, этот журнал появился благодаря Рамону Виньесу. Быть может, это был его последний совет молодым литераторам Группы. Главным редактором стал Альфонсо Фуэнмайор, а заведующим редакцией, главным художником и выпускающим — Гарсия Маркес. В редколлегии было тринадцать имен, однако вся работа лежала на плечах Альфонсо и Габриеля, который проявлял себя уже как маститый журналист.

Во втором номере «Хроники», от 6 мая 1950 года, Гарсия Маркес опубликовал рассказ «Визит Натаниэля», а 3 июня, в шестом номере, «Хроника» поместила его рассказ «Дом семьи Буэндия»; 13, 16 и 23 июня, уже на страницах «Эральдо», были опубликованы рассказы «Дочь полковника», «Глаза синей собаки» и «Сын полковника». Первый и последний рассказы печатались как куски из романа. 24 июня «Хроника» опубликовала рассказ «Женщина, которая приходила ровно в шесть».

Очень скоро тонкий журнальчик «Хроника» стал популярен не только в Барранкилье, но и за ее пределами, составив конкуренцию столичному журналу «Критика», который издавал известный колумбийский писатель Хорхе Саламеа. На страницах «Хроники» публиковались также серьезные литературные статьи и рассказы в переводах с французского и английского языков.

— Габо, я поздравляю тебя, — с дружеской улыбкой сказал Герман Варгас, когда они вечером встретились в «Пещере». — Мы тут подсчитали. По количеству газетных материалов ты опередил всех в Барранкилье.

— А по качеству? — спросил Габриель.

— Об этом и говорить не приходится! А куда ты так гонишь? У тебя не останется времени на сочинение рассказов.

— Гоню, поскольку хочу, чтобы город обрел историю.

— Это как? — в разговор включился Хуан Фернандес Реновицкий, уроженец Барранкильи.

— А так! Ваш город сейчас процветает, но истории у него нет. Не то что у Картахены или Санта-Марты. Вас география подвела…

— Зато теперь, когда углубили русло реки Магдалены, мы стали центром побережья. — Алехандро Обрегон подозвал официанта и заказал еще по кругу.

— Вот я и стараюсь, чтобы вы оставались центром. Креветку, что спит, сносит течением, — ответил Габриель со смехом. — И чтоб вас меньше доставала нестерпимая жарища и духота.

— Ни то ни другое не мешает тебе посещать девочек с улицы Кармен, да и в твоем «Небоскребе» тоже. Говорят, они принимают тебя даже без бикини. С таксистами якшаешься! Все только диву даются. Думают, может, ты сам скоро сядешь за руль такси, — заметил Альфонсо Фуэнмайор.

— Во-первых, я не хозяин «Небоскреба», чтобы они принимали меня без бикини. В этом случае, как я понимаю, и Алехандро и вы, Альфонсо, не вылезали бы оттуда. А во-вторых, ну как вы не понимаете, что таксисты, бармены дешевых забегаловок, рыбаки, портовые пьянчуги, парикмахеры, водители автобусов, да и девочки тоже, нужны мне для моих книг. Я же писатель! И хочу писать о реальной жизни, — примирительно сказал Габриель.

— Думаешь, мы тебя не понимаем? — спросил Альваро. — Конечно, ты прав. Эти люди — основной материал твоих статей. Ты только начал работать, а уже столько людей начинают читать «Эральдо» с колонки «Жираф». Я, например, приветствую все, что ты делаешь, и поздравляю тебя. И ты знаешь, что все книги моей библиотеки — твои! Я на днях получил из США новые

произведения Хемингуэя, Дос Пассоса, Джойса и Трумэна Капоте, а из Аргентины — Борхеса, Кортасара и Биой Касареса.

Город Барранкилья появился в 1629 году возле распаханных земель на западном берегу реки Магдалена, на некотором расстоянии от моря, и в период испанской колонизации был практически изолирован от остальных городов страны. В начале века в Барранкилье появился свой порт, и к середине столетия город расцвел, став крупным торговый и культурным центром колумбийского побережья, где находился второй по значению университет страны. Жители города славились чувством юмора, веселым нравом, любовью к развлечениям и многодневным уличным карнавалам.

Портовые кабачки и злачные места Барранкильи: «баррио Чино» (китайский квартал), площадь Св. Николаса, бульвар Боливара, «каррера» Прогресо и дом свиданий «У черной Эуфемии», — все это годы спустя читатель увидит на страницах повести «Полковнику никто не пишет», а в романе «Сто лет одиночества» бордель Пилар Тернеры в захолустном Макондо — не что иное, как дом терпимости «У черной Эуфемии».

— Я вчера прочел новый рассказ Альваро. Мне понравился. Может, сделаешь к нему иллюстрации, Габо? — Альфонсо, всегда одетый с иголочки, поправил галстук и протянул Габриелю рассказ. — Если поторопишься, дадим в следующий номер.

Они сидели за стойкой бара «Хапи», где часто обсуждали вопросы, связанные с изданием «Хроники», поскольку собственного помещения у редакции не было. Габриель взял рассказ, сунул его в карман гуайяберы[30] и сказал:

— А я с удовольствием прочел статью Германа о новой книге Дос Пассоса. Здорово! Завтра принесу.

— Отец перевел кусок из «Приключения Весли Джексона». Может, дадим его? Материал что надо!

— А мне нравится, как Сароян поэтизирует наивных и эксцентричных людей. Похоже, он описывает нас, колумбийцев с побережья. Альваро, например. — Габриель оживился.

— Последнее время он что-то совсем зарос, перестал бриться.

— Мужик что медведь — чем страшнее, тем красивее. — Габриель провел ладонью по своей небритой щеке.

— Вчера ко мне в кабинет явилась начинающая журналистка, принесла свой первый материал. И тут, видимо от стеснительности, у нее лопнула резинка трусиков и они упали на пол.

— И что же сделали вы? Неужели прямо в кабинете… — Габриель расхохотался.

— Я не такой, как ты, Габо. Я поднял трусики и заколол их на ней канцелярской скрепкой. Говорят, сегодня она подала заявление об уходе.

— Еще бы! А вот если бы вы поступили по-другому, она бы и не вздумала уходить.

— Может, ты и прав. — Альфонсо почесал затылок и поправил очки с толстыми стеклами, он с детства был близорук. — Надо бы нам, Габо, поискать что-нибудь среди переводов с французского, итальянского, а то и немецкого. Последнее время мы слишком увлеклись современной американской литературой.

— Поручите это Альваро. Он найдет.

— Послушай, Габо, а не пора ли нам перейти на «ты»? Что скажешь?

— Я готов!

Об Альфонсо Фуэнмайоре Дассо Сальдивар пишет: «Это был человек спокойный, аккуратный, организованный. Он был самым старшим из четверых друзей и считался их интеллектуальным учителем. В столице matadores de gallo Фуэнмайор казался сдержанным, утонченным интеллигентом. Однако так только казалось: на самом же деле, несмотря на его рафинированный ум и тонкую душу, ему был присущ грубоватый юмор, а порой он умел быть резким и поразить словом, острым словно лезвие бритвы. Впрочем, он действительно всегда был самым серьезным членом Группы. Эту серьезность он унаследовал от своего отца, Хосе Феликса Фуэнмайора, который собрал у себя в доме огромную библиотеку из книг на испанском, французском и английском языках и обучил всем этим языкам своего сына» (28, 230–231).

Общение с Альфонсо иной раз коробило Габриеля, но он всегда сдерживал себя, прекрасно понимая, как много полезного дает ему дружба с молодым Фуэнмайором, интеллигентом до мозга костей, опытным журналистом и проницательным литературным критиком, большим знатоком античных классиков.

Особенно сближало обоих настойчивое желание утвердить в Колумбии новый тип журналистики, который бы отличался серьезностью и глубиной.

В самом конце романа «Сто лет одиночества» мы читаем: «Альфонсо, выучив каталонский язык, чтобы разобраться в листках, рассовал их, свернув в трубку, по карманам, всегда набитым вырезками из газет и всяких странных пособий, как-то ночью потерял сочинения в борделе у девочек, продававших себя с голоду. Когда ученый старик узнал об этом, то отнюдь не разгневался, а, давясь от смеха, ограничился замечанием, что

такова обычная судьба литературы».

Подобный случай действительно произошел с Альфонсо Фуэнмайором в доме «У черной Эуфемии», где он потерял оригинал драмы Рамона Виньеса.

— Габо, дорогой, я бы хотел быть тебе полезным, но… как бы внимательно я ни читал третий вариант «Палой листвы», все равно ни к чему не мог придраться, — Зеленые глаза Германа Варгаса смотрели виновато. Он всегда не знал, куда девать свои длинные ноги, которые Габриель окрестил «ножницами». — Конечно, для членов Литературных академий Испании и Латинской Америки это сильный удар. Они этого не примут! Но читатели именно этого и ждут. Я в этом уверен. Надо только…

— Погоди, Герман, не спеши. Ты сейчас сделал мне двойной комплимент, поставил мне в дневник целых две пятерки. — Габриель от удовольствия потирал руки. — Я к этому и стремился.

Они сидели в последнем, самом верхнем ряду цирка, а внизу золотистым пятном выделялась арена для боя быков, готовая к представлению. Вот-вот прозвучит пасадобль «Небо Андалусии» и начнется фиеста.

— Это не комплимент, а оценка. Мнение друга и, если угодно, критика. Никто прежде так не писал. И надо искать издателя с головой. Молодого, ищущего новое.

— Подскажи, где его найти?

— Думаю, что не в Колумбии, но искать надо. Надо подумать…

Но тут заиграл оркестр, зазвучала музыка, и Герман Варгас умолк.

Лассо Сальдивар так писал о Варгасе: «Иной породы, однако того же личностного и интеллектуального уровня, Герман Варгас, родившийся в Барранкилье в 1919-м и умерший в 1991 году, выделялся из Группы не только своим огромным ростом, худобой и „зелеными, как у Люцифера“, глазами, но и особым рвением, с каким он читал и классиков, и признанных авторов, и тех, которые только начинали. Открыв книгу, он читал пять-шесть часов подряд, и что бы ни случилось в это время на земле, ничто не могло оторвать его от страниц, которые он переворачивал. Его непомерная жадность к чтению, с которой он проглотил всего Пруста за одну неделю, была у его друзей притчей во языцех. Однако он не просто „глотал“ книги, Варгас смаковал фразу за фразой с неиссякаемым упорством термита» (28, 229).

Альфонсо Фуэнмайор, Альваро Сепеда, Герман Варгас и сам Гарсия Маркес — это те самые «четверо болтунов», которые

появятся в Макондо на страницах романа «Сто лет одиночества» и будут, потягивая ром, беседовать с Аурелиано Бабилониа обо всем на свете.

В реальности в Барранкилье их было пятеро — вместе с Алехандро Обрегоном. И все они, как считает Сальдивар, «были крепко спаяны городом, дружбой, литературой, журналистикой, влиянием ученого испанца Района Виньеса, а также некоторой неорганизованностью и „мамаргальизмом“ в его самой истинной сущности».

Алехандро Обрегон, в те годы уже признанный художник, родился в 1920 году в Барселоне, в семье испанского идальго, но жил и учился во Франции. Приехав в Колумбию, он отказался занять высокий пост в мануфактуре «Ткани Обрегона», а предпочел отправиться на нефтепромысел Кататумбо и работал там водителем бульдозера. Первая же самостоятельная выставка в Боготе, в Национальной библиотеке, принесла ему шумный успех, несмотря на агрессивный характер живописи Алехандро: главным образом он писал кровожадных кондоров, хищных барракуд и разъяренных быков. Он более других страдал от одиночества, поговаривал о самоубийстве и в то же время был искренне привязан к «неисправимому представителю богемы» Гарсия Маркесу.

Гарсия Маркес всегда подчеркивал, как много значили для него его друзья — и для формирования его характера, и для выработки литературного кредо. В начале романа «Сто лет одиночества» он утверждает, что Альваро, Герман, Альфонсо и Габриель «были первыми и последними друзьями в его (Аурелиано) жизни». Трудно сказать, почему в данном случае Гарсия Маркес поставил себя вместо Алехандро Обрегона, но, возможно, у него были на то свои причины.

Позднее, уже год спустя после получения Нобелевской премии, писатель так говорил о своих друзьях журналистке Марии Тересе Эрран: «Они сыграли решающую роль в моем интеллектуальном формировании, они направляли мои читательские пристрастия, помогали во всем, давали читать свои книги. И самое важное то, что, как бы ни поворачивалась жизнь, они продолжают оставаться моими лучшими друзьями».

Это подтверждает и Сальдивар: «1950 год, скорее всего, был наиболее плодотворным, насыщенным и ярким в жизни Гарсия Маркеса».

Верный друг писателя со времен учебы в столичном колледже Плинио Апулейо Мендоса, писатель, журналист, издававший ряд журналов в Колумбии и Венесуэле и выпустивший в свет в феврале 2000 года увлекательную книгу «Те времена с Габо», так говорит о

друзьях Гарсия Маркеса того времени: «Группа молодых кутил, ведущих весьма свободный образ жизни и „зараженных бациллой“ литературы, к которым Габриель примкнул в начале пятидесятых в Барранкилье, сегодня скрупулезно изучается в университетах Европы и Соединенных Штатов Америки специалистами по латиноамериканской литературе. Для них Гарсия Маркес возник именно из этой живописной литературной среды, которая называлась Группой Барранкильи.

Не будем спорить, верно это утверждение или нет, по так или иначе эта Группа была одним из наиболее активных и знающих литературных объединений латиноамериканского континента. И она действительно сыграла решающую роль в формировании Гарсия Маркеса. Группа состояла из молодых людей — разгульных, экстравагантных, непочтительных, — типичных карибцев, живописно-выразительных, как персонажи театра марионеток, которые не относились серьезно даже к самим себе. Крепко спаянные дружбой, они вместе читали тогда Джойса, Вирджинию Вулф, Стейнбека, Дос Пассоса, Хемингуэя, Шервуда Андерсона, Колдуэлла, Теодора Драйзера и „старика“, как они называли Фолкнера, творчество которого было их общей страстью. Они нередко встречали рассвет за рюмкой и литературными спорами в каком-нибудь борделе, где были птицы в клетках, диковинные растения, цветы и те самые девицы, которые „продавали себя с голоду“ и которые были описаны затем в романе „Сто лет одиночества“».

Заметим при этом, что преуспевающий двадцатитрехлетний журналист, несмотря на бесшабашный образ жизни, ежедневно виделся со своей невестой Мерседес Барча, если не на танцах, то в аптеке ее отца на пересечении авеню Двадцатого июля и 65-й улицы, известной как «Аптека Деметрио Барча».

На этот раз друзья сидели в баре «Рим». Они только что отпраздновали встречу Нового года, пили, веселились, но сейчас настроение у всех было паршивым.

— Так, значит, решил окончательно? Оставляешь нас, — с пасмурным лицом произнес Альфонсо.

— Да брось, старик! Как я могу вас оставить? Мне вас уже никогда не выбросить из сердца! Но надо помочь отцу, маме, братьям. — В голосе Габриеля тоже не было радости. — Думаешь, они уехали из Сукре и оставили свой дом ради прихоти? Прижало! В Картахене отец откроет аптеку. И потом, там университет! Отец слезы льет, что я не учусь. Добью там четвертый курс.

— Он ведь не бросает газету. Будет писать как писал, —

поддержал Габриеля Герман.

— Клянусь! Ты же знаешь, Альфонсо, я сам в этом заинтересован. Коньо, неужели сомневаешься?

— У него же здесь остается любовь. Я знаю, Мерседес дала ему слово ждать, пока он не станет известным писателем, — заявил Алехандро. — Вот увидите, карахо, чует мое сердце, он скоро вернется.

— А что будет с «Хроникой»? — спросил Альваро. — Так хорошо пошло. Ее даже из Боготы стали выписывать!

— Друзья, откровенно говоря, я от «Хроники» устал! Все несут свой материал, каждый хочет себя видеть на страницах, а помогать никто не помогает. Давай, Альваро, занимай мое место!

— Ты же сам опубликовал там свои лучшие рассказы! Одна только «Ночь, когда хозяйничали выпи» чего стоит! Саламея и Мутис не устают хвалить. Извини, Альфонсо, но я видел зависть в глазах твоего отца, когда зашла речь об этом рассказе. — Альваро протянул руку Альфонсо, и тот ее пожал.

— Альваро, я тебе серьезно говорю. Возьми на себя «Хронику». Один Альфонсо все не потянет. И не забывай, что ты там тоже опубликован свои лучшие рассказы. — Габриель полез было в карман, но там было пусто, и тогда Алехандро подозвал официанта.

— Я не журналист и не администратор! Сам знаешь, Габо, не могу я этим заниматься! — Альваро хлопнул ладонью по столу. — Карахо, я и дисциплина!

— Альфонсо, помоги мне уговорить главного. Пусть выдаст мне аванс. Ты же знаешь, я отработаю. Я не могу являться в Картахену без денег. — Габриель смотрел умоляюще.

— Захиреет и загнется наша «Хроника». Это как пить дать! А ведь многие в стране считают «Хронику» самым интересным журналом. Деньги, Габо, ты получишь. Я помогу. — Альфонсо и Габриель чокнулись.

— Я должен написать обо всем Виньесу в Барселону. Маэстро будет очень огорчен, — сказал Герман Варгас.

Габриель Гарсия Маркес уехал в Картахену в последних числах января 1951 года, оставив в портфеле редакции «Эральдо» восемь статей.

За второе полугодие 1950 года он написал и опубликовал сто тринадцать материалов в «Эральдо» и «Жирафе» и четыре рассказа: «Ночь, когда хозяйничали выпи», напечатанный в «Хронике» № 14 от 29 июля; «Диалог с зеркалом», в «Хронике» № 19 от 2 сентября; «Возвращение Меме» (кусок из романа), в «Эральдо» от 22 ноября; и «Искусственные розы», в «Хронике» № 32 от 2

декабря 1950 года.

В январе Герман Варгас получил ответ на свое письмо от Рамона Виньеса. «Очень сожалею, — писал маэстро, — об угасании, „Хроники“, о котором вы пишете. Однако не нахожу это странным. Мне всегда казалось, что смысл существования „Хроники“ заключался в рассказах Альваро и Габито, которых теперь нет. Что поделаешь!..» (15, 24).

Друзья в Картахене встретили Габо с большой радостью, но с университетом у него ничего не вышло. Габо хотел продолжить занятия на 4-м курсе, однако ректор напомнил ему, что он не сдал три экзамена за 3-й курс, и предложил Габриелю, раз уж он действительно хочет стать адвокатом, пройти 3-й курс заново. Гарсия Маркес предложения не принял, и, таким образом, с учебой в университете было покончено навсегда.

— Ты понимаешь, сопляк, что ты наделал? — раздраженно спросил отец. — Я из кожи вон лез, чтобы заработать на твою учебу, а ты — раз, и все псу под хвост! Ты пустой человек! Посмотри на Луиса Энрике. Он скоро получит диплом и станет на ноги. А ты?

— А я уже давно стою на них. Чего ты кричишь? Кто вам мебель купил для нового дома?

— Я тебе отдам все до копейки!

— Габриель, перестань так разговаривать со старшим сыном, — заступилась мать за Габо.

— Не перестану! А вот кормить дармоеда — да! Что он знает о том, как мне достается кусок хлеба?

— Я не дармоед! Давно сам зарабатываю…

— Дерьмовые гроши! И те остаются в барах да в борделях! Тебе давно пора взяться за ум! А теперь что?

— Я пишу, печатаюсь…

— Вот и будешь есть бумагу! От меня ничего не жди…

Габо резко отодвинул стул и решительно направился к двери. На ходу проговорил:

— Мама, я тебя очень люблю. — И с силой хлопнул дверью.

С того дня отец и сын не разговаривали четырнадцать лет.

Через своих друзей отец устроил Габриеля и его брата Густаво на работу в канцелярию по переписи населения, где они фактически не работали, но получали зарплату, хотя и мизерную. Габриель Элихио также устроил на работу в отделение Министерства сельского хозяйства Луиса Энрике и дочь Марго в финотдел департамента. И все-таки многочисленная семья с трудом сводила концы с концами.

Вскоре, чтобы не зависеть от семьи, Габриель сам нашел место преподавателя испанского языка в колледже при университете департамента и вновь начал печататься в газете «Универсаль». Поскольку он являлся сотрудником «Эральдо», куда ежемесячно посылал от десяти до пятнадцати «жирафов» и до пятнадцати передовиц, все его материалы в «Универсаль» шли без подписи.

В начале июля, вернув аванс в шестьсот песо, полученный от главного редактора «Эральдо», Габриель прекратил сотрудничество с этой газетой.

— Я пью за Габо! Знаю, он нас не бросит, — заявил заплетающимся языком Герман Варгас. — Я с ним переписываюсь. Вы это знаете. И он, карахо, нас любит! И Виньес пишет, он уверен, Габо рано или поздно к нам вернется.

В один из июльских дней 1951 года дружная компания mamadores de gallo между спорами об американской литературе и рюмками рома в который уже раз с любовью вспоминала Гарсия Маркеса.

— Карамба, честно говоря, приходится признать, — уныло сказал Альфонсо Фуэнмайор, — что «Хроника» умерла только потому, что Габо укатил обратно в Картахену.

— Но ведь не насовсем! — твердо заявил Альваро Сепеда. — Хоть он и перестал печататься в «Эральдо», я тоже верю, что он вернется. Он нас не бросит! Где еще, как не с нами, он чувствовал себя самим собой?

Два соображения послужит причиной, по которой писатель отказался от сотрудничества с «Эральдо»: Гарсия Маркес чувствовал, что его «жирафы» и даже передовицы постепенно выдыхались и становились стандартными, с другой стороны, он встретил в Картахене человека, который согласился финансировать издание его собственной газеты.

Этим человеком оказался коммерсант Гильермо Давила, который стал администратором при главном редакторе Гарсия Маркесе, единственном сотруднике восьмиполосной газеты «Компримидо» (в русском переводе — «Таблетка» или «В сжатом виде») форматом в двадцать четыре дюйма. Тираж в пятьсот экземпляров обходился всего в двадцать восемь песо.

Передовица первого номера, вышедшего 18 сентября 1951 года, состояла из двух абзацев.

«„Компримидо“ — одна из самых маленьких газет в мире, однако, как и другие масс-медиа, мы надеемся,

благодаря нашей настойчивости, стать по-настоящему большой и значительной газетой. Для достижения этой цели мы собираемся воспользоваться бедственным положением современной журналистики. Нехватка бумаги, убогая реклама и малое количество читателей послужат нашему успеху, ибо это дает нам возможность делать газету малого формата. Это все равно что давать ссуду под проценты, поскольку дает нам преимущество преуспеть ценой нашего собственного краха.

Приступая к изданию, мы приветствуем прессу страны и общество в целом и обязуемся, в меру наших возможностей, осуществить этот замысел, цель которого заключается в том, чтобы каждый день посылать обществу срочные телеграммы».

19 сентября в «Универсаль», в колонке «Комментарии», Клементе Мануэль Сабала сообщал своим читателям: «Вчера в Картахене начала выходить одна из самых маленьких газет мира, финансируемая Гильермо Давила; главным редактором газеты является Габриель Гарсия Маркес. Речь идет о „Компримидо“, которая будет появляться у читателей после обеда, ее редакторы задались целью создать новый тип журналистики, а именно: новости будут короткими и сжатыми, как таблетка, состоящая из необходимого, эффективно действующего вещества.

„Компримидо“, которая распространяется бесплатно, далека от политики, и ее единственной целью является доведение до сведения читателя самых последних новостей простым и понятным языком».

Читатели Картахены выдержали этот «простой и понятный язык» в таблетках всего шесть дней. 23 сентября «Компримидо» вышла в последний раз.

— Ты напрасно отказываешься у нас работать, Габо, — сказал с нескрываемым сожалением Клементе Мануэль Сабала.

Завредакцией «Универсаль» Мануэль Сабала, писатель Эктор Рохас, активно сотрудничающий с газетой, и Гарсия Маркес сидели в кабинете Сабалы.

— Но у вас же оплата — как подачка нищему! А если честно, причина в другом. Я устал. Исписался! Стал повторяться.

— Мы уж и то с Клементе Мануэлем говорили, что ты мчишься, как паровоз, — сочувственно заметил Эктор. — И еще мы говорили, что среди нас нет никого, кто бы столько печатался в газетах да еще писал роман.

— Нам он его не показал. Дал почитать только Густаво

Ибарре, — с обидой сказал Сабала. — Тот, наверное, в восторге. Это третий вариант?

— Да! В этом варианте «Палой листвы» много нового. Он отшлифован, — ответил за Габриеля Эктор. — Я тоже его читал. Габо молодец!

— Я до отъезда принесу и вам почитать, Клементе Мануэль. Извините, просто руки не доходили, — признался Габриель.

— Да, мы наслышаны, что ты собираешься все бросить и прокатиться по провинции.

— Нужно побыть среди простых людей, «накопать» исторического материала. И не по нашим дерьмовым учебникам и исследованиям. И надо писать книги. Я — писатель, и только писатель!

На столе завредакцией зазвонил телефон. Сабала снял трубку и тут же передал ее Габриелю: «Тебя как раз разыскивает твой друг композитор!»

— Рафаэль, я уже закругляюсь. Ты где? …Буду через четверть часа! До встречи! — И, обращаясь к своим старым друзьям, сказал: — Решено окончательно. В понедельник выезжаем!

— Извини, Габо, а на чьи деньги? — спросил Сабала. — Эскалона берет расходы на себя?

— Не только. Вчера мать принесла сотню. Отец — человек упрямый. Однажды я напомнил ему, что он купил новую мебель на мои деньги. Теперь он из кожи вон лезет, чтобы вернуть их мне. Пусть! Они мне сейчас не помешают.

Гарсия Маркес и Эскалона познакомились в Барранкилье в марте 1950 года в кафе «Рим». Габриель пришел на встречу с композитором, напевая его песету «Голод в лицее». Эта песенка была одним из первых сочинений Эскалоны — он был автором и стихов, и музыки — на тему его учебы в лицее Санта-Марты. У Маркеса и Эскалоны были общие взгляды на жизнь и литературу, они одинаково воспринимали и проблему человеческого одиночества, и ситуацию в стране, и политику консервативно-военного правительства. Их первая встреча заложила основы крепкой многолетней дружбы. Эскалону приятно поразило то, что Гарсия Маркес наизусть и почти профессионально исполнял не только классиков вальенато[31], но и его собственные сочинения в этом жанре. Новый друг признался Эскалоне, что вальенаты для него как карибский воздух, без которого он не может ни жить, ни писать.

Уже будучи известным писателем, Гарсия Маркес неоднократно повторял, что Рафаэль Эскалона во многом ему помог и что они всегда были очень близкими друзьями. «Я

присутствовал при рождении многих его песен, — говорил Гарсия Маркес репортеру журнала „Коралибе“, который написал статью „Когда я кормился за счет Эскалоны“. — Эскалона — гений в жанре вальенато. Я абсолютно в этом уверен! Ты представляешь себе — втиснуть столько истин в семь-восемь строк? За это я глубоко уважаю Эскалону Мартинеса и всех других композиторов, сочиняющих вальенаты».

С октября 1951-го до конца лета 1953 года они объездили все восточные департаменты Колумбии, в том числе тщательно изучили места «банановой лихорадки». Путь, который проделала Эрендира из «Повести о простодушной Эрендире и ее бессердечной бабке», полностью совпадает с маршрутом поездки Маркеса и Эскалоны по департаменту Гуахира.

Возможно, их сближало и еще одно обстоятельство: они были не только ровесники, но и однофамильцы. Фамилия Эскалоны — Мартинес. А полное имя писателя должно было звучать как Габриель Хосе Гарсия Мартинес Маркес. Габриель много беседовал на тему истории их семей с отцом Рафаэля, когда друзья жили в его доме в Вальедупаре. Клементе Эскалона, как и дед писателя, был полковником во время «Тысячедневной войны».

В начале февраля 1952 года Гарсия Маркес в Барранкилье продолжил сотрудничество с газетой «Эральдо», правда, теперь он работал не так интенсивно, как прежде, — они продолжали разъезжать с Эскалоной.

— Мама, как я рад! Ты ведь даже не знала, что я в Барранкилье. Как ты меня нашла? — Габриель всегда был нежен с матерью, а тут такая встреча, — всего три недели назад он приехал из Вальедупара.

— Земля слухами полнится, сын мой, хотя, должна сказать, я уж думала взять с собой Луиса Энрике, — сказала Луиса Сантьяга. Она приехала в Барранкилью из Картахены, с тем чтобы тут же отправиться в Аракатаку. — Надо продавать дом твоего деда. Пришло время. Нужны деньги, чтобы достроить наш дом в Картахене.

— Но в доме деда живут родители моей первой учительницы.

— И уже полгода не платят. И потом, после смерти твоей бабушки и последней моей тетки дом наверняка пришел в запустение. Его надо продавать.

— Луис Энрике пусть работает. Я поеду с тобой, мама. На катере до Сьенаги. Там повидаемся с Луисом Энрике. Оттуда до Аракатаки на поезде рукой подать.

— Конечно, Габо, надо же посмотреть, как он там, на новой работе, как устроился с жильем.

— А кем он работает?

— Твой брат получил повышение в должности. Он представитель Министерства сельского хозяйства в Сьенаге.

В Аракатаке, куда они приехали в первых числах марта, Гарсия Маркес пришел в отчаяние, увидев, что стало с селением и домом деда. Картина глубокого запустения больно контрастировала с воспоминаниями детства. Особенно запомнилась ему встреча его матери с женой аптекаря Барбосы, когда они, «прежде чем начать говорить, проплакали с полчаса». Их слезы и исполненный горечи рассказ аптекаря заставили писателя иначе увидеть жизнь колумбийской деревни, на многое взглянуть по-новому и понять, что и писать теперь ему следует совсем по-иному.

А вот с продажей дома им повезло. Освободившись без особых проблем от жильцов, они удачно продали дом за семь тысяч песо крестьянину, случайно выигравшему крупную сумму денег в лотерею.

— Альваро, тебе следует поездить по стране. Без этого тебе не понять, почему, карахо, я буду сейчас переписывать «Палую листву» в четвертый раз. — Габриель стиснул зубы.

— Почему? — Альваро Сепеда с изумлением глядел на Габриеля.

— В поездках с Эскалоной я увидел другую жизнь! Не жизнь, а кошмар! Других людей! Аракатака была последней каплей. Теперь я вижу мой «Дом» в ином свете.

— То есть ты считаешь, что теперь будешь писать лучше. Копать глубже и со знанием дела? — спросил Варгас.

— Что-то в этом роде. Обезьяна знает, по каким веткам вверх забираться. Мои детские впечатления обрели более определенную форму и новую глубину. И Фуэнмайор пусть не обижается. Для газеты сейчас буду писать еще реже, но зато серьезней!

Это были не пустые слова. Очень скоро друзья убедились в этом, прочитав в колонке «Жираф» два превосходных репортажа: «Одна маленькая сельская история» (12.III.) и «Нечто, похожее на чудо» (15.III.52), а в мае, в рукописи, репортаж «Страна на Атлантическом побережье».

В беседе с Марио Варгасом Льосой, которая состоялась в Национальном инженерном университете в Лиме в сентябре 1967 года, на вопрос перуанского писателя: «Когда тебе было семнадцать лет и у тебя уже было намерение написать „Сто лет одиночества“, ты чувствовал себя писателем — человеком, который посвятит свою жизнь этому делу? Чувствовал, что

литература будет твоим предназначением?», — колумбийский писатель ответил: «Видишь ли, произошел случай, который, возможно, и стал решающим в моей судьбе как писателя. Наша семья покинула Аракатаку, когда мне было восемь или десять лет. Мы, вернее, моя семья переехала в другое место, а когда мне было пятнадцать, я встретился с моей матерью, которая, направлялась в Аракатаку, чтобы продать дом деда, который был полон призраков умерших родственников. Тогда я сказал ей: „Я поеду с тобой“. Мы прибыли в Аракатаку, там все было вроде на своих местах, но повсюду царила какая-то сонная одурь, выражаясь художественно. Другими словами, я видел все это по-новому: улицы, которые я знал широкими, стали узкими, дома выглядели разрушенными временем и нищетой. Мебель в домах была все та же, только обветшала за пятнадцать лет. Было невыносимо жарко и пыльно, полуденное солнце жгло нещадно, мы задыхались от жары. В таком селении, чтобы установить резервуар для воды, надо было работать по ночам — днем к инструментам нельзя было прикоснуться. Когда мы с мамой шли по улице, казалось, это не селение, а мираж: кругом не было ни души; я был уверен, мама страдала, как и я, оттого, что время сделало с селением. На углу мы вошли в маленькую аптеку, там сидела сеньора за шитьем; моя мать подошла к этой сеньоре и сказала: „Ну, как ты тут, кума?“ Та подняла голову, они обнялись, а потом проплакали с полчаса. В этот момент у меня и родилась мысль написать обо всем, что предшествовало этой минуте» (35, 33–34).

Неизвестно, преднамеренно или нет Гарсия Маркес вольно обращается с хронологией событий. Однако читателю понятно, что в год посещения Аракатаки в связи с продажей дома ему не могло быть пятнадцать лет. Скорее всего имеется в виду, что с момента отъезда семьи из Аракатаки до продажи дома прошло пятнадцать лет.

— Что в твоем случае служит толчком для сочинения книги? — спросил в беседе с Гарсия Маркесом в начале 1982 года Плинио Апулейо Мендоса.

— Зрительный образ. Другие писатели, я думаю, сочиняют книги на основе общей идеи, концепции. Я же всегда «отправляюсь в путь», оттолкнувшись от образа. «Сиеста во вторник», который я считаю моим лучшим рассказом, возник из образа женщины с девочкой, одетых в черное и под черным зонтом. Они шли под испепеляющим солнцем по совершенно пустынной улице селения. Когда я говорю: «Палая листва», то вижу старика, который за руку ведет своего внука на городские похороны. Отправная точка в романе «Полковнику никто не

пишет» — образ человека, ожидающего баркас на рынке Барранкильи. Он ждал его с каким-то особенным беспокойством. Годы спустя я встретил в Париже человека, который ждал не то письмо, не то перевод с такой же тоскою, и я вспомнил того человека из Барранкильи и сел писать «Полковнику никто не пишет».

— И каков же образ, послуживший отправным пунктом для романа «Сто лет одиночества»?

— Старик, который ведет за руку мальчика, чтобы показать ему лед как одну из самых диковинных вещей на свете.

— То был твой дед, полковник Маркес?

— Да.

— А на самом деле это было?

— Не буквально, но навеян этот образ действительным событием. Я был еще совсем ребенком, когда в Аракатаке, где мы жили, дед сводил меня в цирк посмотреть на настоящего одногорбого верблюда. А потом я как-то сказал, что никогда не видел лед, и он повел меня в городок служащих банановой компании и попросил открыть холодильник с замороженными морскими окунями, а потом сунул туда мою руку. Отсюда и начался роман «Сто лет одиночества».

В апреле того же 1952 года Гарсия Маркес все свободное время посвящал переделыванию «Палой листвы» и переписыванию целых эпизодов в необъятной рукописи романа «Дом».

Он болезненно пережил сообщение о том, что роман Эдуардо Кабальеро Кальдерона, посланный в Буэнос-Айрес вместе с его «Палой листвой», был выпущен в свет издательством «Лосада».

Гарсия Маркес, полагая, что переделанную им рукопись романа можно будет снова отправить в «Лосаду», сдружился с ее представителем в Боготе, Хулио Сесарем Вильегасом, прекрасным собеседником и образованным человеком, перуанским политическим деятелем левого толка, который был вынужден покинуть свою страну, поскольку он подвергался преследованиям со стороны диктатуры генерала Одрия. Однако Вильегас неожиданно прервал отношения с издательством «Лосада», переехал жить в Барранкилью и открыл там свой книжный магазин. Теперь члены Группы Барранкильи стали собираться не только в магазине «Мундо», но и «У Вильегаса», где Гарсия Маркес читал все поступавшие в продажу новинки.

— Послушай, Габо, я тебя понимаю, но главный обижается. Ты мало пишешь для газеты. — Альфонсо протирал салфеткой свои очки и щурился. — Раньше ты давал до двадцати семи

«жирафов» в месяц, а однажды даже двадцать девять, а теперь восемь-десять. Я тебя понимаю…

— Вот и хорошо, что понимаешь. Спасибо! А главный перебьется. Альфонсо, я должен довести «Палую листву» до кондиции. И потом, я все равно уже повторяюсь, гоню халтуру. Да и как писать, карахо, когда военная цензура душит.

— У тебя не сняли ни один материал. Ты что?

— А то, что меня вынуждают быть собственным цензором. Если бы я мог писать что хочу, чего душа просит… Не хочу я халтуру гнать, пойми, Альфонсо… И не хочу, чтобы читатель понял, что это халтура, и посчитал меня за дерьмо. — Габриель допил пиво. — У меня из головы не идет все, что я видел в Аракатаке.

— Ты свое взял. Стал хорошим журналистом, с именем. Теперь хочешь писать романы. Ну так давай! Я — за! А завтра, не забудь, приходи к семи в «Мундо». Там соберется человек двадцать из нашей Группы. Будем обсуждать последнюю вещь Колдуэлла…

— «Голоса травы»?

— Да. И новинку Хемингуэя, повесть-притчу «Старик и море». Потрясающая вещь. А закончим вечер в «Пещере». Я приглашаю.

В мае 1952 года Группа Барранкильи получила скорбное известие из Барселоны о смерти Рамона Виньеса. Почти каждая газета или журнал поместили некрологи. Сильнее других переживал это событие Гарсия Маркес, лучший ученик Виньеса.

В самом начале декабря Гарсия Маркес опубликовал в «Эральдо» два «жирафа» (последний материал назывался «Предупреждение ворам»), а накануне Рождества рассказ «Зима» (впоследствии он стал называться «Исабель смотрит на дождь в Макондо»), который был фрагментом романа «Палая листва», после чего окончательно прекратил сотрудничество с этой газетой.

«Как это всегда бывало в решающие моменты, ему помог случай, будто сама судьба постоянно связывала воедино разрозненные периоды его жизни, — читаем мы у Дассо Сальдивара. — Хулио Сесар Вильегас… наладил продажу книг в рассрочку и убедил Гарсия Маркеса стать одним из его разъездных агентов. …Когда Гарсия Маркес понял, что у Вильегаса он сможет зарабатывать больше, чем в газете „Эральдо“, и что, самое главное, он сможет ездить по провинции, по тем самым местам, откуда происходили его предки, он долго не раздумывал» (28, 286–287).

С января 1953 года начались поездки. Гарсия Маркес, у которого хорошо пошла продажа книг, был доволен судьбой. Вскоре

он на время осел в Сьенаге, центре «банановой лихорадки», городе, где произошел массовый расстрел бастовавших рабочих и где жили его дед и бабушка, прежде чем перебраться в Аракатаку. Из Сьенаги Габриель вместе с другом Эскалоной и новым приятелем Лисандро Пачеко, внуком того, кого когда-то убил полковник Маркес, объездили департаменты Сесар и Гуахира и снова побывали в Риоаче. Поездка оказалась очень результативной, если говорить о сборе фактического материала, как исторического, так и фольклорного. Особенно интересовали Гарсия Маркеса легенды.

В Риоаче он получил от Вильегаса несколько номеров американского журнала «Лайф» на испанском языке, где была напечатана повесть Хемингуэя «Старик и море». Тогда в книжном магазине «Мундо» они говорили об английском оригинале, теперь же писатель проштудировал «Старика и море» на хорошем испанском и пришел в изумление от того, как, оказывается, можно коротко и ясно писать. Гарсия Маркес нашел у хозяина отеля книгу «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вулф и еще раз внимательно ее прочитал. Теперь он знал, каким будет его собственный стиль, он понял, что нашел нужную форму. И его читатель вскоре почувствовал это в повестях «Рассказ не утонувшего в открытом море» и «Полковнику никто не пишет». Одна из них основана на легенде, другая — на действительном событии.

Вернувшись из командировки по провинции в июне 1953 года, за три дня до государственного переворота, который возглавил генерал Густаво Рохас Пинилья, Гарсия Маркес нашел своего нового друга и покровителя в панике. Вильегас предчувствовал надвигающийся переворот и опасался за свою жизнь.

Бывший министр перуанского правительства оказался прав. После переворота Вильегас был арестован, и Гарсия Маркес понял, что его выгодная и полезная служба окончена. Вильегаса арестовала военная контрразведка, он был переправлен в Боготу и помещен в центральную тюрьму страны «Модело».

Надо признать, что к этому времени Гарсия Маркес собрал огромное количество материала, необходимого ему как писателю: он многое пережил и увидел собственными глазами, записал множество историй, мифов и легенд. Теперь, когда все это уже утвердилось в сознании, начался процесс обдумывания.

— Габо, я всю жизнь мечтал иметь свою газету! Ну, не то чтобы собственную, но такую, чтобы я мог руководить ее изданием, как хочу. Теперь эта возможность есть! И ты знаешь, как я тебя люблю. Да, если б даже не любил, лучше тебя на место завредакцией вечернего выпуска хозяин «Насьональ» не найдет. Во всей Колумбии! Завредакцией утреннего выпуска буду я.

Соглашайся! — Альваро Сепеда говорил так горячо, что Габриель невольно подумал: «Я никогда не видел, чтобы Альваро Сепеда так волновался из-за чего бы то ни было».

— Ты же знаешь, я без работы. А должность подходящая. И мы с тобой сработаемся, я думаю. Когда…

— И мы задавим «Эральдо»!

— Я всегда знал, что ты живешь именно этой мечтою. Надеюсь, мне не придется писать? Кто владелец и когда газета начнет выходить?

— Основатель и владелец — порядочный и богатый человек…

— Разве богатые бывают порядочными? — Габриель прищурился.

— Карахо, не валяй дурака! Хуан Давис Эчандия во мне души не чает. Считает, что мои рассказы лучше всех. Конечно, после тебя, дорогой. Правда, он считает, что ты пишешь отлично, но заумно.

— Коньо! И ты хочешь, чтобы я пошел к нему работать?

— Да работать ты будешь со мной, а главный редактор — Хайме Девис Перейра. Его ты знаешь, а он, я точно знаю, от тебя в восторге! Правда… — Альваро осекся.

— Что еще? Давай выкладывай!

— Он говорит, что ты богема. Но я ему напомнил о твоей работе в «Эральдо», и тогда он поднял руки вверх.

— Да ладно тебе. — Габриель усмехнулся. — Когда начинать и сколько положат?

— Гарантирую, что не обидят. Сегодня восьмое сентября. Думаю, через три недели. Значит, договорились, завтра пойдем к Хайме. Он будет рад! Да, забыл самое главное. Давис Эчандия купил новые типографские станки. Сейчас их устанавливают. Первое время на них будут работать гринго. А у нас при новой технике хлопот будет в сто раз меньше.

— Ладно, будем считать, что договорились.

Альваро Сепеда несколько заблуждался. Оба молодых писателя не просто работали в газете «Насьональ», они практически жили в редакции, участвуя в технологическом процессе издания обоих выпусков газеты с начала и до конца.

Вот что по этому поводу пишет Гилар: «Как вспоминает Герман Варгас — и это подтверждал сам Гарсия Маркес, — неуемные амбиции Альваро Сепеды вызвали недовольство многих сотрудников „Насьональ“, создав серьезные трудности. Сепеда много лет мечтал о том, чтобы иметь собственную газету, но когда это стало реальностью, он, по сути дела, все загубил» (15,

32).

Это был человек образованный, порядочный и невероятно требовательный в работе к себе и другим, особенно к пишущим журналистам, но его претензии и нововведения не раз служили причиной конфликтов и скандалов, вплоть до «итальянской забастовки».

— Ты, сеньор, баснословно талантлив, но еще молод! Ты не в состоянии посмотреть на себя со стороны! Ты здесь захиреешь, ты не сможешь развернуться должным образом и погибнешь, Габо! — так говорил Габриелю Альваро Мутис. Он работал в колумбийском отделении американской нефтяной компании «Эссо», занимался «PR-ом» и умел быть убедительным. — К тому же пьешь больше чем следует!

— Зато я — завредакцией! — Габриель пытался защищаться.

— Брось, Габо, ты только что сам говорил: в газете полный бардак! Ты завален работой, тебе некогда писать. А я нашел тебе хорошо оплачиваемую работу — редактором в самой престижной газете страны.

— «Эспектадор»… Там меня знают.

— И любят. И не забывай, что именно эта газета напечатала твой первый рассказ. И тот, кто открыл тебя, Эдуардо Саламеа Борда, нынче зам главного редактора. Он просил меня передать, что лично приглашает тебя.

— А Гильермо Кано?

— И главный редактор, и владелец газеты, ты же знаешь, это его отец — старик Габриель, твой тезка, — оба готовы хорошо платить!

— А Эдуардо не рассказывал, как все было с «Третьим смирением»? Почему он тогда его взял?

— Рассказывал. Ему понравился не столько стиль, сколько фантастический сюжет. Он сразу угадал в тебе талант. Эдуардо сначала показал рассказ своему брату Хорхе. И тот — ну что тебе говорить, наверное, это лучший писатель Колумбии — дал «добро».

— Так что, соглашаться, что ли? — В глубине души Габриель знал, что никуда не поедет, — у него не было сил на такую перемену, он не мог представить себе, как оставит Барранкилью и своих закадычных друзей.

— И не раздумывай, Габо! Правда, я должен тебе кое-что сказать. Старик Габриель Кано, когда узнал, что газета намерена пригласить тебя на работу, сказал мне: «Послушайте, Альваро, может, этот парень и талантлив, но его внешний вид — ужас что такое!» Я заверил его, что Кано в твоем лице будет иметь лучшего

работника в газете, что он еще не видел такого трудягу, как ты, и т. д. Он не очень-то поверил, но через неделю пригласил меня к себе в кабинет и сказал: «А знаете, Альваро, вы оказались правы, он замечательно пишет. Спасибо вам. Тащите его сюда, в нашу газету!»

Однако Альваро Мутис так и не услышал от Гарсия Маркеса ничего определенного. Перед отлетом в Боготу он все-таки оставил Габриелю билет на самолет с открытой датой. Это было в первых числах января 1954 года. В суматохе тогдашней жизни Габриеля билет потерялся. Когда Альваро Мутис позвонил ему из кабинета главного редактора «Эспектадор», Габриель сказал, что билет у него украли и поэтому он прилететь не может. Тогда газета, по настоянию Мутиса, прислала Гарсия Маркесу другой билет. Сам же Мутис написал ему довольно резкое письмо, и тогда будущий лауреат Нобелевской премии устыдился.

Matadores de gallo в количестве пятнадцати-двадцати человек три дня провожали Габриеля. Все отговаривали его от переезда в Боготу. Понимая, однако, что только там можно наконец всерьез попытаться издать «Палую листву», Гарсия Маркес распрощался с Барранкильей и, несмотря на свой патологический страх перед самолетами, улетел в столицу.

— Это что, все твои вещи? Плюгавый чемодан да два пакета! — с искренним изумлением произнес Мутис, который встретил Габриеля в столичном аэропорту «Течо».

— К чему мне много вещей! Тяжело таскать! Зато вот эти два пакета — мое будущее! Ты мне поможешь, Альваро, найти дешевую ночлежку?

— К черту ночлежку! Будешь жить у меня, пока не снимешь квартиру. Пора привыкать к цивилизации. Назавтра руководство газеты заказало ужин в твою честь в лучшем отеле Боготы. Пойдешь в моем костюме.

— Коньо, ты собираешься вот так командовать мной всю жизнь?

— Все зависит от того, как ты будешь себя вести.

— Спасибо, Альваро, теперь я вижу: ты — настоящий друг.

— Не стоит благодарности, — сказал Мутис и подумал: сколько еще понадобится времени, сил и терпения, чтобы сделать из Габо более или менее интеллигентного человека.

В чем Мутис не сомневался, так это в том, что два бумажных пакета — один потолще, другой потоньше — действительно представляли собою будущее писателя Гарсия

Маркеса. В легком пакете находились старые варианты «Палой листвы» и еще один, четвертый, еще не правленный, а значит, не последний. В увесистом — сложенные вдвое газетные рулоны «Дома», основы целого ряда будущих книг писателя. «Дом» стал прародителем, который произвел на свет, будто из Адамова ребра, роман «Палая листва» и, в той или иной степени, повесть «Полковнику никто не пишет», роман «Недобрый час», сборник рассказов «Похороны Великой Мамы» и роман-эпопею «Сто лет одиночества» (27, 295).

— Альваро, что происходит, коньо? — не скрывая раздражения, спросил Габриель. Вот уже пятый день он сидел в кабинете своего друга, этажом выше редакции «Эспектадор», и изредка правил материалы, которые приносил ему из редакции посыльный.

— Закон капитализма. К тебе присматриваются.

— Закон твоей сраной столицы! Я тут загибаюсь от холода и одиночества! Дай мне выпить, прошу тебя. И все что-то обещают… Лучше одно «возьми», чем два «я тебе дам!»

— Они знают тебя, Габо, как хорошего писателя, но не знают, что ты такое в журналистике. Провинциальных газет они не читали. Кто умеет ждать, доживает до глубокой старости. Все будет в порядке. Тебе, конечно, ром? Тебя ведь от виски тошнит. Ты знай себе старайся! — И Альваро наполнил рюмку лучшим ямайским ромом.

Габриель осушил ее залпом и заявил:

— Жду до среды, а там — пошли они в задницу! Возвращаюсь в Барранкилью!

В понедельник, 1 февраля главный редактор Гильермо Кано пригласил Гарсия Маркеса к себе в кабинет и предложил ему подписать контракт сразу на год. Его принимали без испытательного срока на штатную должность редактора, с окладом девятьсот песо в месяц. Поначалу Гарсия Маркес не поверил своим глазам. О таком он не мог мечтать в самом счастливом сне. Впервые в жизни повеяло экономическим благополучием. Кано это понял и спросил: «О чем вы сейчас подумали, Габриель?» Новый редактор «Эспектадор» ответил то, что думал: «Наконец-то я смогу помогать моим родителям по-настоящему». Главный редактор улыбнулся: «Я вас таким и представлял. Идите с Богом! Трудитесь на благо газеты. Ваше рабочее место вам покажут».

Либеральная газета «Эспектадор» была по значению второй газетой в стране после «Тьемпо». В редакции работали

профессиональные журналисты и писатели, в большинстве — прогрессивных взглядов, которые они вынуждены были сбывать. Молодой, начитанный, поднаторевший в журналистике Гарсия Маркес очень скоро завоевал авторитет среди коллег, поддержку и уважение завредакцией Хосе Сальгара и главного редактора. Он работал репортером и писал комментарии и передовицы. Веря в талант молодого журналиста и писателя, Эдуардо Саламеа Борда, зам главного редактора, помогал Гарсия Маркесу как мог. Не прошло и полгода, как Габриель Гарсия Маркес уже считался в газете репортером-звездой.

В этот период Гарсия Маркес особенно сблизился с известным журналистом, сотрудником «Эспектадор» Гонсало Гонсалесом (псевдоним Гог), который вел в газете колонку «Вопросы и ответы». Гонсалес был уроженцем Аракатаки и дальним родственником Габриеля и, кроме того, знал его как члена Литгруппы Барранкильи. Именно Гог показал Эдуардо Саламеа рассказ «Третье смирение», поскольку сам Габриэль был настолько не уверен в себе, что побоялся подняться в кабинет Саламея в «Эспектадор».

Однако не бывает дороги без ухабов. Многие коллеги увлеклись стилем Гарсия Маркеса, но однажды завредакцией Сальгар, опытный журналист старой школы, посоветовал Габриелю, к которому прекрасно относился, «свернуть шею лебедю литературы, который только мешает настоящей журналистике».

Гарсия Маркес обратился за помощью к своему «Христофору Колумбу», «литературному отцу» Эдуардо Саламея Борда, тонкому писателю, автору рубрики «Город и мир», которую он подписывал псевдонимом Улисс. Рубрика подробно рассказывала читателю о событиях культурной жизни страны и за рубежом и особенно о том, что происходило в литературе. Именно материалы Улисса семь лет назад дали Габриелю импульс к сочинению первого рассказа «Третье смирение».

— Знаешь, Пепе, я солидарен с Эдуардо. Выпей с нами кофе. — Главный редактор сам нацедил из итальянского аппарата «эспрессо» и подал чашечку заведующему редакцией.

— В чем солидарны, сеньор Кано? — Сальгар в предчувствии серьезного разговора, всегда переходил с главным на «вы».

— Ты напрасно упрекаешь Гарсия Маркеса в излишней литературности стиля. Читатели всегда с интересом читают его материалы. И ты это знаешь. Мы этим гордимся.

— Я уже стар, а значит, консерватор. Ладно, будь по-вашему! Я поговорю с Габриелем. Конечно, новые времена…

— И он не вылезает из редакции, — сказал Саламеа. — Даже

ночует здесь. Это стало темой для анекдотов.

— Это да! Зато когда выбирается отсюда, утром приходит с мешками под глазами, помятый, и за три метра от него закусить хочется. Но при этом, надо признать, работник он отличный. Побольше бы таких.

— Вот видишь. Надо понимать, он же литератор, поэт. Богема — его стихия. Не сомневаюсь, в будущем он — первая величина в нашей литературе. Он как никто другой прославит Колумбию, — высказал свое мнение Саламея.

— Сам я в этом не уверен, но Эдуардо виднее. Он у нас известный дегустатор молодых талантов. — Главный нажал на кнопку вызова секретаря.

— Я вас понял. Черт его знает, что итальянцы засовывают в свой аппарат, — как ни сделай кофе-«эспрессо», всегда получается вкусно.

В Боготе Гарсия Маркес восстановил прежние знакомства и завел новых друзей. На встречах и вечеринках, где появлялась гитара, он исполнял вальенаты и всегда был душой компании. Самыми близкими его друзьями стали Мутис, его жена Нанси и каталонец Луис Висенс, один из основателей Киноклуба Колумбии. Все четверо «болели» литературой, и их беседы часто затягивались до зари.

Однако Мутис упорно делал свое дело. Прежде всего он научил Габо завязывать и носить галстуки, затем ввел его в престижные круги деятелей искусства и литературы, заставил еще раз внимательно перечитать Стендаля, Диккенса, Шиллера и Конрада. Основой дружбы Мутиса и Гарсия Маркеса была всепоглощающая страсть к литературе, а взаимная личная привязанность опиралась на схожесть характеров и взглядов — «две горошины из одного стручка», говорили про них.

Они вышли из Оперного театра, и Гарсия Маркес, вопреки обыкновению, молчал. Он был сосредоточен, напряжен. Внезапно он поцеловал в щеку Нанси и крепко обнял друга

— Карахо, это было колоссально! Я впервые слушал симфоническую музыку. Бетховен — гений! Он вывернул мне душу, — Габриель запустил в волосы обе пятерни.

— Третья симфония — «Героическая», как и Пятая и Девятая, проникнута мужеством, отвагой и демократизмом. Его творчество отражает идеи Великой французской революции. Он действительно гений! — Альваро сделал ударение на последнем слове.

— Высокая идейность Бетховена основана, прежде всего, на

сознании общественного долга, — добавила Нанси.

— А Шостакович! — Габриель остановился. — Это же совершенно другое, это более современно, но какая силища!

— Должен тебе сказать, Габо, это твой композитор.

— Почему, Альваро?

— То, что ты слышал, — это о войне русских с фашизмом. Другие его вещи будут тебе еще ближе. Шостакович — новатор! Его музыка — это мучительные, порой трагические переживания человека. Она о несправедливости и одиночестве. Поэтому музыку Шостаковича с таким трудом принимают в коммунистическом СССР.

— Тогда почему его разрешает исполнять наша военная диктатура?

— Потому что ничего в нем не понимает! — ответил Альваро.

— Когда будет следующий концерт симфонической музыки, пойдем? — Габриель говорил умоляюще. — Богота теперь, карахо, совсем другой город. Приезжие иностранцы стряхивают с него колониальный нафталин.

— Обязательно пойдем, Габо, — с радостью сказала Нанси. — Меньше будешь торчать в своих любимых «Астуриас» и «Аутоматико». Все, что ты мог оттуда взять, ты уже взял.

— Да я теперь хожу в кафе послушать, что говорят, и только. И по этой же причине не пропускаю ни один новый фильм. Это все для работы в газете.

— Меня, Нанси, искренне радует, что в друзьях у Габо теперь ходят Саламея и старик Сальгар. Это знающие люди.

— Мы теперь часто с ними по выходным выезжаем в провинцию. Выпить пива, понаблюдать тамошнюю жизнь, поговорить. Они оба первоклассные собеседники. И меня уважают. Говорят, военная диктатура генерала Рохаса Пинильи — видимость. В действительности страной управляют олигархи.

— А их ненависть к народу выражается насилием диктатуры и жестокостью диктатора, — пояснил Мутис.

На следующий день, прежде чем отправиться в редакцию «Эспектадор», Гарсия Маркес отвез передачу в тюрьму «Модело» своему перуанскому другу Хулио Сесару Вильегосу. На обратном пути Габриель — это было 9 июня 1954 года — стал свидетелем того, как на авеню Хименес де Кесада по приказу диктатора Рохаса Пинильи была расстреляна мирная демонстрация студентов. Кровавая бойня произвела на Гарсия Маркеса столь сильное впечатление, что он окончательно решил примкнуть к левым силам. Сближение Гарсия Маркеса с левыми, под влиянием антиимпериалистического настроя его деда, началось еще в колледже в Сипакире, где кое-кто из преподавателей были членами

компартии Колумбии. Его левые взгляды окончательно сформировались в Картахене и Барранкилье. Еще работая в «Эральдо», Гарсия Маркес помогал компартии денежными взносами. То же самое он делал, хотя об этом знали немногие, работал в «Эспектадор», где действовала тайная ячейка КПК, в то время находившейся в подполье.

После расстрела студентов Гарсия Маркес вошел в партийную ячейку газеты, посещал собрания, выступал там с яркими обличительными речами, однако решительно уклонялся от активной деятельности. Тогда Хильберто Виейра, генеральный секретарь КПК, пригласил Гарсия Маркеса к себе домой и заявил ему, что, поскольку он уклоняется от активной деятельности, нет смысла участвовать в работе ячейки. Виейра предложил ведущему журналисту «Эспектадор» получать информацию для газетных материалов лично от него.

«На самом деле поведение Виейры имело целью поближе познакомиться с восходящей звездой и заручиться его поддержкой, — читаем мы у Дассо Сальдивара. — Коммунисты прекрасно понимали, какое значение может иметь такая поддержка со стороны ведущего репортера газеты „Эспектадор“» (28, 305).

— Ну как? Закончил читать, людоед? — спросил Габриель, не успев переступить порог дома Мутиса, и тут же сорвал с себя галстук.

— Конечно, Габо, все это очень необычно! Ни в Колумбии, ни вообще в Латинской Америке так никто не писал. Не все это примут. Впрочем, Фолкнера и Вирджинию Вулф тоже не сразу признали. Терпение, мой друг, терпение. — Альваро направился к стойке бара, положил в стаканы кубики льда, добавил в виски содовой воды. — Пью за то, чтобы этот пятый вариант был последним.

— Четвертый, старик! Четвертый.

— Не мелочись! Когда я был в Барранкилье два года назад, ты трудился над четвертым. Когда же я выдрал тебя из провинциального болота, ты мне еще в аэропорту «Течо» сказал, что привез пятый вариант «Палой листвы», еще не отшлифованный до конца. Теперь роман готов, и надо искать издателя. Давай выпьем и подумаем над этим вместе.

— Было бы здорово!

— Да, Габо, я уже давно хотел тебе сказать: ты чертовски здорово делаешь комментарии к кинофильмам. Их очень интересно читать. Поздравляю!

— Откровенно говоря, Альваро, меня все больше и больше

привлекает работа репортера.

— Ты и тут молодец! — сказала Нанси, входя в гостиную. — Ты вообще молодец, Габо! Кто еще может писать передовицы не хуже, чем Кано, Саламея, Сальгар и Гог? А ведь они — асы!

— Тем не менее то, что они делают, не так увлекательно, как материалы Габо в колонке «Кинематограф в Боготе. Премьеры недели». Тут он в своей стихии, — высказал свое мнение Альваро. — И так думают многие.

— Это мой дед привил мне любовь к кино. Иной раз в Аракатаке мы с ним смотрели по три фильма подряд — всю программу.

— Думаю, Альваро, у Габито есть еще одна заслуга, — заметила Нанси. — По сути, он один их первых в Колумбии, кто открыл путь для кинокритики.

— Ты абсолютно права, дорогая! Я уже слышал разговоры о необходимости создания в Колумбии собственной киноиндустрии.

Лето 1954 года принесло Габриелю Гарсия Маркесу первое официальное признание, первую премию в его жизни. Ассоциация писателей и артистов Колумбии присудила ему Национальную премию за рассказ «День после субботы». Получая ее, Гарсия Маркес думал об издательстве «Лосада», которое отказалось печатать «Палую листву». Правда, он знал, что рассказ «День после субботы» вызвал у членов жюри конкурса весьма противоречивые отклики, и не только по поводу стиля, но и по поводу той действительности, которую описывал автор, рассказывая о мифическом Макондо.

— Скажите, Габриель, почему в этом рассказе, да и во всех остальных, вы рисуете действительность такой тяжелой, мрачной, беспросветной? — спросил Гарсия Маркеса после вручения премии убеленный сединами член жюри.

— Потому что наша страна словно помечена несчастьями и катастрофами. Войны, насилие, скрытое и явное, беспардонное разграбление природных ресурсов, безысходная нищета, разрушительные наводнения и налеты саранчи, зависть и соперничество в области культуры, уровень которой и без того оставляет желать много лучшего, несправедливость, гражданское бесправие, грязная политика… — Гарсия Маркес не договорил, поскольку член жюри молча повернулся и ушел.

«Что же ты скажешь, когда прочтешь „Палую листву“?» — подумал про себя Габриель.

В начале августа Гарсия Маркес получил повышение по службе — его отправили в Медельин специальным корреспондентом «Эспектадор». Там произошло стихийное бедствие, повлекшее за собой большое количество человеческих жертв. Когда Габриель вернулся, сотрудники газеты встретили его в коридоре редакции аплодисментами — за три репортажа на тему «Итоги и восстановительные работы после катастрофы в Антиокии». После чего один за другим появились не менее блестящие репортажи спецкорреспондента: «Чоко, которого Колумбия не знает» (29.IX — 2.X.54), «От Кореи к действительности» (9—11.XII.), «Трижды чемпион открывает свои секреты», «Правда о моих злоключениях» и «Великий колумбийский скульптор, усыновленный Мексикой» о Родриго Аренасе Бетанкуре, опубликованный 1 февраля 1955 года.

Висенс и Мутис устроили ужин в честь героя дня. Вся читающая Богота говорила о Маркесе.

— Однако, дорогие друзья, признаюсь только вам, — говорил Габриель с рюмкой в руке. На столе среди закусок была русская икра. — Когда я увидел, что случилось в Медельине, меня охватил такой ужас, что я готов был бросить все к чертовой матери и вернуться в Барранкилью.

— Чего ты испугался? Увидел трупы? — спросил Висенс.

— Нет! Я испугался, потому что был уверен — мне об этом не написать! И должности спецкора мне не видать как своих ушей. И пока я был там, я не мог избавиться от страха.

— Но ведь ты справился, Габо, теперь все позади, — сказал Мутис, поднимая рюмку.

— Нет, Альваро, даже сейчас, как только мне кажется, что Сальгар или, еще хуже, Кано хотят меня куда-нибудь послать, я начинаю дрожать от страха.

— Но это нормально! Любой человек испытывает страх в решающие моменты своей жизни. Вспомни хемингуэевского Фрэнсиса Макомбера, — сказал Луис Висенс.

Уже будучи известным писателем, Гарсия Маркес не оставил журналистику, и благодаря своим глубоким и политически острым репортажам он оставался одним из ведущих журналистов Колумбии.

Однажды в руки Гарсия Маркеса попал старый номер газеты «Тьемпо» со статьей о кораблекрушении и о Луисе Алехандро Веласко, единственном моряке, оставшемся в живых.

— Бог с тобой, Габито, об этом случае кто только не писал, — сказал Гильермо Кано и протянул Гарсия Маркесу чашку черного

кофе.

— Уверяю вас, не сказано и половины! Не сказано самого главного — правды! Дайте мне «добро», и я сделаю не репортаж, а конфетку.

— Ей-богу, Габо, даю согласие только потому, что уж очень тебя люблю. Съезди, проветрись, однако я мало верю в успех.

Прошло всего три недели, и «Эспектадор» начала печатать репортаж с продолжением, который назывался «Рассказ не утонувшего в открытом море», или, как еще называлась эта работа писателя, «Правда о моих злоключениях».

Габриель сидел за своим столом в огромной комнате редакции, вычитывая гранки седьмого куска, когда вдруг к нему подошел Кано и положил ему руку на плечо.

— Скажите откровенно, то, что вы сейчас печатаете, это литературное произведение или правда? — спросил владелец газеты.

Габриель поднялся со стула.

— Это литературное произведение, потому что это правда, — смущенно ответил спецкор.

— Вы клянетесь? — Кано говорил серьезно.

— Клянусь! — так же серьезно ответил Маркес.

— Тогда скажите мне, сколько еще частей вы планируете написать?

— Всего у меня написано четырнадцать.

— Тогда сделайте пятьдесят! Гильермо говорит, тираж газеты увеличился вдвое.

— На сей раз не получится, дон Габриель. Все, что можно, я уже написал.

— Что ж, очень жаль!

Пять минут спустя хозяин газеты сказал своему брату в его кабинете:

— Спасибо тебе, Гильермо, что принес нам в газету эту курицу, несущую золотые яйца.

Из-за этой повести Гарсия Маркеса, которая была написана от первого лица и как бы за подписью моряка Луиса Алехандро Веласко, отношение правительства генерала Рохаса Пинильи к газете «Эспектадор» изменилось в худшую сторону.

В открытом море эскадренный миноносец обнаружил моряка, умиравшего от голода. Паром, на котором он находился, был якобы унесен штормом в море. Семеро товарищей Веласко погибли, а он сам провел десять дней без еды и питья. Моряка сделали чуть ли не национальным героем, и диктатор пытался использовать это в своих целях. Гарсия Маркесу удалось убедить моряка Веласко

рассказать правду: на пароме по приказанию близкого к диктатору генерала был размещен контрабандный груз. Во время шторма плохо затепленный груз сорвался, и весь экипаж оказался в воде. Вскарабкаться обратно на паром сумел лишь Веласко.

С момента публикации рассказа моряк Веласко перестал быть героем, был уволен из военно-морского флота, а недовольство властей Гарсия Маркесом усилилось. Как справедливо отмечает Дассо Сальдивар, «по своей сути репортажи Гарсия Маркеса были куда глубже и серьезнее, с точки зрения политической и революционной, чем деятельность подавляющего большинства его современников левого толка, открыто отстаивающих свои убеждения. И если цензура пропускала его материалы, так только потому, что писатель, в отличие от своих единомышленников, не занимался демагогией и митингованием и не был подвержен идеологическому пустословию, присущему склеротическому марксизму Москвы. Он кропотливо исследовал колумбийскую действительность и в каждой строке, в каждом материале смело говорил о том, что его волновало (нередко используя информацию, которую получал от своих друзей из компартии)» (28, 318).

— Не обижайся, старик, но лучшего издательства я не нашел. Роман надо издавать! Уже столько лет ты носишься с ним, как с младенцем, который никак не желает появляться на свет. — Мутис старался говорить мягко.

— Еще как желает! А кто будет рожать? — быстро спросил Габриель.

— Не удивляйся! Самуэль Лисман Баун, владелец «Типографии Сипа».

— Коньо, никогда о таком не слышал!

— Тем не менее он скоро сюда войдет. Потому я и попросил тебя прийти в «Астуриас» с рукописью «Палой листвы».

— Карахо, отдавать неизвестно кому!

— В противном случае хорошая книга будет и дальше тухнуть на полке и знать об этом будем только мы с тобой да еще несколько человек.

В это время в кафе появился щуплый, быстроглазый Лисман Баун. Он увидел Мутиса и решительно направился к нему.

— Сеньор Мутис, где рукопись?

— Да вы сначала познакомьтесь с автором.

— Мне важнее знакомство не с автором, а с рукописью. — Владелец типографии продолжал стоять, хотя Мутис жестом предложил ему сесть.

— Значит, как мы договорились, сеньор Лисман, вы отпечатаете книгу сразу. Поверите мне на слово и не станете

искать рецензентов.

— Договорились! Автор, давайте вашу рукопись и приходите через неделю, — сказал издатель.

— Послушай, Альваро, это же проходимец, карахо, — шепотом проговорил Габриель.

— Но книгу написал ты, а не он! Через неделю отпразднуем.

Роман «Палая листва» действительно вышел через неделю. Из объявленного тиража в четыре тысячи экземпляров вышла только одна тысяча, во всяком случае так утверждали работники типографии. Из них пятьсот экземпляров, как потом рассказывал Мануэль Сапата Оливейя, старый друг и покровитель Гарсия Маркеса, во многом ему помогавший, издатель Лисман Баун всучил Сапате в качестве гонорара за его книгу «Китай, 6 часов утра».

Эдуардо Саламея, Альваро Мутис, Луис Висенс и сам автор ходили по книжным магазинам Боготы, уговаривая владельцев взять со склада «Типографии Сипа» хотя бы по пять — десять экземпляров и пустить их в продажу по пять песо за книгу.

Прошло ровно семь лет с тех пор, как из-под пера Гарсия Маркеса появился первый вариант «Палой листвы» — воспоминания детства, основанные на верности карибской культуре, но не без влияния прозы Фолкнера, В.Вулф и Мелвилла. Когда же наконец «Палая листва» с посвящением Герману Варгасу, одному из самых близких друзей писателя по Литгруппе Барранкильи, вышла в свет, ее сразу стали обсуждать в литературных кругах. Молодые писатели восхищались, представители старшего поколения пожимали плечами. Эдуардо Саламея, литературный критик и друг писателя, со страниц «Эспектадор» приветствовал выход книги шумными аплодисментами. Целый месяц праздновали это событие, обливая экземпляры шампанским, члены Группы Барранкильи. Вместе с тем широкая публика роман не покупала.

Пройдет двадцать лет, и ведущий литературный критик Мексики Эммануэль Карбальо напишет: «Роман „Палая листва“ — элегия, трехголосная месса по усопшему, в его основу положена история самоубийства человека и ненависти жителей города к нему даже после его смерти. Автор рассказывает о жизни и важных событиях в судьбах людей и в тяжелые времена зарождения Макондо, и в период его процветания, и в то время, когда жизнь в городке пришла в полный упадок. Структура произведения, намеренно хаотическая и запутанная, несет свою функцию и является основой, на которой, с той поры и до сего дня, будет строиться литературный мир Гарсия Маркеса. Она представляет собой первый образчик „рейтеративного“ —

повторяющегося — стиля этого автора, который в самые неожиданные моменты переходит от реальной действительности к воображаемой, от традиционного реализма к реализму, созданному лучшими традициями современного романа, от простоты изложения к двусмысленности и „герметизму“ — непроницаемости. Кто внимательно читал Гарсия Маркеса, тот не мог не заметить неповторимого своеобразия его стиля как наиболее важной черты его творчества, которая зародилась именно в „Палой листве“, выковывалась в его рассказах „Сиеста во вторник“ и „День после субботы“ в сборнике „Похороны Великой Мамы“, ярко проявилась в рассказе „Море исчезающих времен “ и получила окончательное выражение во всей своей мощи и красоте в романе „Сто лет одиночества“» (5, 161).

А в мае 1955 года Гарсия Маркес был счастлив, дарил свою книгу всем подряд и впервые раздавал автографы. Когда тираж еще печатался, Гарсия Маркес взял первый экземпляр, пахнувший краской и клеем, и отправился в Министерство образования. Его бывший преподаватель литературы в колледже в Сипакире теперь работал директором департамента среднего образования и педагогики. Габриель вручил ему «Палую листву» с такой надписью: «Моему учителю, Карлосу Хулио Кальдерону Эрмиде, первому, кто натолкнул меня на мысль писать». Седовласый педагог поблагодарил и сказал: «Я всегда знал, что рано или поздно, но ты станешь настоящим писателем! Твои газетные репортажи — это уже литература!»

Радости не было конца, но уж так устроен мир: было горько читать резкую критику на роман «Палая листва» со стороны компартии Колумбии. Виейра в печати заявил, что в романе «Палая листва» отсутствует обличительный пафос и что мифическое содержание и своеобразный лирический стиль произведения никак не соотносятся с колумбийской действительностью.

Подобные высказывания пробуждали определенные сомнения, которые не оставляли писателя до тех пор, пока, благодаря созданию романа «Сто лет одиночества», Гарсия Маркес вновь не обрел творческую свободу.

ГЛАВА V
«Полковнику никто не пишет». Железный занавес (1955—1959)

— Наступают тяжелые времена, мой дорогой Габриель. — Главный редактор допил кофе и поставил чашечку на столик, где стояло уже с полдюжины пустых. — К нам присылают цензора!

— Но в других газетах они уже давно сидят, Гильермо, — заметил Габриель Кано, брат главного редактора и владелец газеты. — Неужели это из-за Гарсия Маркеса? Выходит, виноваты его статьи о потерпевшем кораблекрушение?

— Вне всякого сомнения!

— Ну что ж, мы прилично на этом заработали. Ты по этому поводу пригласил меня к себе?

— Нет. Надо решать, что делать с Гарсия Маркесом. Правительство генерала теперь глаз с него не спустит. А он, я его знаю, не станет писать по-другому.

— Но увольнять его нельзя! Ни в коем случае! — Габриель Кано порывисто встал. — Мы тут же потеряем и читателя, и тираж. Надо что-то придумать, Гильермо.

— Вот как раз над этим я и ломаю голову. Эдуардо нашел выход. Отправить курицу, несущую золотые яйца, спецкором в Европу. Будет сидеть в Женеве, выезжать, когда надо, в другие столицы, но прежде всего пусть осветит, как он умеет это делать, встречу глав четырех государств.

— Но мне это обойдется в копеечку.

— Зато мы вырастем в глазах читателя. У «Тьемпо» спецкора в Европе нет. А тут свежий материал талантливого журналиста. Это тебе не жвачка международных агентств, которые ездят по проторенной колее и гнут одну и ту же линию. Я уверен, тираж нашей газеты поднимется. Так что решай, Габриель! Убьем сразу трех зайцев: генерал и его цензор будут спокойны, престиж «Эспектадор» поднимется, и мы сохраним нашу «курицу». Решай, брат. Последнее слово за тобой. Эдуардо и Гарсия Маркес ждут в приемной.

— Мне нравится мой тезка. Он любит жизнь! В какой-то степени благодаря ему я и сам стал чувствовать вкус к жизни, несмотря на возраст. Зови, пусть входят. — И владелец газеты вновь уселся в кресло.

В первой декаде июля 1955 года газета «Эспектадор» предложила своему ведущему репортеру отправиться спецкором в Европу. Гарсия Маркес, услышав о предложении, вспылил. Он сказал, что владельцы газеты струсили, что они гнут спину перед диктатором и хотят избавиться от него, Гарсия Маркеса, и потому фактически выставляют из страны, лишают любимой работы. Что чувствовал писатель в ту минуту, известно только ему самому.

Габриелю предложили чашечку кофе, а лучше бы — бутылку пива. После вчерашнего болела голова.

Говоря о любимой работе, Гарсия Маркес, видимо, прежде всего имел в виду журналистское расследование, которое он вел вместе с Хосе Сальгаром. В Боготе упорно ходили слухи о том, что на площади Боливара, прямо напротив Национального Капитолия, со времен завоевания страны были зарыты, баснословные сокровища. В одном из близлежащих дворов по авеню Хименес де Кесада был обнаружен прорытый кем-то подземный ход, который вел к площади.

Перед тем как выйти из кабинета главного редактора, Гарсия Маркес сказал, что ему нужно пару дней подумать.

— Коньо, так это же прекрасно, Габо! — воскликнул Альваро.

— Карахо, я поздравляю тебя, Габито, от всей души! — вторил Луис.

Друзья сидели в кафе «Черная кошка». Мутис и Висенс, услышав от Гарсия Маркеса о его новом назначении, разумеется, обрадовались за друга, хотя оба понимали, что теперь они не скоро его увидят.

— Но меня выгоняют!

— Дурачок! Тебе оказывают честь и тебя спасают. — Мутис подозвал официантку и заказал всем по рюмке рома. — Я бы плясал на твоем месте. Рохас Пинилья обид не прощает! А ты мне дорог, как брат.

— Габо, это же новые горизонты для тебя.

— Но я сам хочу выбирать себе горизонты!

— Ну знаешь! Никогда не думал, что талант и глупость могут спать в одной постели! А потом, Габо, ты не семижильный! Год и восемь месяцев изнурительного труда. Ты пашешь без отдыха и сам не замечаешь, что от некоторых твоих статей уже начинает веять усталостью. Мы с Луисом об этом говорили. Иной раз ты уже не пишешь, а отписываешься.

— Например? — спросил Габриель с вызовом.

— Ну хотя бы последний репортаж с продолжением о трехкратном чемпионе — велосипедисте Рамоне Ойосе.

— Спасибо, Альваро, я этого не замечал, а сейчас думаю, может, ты прав, карахо. Ситуация в Колумбии действительно становится из рук вон!

— В Европе отдохнешь, увидишь другой мир. А самое главное, Габо, там ты сможешь писать, — добавил Висенс.

— И заняться изучением итальянского кино — осуществить свою давнишнюю мечту. Выучить французский. Повидать иную культуру. Плюс ко всему триста зелененьких — это не зарплата, а подарок, — заключил Мутис. — Так что брось валять дурака, Габо. Соглашайся!

Сборы были недолгими. Мутис через свои связи помог получить визу за два дня. Проводы были настолько бурными, что Гарсия Маркес проспал самолет на Париж. Но ему в который уже раз повезло. Мощный «констелейшн» из-за неисправности совершил посадку в Барранкилье, где простоял двое суток. Габриель догнал его именно там и в ожидании отлета проводы продолжились. Однако самой большой радостью в Барранкилье стала для него не столько встреча со старыми друзьями, matadores de gallo из «Пещеры», сколько то, что его невеста Мерседес Барча Пардо, которая ждала его вот уже десять лет, дала слово и дальше терпеливо ждать Габриеля, пока он окончательно не станет на ноги.

15 июля готовый к полету лайнер взмыл в воздух и с посадками на Бермудских и Азорских островах, а также в Лиссабоне и Мадриде через тридцать часов доставил спецкора газеты «Эспектадор» в Париж, откуда он направился поездом в Женеву. Гарсия Маркес снял номер в первом попавшемся отеле, переоделся и направился было в здание Организации Объединенных Наций, но там выяснилось, что спецкор, кроме родного испанского, не знает никакого другого языка. Его французского было явно недостаточно. И снова выручил случай. На улице Габриель увидел священника, который показался ему похожим на испанца. Он заговорил с ним, и священник, оказавшийся баском, провел его в зал заседаний дворца, где происходила встреча Эйзенхауэра, Булганина, Идена и Фора, и познакомил с собратьями по перу из стран Латинской Америки. Первый подробный репортаж «Женева равнодушно взирает на встречу» был отправлен телеграфом в «Эспектадор» в тот же вечер и на следующей день был помещен на первой полосе.

Затем он отправил следующие репортажи на тему встречи четырех великих держав: «Мой симпатичный клиент Айк», «Каков собой этот пресс-муравейник», «Четыре балагура», «Испуг четырех великих», «Настоящее вавилонское столпотворение», «Три великих дамы Женевы», которые были опубликованы в «Эспектадор» с 20 по

31 июля 1955 года.

— Габриель, сын мой, отчего ты такой грустный? Молодости свойственно улыбаться. «Будь тверд и мужествен, храни и исполняй закон, который завещал тебе Моисей, раб Мой; не уклоняйся от него ни вправо, ни влево, дабы поступать благоразумно во всех мероприятиях твоих», — завещал нам Господь. — Священник положил руку на голову Габриеля.

— Я атеист, падре. Но вы добрый, и я откроюсь вам. — Габриель пригладил волосы. — У себя на родине, в Колумбии, я был одним из ведущих репортеров, а здесь вот уже скоро месяц, как я посылаю в газету всякую ерунду: какие-то цифры, факты, лежащие на поверхности, анекдоты.

— Надо быть прилежным, сын мой.

— Все дело в том, падре, что этот город для меня чужой, я не знаю ни его истории, ни истории страны и не говорю на тех языках, которые здесь в ходу.

— В Женеве есть твои братья-латиноамериканцы…

— О! Каждый из них занят своим делом. Не будут же они свой материал отдавать мне.

— Да поможет тебе Бог!

— У меня из головы не идет, что думают обо мне друзья в Колумбии.

По этому поводу Дассо Сальдивар пишет следующее: «Тогда, с легкостью скользя по поверхности событий, он только сыпал шутками в стиле tamar gallo, посылал веселые приветы своей невесте, коллегам из „Эспектадор“ и несравненным друзьям из Барранкильи, пытаясь таким образом доказать им всем, что старая Европа абсолютно его не ослепила» (28, 328).

В газете все это быстро поняли и перевели спецкора в Рим, обязав его как можно скорее выучить итальянский язык, а затем, уже в Париже, и французский. Пока же его первым заданием в Италии было освещение работы Шестой Биеннале кинематографического искусства, которая проходила в Венеции. Вскоре в газету стали вновь поступать репортажи Гарсия Маркеса, достойные мастера «лучшей в мире профессии». Например, обширный материал «Скандал века» об убийстве в Риме красавицы Вильмы Монтеси, который напомнил читателям «Эспектадор» историю потерпевшего кораблекрушение.

В Италии Гарсия Маркес очень быстро понял, что «заболел другой корью» — кинематографической, которая у него протекала намного острее, чем литературная и журналистская.

Писательский интерес Гарсия Маркеса к Ватикану, к истокам

его силы и величия, привел к тому, что он познакомился с Папой Римским Пием XII (в миру Эудженио Пачелли), а затем и сдружился с ним. В течение пяти месяцев он отправил в Боготу пять подробных материалов об этом человеке.

И еще раз судьба улыбнулась Гарсия Маркесу. В маленьком тихом отеле, в районе виллы Боргезе, где ему порекомендовал поселиться консул Колумбии, писатель познакомился с Рафаэлем Рибера Сильвой, колумбийским тенором, который вот уже шесть лет обучался пению у итальянских мастеров. Рафаэль стал другом и гидом-переводчиком спецкора газеты «Эспектадор».

— Габо, я внимательно прочитал ваш материал «Скандал века», — произнес Рафаэль во время ужина за порцией спагетти с сыром «пармезан». — Вы знаете, это рассказ настоящего писателя. Должен сказать, я получил куда большее удовольствие, чем от чтения «Палой листвы».

— Почему?

— Там ваша проза несколько заумна.

— А здесь?

— Здесь все ясно. Вы рассказали об убийстве так, будто сами были участником событий. Убийцы выписаны необыкновенно ярко и убедительно, а бедняжка Вильма — просто царственная жертва! Описание суда чертовски увлекательно. А стиль — ясный, крепкий. Вы, Габо, обязательно должны писать книги! Именно так, как этот материал.

— Хороший совет, Рафаэль. Я так и поступлю, но мне сейчас не до книг. Вот если б вы мне посоветовали, как познакомиться с Витторио де Сика или хотя бы с Чезаре Сабатини, я бы поставил вам дюжину бутылок «кьянти».

— Что же вы не воспользовались случаем, когда были в Венеции?

— Может, и воспользовался бы, если б я был «Мисс Колумбия». Они оба были вне пределов досягаемости. В нашей стране надо создавать свой кинематограф, вы же знаете, там есть что снимать. Только никто в Венеции на это не клюнул.

— Но вы же написали в свою газету, что один крупный французский режиссер собирается поработать в Колумбии.

— Я же журналист.

— А вот о своей поездке на кинофестиваль в Варшаву промолчали.

— Не успели мы стать друзьями, Рафаэль, а вы уже хотите, чтобы меня выгнали из газеты. Я им даже не сообщал о том, что я вообще был в Варшаве. У нас же военная диктатура. Горилла у власти! Да и посол США следит. Непременно был бы скандал! А

вы отличный парень и хорошо поете, особенно «*до*» по утрам, когда распеваетесь.

— Ну а как все-таки жизнь за Железным Занавесом?

— Поскольку мы не на пресс-конференции, скажу вам как другу. Любая религия, основанная на догме и опирающаяся на закоренелую бюрократию, — губительна. Удовольствия от я поездки не получил. В польском кино есть талантливые люди, но они живут и действуют если не по прямой указке, то непременно в угоду ЦК компартии. И Москве. Что скажут там…

— А вы напрасно так мало едите. Костюмы на вас висят как на вешалке.

В конце октября, по протекции недавнего друга и покровителя, аргентинского кинодеятеля Фернандо Бирри, Гарсия Маркес был зачислен на режиссерский курс Экспериментального центра кинематографии Италии. Бирри, человек левых взглядов, уже пять лет учился и работал в Риме. У Гарсия Маркеса было к нему рекомендательное письмо от Альберто Саламеа, сына известного колумбийского поэта и писателя Хорхе Саламеа и племянника Улисса. В письме к Фернандо Бирри он просил «оказать всяческое содействие молодому журналисту и писателю, страстно влюбленному в кино».

Бирри увидел худого и бледного парня невысокого роста, с пышными усами. На нем было старомодное пальто до пят и испанский берет. Он спросил: «Что вы собираетесь делать? Какие у вас намерения?» Гарсия Маркес ответил не раздумывая: «Хочу изучить итальянское кино! Познакомиться и подружиться с Витторио Де Сика». Аргентинец рассмеялся, но сказал: «Идет! Мне нравятся люди, которые пытаются сразу же взять быка за рога. А чем у вас набита сумка?» Габриель вдруг смутился и ответил: «Книгами». И тогда Бирри, поинтересовавшись, где живет Габриель, был настолько любезен, что предложил ему перебраться к нему.

«С первого же дня в лице Бирри Гарсия Маркес нашел еще одного друга на всю жизнь, который принимал в нем живое участие, — пишет Дассо Сальдивар, — и маленький, „личный“ Рим, который ограничивался районом Пуриоли, где Гарсия Маркес проживал вместе с тенором Рафаэлем Рибера Сильвой, расширился до площади Испании, дом № 9, где аргентинец занимал большую комнату, стены которой были оклеены вырезками из газет и журналов» (28, 328).

— Но вернемся к нашим баранам. Ты все-таки мне не веришь, Фернандо! Я же вижу. А я тебе клянусь — вспомни, как

зарождалось кино в Аргентине, — в Колумбии сейчас для этого уже подготовлена почва. В нее надо только бросить семена. И никто другой, как я вижу, кроме Фернандо Бирри, не сможет помочь мне заинтересовать этим итальянцев! — горячо убеждал своего друга Габриель, несмотря на то что валился с ног от усталости.

— Я обещал свести тебя с Де Сика, и я сведу. Ты же знаешь, его сейчас нет в Риме.

— Ну хорошо! А Сабатини? Ты, Фернандо, сам не пишешь и поэтому не знаешь, а я твердо знаю, что своим колоссальным успехом итальянское кино обязано сценариям. За спиной Де Сика и других звезд стоит Сабатини и такие, как он. Устрой мне интервью у Сабатини.

— Это я тебе обещаю! А скажи мне, почему ты пропускаешь лекции в Центре?

— Потому! У меня аллергия на всякого рода академизмы. Я не гуляю, а сижу в архиве Центра и читаю сценарии великих картин. Пытаюсь понять, в чем секрет и каковы принципы сочинения сценариев в итальянском кино. Меня интересует не режиссура. А в Центре о сценариях не говорят. На лекциях я чувствую себя одиноким и страдаю от этого.

— Когда я прочел «Палую листву», меня поразил образ человека, который прожил всю жизнь и умер в абсолютном одиночестве. — Фернандо хотел было допить кофе, но кофе уже остыл.

— В моем следующем романе, который, я думаю, будет называться «Полковнику никто не пишет», главный герой — тоже человек, живущий в одиночестве. Полковник, у которого в жизни только и осталось что жена да бойцовый петух, каждую пятницу ждет, что правительство пришлет ему наконец пенсию, а оно, разумеется, и не думает ее присылать.

— Я вижу, ты хоть и не веришь в Бога, но подвержен суевериям. Я по своим убеждениям атеист. А тебе многое, если не все происходящее вокруг, представляется проявлением сверхъестественных сил.

— Многое в природе нам неведомо. Но ты подметил правильно. Я верю в потусторонние силы. Есть люди или животные, например черная кошка, которые приносят несчастье. Множество людей считают несчастливым тринадцатое число. В Америке нет домов с таким номером, а в домах нет тринадцатых этажей. А мне цифра тринадцать приносит удачу.

— И то же самое происходит, видимо, с желтым цветом. Считается, что он приносит беду, измену, вообще какое-то неблагополучие. А ты носишь одежду в основном желтого цвета.

Даже ботинки и пальто. И цветы приносишь в дом только желтые. Тебе желтый приносит счастье?

— Желтый, но не цвет золота! Для меня золото — синоним дерьма. Я был маленьким, когда в моем присутствии один психоаналитик сказал, что золото и счастье для нашего дома — вещи несовместные.

— А если тебе кто-нибудь подарит золотую вещицу?

— Выброшу! Или подарю кому-нибудь другому. Я очень верю в приметы.

— Например?

— Нельзя курить, если ты голый, или голым ходить в одних ботинках. Нельзя заниматься любовью в носках, ничего путного все равно не получится. Нельзя пытаться извлечь выгоду из своих физических недостатков. Ну да ладно, ты мне лучше скажи, поможешь мне завлечь кого-нибудь из итальянцев в Колумбию, чтобы заложить у нас основы национального кино?

— Об этом мы уже говорили, Габо! Пошли спать. Уже четыре утра. А ты скучаешь по Колумбии?

— Скучаю, но я и представить себе не мог, насколько богата европейская культура и какая интересная здесь жизнь.

Перед самым Рождеством Гарсия Маркес получил телеграмму от Гильермо Кано, в которой главный редактор сообщал, что газета заинтересована в получении материалов из Франции и потому спецкору надлежит переехать в Париж.

Последний материал, написанный Гарсия Маркесом в Италии, был посвящен актрисам Софии Лорен и Джине Лоллобриджиде; он назывался «Война чулок» и был опубликован в «Эспектадор» 26, 27 и 28 декабря 1955 года.

Париж, который Хемингуэй называл «праздником, который всегда с тобой», а Неруда городом, где «время летит, но Париж остается», буквально ослепил Гарсия Маркеса. Конечно, не праздничным убранством и ярким освещением. Да и ослепил, собственно, не столько сам город, сколько царивший в нем дух свободы. Особенно сильное впечатление на карибского жителя, непривычного к подобным вещам, произвели молодые пары, которые в любое время суток целовались везде где только можно: в парках, на улицах, в метро, автобусах, в кино, музеях и кафе.

Поселившись в Латинском квартале, в отеле «Фландр» на улице Кюже, Гарсия Маркес первым делом отправился в бар «Шоп Паризьен», где собирались колумбийские студенты. Там он сразу увидел Плинио Апулейо Мендосу, которого знал еще со времен учебы в Боготе на первом курсе Национального университета. Вот как вспоминает Мендоса об этой встрече: «Он уже не был похож

на того веселого и живого парня, которого я когда-то знал. Теперь он чувствовал себя солидным человеком. В пальто из верблюжьей шерсти с кожаным поясом и обшлагами он пил пиво, и пена оставалась на его пышных усах. Его самоуверенный вид вынуждал меня держать дистанцию.

Он рассеянно поглядывал то на стакан, то следил за кольцами сигарного дыма, не обращая никакого внимания на колумбийских студентов, сидевших вокруг.

Он будто нехотя говорил о своей поездке в Женеву в качестве спецкора газеты „Эспектадор“ и о встрече в верхах между американцами и русскими. На нас это все не производило особенного впечатления. Но он, казалось, гордился причастностью к этому событию даже больше, чем успехом своей первой книги» (20, 13).

— «Палая листва» написана под сильным влиянием Фолкнера, — вдруг сказал какой-то студент, куривший трубку. — Принцип чередующихся монологов точно такой же, как в рассказе «Пока длилась агония».

— Какой принцип? — спросил Гарсия Маркес и удивленно поглядел на Плинио.

— Как в том эпизоде, где трое парней идут к реке.

Автор «Палой листвы» несколько смутился и произнес:

— В Колумбии мне никто об этом не говорил.

Тут освободился соседний столик, и Гарсия Маркес, сказав, что ему надо поговорить с Мендосой, пересел туда вместе с ним.

— Вы помните, Габо, где и когда мы познакомились? — спросил Плинио, когда они уселись.

— В Боготе, в кафе «Рим», в ноябре сорок седьмого. Когда нас представили, я сказал тебе: «А, доктор Мендоса. Как обстоят дела с лирической прозой?»

— Верно! Вы меня тогда предельно удивили. Я сразу понял, что вы читали мой рассказ о закате в саванне, опубликованный моим отцом, который издавал еженедельник «Сабадо» («Суббота»).

— Еще бы! Тебе тогда не исполнилось и шестнадцати. Мне было интересно его читать.

— А вам было двадцать. Вы напечатали уже два отличных рассказа. О вас говорили,' что вы худой как щепка, но самый веселый из всех своих друзей, и что у вас реакция игрока в бейсбол, и что вы будущий большой писатель. Я хорошо помню, вы были одеты пестро, как исполнитель румбы. И когда вы положили руку на задницу нашей официантки и предложили ей провести с вами ночь, а она отказалась, вы бодро заявили, что у

нее в тот день была менструация. Я так хотел походить на вас, но я был совсем другим.

— Послушай, Плинио, ты мне нравишься. Карахо, давай без церемоний. Переходи на «ты» и будем дружить.

— Идет! Спасибо. А когда ты в тот раз ушел, мой друг…

— Луис Вильяр Борда.

— Да. У тебя, Габриель, потрясающая память.

— Как у каждого будущего большого писателя. Ну и что было?

— Луис сказал, что ты отличный парень, но мазохист. Я не расслышал и спросил: «Коммунист?» Луис рассмеялся и пояснил, что ты в понедельник всем в университете объявляешь, что у тебя сифилис, а в пятницу — что туберкулез, что статьи у тебя не получаются, а на самом деле все выходило прекрасно. Ты пьянствуешь, а сдавать экзамены не ходишь и частенько просыпаешься утром в борделе.

— Зато у меня есть о чем писать!

— Кстати, что ты сейчас пишешь, если не для газеты?

— Большой рассказ-памфлет о жизни людей в Сукре в конце сороковых годов. Словом, коньо, о диктатуре Рохаса Пинильи. Я вспоминаю счастливые недели каникул, которые проводил в доме родителей, и дерьмовое существование людей, которыми управляли как хотели мэр города — ставленник диктатора, его полиция, военные, судья, епископ. Название памфлета «Недобрый час». В те годы находились люди, которые расклеивали на стенах домов листовки против Рохаса Пинильи.

— И это будет интересно читателям?

— Я втисну туда рассказ о том, как обманутый муж отрубил голову Хоакину Веге, тромбонисту городского оркестра, любовнику его жены.

— Желаю тебе удачи!

Вечером в сочельник Плинио повел с собой Габриеля в дом колумбийского архитектора Эрнана Виеко и его супруги Хуаны, которые помогали как могли всем колумбийским студентам, жившим в Париже.

Хозяин дома задержал на госте внимательный взгляд совершенно желтых глаз, в глубине которых вспыхивали веселые искорки, а хозяйка дома Хуана, стриженная «под мальчика», удостоила Габриеля дружеского объятия, после чего гость устремился к большому книжному стеллажу, сооруженному из кирпичей и досок.

В середине вечера пришел студент с гитарой и очень неплохо спел несколько грустных, полных мечтаний о лучшей жизни песен

Атауальпы Юпанки. Когда же гитара перешла к Гарсия Маркесу, спецкор ведущей колумбийской газеты вновь стал Габо, веселым заводилой, который, как и прежде, покорил всех вальенатами Рафаэля Эскалоны и, конечно, стал душою вечера. Хотя Плинио А. Мендоса много лет спустя написал в своей книге:

«— Зачем ты притащил к нам этого ужасного типа? — прощаясь, тихо спросила меня Хуана.

Хуане была свойственна критическая оценка людей.

— Он действительно кажется тебе ужасным?

— Слишком много мнит о себе, — недовольно сказала она. — Кроме того, он гасит сигареты о подошву своего ботинка» (20, 16).

Покинув хозяев дома уже под утро, Габриель отправился с Плинио и студентами на набережную Сен-Мишель, ему хотелось поглядеть и потрогать восьмое чудо света — снег. Он видел его впервые в жизни, и ему вспомнился лед в холодильнике, где хранили рыбу — морского окуня в американском районе Аракатаки.

Остаток декабря и весь январь Габриель не расставался с Плинио. Его новый друг разработал четкий план, в соответствии с которым он познакомил Габо со всем Парижем. Потом Плинио Мендоса улетел в Каракас — там скрывались от преследований диктатора его родные, — где начал активное сотрудничество с журналами «Элита» и «Моменто». Дружба Плинио Апулейо Мендосы и Габриеля Гарсия Маркеса превратилась со временем в настоящее братство.

— Что же вы теперь будете делать? — озабоченно спросил архитектор Эрнан Виеко.

— Из Парижа не уеду! Смешно сейчас возвращаться в Колумбию. Арестуют! — сказал Габриель и бросил на пол газету «Монд»; они только что прочитали о том, что в Боготе генерал Рохас Пинилья закрыл газету «Эспектадор».

Они сидели в кафе на улице Эколь. В середине января 1956 года в Париже лежал снег.

— Вам будет очень трудно найти здесь работу, Габо, — заметил Виеко. — Чем вы предполагаете заниматься?

— Писать! Надо закончить три начатых рассказа. Наконец засесть за роман, который давно созрел в голове.

— Но теперь чеки из газеты приходить не будут, — вслух подумал архитектор.

— Очень надеюсь на доброту хозяйки отеля. Мне кажется, с этой мадам мне повезло.

Гарсия Маркес не ошибся. Мадам Лакруа, видя, что ее новый жилец ночи напролет что-то пишет, расспросила его и, узнав, что

он сочиняет роман, предложила ему перебраться в комнату на чердаке, где он может жить до тех пор, пока у него не появятся деньги, чтобы с ней рассчитаться.

И вновь Гарсия Маркесу улыбнулась удача. 15 февраля он получил сообщение, что в Боготе вместо закрытой «Эспектадор» начала выходить газета «Индепендьенте» («Независимая»), которую возглавил бывший и будущий президент Альберто Льерас Камарго, опытный и ловкий политик, писатель и отличный журналист.

Гарсия Маркес тут же отправив в Боготу огромный репортаж из семнадцати частей, опубликованных в «Индепендьенте» в период между 18 марта и 5 апреля 1956 года. Он назывался «Процесс по делу о французских тайнах». «На наш взгляд, это был единственный плохой репортаж, вышедший из-под пера Гарсия Маркеса за всю его долгую и блестящую карьеру журналиста. В нем не было ни четкой структуры, ни привычного стиля, он был написан без должной динамики и почти без юмора; казалось, его писали в спешке, без какой бы то ни было подготовки и обдумывания. Действительно, незнание языка и истории страны, непонимание политики правительства и сути французского общества явились серьезным препятствием в работе репортера, который считал себя обязанным писать, чтобы прокормиться», — пишет Дассо Сальдивар (28, 526).

Теперь чеки приходили с опозданием, хотя Гарсия Маркес чуть ли не каждый день писал в редакцию отчаянные письма, в которых красочно описывал свое катастрофическое материальное положение. Однако настоящая катастрофа разразилась 15 апреля, когда вместо очередного чека редакция газеты прислала своему репортеру авиабилет для возвращения в Колумбию.

Гарсия Маркес поступив по-своему: он обменял билет на наличные и остался работать в Париже.

Обычный день писателя выглядел так: он просыпался между часом и двумя, шел в душ, расположенный на этаже отеля, шел в бистро перекусить, повидать друзей и попрактиковаться во французском, потом обедал в какой-нибудь дешевой забегаловке и снова сидел с друзьями в кафе. В девять вечера он шел домой и садился за пишущую машинку. Писал он только по ночам, когда город затихал, а постояльцы отеля укладывались спать. Часы на башне Сорбонны, отбивавшие каждый час прожитой жизни, ему не мешали. Он ложился спать под шум мусоровозов, которые на рассвете объезжали город.

Габриель жил в крошечной комнатушке, где стояли шкаф, кровать, тумбочка с ночником, этажерка с книгами и стол с пишущей машинкой, а на стене булавкой был приколот портрет

его невесты Мерседес Барча. Однако самым главным предметом был для Габриеля электронагреватель. Работать он мог, только когда было тихо и тепло.

Рассказ-памфлет, как это некогда произошло с рукописью романа «Дом», быстро перерос в роман-памфлет. Гарсия Маркес торопился запечатлеть множество разных историй, которые, опережая одна другую, изливались на бумагу. Рукопись романа «Недобрый час» насчитывала уже около пятисот страниц, когда летом 1956 года писатель понял, что история одного из второстепенных героев заслуживает отдельной повести. Полковник, который в романе «Палая листва» жил в Макондо, теперь «переехал» в город Сукре, где каждую пятницу ждал получения обещанной ему пенсии; этот образ настолько завладел воображением писателя, что он, перевязав цветастым галстуком пятьсот страниц романа, отложил их в сторону, вставил в пишущую машинку чистый лист бумаги и отстучал название: «Полковнику никто не пишет».

«Дитя своего времени, повесть „Полковнику никто не пишет“ — вторая книга Гарсия Маркеса. Но и она не открыла ему дверь ни в одно издательство, — утверждает Плинио А. Мендоса. — Помню, я долгое время таскал с собой копию рукописи, напечатанную на желтоватых листах дешевой бумаги. Я показывал ее многим влиятельным людям, которые могли оказать содействие в публикации, но, по их мнению, она не представляла никакой литературной ценности» (20, 70).

— Между романами «Палая листва» и «Сто лет одиночества» появились повесть «Полковнику никто не пишет», роман «Недобрый час» и сборник рассказов «Похороны Великой Мамы»; это реалистическая проза, строгая по конструкции и лапидарная по стилю, без какой-либо мистики и гипербол. Как ты объяснишь такую перемену? — спрашивал Плинио своего друга в 1981 году, за несколько месяцев до присуждения Гарсия Маркесу Нобелевской премии.

— Уже после «Палой листвы» я был абсолютно убежден в том, что всякий хороший роман должен быть художественным отображением действительности. Книга вышла в свет, как ты помнишь, когда Колумбия переживала время кровавых политических репрессий, и мои политические единомышленники, коммунисты, вбили в меня серьезный комплекс вины. «Это роман, который не обличает и ни с кого не срывает масок» — так они мне заявили. Эта концепция, как я теперь вижу, была слишком примитивной и вообще ошибочной, однако в те дни она вынудила меня думать, что я обязан заниматься только тем, что происходит

в стране. Это означало, что я должен был отойти от моих изначальных литературных взглядов, к которым, к счастью, я сейчас вернулся. Однако была серьезная опасность сломать себе хребет. «Полковнику никто не пишет», «Недобрый час» и некоторые рассказы из сборника «Похороны Великой Мамы» — это произведения, навеянные колумбийской действительностью, и их рациональная структура определялась характером темы. Я не жалею о том, что сочинил эти книги, однако они входят в разряд заказной литературы, в которой всегда есть некоторая статичность в силу того, что она опирается на действительность. Хорошие эти книги или плохие, но они всегда заканчиваются на последней странице. Они куда более ограниченны в сравнении с тем, что я способен создать.

— Что тебя заставило изменить направление?

— Раздумья над тем, что я писал. Я долго и мучительно размышлял, пока наконец не понял, что мой компромисс, мое отступление не было связано с политической и социальной реальностью моей страны.

— Это означает, что ты на собственном примере отказался от заказной литературы, которая нанесла такой ущерб литературе стран Латинской Америки.

— Как тебе хорошо известно, я не меняю своих политических пристрастий.

— Ты говоришь о социализме…

— Да, я хочу, чтобы мир стал социалистическим, и думаю, что рано или поздно так и будет. Однако у меня есть много сомнений насчет того, что мы обычно называем заказной литературой, или, точнее, социальным романом, который есть наиболее законченная форма этой литературы. Уверен, ограниченное видение мира, присущее такого рода литературе, никому не принесло никакой пользы. Она не только не формирует общественное сознание, но наоборот, тормозит этот процесс. Латиноамериканский читатель ждет от любого романа чего-то большего, чем изображения разного рода притеснений и проявлений несправедливости, которыми он сыт по горло. Мои партийные друзья, которые почему-то чувствуют себя обязанными диктовать писателям, как и о чем писать, занимают, возможно, сами того не понимая, позицию реакционную, поскольку ограничивают тем самым свободу творчества. Полагаю, что роман о любви столь же значителен, как и любой другой. На самом деле обязанность любого писателя — и обязанность, если хочешь, революционная, — это писать хорошо.

Пожалуй, самый тяжелым в жизни писателя оказался 1956

год, когда он заканчивал повесть «Полковнику никто не пишет»; он перечитывал рукопись, рвал страницы, писал их заново, не имея в это время почти никаких средств к существованию. Он выкуривал за ночь работы до трех пачек самых дешевых сигарет и слал кому только мог письма с просьбой о помощи.

Просьбы были разного характера. Германа Варгаса, своего ближайшего друга из Барранкильи, Гарсия Маркес, например, умолял прислать ему в Париж самую лучшую книгу о бойцовых петухах. Такой книги в Колумбии не оказалось, и Варгас обратился за помощью к своему приятелю, в то время находившемуся в Гаване, так что через три месяца у Гарсия Маркеса было подробное рукописное сочинение на интересовавшую его тему (33).

Работу в Париже он так найти и не смог. «Когда он съел последний франк, остававшийся от суммы, полученной за авиабилет, то собрал бутылки, старые журналы и газеты, снес старьевщику и получил несколько франков», — сообщает нам Дассо Сальдивар (28, 345). Впоследствии сам Гарсия Маркес рассказывал, что в то время его выручала солидарность и взаимовыручка латиноамериканских студентов. Если кто-то покупал кусок мяса на один бифштекс, то в придачу брал косточку, чтобы несколько приятелей могли сварить из нее бульон, и прочее в том же роде (28, 345).

Однако наступил день, когда Гарсия Маркес вновь обрел почву под ногами. Именно в тот день он дошел до того, что попросил в метро у какого-то француза десять франков. Выручил его Плинио А. Мендоса, который в сентябре начал печатать статьи Гарсия Маркеса в венесуэльском журнале «Элита», где он работал. А один художник из Венесуэлы, который пел на эстраде ночного клуба «Эколь», предложил Габриелю петь с ним дуэтом, так что писатель смог зарабатывать за вечер пятьсот франков — один доллар.

В Барранкилье верные друзья — matadores de gallo из «Пещеры» — Альфонсо Фуэнмайор, Герман Варгас, Альваро Сепеда Самудио и Алехандро Обрегон создали ОДПГ (Общество друзей помощи Габито): они собрали деньги, обменяли их на купюру в сто долларов и послали ее в Париж весьма оригинальным способом.

— Чему ты радуешься? Рот до ушей! — Хесус Сото, которого друзья называли Чучо, гримировался перед выходом на сцену.

— Коньо, я разбогател! Сегодня выпьем! — Габриель ликовал.

— Когда успел? Вчера вечером хныкал, что друзья шлют глупые открытки, а помогать не помогают.

— Вчера в двенадцать ночи, после концерта!

— Нашел кошелек? Или кого ограбил?

— Да ты послушай, Чучо. Забавная история! Тебе такую не придумать.

Хесус поглядел на часы.

— Ладно, выкладывай. Время еще есть.

— Все дело в той почтовой открытке! Спускаюсь я вчера с чердака, а мадам Лакруа сует мне открытку из Барранкильи. Друзья поздравляют. С чем это, думаю? Когда я тут с голоду подыхаю. «Козлы!» — подумал я и бросил открытку в мусорный бак. Вечером прихожу. Карахо! Теперь меня ждет письмо из Барранкильи. В нем мои дорогие друзья сообщают, что, прибегнув к тайному способу пересылки, который использовали коммунисты, они вложили сто долларов между двумя склеенными открытками. У меня ноги подкосились. Бросился в мусорный бак. Бог мой, а она, миленькая, лежит там себе под кучей отбросов.

— Поздравляю! Поздравь и меня, Габо. Я продал ту картину, которая тебе нравилась. Но ты не думай бросать гитару. Эти деньги быстро уйдут, а здесь хоть и мало дают, но наверняка!

— Но мне надо писать! Закончить роман о полковнике.

— Почему именно о полковнике? Кто он такой? Ты никогда мне не рассказывал, о чем пишешь.

— Не обижайся, Чучо, но я суеверен. Мы еще мало знаем друг друга. Полковник Николас Маркес, мой дед, тридцать пять лет ждал пенсии, обещанной ему за участие в «Тысячедневной войне», которая была в Колумбии. Я пишу повесть о моем деде и о других полковниках и генералах, обманутых консерваторами. Я много их повидал и хорошо знаю. Открою тебе писательский секрет. Впервые образ полковника, которому никто не пишет, возник у меня, когда я смотрел фильм Сабатини и Де Сика «Умберто Д.». Никто не пишет, то есть не шлет пенсии.

— Твой собственный опыт ожидания денег тебе поможет.

— Еще бы!

— Ну, нам пора. Бери гитару и пошли на сцену.

— Сидя на своем чердаке, голодный и раздетый — в моих башмаках в дождь на улицу уже не выйдешь, — я понял, Чучо: никто и ничто не может убить в настоящем писателе желание сочинять.

«За вторую половину этого года он девять раз переписывал роман, до тех пор пока не уменьшил его до размеров повести, написанной предельно лапидарным языком, где не было ни одного лишнего слова. Однако это оценили только его друзья, первые и долгое время единственные читатели романа, поскольку полтора года книга ходила по издательствам разных городов, но издавать

ее никто не решался. Гарсия Маркес отправил рукопись повести, отпечатанную на самой дешевой бумаге, в Рим приятелю Гильермо Ангуло, который посещал Экспериментальный кинематографический центр, Плинио Мендосе в Каракас и Герману Варгасу в Боготу. Мендоса и Варгас показали рукопись буквально всем издателям обеих столиц в надежде встретить в ком-нибудь сочувствие и хороший вкус, но никто не соглашался ее издавать», — читаем мы у Дассо Сальдивара (28, 349).

— Тебе пришлось преодолеть много трудностей, чтобы издать «Палую листву»? — Плинио А. Мендоса спрашивал об этом своего друга в 1981 году.

— Прошло целых пять лет, прежде чем отыскался издатель.

— Мне кажется, я слышал от тебя, что нечто подобное случилось и во Франции. Если не ошибаюсь, рецензент Роже Кейя не принял книгу?

— «Полковник…» был предложен издательству «Галлимар». Было два рецензента: Хуан Гойтисоло и Роже Кейя. Первый, который тогда еще не был моим близким другом, как сейчас, представил замечательный отзыв. Кейя же, напротив, напрочь забраковал книгу. Я должен был написать роман «Сто лет одиночества», чтобы «Галлимар» снизошел до повести «Полковнику никто не пишет». Но у моего литературного агента уже была договоренность с другим издательством во Франции.

— Но чем объяснить слепоту тогдашних издателей?

— Кое-кто из них говорил: «Возможно, это интересно, но мы не можем позволить себе рисковать! Издайте книгу за свой счет, — тогда мы вам поможем!» При этом запрашивали астрономическую сумму, больше, чем я был должен за год добрейшей мадам Лакруа.

— С мадам тебе действительно повезло.

— Не то слово! Карахо, когда я понял, что задолжал уже за целый год и надо платить, я попросил Виеко выручить меня: дать взаймы хоть немного. Архитектор удачно продал один из своих проектов и отвалил мне по-королевски. Я принес мадам сто двадцать тысяч франков. Узнав, что я эти деньги занял, мадам Лакруа, прелесть моя, согласилась взять лишь половину, а остальное потом.

— Ты с ней спал?

— Ничего такого! Просто она видела, что я работаю ночами, и верила, что из меня выйдет толк. «Вы не такой, как другие мои жильцы латиноамериканцы. Только поют и напиваются, напиваются и поют».

В декабре 1956 года Гарсия Маркес выплатил долг мадам Лакруа и покинул чердак отеля «Фландр». Он перебрался из Латинского квартала на улицу Д'Ассиз, в квартиру своей любовницы Тачии Кинтаны. Он называл ее «бесстрашной басконкой», а кое-кто из знакомых звал ее «генералом». Это была красивая, темпераментная испанка, которая надеялась стать театральной актрисой, но пока что работала прислугой в богатой французской семье. Их отношения складывались трудно из-за разницы характеров и взглядов на жизнь, а когда Тачия в сердцах упрекнула Габриеля в том, что он строчит на машинке какую-то ерунду вместо того, чтобы писать ради заработка, любовь и вовсе кончилась. Однако еще какое-то время Гарсия Маркес поддерживал с ней отношения ради того, чтобы иметь бесплатный приют, вкусную еду и женское тепло.

В мае 1957 года из Каракаса вернулся Плинио Мендоса, он чрезвычайно удивился тому, что его друг за полтора года не только освоил нормативный французский, но и превосходно постиг диалекты и арго. Габриель без труда переводил друзьям все языковые выкрутасы знаменитого певца Жоржа Брассенса. Гарсия Маркес жил в окружении своих новых французских приятелей, в основном людей из богемы.

В то время он не писал, поскольку в его пишущей машинке совсем стерлась одна буква и ни один из мастеров не брался починить «старушку». Кроме Плинио наиболее близкими друзьями писателя в то время были Эрнан Виеко и «качако» Луис Вильяр Борда, который, по рекомендации колумбийских коммунистов, учился в Лейпциге и часто наведывался в Париж.

Именно Луис Вильяр Борда первым подал Плинио и Габриелю мысль поближе познакомиться с «советским социализмом» и своими глазами увидеть, что это такое.

Плинио, который на этот раз приехал в Париж со своей сестрой Соледад, изучавшей классическую литературу, приобрел по дешевке старенький «Рено-4», и втроем они отправились в Лейпциг к Луису.

«Путешествие в Восточную Европу явилось подтверждением того, что Гарсия Маркес видел в Чехословакии и Польше весной 1955 года: экспортированный из Советского Союза социализм был чем-то вроде смирительной рубашки, которая душила эти народы, поскольку установление этого строя исходило не из их собственных национальных интересов, а было привезено из Москвы в „чемодане", чтобы установить там социализм, не считаясь с желаниями чехов, словаков, поляков, — утверждает Дассо Сальдивар. — Особенно в Лейпциге друзья во всю мощь ощутили правоту прежних ощущений писателя» (28, 353).

Посетив в Западной Германии Гейдельберг и Франкфурт-на-Майне, они отправились в Восточную Германию, в Веймар, Лейпциг и Восточный Берлин.

Луис встретил друзей на вокзале в Лейпциге, и все вместе они пошли в привокзальное кафе. Габриель, Плинио и его сестра с недоумением озирались вокруг. Когда они сели за столик в кафе, Плинио сказал:

— Слушай, старик, почему здесь все так неуютно, в чем тут дело?

— Это длинная история, — начал Луис. Он вдруг стал очень серьезным. — Прежде всего, надо иметь в виду экономическую ситуацию, в которой восточные немцы оказались после войны…

— Карахо, немцы по ту сторону тоже пострадали в годы войны, — заметил Габриель.

— Да, но здесь играют роль определенные исторические обстоятельства. Если взглянуть на статистику и учесть опасность, которую представляет Запад, и еще надо учитывать массу других вещей… — В глубине зрачков Луиса заплясали веселые искорки, хорошо знакомые друзьям со студенческих лет. — Однако, если коротко ответить на ваш вопрос о том, что здесь происходит, а не излагать длинную историю, должен со всей прямотой заявить, дорогие т-о-в-а-р-и-щ-и, что все это — сплошное показное дерьмо!

В это время Габриель достал из нагрудного кармана сигареты, сунул одну в рот и стал искать спички. Из-за соседних столиков поднялось сразу трое мужчин, и каждый поднес ему свою дешевенькую самодельную зажигалку. Луис пояснил:

— Они видят, что вы туристы. Это знак уважения…

— А по-моему, это преклонение перед Западом, — заметила Соледад.

— За этим «уважением» кроется подобострастие, а то и просто желание извлечь выгоду, заработать пару зеленых, — уточнил Габриель.

— Ты посмотри на их лица, на то, как они одеты. Какие-то изнуренные, уставшие от всего на свете. Даже пиво свое пьют и то в какой-то меланхолии, — ответил Плинио за Луиса. — Кругом все серое. А сколько еще развалин, оставшихся от войны, в то время как Гейдельберг, Франкфурт давно отстроены заново. Блестят будто новенькие монетки. Народ веселый, раскованный, модно одетый, яркие витрины, изобилие товаров. А улицы и парки — везде такая чистота и красота. А здесь? Все мрачно, серо, скорбно, атмосфера буквально давит на тебя.

Через неделю после того, как друзья вместе с Луисом побывали в Восточном Берлине, между ними состоялся еще один

разговор.

— Завтра мы возвращаемся в Париж. И если подвести итог… — начал Плинио.

— Весь этот социализм плохо кончится, — заявил Луис.

— Коньо, этого не может, не должно быть! — воскликнул Габриель.

— Мы были столько наслышаны о преимуществах по ту сторону Железного Занавеса, а оказалось… — Плинио изобразил гримасу разочарования. — Я годами слышал, как старые коммунисты — венесуэлец Теодоро Петков, испанцы Хорхе Семпрун и Фернандо Клаудин, кубинский поэт Николас Гильен и чилийский писатель Пабло Неруда — объясняли, что социализм — это попытка установления самого гуманного и демократического строя. Один Сталин не может быть во всем виноват! Он творил свой «демократический централизм» в соответствии с сознанием сына феодальной Грузии, выбравшегося из религиозного мракобесия, но ведь он опирался на широкие массы, такие же темные, как и он сам.

— Я полагаю, все получилось так потому, что социалистическая революция произошла в стране, где капитализм не достиг еще своего развития, и социалистическое государство оказалось в роли частного владельца, у которого нет ни должных знаний, ни навыков, и оно примитивно, с применением силы вынуждено подавлять свободу личности в каждом гражданине, — заключил не без грусти Гарсия Маркес.

— Вывод: экспортированный «советский социализм» не только не явился зерном, брошенным в плодородную почву и давшим буйные всходы, но превратился в стопроцентную антитезу социализму Маркса.

Действительность нанесла серьезный удар по идеализированному и весьма приблизительному представлению Гарсия Маркеса о социализме, которое утвердилось в его сознании еще в отроческие годы. Он болезненно переживал то, что ему открылось.

Как писатель и журналист, он, конечно, не мог не написать о своих впечатлениях. Правда, свои пространные репортажи: «Железный Занавес — это полосатый, красно-белый шлагбаум», «Берлин — это абсурд», «Экспроприируемые встречаются, чтобы поговорить о своих бедах», «Для чешской женщины нейлоновые чулки — это роскошь» и «В Праге такие же люди, как в любой капиталистической стране», он смог опубликовать лишь спустя пять лет, в колумбийском журнале «Кромос» («Лубочные картинки») и венесуэльском «Моменто».

В этих репортажах Гарсия Маркес изобразил Плинио под видом безработного итальянского журналиста Франко, перебивающегося случайными заработками в миланских журналах, а Соледад превратил в Жаклин, француженку азиатского происхождения, модельера по профессии.

Возьмем наугад несколько строк из репортажа «Берлин — это абсурд»: «За две недели до того, как мы оказались в Восточной Германии, мы побывали в Гейдельберге, студенческом городе Западной Германии, который поразил нас как никакой другой город Европы своей праздничной атмосферой и оптимизмом. Лейпциг тоже город университетов, но выглядит он грустным и жалким — обшарпанные дама, старые облезлые трамваи, битком набитые плохо одетыми людьми, давящая атмосфера. На полмиллиона жителей там нет, наверное, и двадцати автомобилей. Для нас было совершенно непонятно, почему народ Восточной Германии, в руках которого теперь было все: власть, средства производства, торговля, транспорт, банки, связь, — выглядит так безотрадно. Такой безысходности я в своей жизни не встречал нигде».

По возвращении в Париж у Габриеля и Плинио возникло страстное желание побывать в Советском Союзе — «Мекке социализма», но не было средств, да и возможности получить визы. «В таинственном здании советского посольства на улице Гренель меня провели через три гостиные, в каждой из которых на стене красовался портрет Ленина, и тот же чиновник, который принимал меня в первом зале, в последнем соизволил наконец сказать мне на очень плохом французском, что без официального приглашения какой-либо советской организации я визу получить не могу». Однако скоро представился случай — в 1957 году в Москве проводился Всемирный фестиваль молодежи и студентов. У представителя французского оргкомитета, который находился на площади Бастилии, ни Габриель, ни Плинио успеха не имели. Однако через Париж в Москву на фестиваль ехала группа негритянских танцоров из Колумбии, которую возглавлял писатель Мануэль Сапата Оливейя, давнишний приятель Габриеля, которого Провидение не раз посылало ему для разрешения трудных ситуаций. Недолго думая Мануэль включил обоих друзей в состав ансамбля «Делия Сапата», из которого перед самым отъездом из Боготы «выпали» саксофонист и аккордеонист.

Оказавшись в поезде Берлин — Москва не только без спального, но и без сидячего места, Габриель и Плинио стойко преодолели тридцатичасовое путешествие и компенсировали свою усталость за столиком ресторана гостиницы «Москва», наевшись до отвала черной икры.

Затем Гарсия Маркес и Плинио Мендоса оставили свою

делегацию, они присоединились к группе иностранных журналистов и, как утверждает Дассо Сальдивар, пожертвовали фестивалем ради изучения «чужой жизни, ее достижений и провалов, пытаясь понять, что же такое этот рай „реального социализма“, и в результате, посвятив этому занятию две недели в Москве и в Сталинграде, узнали все, что смогли» (28, 355).

В своей книге «Те времена с Габо», которая недавно вышла в свет, Плинио Апулейо Мендоса пишет: «Ту поездку я вспоминаю как вереницу утомительных, жарких дней, проведенных в атмосфере ярмарки, беспрерывного народного гулянья; на улицах, площадях, в парках, в колхозах мы были постоянно окружены толпами неотесанных людей, которые разглядывали нас с искренним любопытством; всем хотелось потрогать нас, все засыпали нас вопросами, словно мы были существами с другой планеты. Все, что мы там видели, слышали и чувствовали, казалось, было создано специально для того, чтобы опрокинуть наши самые простые представления о западном индивидуализме, в соответствии с которыми каждому полагалось иметь в отеле отдельный номер, ежедневно принимать ванну, сидеть за столиком для одного человека, или в крайнем случае для двоих, но не разделять трапезу вместе с десятью другими индивидуумами и терпеть, будь то за столом или в номере отеля, их юмор, шутки, хохот, отрыжку, полоскание рта и храп, — все это поражало наше сознание, ибо до тех пор мы не сталкивались с подобными явлениями» (20, 17).

Габриель Гарсия Маркес не отставал от своего друга. «Действительность в Советском Союзе лучше понимаешь, когда обнаруживаешь, что прогресс там развивался в обратном направлении. В то время как западная цивилизация прокладывала себе дорогу сквозь двадцатый век сенсационными открытиями в области техники, советские люди пытались в одиночестве, за закрытыми дверями решать свои жизненные проблемы. Если вы встретите в Москве нервного взлохмаченного человека, который заявляет вам, что он изобрел электрический холодильник, вы не должны принимать его за врун или сумасшедшего: очень возможно, что этот человек действительно изобрел у себя дома холодильник, при том что на Западе это изобретение давным-давно является предметом первой необходимости». «Москвичи удивительно открытые люди, однако они проявляли потрясающую стойкость, если мы изъявляли желание познакомиться с тем, как они живут. Соглашались только те, кто считал, что живет в отличных условиях, но это, мягко говоря, было не так. По всей вероятности, жителям Москвы было запрещено приглашать к себе иностранцев. Вообще большинство инструкций были устарелыми и бесполезными, как та, о которой я только что сказан, а лозунги

носили примитивный и демагогический характер. Но фестиваль был для них зрелищем — цирковым представлением, которое правительство устроило для народа, изолировав его от мира на сорок лет». «Москва похожа на самую большую деревню в мире, но дома сделаны не по человеческим меркам. Городские здания — это те же украинские избы, только увеличенные до гигантских размеров. Это как если бы строителям дали больше пространства, больше денег и больше времени, чтобы они утроили или удесятерили в размерах свое ограниченное воображение. В самом центре города встречаются деревенские дворы, где на веревках сушится белье, а женщины кормят детей грудью прямо на улицах и во дворах. Обычный трехэтажный дом в Москве — это здание высотой в пять этажей в любом западном городе, причем квартиры в нем дорогие, неудобные и претенциозные». «„Необходимо время, и немалое, чтобы сказать, кем же действительно был Сталин, — сказал мне один молодой советский писатель. — Единственное, что лично я имею против него, — то, что Сталин хотел руководить такой большой и сложной страной, как если бы она была торговой лавкой". Этот человек полагал, что дурновкусие, господствующее в Советском Союзе, тоже напрямую связано с личностью Сталина, крестьянина из Грузии, ослепленного баснословными богатствами Кремля» (XVII, 133, 141, 159, 175).

— Вот уже два дня как мы в Москве. Что скажешь, Плинио? — Гарсия Маркес попробовал лимонад и отодвинул стакан в сторону. Напиток был теплым и отдавал парикмахерской. Теперь они жили в одном из отелей недалеко от ВДНХ.

— Карахо, битком набитые столовые, капуста, плавающая в жире, или пельмени, везде нескончаемые очереди, грязно, общие туалеты — ужас! Фольклор в непереваривaемых дозах, примитивные политические лозунги и девизы, костюмы, которые, похоже, кроили кухонными ножами, железные зубы во рту чуть ли не у каждого, женские сапоги из пластика, круги под мышками от пота. Что еще? Всё плохого качества. А запахи…

— Аромат старых носков и тысячи зевков, как говорил Трумэн Капоте. — Габриель не мог оторвать взгляда от официантки, подававшей за соседним столом.

— Трудно объяснить, почему в стране, где запускают в космос спутники, нет ни одной исправной уборной. — Плинио отпил теплого пива, поморщился.

— И сколько нужно людей и времени, чтобы вычислить на счетах траекторию полета ТУ-104 или, того хуже, спутника. В госбанке я видел, как служащие считают на счетах.

— Мое поколение не знает, что это такое. В глаза не видело. Разве что в первом классе начальной школы, где преподают арифметику.

Четыре раза переводчица водила Гарсия Маркеса в Мавзолей. На Ленина он не глядел, но около саркофага Сталина пытался задержаться, однако дежурный офицер был строг. Через много лет в романе «Осень патриарха», описывая лицо и женоподобные руки главного героя, автор тщательно копировал лицо и руки чудовища из Гори.

Однажды они с Плинио ехали в театр без переводчицы. К ним в такси подсела женщина «лет шестидесяти, похожая на героиню пьесы Жана Кокто». Она говорила по-французски и, как она сказала, работала художником-декоратором в одном из московских театров. Первое, что она произнесла, была благодарность иностранным гостям за то, что в Москве появилась ВДНХ. «Этой прекрасной выставкой мы обязаны вам, — сказала она. — Ее построили, чтобы демонстрировать иностранцам наши достижения». И тут же, без всякого перехода, она заявила колумбийцам, что на самом деле строительство социализма в СССР — это иллюзия, что огромное количество людей из всех республик было уничтожено в лагерях, что, если бы Сталин был жив, мир давно бы получил третью мировую войну и что те, кого Сталин поднял из грязи, и среди них Мао Цзэдун, запретили Хрущеву дальнейшее обнародование преступлений Сталина.

Плинио спросил, кто был виновен в этих чудовищных ошибках. Она наклонилась к нам и, улыбаясь через силу, произнесла: „Le moustachu“. Так она всю дорогу его и называла по-французски (усатый). Когда мы подъехали к Театру имени Горького, небольшому, но пользующемуся давней известностью, наша случайная знакомая сказала: „Мы называем его «Театром Картофелин». Его лучшие актеры лежат в земле“» (XVII, 152–153).

— Плинио, я сбился с ног, но за десять дней так и не смог найти в Москве ни одной книги Кафки. А я, между прочим, считаю, что лучшим биографом Сталина является именно Кафка.

— А я не могу понять, как это Сталин ухитрялся руководить такой огромной страной, не вылезая из Кремля. Получается, как все тут говорят, что на людях он бывал всего два раза в год, в дни праздников стоял на трибуне Мавзолея. Приемы в Кремле не в счет. Там бывали те, кто ему служил.

— Да! Он абсолютно не общался с народом! Вот тебе и на! И в то же время листок на дереве не мог шелохнуться без его вездесущей воли.

— Вот потому они и оказались в застое. Так отстать от Запада!

— Демократический централизм! Уму непостижимо. — Габо потер лоб ладонью. — Когда завод в далекой Сибири нуждается в детали, которую производит завод, находящийся на той же самой улице, директор должен запрашивать Москву. Получив разрешение на приобретение этой детали, нужно идти к директору, который, чтобы выдать ее, снова запрашивает Кремль.

О городе-герое Сталинграде, о битве за него и победе, которая явилась переломным моментом во Второй мировой войне, ни Плинио А. Мендоса, ни Гарсия Маркес не оставили никаких письменных свидетельств, за исключением описания гигантской статуи Сталина. Только она поразила их воображение.

«Его портреты были везде: на улицах и проспектах Москвы и в телеграфной конторе деревни Челюскина, затерянной за Северным полярным кругом, — пишет о своих впечатлениях Гарсия Маркес. — Его изображения красовались на общественных зданиях, в частных домах, на денежных знаках, на почтовых марках и даже на оберточной бумаге. Его статуя в Сталинграде достигает 70 метров, а каждая пуговица на френче — диаметром в полметра» (XVII, 156).

«Гигантское изваяние Сталина возвышается у входа в Волго-Донской канал; возможно, оно даже выше статуи Свободы, — пишет Плинио А. Мендоса. — Каменной рукой, вытянутой над Волгой, Сталин как бы указывает путь своей древней, необозримой, загадочной стране» (XVII, 40).

Перед отъездом они ужинали за отдельным столиком, им оставалось только собрать вещи. Дальше пути их расходились: Габо пригласили в Венгрию, а Плинио — в Польшу.

— Габо, помнишь того рабочего на заводе, где мы были? Он сказал, что его товарищи перестали бы его уважать, если бы у него была любовница? — Плинио хмыкнул. — И он же заявил, что если бы его невеста не была девственницей, он бы на ней не женился. Как думаешь, он врал или они действительно тут такие, в самой свободной стране мира?

— Свободная любовь, порожденная разгулом революции, это уже в прошлом. Если быть объективным, ничто так не походит на христианскую мораль, как мораль советская. Меня поражает другое. Сергея Эйзенштейна, большого мастера, признанного всеми ведущими кинематографистами мира, в СССР не знают.

— Сталин обвинил его в формализме, и мастер канул в воду. Вот и все! Мне тут один деятель сказал, что впервые поцелуй на

советском экране появился всего лишь три года назад, в фильме «Сорок первый», год спустя после смерти Сталина.

— А Достоевского, которому на Западе поклоняется всякий читающий человек, Сталин обозвал реакционером, — Габриель поморщился, — и потому его только теперь начали издавать.

— Удивительно, как все серо кругом, как плохо одеты люди, и все в ботинках, похожих на тюремные колодки, и вместе с тем все кругом гордятся, что их ракета достигла Луны.

— А я все не могу забыть радостную рожу того англичанина, гостя фестиваля, которому в Англии никак не могли вылечить экзему. Здесь же обычный врач из гостиничного медпункта прописал какую-то мазь, и через три дня экземы как не бывало.

— Да, но не забывай, что мазь в аптеке англичанину завернули в газету. — Плинио явно был настроен более критически, чем Габриель. — И потом, когда они думают, что на Западе все дураки, их наивность граничит с глупостью. Тащить нас за сто двадцать километров от Москвы по разбитым дорогам, чтобы показать, что такое колхоз, когда по дороге мы проехали двадцать других колхозов. Это что?

— Меня там другое поразило. Даже не то, что на весь колхоз одна общая уборная, где на ящиках с дырками, как курицы, сидят и мирно кудахчут пятнадцать мужиков. Но тащить нас за сто двадцать километров, чтобы с гордостью показать очередное достижение социализма — автоматическую доилку, когда на Западе ею пользуются уже с полвека, это действительно детская наивность.

— Причем на первой корове она не сработала.

— Зато меня приятно поразила случайная встреча на улице Горького с одним парнем лет двадцати пяти, — тебя со мной тогда не было. Он остановил меня и, когда узнал, что я из Латинской Америки, сказал, что пишет диплом о всемирной детской литературе. Спросил, что я могу сказать о детской литературе в Колумбии. Я начал с Рафаэля Пьомбо, но он тут же перебил меня: «О Рафаэле Пьомбо я все знаю». Я пригласил его выпить, и за кружкой пива он буквально ошеломил меня. Он до полуночи читал мне на испанском, правда с сильным акцентом, стихи всех поэтов Латинской Америки. Ну просто ходячая антология поэзии, и не только детской. Это было колоссально, старик!

В целом двухнедельное пребывание в Советском Союзе произвело на Гарсия Маркеса отрицательное впечатление. Слишком многое его неприятно поразило. Вот еще один пример, впрочем далеко не самый отрицательный. «На семинаре по

архитектуре, проходившем во время фестиваля, возникла дискуссия между западными и советскими архитекторами. Одному из них — Жолтовскому — был уже девяносто один год. А самому молодому — 59 лет. Все они являлись сталинскими архитекторами. На критику западных специалистов советские архитекторы отвечали обычным аргументом: монументальная архитектура отвечает русским традициям. Однако итальянские архитекторы доказали в своих выступлениях, что архитектура Москвы русским традициям никак не соответствует. Это скорее „китч", увеличенный в размерах и приукрашенный итальянским неоклассицизмом. Жолтовский, который учился во Флоренции и жил там тридцать лет, вынужден был это признать. И тогда произошло неожиданное: молодые советские архитекторы стали наперебой показывать свои проекты, отвергнутые руководителями-сталинистами. Многие проекты были блестящими. Это был момент, когда советская архитектура, впервые после смерти Сталина, получила новое дыхание» (XVII, 160).

— Слушай, друг, тебя зовут Габриель? Так. Из всей компании ты мне больше всех по душе. Я — Морис Мейер, журналист из Бельгии. Прошел гражданскую войну в Испании. Кроме испанского говорю по-немецки и по-английски. Знаю положение в Венгрии. Держись ближе ко мне.

Группа политических обозревателей из девяти человек ехала после фестиваля в Венгрию. В вагоне поезда Москва — Будапешт Габриель разговорился с Морисом Мейером.

— А какие у нас там могут быть трудности, Морис?

— Нам шага не дадут сделать самостоятельно, везде будут сопровождать. Никуда носа не сунешь. А программу составят так, что мы ничего не узнаем о том, что в действительности случилось в октябре и что происходит в Венгрии сейчас.

— Спасибо, что предупредил!

— Сам Янош Кадар — из рабочих, честный, добрый человек. Но он попал между молотом и наковальней. ЦК КПСС — с одной стороны, а с другой — собственный народ, который его ненавидит.

— За что? Он же сам из народа!

— Венгрия, с точки зрения советских коммунистов, жила слишком хорошо. Их венгерские единомышленники решили, по примеру Советского Союза, превратить Венгрию в индустриальную страну и выполнить пятилетку в три года. Это был абсурд! Крестьян оторвали от земли, привезли в города, превратили якобы в рабочих, но никакой квалификации у них не

было, и, кроме того, никто не позаботился о том, где им жить. Стали насильно уплотнять городских жителей. Возник дефицит. То одного не хватает, то другого. Недовольных арестовывали. Бывший первый секретарь ЦК Имре Надь обратился за помощью к Западу, а народ настоял, чтобы советские войска прекратили оккупацию Венгрии. Советская армия ушла.

— И тут подмяла голову реакция.

— Не только реакция. Студенты, рабочие, народ. Не тайная полиция и советское КГБ, а полицейские и военные раздавали рабочим и студентам оружие. И тогда Кадар вызвал советские войска.

— Но это было десять месяцев назад. Как сейчас живет страна?

— Вот это нам с тобой и предстоит узнать.

В августе 1957 года Гарсия Маркес пробыл две недели в Венгрии. Иногда ему удавалось — или одному, или вместе с Мейером — отрываться от «переводчиков», которых было тринадцать человек на девять членов делегации.

Вот что, среди прочего, писал Гарсия Маркес в репортаже «Я посетил Венгрию»: «Почти год спустя после событий, которые потрясли мир, Будапешт продолжает оставаться разрушенным городом. Километры трамвайных путей не восстановлены. Толпы плохо одетых людей, обозленных, подавленных, часами выстаивают в нескончаемых очередях, чтобы купить предметы первой необходимости. Многие магазины были разорены и разрушены и теперь стоят в строительных лесах. Несмотря на ужасные сообщения в западной прессе, я все-таки не предполагал, что город пострадал настолько сильно. Уцелело лишь несколько больших зданий. Как я узнал, в них укрывались люди, которые четыре дня и четыре ночи вели бой против русских танков. В Венгрию тогда вошло восемьсот тысяч русских солдат. <…> Однако венгры оказали героическое сопротивление. Дети забирались на танки и бросали внутрь бутылки с горящим бензином. Венгры, которых я видел на улицах, в трамваях, в магазинах, в кафе, на бульварах и в парках острова Маргарита, не доверяют правительству, а заодно и его гостям. <…> На улицах огромное количество проституток, которые, как и положено, берут вперед, цена — пять форинтов, то есть полдоллара. <…> Полиция не в состоянии контролировать положение в городе, люди озлоблены и живут без всяких надежд на будущее. <…> Никто не желает работать на урановых рудниках, разрабатываемых в СССР. <…> Множество случаев самосуда, стихийной расправы над агентами тайной полиции, что привело к ликвидации сорока

двух процентов ее состава… На заводе, который мы посетили за два дня до отъезда из Будапешта, работают двести рабочих. Из них двадцать членов компартии. Правительство решило вооружить семь человек. Таково доверие к рабочим-коммунистам… Члены университетской группы студентов-марксистов, которые продолжают быть марксистами, но выступают против Кадара, так объяснили нам свою позицию: „Мы марксисты, потому что изучали марксизм по первоисточникам. По мы принимали участие в октябрьском восстании, потому что одно дело — марксизм и совершенно другое — русская оккупация и политика террора, проводимая Ракоци“. <…> Стены домов и заборы оклеены листовками, в которых дается наиболее верная характеристика ситуации в Венгрии: „Кадар — убийца народа“, „Кадар — предатель!“, „Кадар — русская легавая“» (XVII, 183–208).

Двадцать четыре года спустя Гарсия Маркес и Мендоса вспоминали свою поездку в ГДР.

«— В 1957 году мы совершили совместную поездку по Восточной Германии. Социализм не оправдал наших надежд, впечатления были мрачными. Это изменило твои политические убеждения?

— Разве ты не помнишь, впечатления от той поездки полностью изменили мою политическую ориентацию. Я тогда написал целую серию статей, впоследствии опубликованных в одном из колумбийских журналов. Двадцать лет спустя они появились в пиратском издании. Думаю, их издали не столько в интересах журналистики, сколько для того, чтобы продемонстрировать противоречия в моих политических взглядах.

— А противоречий не было?

— Не было. Я юридически оформил это издание и включил его в мое собрание сочинений, которое продается в Колумбии на каждом углу. В той книжечке я не изменил ни одной буквы. Более того, я полагаю, что именно в тех статьях изложены причины кризиса, который охватил Польшу в 1980 году, а ведь тогдашние догматики от коммунизма говорили, что мои статьи оплачены США. Замечательно то обстоятельство, что нынче эти же самые люди занимают высокие посты, оплаченные американским капиталом, хотя время подтвердило мою правоту.

— Какова была твоя точка зрения на режим так называемой народной демократии?

— Главная концепция этих статей заключалась в том, что в странах „народной демократии“ не существовало истинного социализма, да и не могло существовать, учитывая путь, который они избрали. Система ценностей не отвечала природе этих стран.

Это были единые для всех принципы, привнесенные Советским Союзом и насаждаемые местными компартиями, руководители которых, лишенные какого бы то ни было воображения, не могли представить себе ничего другого, как только насильно внедрять советскую схему в чужую действительность, для которой она совершенно не годилась» (XVII, 102–103).

— Мендоса у телефона. Кто это?

— Плинио, это Габо. Я еще в Будапеште. Старик, жаль, что тебя здесь не было. Звоню попрощаться. Ты когда улетаешь в Каракас?

— Завтра. Как тебе показалась Венгрия?

— Коньо! Все, что мы с тобой видели, бледнеет по сравнению с Венгрией! Старик, ты там в Каракасе не забудь, что мне тоже уже нечего делать в Европе.

— Не беспокойся, брат. Тебе куда писать — на адрес Тачии или Эрнана Виеко?

— По адресу Виеко, карахо! С Тачией уже давно все кончено.

— Так что ты говоришь, Венгрия…

— Карахо, все это не для нас!

— Значит, получается, что на деле никакого социализма нет?

— На деле выходит карикатура на тот социализм, о котором мечтали Маркс и Энгельс. Прежде всего, это никакая не диктатура пролетариата, а диктатура отдельных выходцев из него, превратившихся в бюрократов-догматиков. Советский Союз — это никакое не пролетарское государство. Мощная, вооруженная до зубов страна, где всем заправляет бюрократия, причем дряхлая и безмозглая, которая сама не замечает, во что она превратилась.

— Ты согласен с тем, что любой рядовой журналист, как я, например, может сделать вывод, что власть в СССР не имеет ничего общего с народом?

— Во-первых, ты не рядовой журналист, а я тем более, а во-вторых, ты совершенно прав. Народ не только оторван от власти, но и устал от нее и хочет перемен!

— Значит, мы с тобой съездили не зря. Ты будешь об этом писать?

— Обязательно! Когда вернусь в Париж. Только не уверен, будут ли это печатать. Общий заголовок уже есть — «Девяносто дней за Железным Занавесом».

— А я уверен, Габо, что основное зло в СССР исходит от сына грузинского сапожника.

— Не думаю, что только от него одного, но это тема философов и политологов следующего поколения. Счастливого

пути, Плинио. До встречи! Буду очень ее ждать!

Сентябрь-октябрь 1957 года Гарсия Маркес провел в Париже, где писал репортажи, которые через несколько лет вошли в небольшую книжку «De viaje por los paises socialistas» («О поездке по социалистическим странам»).

В Париже Гарсия Маркеса ждал Гильермо Ангуло, его друг, которому в Риме так и не удалось никого заинтересовать повестью «Полковнику никто не пишет». Однако это не помешало им обоим, вместе с Эрнаном Виеко и другими колумбийцами, гулять напропалую все то время, когда Гарсия Маркес не сидел за пишущей машинкой, кстати, привезенной им из Венгрии. Закончив работу над репортажами, он отправил их в Боготу Эдуарде Саламея Борде.

В ноябре Гарсия Маркес получил из Каракаса деньги за публикацию (по протекции Плинио Мендосы) в журнале «Моменто» (15, 22 и 29 ноября) репортажей «Я посетил Венгрию» и «Я был в России». Он отправился в Лондон, где собирался совершенствовать свой английский. Но жизнь в Англии сложилась таким образом, что писатель вынужден был снимать каморку в самом дешевом отеле в Южном Кенсингтоне, где он писал рассказы, выбирая сюжеты из романов «Дом» и «Недобрый час».

Гарсия Маркес очень рассчитывал, что сможет задержаться в Лондоне, получив деньги из Боготы от своего друга Эдуардо Саламеи за публикацию репортажей о социалистических странах в газете «Индепендьенте». Но Эдуардо Саламея, будучи человеком левых убеждений, прочитал репортажи и пришел в изумление от всего того, что довелось увидеть их автору. Он счел, что опубликование подобного материала нанесет сильный удар по левым политическим силам Колумбии, которые и без того были абсолютно беспомощны, и потому упрятал репортажи в самый дальний ящик своего письменного стола, откуда Гарсия Маркес забрал их только через два года, когда вернулся в Боготу.

Очутившись в середине декабря 1957 года в Лондоне, Гарсия Маркес не слишком хорошо представлял, что же ему делать дальше. Вновь выручил случай. Владелец и главный редактор венесуэльского журнала «Момента» Карлос Рамирес Мак Грегор, который до сих пор ни за что не соглашался брать на работу колумбийского журналиста, неожиданно уступил настояниям Плинио Мендосы и послал Гарсия Маркесу в Лондон телеграмму с вызовом и авиабилет.

Утром, накануне Рождества, Плинио и Соледад Мендоса встречали Гарсия Маркеса в аэропорту «Майкетия». После

дружеских объятий и поцелуев Плинио спохватился:

— Старик, а где твои вещи?

— А их у меня нет. Вот картонный ящик. В нем рукописи и все прочее.

Из аэропорта они сразу же поехали на малолитражке в редакцию «Моменто». Увидев бледного, истощенного, неважно одетого человека с пышными черными усами, владелец журнала усомнился, прав ли он был, поверив Мендосе, что Гарсия Маркес — это известный в Колумбии писатель и опытный журналист. Впрочем, Рамирес Мак Грегор решил не отступать и принял протеже Мендосы на должность редактора с приличным окладом. Услышав сумму, Гарсия Маркес судорожно сглотнул.

— Плинио, и вы, Габриель, прошу вас, не теряя ни минуты, займитесь подготовкой новогоднего номера. Прямо сейчас! — Хозяину не терпелось как можно скорее убедиться, ошибся он или нет.

— О чем ты сейчас думаешь, Габо? — спросил Плинио, когда они, выйдя из кабинета, спускались по лестнице. У Габриеля был отсутствующий вид.

— Я почему-то вспомнил самую долгую ночь в моей жизни. Это было в Париже. Мне негде было спать. Я усаживался на крыльцо какого-нибудь дома и клевал носом. Потом шел отогреваться к решеткам метро и все думал, карахо, только бы не повстречать полицейских. Они принимали меня за алжирца и не раз избивали, прежде чем проверить документы.

— Теперь с этим покончено!

— Еще я думаю о Мерседес: Она так долго меня ждет. Я не встречал женщины более преданной и верной.

— Так вези ее сюда!

— Вот об этом я как раз и думаю. С первой же зарплаты слетаю в Барранкилью. И еще я думаю о том, что я наконец в Каракасе, городе Боливара. И вспоминаю венесуэлку Хуану Фрейтес, жену генерала Маркоса Фрейтеса. Во времена военной диктатуры Хуана Висенте Гомеса он нашел пристанище в Аракатаке. Добрая Хуана принимала роды у моей матери, когда я родился. Хуана спасла меня, вовремя перерезав душившую меня пуповину. Потом, когда я подрос, она много рассказывала мне о Венесуэле времен диктатора Гомеса.

Они обедали в ближайшей харчевне, которую обычно посещал простой люд, и Плинио был немало удивлен, видя, с какой жадностью Габриель поглощает один бифштекс за другим. «Коньо, не мешай мне чувствовать себя дома. Сто лет не ел наших бифштексов», — заявил Габриель и заказал еще.

К вечеру Плинио и Соледад поселили Габриеля в пансионе, где обитали итальянские эмигранты, в районе Сан-Бернардино, неподалеку от дома, где Мендоса снимал просторную квартиру. Очень скоро Габриель, у которого был легкий уживчивый характер и который не брезговал ни стиркой, ни уборкой в доме своих друзей, переселился к ним.

Хозяин журнала неожиданно улетел в Нью-Йорк, и выпуск новогоднего номера практически лег на плечи Плинио и Габриеля, опыт и усердие которого в редакции сразу же оценили.

За рождественские и новогодние праздники Габо просто расцвел на глазах у своих новых друзей. Писатель объяснил это тем, что он, «ощутив вкус и аромат гуайаябы, чувствовал себя так, будто родился заново».

В первый свободный день, 1 января 1958 года, Плинио и Соледад решили отвезти Габриеля на пляж, чтобы «слегка прикрыть загаром европейскую бледность». Габриель, зайдя за своими друзьями, сказал им, что проснулся с предчувствием какой-то беды, от которой им придется спасаться бегством. Был полдень, и не успел Габриель договорить, как весь город услышал рев военных самолетов и грохот зенитных батарей. Летники военно-воздушной базы в Маракае, восставшие против диктатора Переса Хименеса, обстреливали президентский дворец «Мирафлорес».

Мятеж был подавлен, однако революционная обстановка в стране вынудила диктатора оставить Венесуэлу. 23 января Перес Хименес сбежал к своим покровителям в США.

Три недели продолжались стихийные выступления против диктатуры, шли аресты, лилась кровь. В один из дней, — к счастью, ни Плинио, ни Габриеля в редакции не было, — полицейские увезли весь персонал в Комитет национальной безопасности, а журнал закрыли и опечатали здание редакции.

Но не прошло и двух часов, после того как стало известно о бегстве диктатора, а Плинио и Габриель уже были в редакции и по городскому радио оповещали сотрудников журнала и рабочих типографии о возобновлении издания.

На следующий день они вдвоем отправились во дворец «Мирафлорес» за материалом.

На улице их остановил патруль бойскаутов, который сообщил, что пять минут назад у самой площади была обстреляна машина, в которой ехала женщина с ребенком. Оба убиты. Нелепая смерть.

«Габо откинулся на спинку сиденья и не произнес ни слова, — вспоминает Плинио Мендоса. — Ни один мускул не дрогнул у него на лице. С таким же каменным лицом он садился в самолет.

Со временем я понял, что ныне исчезнувший страх, от которого в те времена его лицо делалось мертвенно-бледным, был

связан с его литературным призванием: он не мог позволить себе погибнуть, не написав то, что чувствовал себя обязанный написать. Каждый раз перед посадкой в самолет он должен был основательно выпить. После успеха „Ста лет одиночества“ и особенно после появления на свет „Осени патриарха“ он перестал бояться опасности.

Нынче он садится в самолет, как в такси» (20, 54).

— Знаешь, Габо, я все больше склоняюсь к мысли, что поспешный отлет Мак Грегора в Нью-Йорк, якобы на встречу Нового года, связан с тем, что он знал о готовившемся мятеже пилотов базы Маракай. Он струсил! — Друзья сидели за ужином в доме Плинио.

— Ну и фиг с ним! Это даже к лучшему. Будь он здесь, карахо, нам бы никогда не выпустить такого номера журнала. В страну вернулась демократия. — Габриель обсасывал куриную ножку.

— Ты опасался, разойдется ли стотысячный тираж, Плинио. — Соледад чувствовала себя соучастницей происходящего. — Я специально сегодня ездила по киоскам и видела, как бойко раскупается номер. Только за сегодняшний день я слышала четыре хвалебных отзыва. А какие удачные иллюстрации! Люди покупают журнал, чтобы сохранить его на память о событиях.

— Но мы его сделали за сорок восемь часов, и практически вдвоем. Габо удивил всех, так здорово он работал. Боюсь только, что за революционную передовицу Мак Грегор сильно прогневается на нас.

— Победителей не судят. Ему никогда не удавалось распродать более пятидесяти тысяч. — Габриель бросил салфетку на стол. — Прилетит и нас поздравит!

— Вот уж этого ты от него не жди.

— Неважно, Плинио, все равно сегодня ваш журнал наиболее читаемый и наиболее популярный в Каракасе. Я же говорю, многие будут хранить его как исторический документ. — Соледад видела, что брат очень доволен.

А вот как сам Плинио, беседуя с Гарсия Маркесом в 1981 году, вспоминал те события.

— Ты помнишь тот самолет?

— *Какой самолет?*

— Который мы видели над Каракасом в два часа ночи 23 января 1958 года. Мы тогда стояли на балконе моей квартиры в

Сан-Бернардино: два красных огонька двигались на небольшой высоте над совершенно пустынным городом. Был комендантский час, но никто в городе не спал: все с минуты на минуту ждали падения диктатуры.

— *Самолет, на котором бежал Перес Хименес.*

— Самолет, положивший конец восьмилетней диктатуре. Позволь тебе напомнить, именно тогда у тебя зародилась идея написать книгу о диктаторе; роман «Осень патриарха» появился шестнадцать лет спустя, после двух черновых вариантов. А на борту того самолета был диктатор с женой, дочерьми, ближайшими друзьями и министрами. Лицо его дергалось от нервного тика, и он был взбешен, поскольку его адъютант в спешке забыл у самолета, когда они поднимались по веревочной лестнице, чемоданчик с одиннадцатью миллионами долларов. А потом по радио объявили о падении диктатуры, и начался праздник. …Мы побывали в Министерстве обороны, которое было похоже на крепость и где на стенах коридоров висели плакаты: «Все, что вы здесь видите и слышите, навеки останется здесь!» Мы посетили и «Мирафлорес», старинный дворец колониальной постройки, с фонтаном и цветочными клумбами посредине патио, где ты разговорился со старым мажордомом, который служил во дворце еще со времен диктатора Хуана Висенте Гомеса. У Гомеса были большие усы и татарские глаза. Он происходил из крестьян и умер в своей постели, после того как железной рукой правил страной почти тридцать лет. Мажордом рассказывал тебе о генерале, о том, что он любил спать в гамаке в часы сиесты, о его любимом бойцовом петухе. Рассказы мажордома натолкнули тебя на мысль написать роман?

— *Нет, это произошло в тот день, когда правительственная хунта заседала в президентском зале во дворце «Мирафлорес». Прошло два или три дня после падения диктатуры Переса Хименеса, ты помнишь? Мы все, журналисты и фотокорреспонденты, сидели в приемной президента. Было около четырех утра, когда внезапно открылись двери и мы увидели, как оттуда, пятясь, выходит офицер в полевой форме. Он был в сапогах, заляпанных грязью, а в руках держал короткоствольный пулемет. Лавируя между журналистами…*

— И продолжая пятиться…

— *…он направил оружие на дверь зала. На ковре оставались комья глины с его сапог. Сбежав с лестницы, он сел в машину, помчался в аэропорт и навсегда улетел из страны. В тот момент, когда офицер вышел из зала, где совещались и спорили члены нового правительства, я как-то особенно остро почувствовал, в чем состоит таинство власти.*

— Прошло несколько дней, мы ехали на машине в редакцию журнала, и вдруг ты сказал: «Еще никто до сего времени не написал роман о латиноамериканском диктаторе». Роман «Сеньор президент» Астуриаса был не в счет, мы оба считали его никудышным.

— *Он действительно никуда не годился.*

— Я помню, ты тогда увлекся чтением биографий латиноамериканских диктаторов. Ты был так увлечен. Находил их безумными. Каждый раз за ужином ты рассказывал нам очередную историю о каком-нибудь диктаторе (XVII, 83—84).

— С каждым днем, Плинио, у меня зреет мысль, что я непременно должен написать роман о диктаторе, и чем раньше, тем лучше. — Гарсия Маркес только что отправил в набор отредактированную статью, под которой не поставил своей фамилии. В журнале «Моменто» он это делал часто. — Сегодня проснулся и отчетливо вспомнил все, что рассказывала мне в Аракатаке Хуана Фрейтес о диктаторе Гомесе.

— А кто она такая?

— Я, кажется, говорил тебе о ней. Это жена генерала Маркоса Фрейтеса, главного оппозиционера Гомеса. Фрейтес был вынужден покинуть Венесуэлу и жил в Аракатаке. А его жена, добрейшая женщина, не только принимала участие в моем появлении на этот свет, но и была моей литературной повитухой. Власть как таковая, безудержная и бесконтрольная, и одиночество во власти — вот о чем надо сказать. Старый и дряхлый диктатор остается один во дворце, где по комнатам бродят коровы!

— А я вот думаю о нашем хозяине. Он вот-вот прилетит из Нью-Йорка. Устроит он нам разнос или будет благодарен?

— За что же разнос? Мы подняли ему тираж журнала.

— Мы недаром зовем его между собой «Безумный Мак Грегор». На него как найдет! Но если он нас похвалит, ты сможешь отпроситься в Барранкилью. Думаю, Габо, сейчас самая пора, чтобы забрать сюда Мерседес.

— Рамирес Мак Грегор — типичный латиноамериканский чиновник, он хоть и с дипломом, но дела, которым занимается, толком не знает, а свою некомпетентность прикрывает начальственным видом.

Владелец журнала «Моменто», который, в отличие от других руководителей печатных изданий Каракаса, по сути дела, бежал от возможных неприятных последствий, по возвращении из Нью-Йорка похвалил Мендосу и Гарсия Маркеса. Он сделал вид, что в Нью-Йорке был с теми, кто руководил из США восстанием против

диктатора. Но возросший авторитет своих сотрудников не вызвал у него восторга. «Вы знаете, как в Каракасе называют мой журнал? — спросил Мак Грегор на другой день и сам ответит. — Журнал иностранного легиона. Одни колумбийцы и баски! Я хочу взять на работу двух венесуэльцев в качестве моих помощников. Вы будете им подчиняться!»

Венесуэльцы оказались разумными, покладистыми людьми и не мешали работать. Один из них, Луис Эррера, годы спустя стал президентом Венесуэлы.

В предпоследнюю неделю марта 1958 года Гарсия Маркес попросил у Мак Грегора разрешения отлучиться на четыре дня и улетел в Барранкилью.

Приготовления к свадьбе были недолгими, однако Габриель, в темном костюме и в галстуке стоя на пороге церкви среди родных и друзей, должно быть, хорошо понял, чего стоило Мерседес тринадцатилетнее ожидание этого дня. Он полтора часа ждал свою невесту у входа в церковь Вечного Спасения, и друзья говорили, что никогда раньше не видели Габриеля таким собранным и напряженным. А Мерседес опоздала только потому, что портнихе пришлось подгонять подвенечное платье. Отец писателя, Габриель Элихио Гарсия, вспомнил, как тридцать два года назад он так же нервничал, поджидая опаздывавшую к венчанию будущую мать Габриеля.

Бракосочетание Габриеля Хосе Гарсия Маркеса и Мерседес Ракель Барча Пардо состоялось в пятницу, 21 марта 1958 года, а медовый месяц молодые провели в Каракасе, куда уже в воскресенье они улетели самолетом из Барранкильи.

Мерседес родилась 6 ноября 1932 года в селении Маганга, расположенном среди тропических болот на берегу реки Магдалены, в семье арабского аптекаря, выходца из Александрии, и уроженки Колумбии. Училась Мерседес в разных религиозных школах, но последние два года, перед получением в 1952 году диплома бакалавра, в светской школе города Медельин и везде была одной из лучших учениц. Затем, до замужества, она жила в доме родителей и работала продавщицей в аптеке отца. Ее мечте стать биологом не суждено было сбыться.

— Мерседес, я безумно счастлив, девочка. Все, что было до тебя, карахо, только укрепляло мою веру в то, что лучше тебя мне никого не найти. — Габриель привлек к себе жену и поцеловал.

За окнами самолета никогда не было такого голубого неба. Лайнер, мерно гудя, увозил молодую пару навстречу будущему.

— Я знаю, никакая другая женщина не стала бы ждать столько лет. А ведь ты так красива! Представляю, сколько у тебя

было претендентов!

— Не так уж много. — Мерседес улыбнулась. — Зная, что я дала тебе слово ждать, многие даже и не пытались ухаживать за мной.

— Я очень виноват перед тобой, но мое материальное положение не позволяло мне решиться. Хочешь, признаюсь? Когда я ждал тебя у церкви и прошел уже час после назначенного времени, а тебя все не было, я готов был разбить себе голову о стену. Самудио и Фуэнмайор, да и Варгас, это видели. Они буквально удерживали меня под руки. Но теперь я сделаю тебя счастливой, Мерседес. Не сразу! Я закончу роман «Дом» и первым напишу книгу о латиноамериканском диктаторе. Знаешь, я хорошо пишу, но мне не везет с издателями. Потому что я пишу не так, как все. Ты принесешь мне удачу! А в сорок лет я создам мой лучший роман, он затмит всех и вся! Только тебе надо еще подождать. Я знаю — ты это умеешь. Та книга сделает нас и наших детей самыми счастливыми на свете. Клянусь, ты ни в чем не будешь нуждаться!

В самом конце романа «Сто лет одиночества» примерно такой же разговор происходит между Амарантой Урсулой, которую автор называет «таинственной и прекрасной, словно змея с берегов Нила», и бельгийцем Гастоном. А в марте 1958 года Мерседес Барча, как любая другая арабская женщина, готова была служить своему мужу и не ведала, что с того дня ей суждено играть решающую роль в судьбе будущего писателя; она заняла свое место в ряду женщин его жизни: мать Луиса Сантьяга Маркес, которая родила его на свет; бабушка Транкилина Игуаран Котес, которая «с невозмутимым лицом» рассказывала ему самые невероятные истории; тетка Франсиска Симодосея Мехия, которая его вырастила и научила видеть мир; венесуэлка Хуана Фрейтес, которая спасла его в момент появления на свет; первая учительница Роса Елена Фергюсон, которая научила его читать и привила любовь к поэзии, и английская писательница Вирджиния Вулф, которая открыла ему путь к пониманию природы его собственного таланта. Всем, что написано, Габриель Гарсия Маркес во многом обязан своей жене Мерседес, которой он посвятил два лучших своих произведения.

В своей книге Плинио Мендоса говорит о том, что все друзья Габо знали, какую огромную роль играет Мерседес в его жизни. На вопрос, как удалось им создать такую прекрасную семью, Гарсия Маркес рассказывает: «Я познакомился с Мерседес в Сукре, где жили наши родители и куда мы приезжали на каникулы. Наши отцы были друзьями с юных лет. Однажды на танцах — ей тогда

было всего тринадцать лет — я сделал ей предложение. Думаю, я сказал это, просто соблюдая условности, необходимые в те времена, чтобы обзавестись невестой. И она должна была это понять, тем более что виделись мы потом редко и всегда случайно, однако, думаю, мы оба знали, что рано или поздно условности обретут под собой реальную почву. Как это и случилось более десяти лет спустя. Мы никогда не были помолвлены, просто терпеливо и без томления ждали того, что было нам предназначено. За двадцать пять лет совместной жизни у нас не было ни одной серьезной размолвки. Наверное, это оттого, что мы оба смотрим на вещи так же, как и до брака. Семейная жизнь — дьявольски трудное дело, которое каждый день начинаешь сначала, и так всю свою жизнь. Живешь в постоянном напряжении, и порой это так утомительно, по тем не менее стоит того. Персонаж одного из моих романов говорит об этом так: „Любовь ведь тоже надо понимать“» (XVII, 21–22).

Поначалу у Мерседес не все ладилось с домашним хозяйством: рис подгорал, молоко убегало, мясо пережаривалось. Габриель, за свою долгую холостяцкую жизнь поднаторевший в стряпне, сам научил готовить молодую жену. Очень скоро она, как Урсула Игуаран из романа «Сто лет одиночества», взяла бразды правления в свои руки, и тесноватое холостяцкое жилище, где все всегда было перевернуто вверх дном, превратилась в уютную квартиру. Вскоре молодые супруги сняли более удобное жилье в том же районе, поблизости от дома Плинио.

Особенно внимательно Мерседес относилась к рукописям мужа. Она аккуратно сложила страницы романа «Полковнику никто не пишет», кипу разрозненных листов невероятно пухлого романа «Дом», сложила отдельно оконченные и начатые рассказы, а когда дошла до толстой пачки, перетянутой синим галстуком в полоску, спросила мужа: «Габо, а это что такое?» Муж ответил: «О, милая, будь осторожна! Это роман о том времени, когда дома в Сукре были обклеены листовками. Ты тогда была маленькая, но должна это помнить. У книги еще нет названия, по это стоящая книга!»

В то время Гарсия Маркес был так занят в журнале «Моменто», что почти не работал над прозой. Но его репортажи и статьи в журнале, такие как «Келли выходит из тени», «Только двенадцать часов для спасения», «Поколение преследуемых», «Духовенство в борьбе», «Каракас без воды», «Колумбия: выборы начинают играть свою роль» и многие другие, были убедительны и мастерски написаны и, кроме того, всегда были посвящены самым наболевшим проблемам. В Каракасе Гарсия Маркес таклсе был признан высокопрофессиональным журналистом.

— Послушай, старик, у меня есть блестящая идея. Газета «Насьональ» объявляет конкурс на лучший рассказ и лучший репортаж. Мы оба можем отхватить по первой премии. Главный редактор, Мигель Отеро Сильва, — человек левых взглядов. Наш человек!

— Старое корыто, брюзга. Мне не понравилась «Хоральная элегия Андресу Элою Бланко». Он пишет, как писали сто лет назад.

— А я уверен, обе первые премии — наши! Я напишу репортаж о жизни и приключениях Густаво Мачадо.

— Думаешь, если Мачадо — основатель компартии, Отеро Сильва клюнет? Густаво, между прочим, выходец из аристократической семьи…

— А я хорошо напишу! А у тебя столько готовых рассказов!

— Так и быть, Плинио! Коньо, я согласен. Мы выиграем! Только я пошлю новый рассказ. Напишу за эту ночь. Я вижу, как по улицам Аракатаки идет женщина с букетом цветов и ведет за руку девочку. Она приехала в эту страшную жару, чтобы положить цветы на могилу сына. В Аракатаке все говорили, что она мать вора в законе. Я назову рассказ «Сиеста во вторник».

Многие годы спустя не только сам писатель, но и все его многочисленные критики считают «Сиесту во вторник» лучшим рассказом Гарсия Маркеса. Однако на конкурсе газеты «Насьональ» ни этот рассказ, ни репортаж Мендосы не обратили на себя внимания Мигеля Отеро Сильвы.

Между тем друзей ждали более крупные неприятности. 15 мая 1958 года в Каракас прилетел вице-президент США Ричард Никсон. Когда машина Никсона проезжала по бедным кварталам города, в нее летели камни, палки, а люди плевали ей вслед. Не будь на улицах полиции, Никсона могли и убить. К берегам Венесуэлы даже были направлены корабли военно-морского флота США.

Владелец «Моменто» поспешил в написанной им передовой заверить Соединенные Штаты Америки в своих верноподданнических чувствах и принести извинения. Отдав в набор передовицу, Мак Грегор не поставил под ней своей подписи. Это сделали Плинио Мендоса и Гарсия Маркес. Когда номер вышел, хозяин пришел в бешенство и в разговоре с Мендосой едва не дошел до рукоприкладства. Мендоса выругался, сказал, что отказывается работать в журнале, хлопнул дверью и ушел. На лестнице он встретил Габриеля.

— Козел Мак Грегор! Он, конечно, взбесился. Но, карахо,

если бы журнал обвинили в том, что он стелется перед Штатами, он бы тут же свалил всю вину на нас. А теперь ему самому придется держать ответ. Вот он и брызжет слюной! Я послал его куда следует!

— Я пошлю его туда же. Коньо, он еще не знает, с кем имеет дело!

— Перебьемся, Габо. Походим наконец по театрам, в кино, по книжным магазинам, почитаем книги, покупаемся в море…

— А я насочиняю рассказов… Будет в портфеле еще одна книга.

Вместе с ними журнал в знак солидарности покинули почти все сотрудники редакции, и Мендоса после месячного отдыха принялся всех устраивать на новую работу.

За лето и осень 1958 года Гарсия Маркес написал рассказы «Один из тех дней» (опубликован в январе 1959 года в журнале «Атлантико», Барранкилья), «У нас в городке воров нет», «Вдова Монтьель», «Искусственные розы» и «Незабываемый день в жизни Бальтасара». Все эти рассказы вошли в сборник «Похороны Великой Мамы».

В это же время писатель принимал активное участие в деятельности местного литературного кружка «Сардио», в который входили такие венесуэльские писатели, как Сальвадор Гармендия, Адриано Гонсалес Леон, Рамон Паломарес, Луис Гарсия Моралес, Франсиско Перес Пердомо. Группа «Сардио» собиралась для литературных дискуссий в кафе «Ирунья».

Однако теперь, когда писателю приходилось обеспечивать не только себя, но и жену, он все время торопил Плинио Мендосу с поисками работы.

Мендоса, переговорив с владельцем мощного газетного картеля Каприлесом, в одном из журналов которого Гарсия Маркес сотрудничал еще в бытность в Париже, получил согласие хозяина. Надо было поднимать престиж журнала «Венесуэла графика», весьма поверхностного и легковесного, за что его называли в народе «Венесуэла порнографика». И потому Каприлес не возражал против того, чтобы принять на работу в качестве шефа-редактора Гарсия Маркеса. Главный редактор журнала, практичный франтоватый каталонец, над рабочим столом которого висел плакат: «Самая быстрая мысль — это ножницы», быстро рассудил, что, поскольку Гарсия Маркес не страдает привычкой всегда подписывать свои материалы, ему это будет только выгодно, и принял Гарсия Маркеса с распростертыми объятиями. Габриелю же не приходилось выбирать — надо было зарабатывать на жизнь.

Сам Мендоса устроился писать передовицы в новой газете Каприлеса «Мундо» («Мир»),

— Это немыслимо! Колоссально! Неужели это не сон! Партизанские отряды победили огромную армию диктатора. — Плинио захлебывался от восторга.

— Я думаю, время диктаторов кончилось! Хуан Доминго Перон в пятьдесят пятом, Мануэль Одрия в пятьдесят шестом, затем наш горилла Густаво Рохас Пинилья в пятьдесят седьмом, вслед за ними, здесь, Маркос Перес Хименес и теперь сержант, назначивший себя генералом, Фульхенсио Батиста! — Габриель даже порозовел, что бывало с ним крайне редко. — Вот что нужно Латинской Америке!

Они сидели на балконе квартиры Гарсия Маркеса, пили ром за победу революции Фиделя Кастро и смотрели, как внизу под несмолкаемые гудки ехали по улице автомобили, украшенные кубинскими флажками.

— Это тебе не буржуазия, не олигархи спихнули диктатора и сами пришли к власти. Это народ, студенты!

— Именно это меня и радует. Во главе революции, карахо, стоят люди с университетскими дипломами. Они не будут молиться на диктатуру пролетариата, они создадут новый строй! А ты помнишь, Плинио, как Николас Гильен в Париже говорил нам, ухмыляясь, что, мол, есть на Кубе один молодой адвокат, совершенно сумасшедший?

— Теперь небось Николас у этого сумасшедшего будет просить пост министра культуры.

— Коньо, Плинио, друг ты мой, нам надо придумать, как махануть на Кубу! Я ведь знаком с Фиделем.

Случай скоро представился. В Каракас на военном самолете прибыл представитель Фиделя Кастро, чтобы отвезти венесуэльских журналистов в Гавану на процесс «Правосудие Свободы». Победитель Батисты собирался публично судить приспешников диктатора, объявленных им военными преступниками, чьи руки по локоть в крови. 18 января 1959 года, когда завредакцией журнала «Венесуэла графика» приводил в порядок свой рабочий стол, собираясь идти домой, в редакции появился один из соратников Фиделя Кастро по «Движению 26 июля», силы которого и вынудили Батисту бежать из Гаваны в Доминиканскую Республику, где правил диктатор Трухильо.

Кубинцу не надо было дважды объяснять причину своего прихода. Гарсия Маркес в ответ лишь сказал: «Минутку, я только позвоню своему приятелю». Услышав голос Плинио, Габриель

прокричал в трубку: «Карахо, Плинио, засовывай в чемодан пару рубашек и дуй ко мне. Сегодня мы улетаем на Кубу. Нас приглашает Фидель!»

Летели на стареньком двухмоторном самолете, который трясся, как в лихорадке. Коллеги пили, смеялись и шутили, что они трясутся, как на лошадках ярмарочной карусели, но Гарсия Маркесу было не до смеха. Время, когда он перестал бояться самолетов, еще не пришло, и он сидел зеленый от страха. Плинио пытался было как-то отвлечь друга, но тот, увидев, что за окном еще и разыгралась гроза, ответил: «Вот женишься, тогда узнаешь, что это за штука!»

В Гаване всех латиноамериканских журналистов поселили в роскошных номерах шикарного отеля «Ривьера», где прежде снимали номера американские миллионеры и самые богатые туристы из Европы.

Возможно, как считает Плинио Мендоса, будущий лауреат Нобелевской премии именно там впервые ощутил, что такое власть денег, и понял, что человек может жить и в иных условиях, нежели те, которые были ему до сих пор знакомы.

Суд состоялся на стадионе. Судили полковника Соса Бланко, на совести которого были расстрелы крестьян, оказывавших помощь повстанцам Кастро.

Гарсия Маркес, Плинио Мендоса и многие другие иностранные журналисты по просьбе жены и дочерей осужденного подписали прошение о пересмотре решения суда. Никто не сомневался в виновности подсудимого, и смертный приговор, скорее всего, был справедливым, по по ходу судебного процесса неопытным трибуналом были допущены отступления от закона. Жажда революционного возмездия превратила судебный прогресс в карнавальное шествие смерти.

Суд и приговор трибунала произвели на обоих колумбийских журналистов неизгладимое впечатление. Гарсия Маркес никогда не упоминал об этом прямо, однако есть косвенные свидетельства того, что все произошедшее на стадионе вызывало у него содрогание» (28, 380).

Здесь уместно вспомнить, что первый вариант романа «Осень патриарха» представляет собой нескончаемый монолог диктатора во время публичного суда над ним, который происходит на стадионе. И вместе с тем в статье Гарсия Маркеса «На ум не приходит ни один заголовок», опубликованной в кубинском журнале «Каса де лас Американас» в январе 1977 года, писатель рассказывает о своем первом визите в Гавану, но даже не упоминает о процессе над Соса Бланко.

Сальдивар пишет в своей книге: «Вопреки неизгладимому

впечатлению, которое произвел на них этот „римский цирк“, оба журналиста через четыре дня вернулись в Каракас в прекрасном расположении духа, готовые внести свой скромный вклад в дело кубинской революции, объявившей своей целью установление справедливости, мира, демократии, равенства, права на образование, права на бесплатное медицинское обслуживание, и, в качестве главной цели, создание „нового человека“ Латинской Америки».

— Всякая революция — это праксис[32], а там, где идет ломка, льется кровь, — произнес Гарсия Маркес. Они возвращались в Каракас на американском авиалайнере.

— Куба хоть и маленькая страна, остров, но Фидель — деятельный и образованный человек. Примеру Кубы могут последовать и другие страны Латинской Америки, — заметил Плинио.

— Остров-то остров, но под боком у янки.

— Я тоже думал: как на все это посмотрит Госдепартамент США? — Плинио, по примеру Габриеля, выпил рюмку рома.

— В том-то и дело! Помнишь человека в белом халате в президентском дворце? Мы слушали выступление Фиделя. Этот человек был врач.

— Тот, что сказал мне: «Бедная Куба теперь в руках этого паяца!»

— Он самый. А мне он на ухо сообщил, что Фидель победил Батисту на деньги ЦРУ. Американцам, мол, надоел Батиста, его надо было сменить, потому они и перестали его поддерживать. Но ведь революция Фиделя — подлинно народная!

— Для янки демократия — это, так сказать, для внутреннего пользования, вне своей страны — они всегда агрессоры, грабители. Они всегда и везде поддерживали только реакционные режимы.

— Вот и я говорю, так просто это не кончится. У них на Кубе вложены огромные капиталы. Коньо, а ведь по всему видно — Фидель наложит на них лапу. И правильно сделает!

— Меня радует, что у него нет никакой идеологии и что он не собирается идти по пути стран Восточной Европы. Фиделя не связывают догмы, но он клятвенно обещает вытащить свою страну из ямы наших всеобщих бед: любая страна Латинской Америки — это бедность, невежество, высокая смертность, коррупция, привилегии для богатых, несправедливость, засилье военщины.

— В общем, я за него!

— И я — руками и ногами!

В конце февраля Плинио вернулся на родину, а Гарсия Маркес остался работать в журнале «Венесуэла графика» и по ночам, следуя своему железному расписанию, редактировал повесть «Полковнику никто не пишет» и рассказы, из которых уже складывалась отдельная книга.

По возвращении из Гаваны Габриель получил сразу два письма от своего верного друга Альваро Мутиса, который жил тогда в Мексике. Мутис писал, что Мексика не только живописна и полна исторических достопримечательностей, это страна, где бьет ключом культурная жизнь и где Гарсия Маркес сможет наконец развернуться в области кино и осуществить свою давнюю мечту. Габриель загорелся было идеей переезда, но тут оказалось, что сам Альваро Мутис за левые взгляды попал в мексиканскую тюрьму.

— Я тебе говорю, куате[33], уже не первый раз, меня послал сам Фидель — организовать во всех странах Латинской Америки революционные агентства Пренса Латина. — Мексиканец выговорил все это с трудом — после вчерашней попойки у него пересохло во рту и дрожали руки.

Плинио попросил бармена побыстрее приготовить двойную порцию джина с тоником и лимоном.

— А чем будут заниматься агентства Пренса Латина? — спросил Плинио, как говорится, для поддержания разговора, поскольку не верил ни единому слову еще не протрезвевшего мексиканца.

— Карамба! Как ты не понимаешь, надо разнести вдрызг империалистическую монополию на новости. Для этого я и прилетел. Надо завербовать лучших колумбийских журналистов. Они смогут! А мне сказали, куате, что ты и есть один из них. И ты будешь заведовать агентством. — Мексиканец полез во внутренний карман пиджака и вынул пачку долларов. — Вот, куате, — он сделал большой глоток джина, — здесь десять тысяч. Это тебе на первое время. Открывай офис!

Плинио не сразу нашелся что сказать:

— Послушай, у меня есть друг, он еще лучший журналист, чем я, но он в Венесуэле…

— Ты будешь отвечать за агентство, а он будет редактором!

— Но получать зарплату мы будем одинаковую.

— Это твое дело. Звони ему прямо сейчас.

Плинио так и поступил, и через три дня, в конце апреля, Габриель и Мерседес уже в аэропорту Боготы «Дорадо» узнали, зачем Плинио вызвал Габриеля. Лицо Габриеля расплылось в улыбке.

— Кохонудо![34] — сказал он и обнял друга.

На деньги, которыми они располагали, друзья сняли солидно обставленный офис в самом центре города, на 7-й каррере, между 17-й и 18-й улицами, напротив престижного кафе «Тампа». И к ним повалили все, кто жил мечтой о революции в Колумбии. Тайная полиция взяла их на заметку.

Работа была несложной: получать по телетайпу новости из Гаваны и отправлять туда информацию о событиях в Колумбии. Помимо информации о текущих событиях, Гарсия Маркес отправил на Кубу в сокращенном виде репортажи, относившиеся ко времени, когда он работал в газете «Эспектадор». Однако скоро из Гаваны потребовали отчет о количестве кубинских новостей, появившихся в колумбийской прессе. Друзьям пришлось засучить рукава, поскольку местные редакции газет и журналов, по мере того как кубинская революция все больше «забирала влево», все меньше были заинтересованы в публикации новостей с Острова.

«В то время Гарсия Маркес чувствовал себя вполне счастливым: он был молод, но уже известен как блестящей журналист и самобытный писатель, у него была хорошая работа и вполне приличный заработок», — пишет о тех временах Сальдивар (28, 382).

Кроме того, он впервые в жизни жил в дорогой, благоустроенной квартире, а рядом была Мерседес — кроткая красавица жена. 24 августа 1959 года она родила Габриелю первого сына, Родриго Гарсия Барча.

Примерно в это же время на первом фестивале колумбийской книги роман «Палая листва» обратил на себя внимание читающей публики, и Гарсия Маркес, подписывая экземпляры читателям, впервые остро почувствовал, что такое авторская гордость.

В это время Гарсия Маркес много занимался изучением политической истории своей страны и революционной Кубы.

— Габо, я вижу, ты в последнее время даже не дотрагиваешься до художественной литературы — Диккенс, Флобер, Фолкнер, Грэм Грин, Вулф так и стоят на полке. — Мерседес, уложив сына спать, вошла в кабинет мужа.

— Мой милый «священный крокодил», я всегда знал, что ты у меня умница. Ты не поверишь, не далее как вчера я вдруг подумал, что мое увлечение политикой в конечном счете может, не дай бог, повлиять на мои литературные взгляды. Вернее, на мою концепцию: мистическая реальность и мистика реальная, как жизнь.

— И я боюсь, что жизнь, которую ты сейчас ведешь, может, как бы это тебе сказать…

— Исказить мою литературную позицию.

Габриель поднялся с кресла и поцеловал жену.

— На днях я закончил писать последний рассказ для сборника, который называется «Похороны Великой Мамы». И так же будет называться весь сборник. У меня уже готовы рукописи трех книг. Им не страшны мои политические увлечения.

— Ты как-то говорил мне, что мечтаешь оставить Пренса Латина, вернуться в Барранкилью и там открыть свою киношколу.

— О да! Карахо, это было бы прекрасно! Что-то вроде Экспериментального кинематографического центра в Риме. Когда я в последний раз был в Барранкилье, мы с Альваро Сепеда много говорили об этом, и сейчас он занимается организацией Федерации киноклубов Колумбии. Мы решили, что это будет началом.

Однако в той поездке писателя в Барранкилью, в сентябре 1959 года, вопросы о создании федерации и киношколы оказались не главными. Там неожиданно решился наконец вопрос с изданием повести «Полковнику никто не пишет».

Еще в конце 1957 года столичный колумбийский журнал «Мито» («Миф») опубликовал повесть «Полковнику никто не пишет», но публикация не вызвала интереса у издателей. А вот кое-кому из читателей повесть понравилась; среди них был Альберто Агирре, известный адвокат, страстный кинолюбитель, владелец книжного магазина, иногда выступавший и в роли издателя.

— Что с тобой? — спросил Агирре Гарсия Маркеса. Габриелю только что принесли телеграмму, он прочитал ее и побледнел.

Они сидели вдвоем в кафе лучшего отеля города «Прадо» и завтракали.

— Моя жена Мерседес сообщает из Боготы, что владелец дома, где мы живем, грозится отключить свет, воду и газ. Коньо, требует шестьсот песо, а у меня их нет. Не знаю, что делать.

Агирре задержал взгляд на бледном, худом лице Габриеля и сказал так, словно в этом не было ничего необычного:

— Габо, я хочу издать твоего «Полковника».

— Да ты что, Альберто? Ты что, сумасшедший? — спросил в изумлении Габриель. — Ты же прекрасно знаешь, в Колумбии книг не покупают. Ты вспомни, что было с «Палой листвой». В первый день купили пять книг. Все покупатели — мои друзья. И больше не покупал никто.

— А я говорю тебе, что твоя повесть мне очень понравилась. А раз так, я не только издам «Полковника», но и выплачу тебе

аванс. Я тебе буду должен восемьсот, а сейчас выпишу чек на двести песо.

Гарсия Маркес даже вскочил со стула. Друзья ударили по рукам.

ГЛАВА VI
«Похороны Великой Мамы». «Недобрый час». Куба. Нью-Йорк. Мексика (1960–1965)

— Габо, че[35], мы очень внимательно читали твои материалы из Боготы. Ты настоящий профессионал. Кубинской революции нужны люди, которые если что делают, то делают это от всей души и со знанием дела! — воскликнул аргентинец Хорхе Рикардо Масетти, основатель и генеральный директор агентства Пренса Латина. — Работа Плинио нас тоже устраивает. Из всех агентств, которые были открыты, ваше единственное, которое действует как надо.

Они сидели в гостиной Гарсия Маркеса. Это было в сентябре 1960 года. Масетти по пути в Бразилию на два дня остановился в Боготе.

— Что из этого следует, Масетти? — Габриель переглянулся с Плинио.

Масетти перехватил этот взгляд.

— Революции нужны толковые люди. Для одного агентства вас двоих многовато. Решайте, кто из вас поедет в Гавану, чтобы затем возглавить какое-нибудь кубинское агентство, скажем, в Монреале.

— Я и так много лет жил за границей. Пусть летит Габо, — сказал Плинио.

— Ты что скажешь, че? Я был бы очень рад!

Гарсия Маркес немного подумал.

— Хорошо! Полечу я. Пока один. Когда получу назначение, заберу семью.

— Вылетаешь через пару дней, че. Я дам указания. Тебя встретит мой заместитель Родольфо Валш.

— Я с ним знаком! Он отличный писатель. Можно сказать, я учился писать рассказы по его книге полицейских повестей «Вариации в красных тонах».

Гарсия Маркес пробыл в Гаване три месяца. Жил он в Доме Медика, на авениде Рампа, где размещалось агентство Пренса Латина, и тесно сдружился с аргентинцами Валшем и Масетти. Они повсюду были вместе — на работе, в кафе «Вакамба», в

ресторанах «Сибелес» и «Маракас», где они обычно обедали. Как и всем жителям Гаваны в то время, спать Габриелю и его новым друзьям удавалось по три-четыре часа в сутки. С Масетти и Валшем его объединяло не только восторженное отношение к народной революции, которой руководили образованные лидеры, но и схожие литературные вкусы, понимание жизни, культурный уровень.

Гавана переживала революционный подъем. Люди буквально жили на улицах, скандировали революционные лозунги, пели, танцевали, но, как заметил Гарсия Маркес, мало кто работал. По опыту своей журналистской деятельности он отмечал, что в каждом коллективе всем заправляла небольшая группа людей, членов компартии Кубы. Габриель чутьем улавливал, что от них веяло сектантством, узостью взглядов, невежеством, бюрократическим отношением к делу и неприязнью к тем, кто был, по их мнению, слишком образован, кто имел собственную точку зрения и обладал смелостью высказывать ее вслух.

— Хорхе, я восхищен! Я в полном восторге. Цели и задачи Пренса Латина — колоссальны! — Гарсия Маркес осунулся еще больше, но выглядел очень довольным.

— Потому Фидель и не жалеет на нас денег, че. Меня радует, что ты быстро вошел в дело. Знаешь, Габо, затея с Монреалем отменяется. Мы планируем отправить тебя в Нью-Йорк. Но там будет больше работы, че. Впрочем, мы знаем, тебе это по плечу. Я с удовольствием оставил бы тебя здесь. С тобой работать одно удовольствие. Но нужно открывать агентство в США. Фидель торопит, а лучшей кандидатуры, чем ты, че, у нас нет.

— Ну что ж, Нью-Йорк так Нью-Йорк. Только в Канаде мне было бы проще. По-французски я говорю, а мой английский, карахо, никуда не годится.

— Вот там и доведешь его до кондиции. Надо ехать туда. Переориентируй свои планы.

— Ладно! Уже целую неделю собираюсь тебе сказать, Хорхе. В прошлый раз ты послал меня посмотреть, как устанавливают новые телетайпы в агентстве. Инженеры и техники, толковые ребята, обучили меня всему, что надо, и сами все делали добросовестно, но вокруг все время вертелись без дела какие-то люди. Не знаю, кто их послал. Оказалось, это члены компартии. Они, видишь ли, осуществляли революционный надзор. Коньо, это же обидно для специалистов!

— Я давно за ними наблюдаю. Перестраховщики. Никто из них в агентстве не останется! Все уедут в Майами. Они небось сами уже думают, как бы собрать чемоданы. — Масетти был в

раздражении. — Сейчас они с революцией, но они здесь не нужны. Они уедут! Мне уже жаловались на них. Дождутся, что я их всех уволю.

— И за мной приглядывают. Может быть, потому, что я колумбиец?

— Нет! Потому что они так воспитаны своей партией. Я в Аргентине был близок со многими из них.

— А я думал, — Габриель улыбнулся, — если что и погубит революцию, так это нерациональный расход электричества.

Работая по четырнадцать, а то и по шестнадцать часов в сутки, Габриель не мог выкроить и тридцати минут на собственное творчество, но и не думать о литературе он тоже не мог. Никому из коллег в Пренса Латина он не говорил о том, что он писатель. Причина стала известна позже. Единственным исключением были те немногие часы, когда он бывал в доме Родольфо Валша и отводил душу, беседуя с ним и его женой, тоже писательницей. Валш, который прочитал «Палую листву» и еще не изданную повесть «Полковнику никто не пишет», признал в Габриеле большого писателя. Они обсуждали любимые книги, манеру и стиль писателей, которых оба почитали.

Была и еще одна радость. В Гаване жил и работал мастер кубинских теленовелл Феликс Б. Кайгнет, о котором Гарсия Маркес слышал еще в Каракасе и Боготе. Теперь он познакомился с мастером лично, и общение с ним, по сути дела тайное, приносило Гарсия Маркесу не меньше радости, чем работа на революцию.

Однажды в четыре часа утра Гарсия Маркес вошел в рабочий кабинет Валша. Там был и Масетти. Оба были настолько поглощены работой над каким-то текстом, что не заметили Габриеля. Как раз в этот момент Валш закричал: «Все! Теперь расшифровано полностью!» И они с Масетти бросились обнимать друг друга, пританцовывая от радости.

Еще утром на телетайп агентства поступил какой-то странный, явно зашифрованный текст. Валш, у которого был при себе криптографический справочник, занялся текстом и провозился с ним весь день и большую часть ночи. Оказалось, это была телеграмма представителя ЦРУ в Гватемале, в которой тот подробно сообщал Вашингтону о ходе военной подготовки наемников и говорилось, что в апреле 1961 года, ко дню вторжения на Кубу, отряды солдат будут готовы для высадки в заливе Кочинос.

Масетти, доверявший Габриелю, тут же сообщил о причине их радости. У Масетти сразу же созрел план действий: он решил, что в ближайшие дни Родольфо отправится в Гватемалу и там — под

видом аргентинского священника, продавца библий — проникнет в расположение лагеря наемников и соберет необходимый материал. Габриель тут же заявил, что он готов выполнить это задание и сделает это лучше Родольфо, поскольку в свое время обучался в церковной школе.

Масетти немедленно связался по телефону с Фиделем, сообщил ему, что располагает сведениями исключительной важности, забрал бумаги и уехал.

На следующий день Масетти явился грустный и рассказал Габриелю, что Фидель их очень хвалил, но плана Масетти не принял, сказав, что этим займутся специально подготовленные люди из внешней разведки революции.

— Еще раз прошу извинить меня, маэстро, что в прошлый раз приволок вам такую кипу страниц. — Габриель был смущен. — Это моя первая работа. Я думал сотворить из этого роман о своем детстве и юности, потом…

— Фолкнер, Толстой, Горький и многие другие писали об этом. И у них получалось неплохо. — Кайгнет курил огромную сигару, то и дело обмакивая незажженный краешек в чашечку с кофе.

— Потом я выкроил из этой рукописи романы «Палая листва», «Полковнику никто не пишет», «Недобрый час» и с десяток рассказов для сборника. Последние три книги еще не напечатаны. «Полковник», правда, скоро выйдет в Боготе.

— Конечно, чико[36], ты поступил смело. Но, как известно, смелость города берет. Не извиняйся. Мне было интересно читать. Ты — настоящий писатель, не сомневайся! Поначалу тебе будет трудно найти общий язык с издателями, но потом твоя особенная манера пробьет себе дорогу. Ты будешь иметь успех.

Гарсия Маркес покраснел и спросил, нельзя ли выпить рюмку рома.

Маэстро налил рома. Габриель выпил, и маэстро продолжил:

— Хорошо пишешь, чико, но еще маловато мастерства, сноровки. Я открою тебе пару секретов. Текст, который ты сочиняешь, читатель должен не только читать, но и слышать, даже улавливать запахи. Чтобы держать читателя в постоянном напряжении, в повествовании обязательно должно что-то происходить, почти в каждом абзаце.

— Улавливаю, маэстро. — Габриель поглядел в пустую рюмку, и Кайгнет тут же поднялся, взял рюмку и подошел к бару.

— Муха ли пролетела и села кому-нибудь на лоб, воробей зачирикал или птица запела, часы пробили или чашка разбилась. Читателям нравится, когда все время что-нибудь происходит, им

не нужны пространные описания и подробные исследования. И другой совет: инверсия в тексте не всегда оправданна. Читатель не должен наталкиваться на неудобные фразы и выражения, которые мы или не замечаем, или считаем своей находкой. Не стоит нарушать испанский синтаксис. Дополнения должны идти от меньшего к большему. Например, не следует писать «в доме Марии, вчера». Лучше сказать «вчера, в доме Марии». На первый взгляд это кажется пустяком, но на деле читатель быстро устает и уже не читает, а лишь пробегает глазами.

— Маэстро, эти простые на первый взгляд замечания мне во многом помогут. Спасибо! Скоро, то есть как только выдастся свободное время, я начну писать роман о латиноамериканском диктаторе.

«Несколько месяцев, которые Гарсия Маркес провел на Кубе, были для него временем лихорадочного эмоционального подъема; он досадовал лишь на то, что сектанты от коммунизма под предводительством Анибаля Эскаланте присваивали себе завоевания революции, в которой они играли довольно незначительную роль. Но ничего нельзя было поделать, это была настоящая узурпация, ибо в тот момент Куба, подталкиваемая готовящейся агрессией США, устремилась в материнские объятия Советского Союза», — пишет Дассо Сальдивар (28, 395).

Гарсия Маркес хорошо знал эту публику и по своей стране — всех этих салонных революционеров, коммунистов при галстуках, подручных Москвы, пропагандировавших склеротический советский марксизм без учета национальных особенностей каждой страны.

Надо сказать, что и эта публика хорошо знала Габриеля Гарсия Маркеса и рассматривала его как заумного интеллектуала, «не нашего человека, даже не попутчика». Эрудиция всегда вызывала у них неприязнь, граничившую с классовой ненавистью.

В конце декабря 1960 года Гарсия Маркес прилетел в Боготу, чтобы забрать семью и отправиться на новое место работы в качестве руководителя агентства Пренса Латина в Нью-Йорке. А в середине декабря он на три дня слетал в Мехико, чтобы повидать своего друга и благодетеля Альваро Мутиса, которого к тому времени выпустили из тюрьмы.

— Плинио, дорогой, карахо, то были незабываемые дни! Работы навалом. Для себя не написал ни строчки. И все равно каждый день я был с моими героями. Они для меня реальные люди, которые живут в моем сознании своей жизнью.

— А что там произошло с коммунистами в Пренса Латина? Это правда, что Масетти их выгнал — кого уволил, кого отправил

в агентства стран соцлагеря?

— Уволить-то он их уволил, но они через Министерство труда, которое у них в руках, делают все, чтобы вернуться в агентство.

— Но они там были явно не у дел, я сам видел. Пишут они все из рук вон плохо. И вообще они балласт для революции. Ухитрились даже здесь, у меня в агентстве, завести своего шпиона. — Плинио говорил с возмущением.

— Масетти показывал мне их опусы. Один смех. Узость взглядов, грамматические ошибки. Однако главная их беда, Плинио, не низкий уровень культуры и недостаток образования, а полная неспособность самостоятельно мыслить, как подобает настоящим марксистам, сообразуясь с реальными условиями нашего континента.

— И полная неспособность, карахо, к каким бы то ни было революционным действиям в истинном понимании. — Плинио говорил как рассерженный учитель, который ставит в дневнике двойку. — Фидель это видит, но, боюсь, его это устраивает. Своего мнения у них нет, они умеют только беспрекословно подчиняться.

— Не говори так о Фиделе. Это настоящий вождь! И он не позволит разводить партократию, как в странах социализма. Я верю в Фиделя Кастро и Че Гевару как в революционных вождей, которые способны найти иной путь, чем тот, который указывает Москва для создания счастливой жизни на Кубе и в других странах нашей Америки. Они для меня, как Прометей и Атлас!

Прошло два десятилетия, и вот как оба друга, Плинио Мендоса и Гарсия Маркес, вспоминали то время:

«— Теперь перейдем к другому нашему совместному опыту — Кубе. Мы оба работали тогда в агентстве Пренса Латина. Ты ушел оттуда вместе со мной, когда компартия стала осуществлять повсеместный контроль. Ты считаешь, наше решение было правильным? Или думаешь, мы просто недостаточно разобрались в обстановке?

— Я считаю, что мы поступили правильно. Если бы мы остались в Пренса Латина, с нашими-то взглядами нас бы все равно оттуда попросили да еще непременно приклеили бы ярлык контрреволюционеров, прислужников империализма и тому подобное. Я тогда просто отошел от них и продолжал писать книги и киносценарии, но уже в Мексике. Наблюдая вблизи и с огромным вниманием процессы, происходившие на Кубе, я пришел к выводу, что после первоначального этапа революционного подъема революция затем пошла по трудному и часто противоречивому

пути, но мне кажется, этот путь открывает потенциальную возможность для создания более справедливого и демократического социального порядка.

— Ты в этом уверен? Одинаковые методы дают одинаковый результат. Если Куба избирает как модель советскую систему (единая партия, демократический централизм, органы безопасности, которые осуществляют железный контроль над населением, профсоюзы, которыми манипулирует власть), то это заставляет думать, что установление „социального порядка, более справедливого и демократического“, так же сомнительно, как и существование его в Советском Союзе. Ты, Габо, этого не боишься?

— Анализируя ситуацию, ты допускаешь ошибку в исходной точке: ты основываешься на том, что Куба является сателлитом Советского Союза, а я так не считаю. Достаточно поговорить с Фиделем Кастро, чтобы убедиться: он ничьим приказам не подчиняется. Кубинской революции вот уже двадцать лет, а ситуация все равно неустойчивая из-за враждебности со стороны Соединенных Штатов, которые не могут позволить себе иметь такой заразительный пример всего в девяноста милях от Флориды. И это не по вине Советского Союза, без помощи которого — каковы бы ни были его мотивы и побуждения — кубинская революция сегодня существовать бы не могла. Пока сохраняется враждебное отношение США, ситуацию на Кубе можно рассматривать только как нечто временное, и эта оборонительная позиция вынуждает кубинцев пренебрегать сохранением своих исторических и культурных традиций. Когда это изменится, мы вновь вернемся к этому разговору.

— Интервенция СССР в Чехословакию в шестьдесят восьмом году была одобрена Фиделем Кастро (конечно, с некоторыми оговорками). Какова была твоя позиция по этому вопросу?

— Я выразил публичный протест и сделаю то же самое, если подобная ситуация повторится. Единственным различием между моей позицией и позицией Фиделя Кастро — кстати, они совершенно не обязательно должны всегда совпадать — было то, что он в конце концов оправдал советскую интервенцию, а я этого не сделаю никогда. Однако анализ, который он сделал в своей речи о внутреннем положении в странах народной демократии, был намного более глубоким и критическим, чем в репортажах, написанных мной после нашей совместной поездки. Как бы то ни было, судьба стран Латинской Америки решается не в Венгрии, Польше или в Чехословакии, а здесь, в Латинской Америке.

— В шестидесятые годы, когда был арестован кубинский поэт Эберто Падилья, и особенно после его знаменитой

„самокритики“[37], некоторые из твоих друзей, в том числе и я, намеренно дистанцировались от кубинского режима. Ты же — нет. Ты не подписал телеграммы протеста, ты вернулся на Кубу и стал другом Фиделя. Почему ты был так благосклонен к кубинскому режиму?

— Потому что был информирован лучше других и потому что достиг политической зрелости, что позволило мне отнестись к этому событию с большим пониманием и оценить его с позиций реальной действительности.

— Многие писатели Латинской Америки, и ты в том числе, говорят о марксистско-ленинском социализме как о желаемой альтернативе. Тебе не кажется, что эта теория „из бабушкиного сундука“? Сегодня такой социализм не отвлеченная абстракция, а весьма непривлекательная реальность, ты согласен? После того, что произошло в Польше, нельзя считать, что власть в этих странах сосредоточена в руках рабочего класса. Между загнивающим капитализмом и „социализмом“ в кавычках, тоже загнивающим, ты не видишь третьего пути для стран нашего континента?

— Я не верю в третий путь. Я глубоко убежден, что мы сами должны найти выход из положения. Конечно, используя по мере возможности все лучшее, что было достигнуто на других континентах по ходу их многовековой и часто трагической истории, но не копируя эти завоевания механически, как мы поступали до сего времени. В конце концов, ведь это все равно будет наш собственный социализм» (XVII, 103–105).

— Мерседес, мне всю ночь сегодня снилась Мексика. — Габриель вышел из ванной, вытирая голову полотенцем. — Не думал, что она так глубоко засядет во мне.

— Ну что ты там мог увидеть такого особенного за три дня? Небось большую часть времени выпивали с Альваро да разговаривали.

— Прежде всего я понял: если я серьезно хочу заниматься кино, это нужно делать только в Мексике. Фильм не то что книга. Если уж его сняли, он обязательно появится на экране. К тому же кино принесет мне больше денег, чем романы.

— Не знаю, Габо. А как тебе вчерашний вечер?

Накануне близкие друзья собирались в доме Маркесов на встречу Нового, 1961 года.

— Все было прекрасно, я как раз хотел тебя поблагодарить, мой прелестный «священный крокодил». Ты — настоящая Селена!

— Кто это?

— Древнегреческая богиня удачи.

— Спасибо! Я посоветовала Плинио не жениться на столичной девушке, а выбрать себе жену с Карибского побережья.

— Я всегда знал, что ты умница! Перед отъездом из Мехико я сказал Альваро, что рано или поздно, но я хотел бы вернуться в Мексику, и надолго.

В Нью-Йорке совершенствование английского языка пошло быстрее, чем можно было ожидать. Гарсия Маркес работал в офисе, который находился в Рокфеллер-центре. В Колумбийском университете он разыскал преподавателей и студентов из Колумбии, и они с удовольствием снабжали его книгами. По ночам он, как всегда, писал, вычищал текст романа «Недобрый час», которому вернул первоначальное название «Четырнадцать дней недели».

«Крохотный островок — агентство Пренса Латина, детище Фиделя Кастро, — был окружен океаном враждебности. По телефону сыпались угрозы и оскорбления. „Скажи это своей матери, козел!“ — спокойно отвечал Габо, когда ему доводилось снимать телефонную трубку. Однажды прозвучала конкретная угроза в адрес самого Габо. „У тебя есть жена и ребенок, — произнес мужской голос. — Мы знаем, где они живут. Так что лучше побыстрее убирайся отсюда!“ Рядом с пишущей машинкой Габо держал на столе тяжелую железную палку на случай нападения на агентство. Несмотря ни на что, он работал над своей прозой, и, как всегда, по ночам» — так пишет в своей книге Плинио Мендоса (20, 128).

13 марта 1961 года Гарсия Маркес как иностранный корреспондент присутствовал в Белом Доме, когда президент Кеннеди в своей речи объявил о создании «Союза ради прогресса». Впоследствии Варгас Льоса назвал этот Союз «пластырем спасения, который перекрывал путь свежему ветру кубинской революции». Подробную информацию о намерениях президента США Фидель Кастро получил из агентства Пренса Латина раньше, чем из посольства, и тут же объявил на Кубе боевую готовность.

Жизнь Гарсия Маркеса в Нью-Йорке стала невыносимой. Пожалуй, никогда прежде он не испытывал такого напряжения и страха. Агенты ФБР в штатском следовали за ним по пятам, но это не успокаивало.

В это время кубинские журналисты-коммунисты, уволенные Масетти, получили через Министерство труда в Гаване разрешение вернуться на работу в агентство Пренса Латина и, используя вооруженный отряд «милисианос», состоявший из «своих», заняли помещение агентства, выдворили оттуда «чужих» и на их места посадили «своих». Фидель Кастро был в курсе этой

операции. Кубинская революция все более «левела», и для ее пропаганды «буржуазные интеллигенты» больше не годились.

Хорхе Масетти и Родольфо Валш тут же направили Кастро свои заявления об уходе.

— Все, Мерседес, кончились мои занятия английским. — Габриель говорил, кусая губы. — Хорхе Масетти подал в отставку!

— Это почему?

— Недотепы-коммунисты заняли агентство. И мне теперь не дадут дышать. Да и работать с ними — сплошная мука! Завтра посылаю письмо с заявлением об уходе!

— И что мы будем делать, Габо? — тревожно спросила жена и поглядела на маленького Родриго.

— Завтра и решим.

Этот разговор происходил 17 апреля 1961 года, а на следующее утро стало известно о высадке наемников США на Плайя-Хирон, к которой кубинская революция была готова. Гарсия Маркес не стал отправлять по телетайпу свое заявление. Все подумали бы, что он бежит, как крыса с тонущего корабля.

Рано утром в офисе уже прошел по телетайпу текст обращения Фиделя к прогрессивным организациям с просьбой выступить против интервенции США на Кубу. Гарсия Маркес размножил текст и направил его парламентариям, руководителям профсоюзов и левых организаций, ректорам университетов и в редакции газет.

— Габо, звонит Мендоса из Боготы, — в середине дня сообщил один из сотрудников агентства.

— Алло, Плинио, я тебя слушаю.

— Габо, телефонистки не дают Гавану.

— У меня пока тихо. Особых новостей нет. Идут тяжелые бои.

— Мне надо бы отправить пару срочных телеграмм. Я тебе продиктую, а ты перешли их в Гавану.

— Плинио, погоди. Внизу, на Пятой авеню, есть телекс. Я сейчас спущусь туда и соединю тебя с ним.

— У нас тут демонстрации. Многие на стороне Фиделя!

Между тем Фидель Кастро, ни словом не упомянув про заявление об уходе, предложил Масетти вести по телевидению допросы наемников, попавших в плен на Плайя-Хирон.

Гарсия Маркес выжидал, как дальше сложится судьба Масетти. Кроме того, он ждал Плинио, который должен был прилететь в Нью-Йорк. Мендоса, после победы кубинской революции

в заливе Кочинос, прилетел в Гавану и был свидетелем того, что происходило в агентстве Пренса Латина. Он дождался, когда на место Масетти был назначен испанский коммунист Фернандо Ревуэльтас, и подал заявление об уходе.

— Вот такие, значит, наши дела, Габо. — Плинио держал на коленях своего крестника.

— Коньо, я себе все примерно так и представлял и уже написал заявление об уходе. Ждал твоего приезда. — Габриель достал из папки заявление и протянул его другу. На настенном календаре с фотографией Мерилин Монро квадратная метка стояла против даты 25 мая 1961 года, — Что скажешь?

— Бальзам на мою душу, Габо, дорогой. Карахо, у нас с тобой не только одинаковая реакция на происходящее, но и причины ухода из агентства и те совпадают, — радостно сказал Плинио. — Разница только в том, что тебе не придется выслушивать сектантские нравоучения.

— А что, было?

— Ревуэльтас и политический комиссар агентства — теперь есть такая должность — отчитывали меня, как отщепенца. Я же написал в заявлении, что не могу согласиться с отстранением от должности Масетти, но что с готовностью буду продолжать служить интересам кубинской революции как журналист. «Я не согласен с мотивировкой вашего заявления об уходе, — изрек шестидесятилетний Ревуэльтас. — Революция осуществляет перестановку кадров в своих интересах, и вы, как истинный революционер, должны были принять это решение не обсуждая». Комиссар тут же добавил: «Твое заявление — это буржуазное высокомерие!» Вот с чем я и прилетел к тебе.

— Но как быть с семьей, Плинио? У меня в кармане двести долларов. На них я могу добраться только до Нового Орлеана, и то на автобусе. Я решил ехать в Мексику!

— А ты попробуй получить с них выходное пособие. Это элементарное правило во всех странах мира, — сказал Плинио и тут же спохватился: — А впрочем, что я говорю? Перед вылетом из Гаваны агенты госбезопасности Кубы отбирали у всех пассажиров ювелирные украшения, вплоть до обручальных колец.

— Видишь, иногда есть преимущество в том, что человек не женат, — с грустью произнесла Мерседес.

Гарсия Маркес попытался было получить у нового руководства Пренса Латина авиабилеты до Мехико и выходное пособие, положенное при увольнении. Однако над ним только посмеялись: может, он хочет, чтобы ему оплатили билеты в Колумбию, так

пусть в тамошнем агентстве и ходатайствует о выходном пособии.

Через десять лет, когда Гарсия Маркес стал знаменитым писателем и, что еще важнее, близким другом Фиделя Кастро, те же самые люди начали всячески заискивать перед ним.

В середине июня семья Гарсия Маркеса решительно тронулась в долгий и утомительный путь до Нового Орлеана, куда Плинио, по возвращении в Боготу, обещал выслать на адрес почтамта некоторую сумму денег.

В Атланте и Алабаме они на себе испытали, что такое расовая дискриминация: им не позволили напиться воды из общественного водопровода для белых и отправили к водопроводу для черных. В Монтгомери они провели ночь на улице, поскольку никто не пожелал сдать им комнату для ночлега, — их принимали за мексиканцев.

Получив от Плинио сто пятьдесят долларов, они пошли во французский ресторан и там, впервые за двенадцать дней пути, пообедали.

Через два дня, 2 июля 1961 года, в тот самый день, когда покончил с собой Эрнест Хемингуэй, Альваро Мутис встретил Гарсия Маркеса с женой и сыном на железнодорожном вокзале города Мехико.

— Ну, что будем делать, дорогой Альваро? У меня в кармане только двадцать долларов! — Гарсия Маркес сообщил об этом другу тут же, на перроне.

— Пока что мы едем ко мне. А там подумаем! Я пятнадцать месяцев просидел в адовой мексиканской тюрьме «Лекумберри». Как видишь, жив и не жалуюсь.

— Вы об этом когда-нибудь напишете? — спросила Мерседес.

— Уже пишу «Дневник Лекумберри», но, когда его можно будет напечатать, не знаю. А у вас есть крыша над головой и вкусная еда, обещаю. Это не так уж мало!

— В Нью-Йорке я бы совсем скис, если бы ты не поддержал меня по телефону.

— Я тогда тебе сказал и повторяю сейчас: вместе мы одолеем все трудности. Я очень соскучился по тебе, Габо. А теперь вас трое. Мерседес, ты очень любишь этого обормота?

— Наравне с сыном, а если честно, то чуточку больше, — ответила Мерседес и покраснела. Мутис поцеловал ее в щеку.

— Я вспоминаю январь пятьдесят четвертого, Барранкилью. Не знаю, что было бы тогда со мной, если б не ты, Альваро.

— Вот и сейчас не сомневайся! Меня огорчает одно: ты плохо играешь на бильярде. Поехали!

«В который уже раз Альваро Мутис играл по отношению к Гарсия Маркесу роль друга, ниспосланного Провидением, поскольку без его помощи и поддержки его испанских и мексиканских друзей писатель вряд ли долго продержался бы в этом ацтекском городе, который он посетил тогда во второй раз», — заверяет Сальдивар (28, 403).

Плинио Мендоса в своей книге «Те времена с Габо» утверждает: «Я всегда знал, что Гарсия Маркес умеет справляться с трудностями, возникающими в его жизни. Во всяком случае лучше, чем со славой. Лишения, удары судьбы всегда шли ему на пользу. В конечном счете его писательское призвание родилось и окрепло благодаря постоянной борьбе с жизненными трудностями, борьбе напряженной, азартной и упорной».

Гарсия Маркес очень быстро понял, что поступил правильно. Его сразу же увлекла богатейшая история Мексики, колониальная архитектура, высокий уровень культурной жизни и лидирующее положение во многих областях среди стран Латинской Америки. (Какова жизнь в Аргентине, он тогда еще не знал.) Мутис был знаком со многими представителями культурной элиты и быстро ввел Гарсия Маркеса в этот круг.

Прежде всего Мутис свозил Гарсия Маркеса в порт Веракрус и в столицу одноименного штата, город Эксалапу. Издательство тамошнего университета, по рекомендации известной журналистки и писательницы Елены Понятовской, происходившей из старинного польского рода, готово было выпустить в свет сборник рассказов «Похороны Великой Мамы».

Рукопись книги Альваро Мутис получил от писателя еще в начале 1960 года. Рассказы ему понравились. Понравились они и Понятовской, которая решила сама вручить рукопись директору издательства. Однако летом того же года Понятовская ее потеряла.

Теперь же, в июле 1961 года, в Эксалапе, издательство университета приняло книгу к изданию.

Гарсия Маркес поселился в небольшой квартирке без мебели на улице Ренан, дом № 21, в районе Ансурес. Двуспальный матрас на полу, в другой комнатке — кроватка Родриго, в гостиной — стол, выполнявший функции обеденного и письменного, и два стула — вот все, что составляло имущество семьи писателя в Мексике.

«Несмотря на предприимчивость Альваро Мутиса и других друзей, проживавших в Мехико: скульптора Родриго Аренаса Бетанкура, хозяина книжного магазина, кинодеятеля Луиса Висенса и писателя Хуана Гарсия Понсе, и на то, что мексиканская интеллектуальная элита знала Гарсия Маркеса по книгам,

опубликованным в Колумбии, он в течение двух месяцев не мог найти работу. К тому же им с Мерседес приходилось подолгу выстаивать в длинных очередях во дворе Министерства внутренних дел, чтобы получить в Мексике вид на жительство», — читаем мы у Сальдивара (28, 406).

Помимо денежной помощи, которую Мутис оказывал Гарсия Маркесу, писатель кое-что получал, подрабатывая от случая к случаю на радио Национального университета — читал собственные комментарии и печатал небольшие заметки в журнале того же университета.

В литературных кругах Мексики Гарсия Маркес обратил на себя особое внимание глубокой и содержательной статьей «Человек умер естественной смертью», опубликованной писателем Фернандо Бенитесом в литературном приложении к газете «Новедадес», которым он руководил. Посвящая статью своему учителю, Гарсия Маркес писал: «Время покажет, что Хемингуэй, которого кое-кто считает писателем незначительным, заткнет за пояс многих великих, потому что он знает внутренние побуждения, которыми живут люди, и потому что он мастерски владеет секретами своей профессии. …Значительность Хемингуэя — в его скрытой мудрости, благодаря которой он создает объективную картину мира, отраженную в произведениях, простых и лаконичных по своей конструкции, но исполненных порой подлинного драматизма».

— Послушай, Габо, один преуспевающий мебельный фабрикант купил два журнала. Такая у него прихоть. Ты только не сердись, они не очень по твоему профилю, но…

— Но ведь надо что-то есть! Ты это хочешь сказать?

Они сидели в кафе «Опера», потягивая коктейль «Куба либре» из рома и кока-колы, с добавлением лимонного сока и льда.

— Мне всегда нравилось, что ты умный и быстро соображаешь. Владелец журналов сейчас придет. Он ищет главного редактора. Я уже с ним говорил о тебе. Он сначала засомневался в твоих способностях… Но я дал ему почитать твои рассказы. И ему так понравился «Рассказ не утонувшего в открытом морс», что теперь он волнуется, согласишься ли ты. Я сказал ему, что Гарсия Маркес как журналист еще более крупная фигура, чем писатель, — объективный, широких взглядов, очень эрудированный. Не будь дураком.

— Коньо, да что это за журналы?

— «Семья» — журнал для женщин, а другой называется «Это интересно всем».

— Тоже не мужской.

— Но ты же мой должник. Когда, карахо, начнешь долги

возвращать? Давай действуй! — Мутис привел «железный» аргумент.

— Черт с тобой, согласен! Где он? Я поставлю ему два условия: в списках редколлегий моей фамилии не будет, и я не подпишу ни одной статьи в этих журналах. Но писать, конечно, буду.

Радости Мерседес не было конца, и Габриель немного успокоился, когда познакомился с сотрудниками редакций обоих журналов. Он целиком отдавал себя делу и работал напрямую с редакторами, репортерами, художниками, корректорами и фотокорреспондентами. Через полгода оба журнала увеличит свои тиражи вдвое. Гарсия Маркес, который иногда писал передовицы и небольшие статьи о писателях и поэтах, проработал в этих журналах два года. Владелец и сотрудники редакции души не чаяли в главном редакторе.

В сентябре 1961 года в жизни писателя произошло важное событие. Повесть «Полковнику никто не пишет» наконец вышла в свет в Боготе. Друзья помогли сделать хорошую рекламу как в Колумбии, так и в других странах континента, однако за два года из двух тысяч экземпляров было куплено всего восемьсот.

В беседе с Плинио Мендосой («El olor de la guayaba») писатель говорил, что лучшим своим произведением до того, как он написал роман «История одного убийства, о котором знали заранее», он считал повесть «Полковнику никто не пишет», потому что «я переписывал ее девять раз и она стала казаться мне неуязвимой».

Мексиканский критик Эммануэль Карбалье об этой повести писал так: «На первый взгляд повесть „Полковнику никто не пишет“ — это история о том, как сохранить чувство собственного достоинства и не поддаться унижению. Однако если смотреть глубже, мы увидим, что речь идет о масштабном обобщении, поскольку подобное могло произойти в любом другом месте и в какую угодно эпоху: герой повести пытается обмануть время. В плане видимом полковник борется с собственной старостью и болезнями, в подтексте — это борьба с унижением. На эту борьбу уходят последние силы, но именно благодаря ей память возвращает героя в прошлое и благодаря ей он, не теряя достоинства, проживает каждый нынешний день. Ожидание письма, которое никогда не придет, потому что его никто не напишет, позволяет противостоять смерти, потому что жизнь приобретает смысл. Эта короткая новелла полна глубокого гуманизма и, как всякое настоящее произведение искусства, содержит в себе и национальное, и универсальное начало и побуждает читателя вновь обратиться к вечной дилемме: что

такое жизнь человека — надежда или отчаяние?» (5, 162).

В конце сентября, воодушевленный выходом книги, Гарсия Маркес отправил рукопись романа «Недобрый час» в Боготу на литературный конкурс, организованный нефтяной компанией «Эссо».

Чуть раньше, 17 августа, он писал в Медельин издателю Альберто Агирре, сообщавшему, что и в этом городе повесть «Полковнику никто не пишет» скоро выйдет в свет: «Роман („Недобрый час“) теперь уже совсем готов, хотя у него все еще нет названия. Я тебе его не отдам. Я стал честолюбивый и хочу, чтобы он был издан сразу на нескольких иностранных языках. Это и есть ответ на твой вопрос, почему я в Мексике» (28, 535).

— Старик, я тебя поздравляю! Хозяин журналов очень тобой доволен. Обещал с января повысить тебе зарплату, — сообщил Альваро, едва переступив порог квартиры Габриеля.

Они сели на диван — к тому времени мебель в квартире уже была, — и Габриель, усмехаясь, сказал:

— Давно пора! Журналы делаю я, а главным редактором значится мебельный фабрикант.

— Скажи ему спасибо, Габо, — сказала Мерседес, ставя перед мужчинами стаканы на стеклянный столик. — Он дал нам возможность обставить квартиру за полцены.

— Ладно! Мы и тебе скажем спасибо, если ты нам нальешь чего-нибудь в стаканы. Альваро, давно котел тебя спросить, кого из мексиканцев ты порекомендуешь почитать?

— Пока ничего не читай. Я тебе сам привезу книги. Будешь доволен!

В следующий раз Мутис привез целую стопку книг и, отобрав две самые тонкие, сказал:

— Прочитай вот это — будешь знать, как надо писать.

Обе книги были написаны мексиканским писателем Хуаном Рульфо. Назывались они «Педро Парамо» и «Долина в огне». В ту ночь Габриель лег спать только после того, как дважды прочел роман «Педро Парамо».

Произведения Хуана Рульфо привели Гарсия Маркеса в восторг. Он заучивал куски из романа «Педро Парамо» наизусть и декламировал их всякому, кто хотел слушать. Впоследствии писатель признавался, что долгое время не мог читать никого другого, — такое огромное впечатление произвела на него проза Рульфо.

«Чтение заворожило меня, как когда-то в детстве, в Аракатаке, меня завораживали сказки „Тысячи и одной ночи“, в

двадцать лет в Боготе потрясло „Превращение“ Кафки, а в двадцать два в Картахене — произведения Софокла». Рульфо стал одним из его главных учителей наряду с Шехерезадой, Софоклом, Мелвиллом, Кафкой, Фолкнером, Вирджинией Вулф и Карпентьером (28, 410).

— Ты приехал в Мексику, чтобы заниматься кино! — Плинио Мендоса вел мысленный диалог со своим другом. — А разве у тебя была уверенность в успехе? Никакой! Кроме нескольких близких друзей, никто не знал, кто ты такой. Каждый день в Мексику приезжают поэты, писатели, художники и актеры из других стран Латинской Америки, но так и остаются безвестными. Для них Мексика необъятная страна, закрытая, как любая из ее пирамид. Мексика и тебе бросила вызов, для тебя это была очередная битва в твоей жизни, битва против одиночества. Хватит ли у тебя сил? Уверен, что хватит, Габо! Ты был совсем юным, страдал от одиночества, холода и унижения бедностью, рядом с тобой не было ни одного близкого человека, и ты нашел для себя выход в чтении — ты запоем читал Дюма, братьев Гримм, Жюля Верна и Сальгари. Студентом юридического факультета, до предела истощенный богемной жизнью, ты шатался по барам, и однокашники считали тебя «пропащим малым», а ты нашел в себе силы бросить все, чтобы сочинять романы. С трудом зарабатывая себе на хлеб журналистикой, ночуя в домах терпимости, продолжая вести бурную ночную жизнь, ты сочинил свою первую книгу. В Париже, без работы и без денег, в постоянном ожидании конверта с чеком, ты написал свою вторую книгу. Сложные жизненные ситуации, унижающие твое достоинство, всегда толкали тебя к пишущей машинке — только так ты вновь обретал веру в себя и чувство собственного достоинства. Именно преодоление трудностей породило в тебе гуманное начало, великодушие настоящего мужчины, чувство солидарности с другими людьми. Ты на собственном опыте знаешь, что такое правда жизни, и потому у тебя есть верные друзья, и потому ты пишешь хорошие книги.

В комнату вошла жена Плинио. Он стоял у окна, но, занятый своими мыслями, не обернулся. Она не стала ему мешать и тихо притворила за собой дверь

— Первое, что я сделал, когда женился, — купил в кредит билеты на самолет и прилетел к тебе, Габо, чтобы познакомить с женой, но ты повел себя как «сухарь». На ней было пальто с чужого плеча, а ты принял ее за буржуазную девицу, за красивую бездельницу. Из тех, что в Барранкилье проводили вечера и ночи напролет в Кантри-клубе в ожидании жениха, еще более богатого,

чем они сами. Ты не принял ее. А моя любимая Марвель… Она не сказала мне ни слова, но я почувствовал, Габо, что и она тоже в тебе ошиблась. Она приняла тебя за яркого представителя племени, хорошо известного ей по Барранкилье, — закоренелого «мачиста»[38] беспробудного выпивоху, сквернослова, приятеля шлюх, который держит свою вечно беременную жену за домработницу, а сам не вылезает из баров вроде «Пещеры». Габо, ты пишешь мне подробные, длинные письма, но ты отдаляешься от меня. Или я ошибаюсь?

Зазвонивший телефон прервал размышления Плинио.

В тот период главным стремлением Гарсия Маркеса было стать сценаристом, и не простым, а знаменитым; одновременно он усиленно искал какое-нибудь крупное латиноамериканское издательство, которое увидело бы смысл в публикации его сочинений. Тогда же писатель решил, что признание массового читателя скорее может прийти к нему через детскую литературу. Он написал серию коротких рассказов для детей, объединил их в книгу под названием «Море исчезающих времен» и отправил рукопись Плинио Мендосе. Однако Плинио рассказы не понравились: он не слишком любил фантастику и, кроме того, считал, что кафкианская манера — это не совсем то, что нужно детской аудитории. Гарсия Маркес согласился с его мнением и больше никогда не писал для детей.

Годы спустя Варгас Льоса назовет рассказ «Море исчезающих времен», написанный под явньш влиянием Хуана Рульфо, зародышем «Ста лет одиночества». Однако Дассо Сальдивар полагает, что связующим звеном между романами «Недобрый час» и «Сто лет одиночества» является цикл рассказов «Похороны Великой Мамы» и что роман «Палая листва», а также рассказы «День после субботы», «Сиеста во вторник» и другие «еще не достигли того психологического и философского уровня, который присущ стилю писателя в его произведениях на тему Макондо» (28, 411).

В январе 1962 года стало известно, что Академия языкознания Колумбиц, которая проводила конкурс, организованный компанией «Эссо», присудила первую премию произведению без названия. Это был роман Гарсия Маркеса «Четырнадцать дней недели», но он отказался от этого названия и, когда устроители конкурса сделали автору запрос, ответил, что хочет назвать роман «Это дерьмовое село». Это привело в замешательство как руководителей «Эссо», так и Академию языкознания. В конце концов писатель назвал роман «Недобрый час» — так один из героев рассказа «У нас в городке воров нет» называет описываемое там время.

Премию в три тысячи долларов и диплом, по поручению

писателя, получал его друг Герман Варгас, который тут же отправил автору деньги, а диплом вставил в рамку и повесил на стене бара «Пещера», гнезде matadores de gallo в Барранкилье.

— Так как ты решил распорядиться премией? — спросила Мерседес мужа. Она ждала второго ребенка. — Сразу такие деньги!

— Заживем вовсю! Впервые за мою долгую писательскую жизнь я не буду ни в чем нуждаться.

— Такие деньги — и все уйдут на жизнь? — испуганно спросила Мерседес.

— Да нет, девочка, что ты! Во-первых, ты теперь можешь рожать в лучшей больнице. Во-вторых, я куплю себе машину. Это сэкономит уйму времени. В-третьих, куплю Мутису по полдюжине рубашек и пижам. У него сейчас плохо идут дела. В-четвертых, мы подумаем о том, чтобы снять дом, где ты будешь чувствовать себя хозяйкой, а дети смогут играть в саду.

16 апреля 1962 года у четы Маркесов родился второй сын, Гонсало. Первому, Родриго, было два года и восемь месяцев. Рубашки и пижамы для Мутиса Гарсия Маркес купил, приобрел и подержанный «опель», но на покупку дома денег не хватило. Впрочем, семья перебралась в более просторную квартиру на улице Истаксиуатель, дом 88, в районе Флорида.

В апреле случилось еще одно важное событие — в издательстве веракрусского университета тиражом в две тысячи экземпляров вышел в свет сборник рассказов «Похороны Великой Мамы».

Радость, однако, была недолгой. Книгу не покупали — ни в Эксалапе, ни в Веракрусе, ни в Мехико. А из Медельина еще не пришла посылка с экземплярами повести «Полковнику никто не пишет». 20 марта Гарсия Маркес пишет Агирре письмо, в котором сообщает: «Здесь, разумеется, большой продажи не будет, зато критика будет сногсшибательной. Мои друзья, которым все время нужны свежие темы для газет и журналов, с нетерпением ожидают экземпляры „Полковника“, чтобы начать строчить. Я пока их сдерживаю, чтобы скоординировать критику и продажу книги, а это можно сделать только при наличии здесь необходимого количества экземпляров».

Положительные отзывы были напечатаны во многих журналах и газетах Мексики, Колумбии, Уругвая и Аргентины, тем не менее книги не раскупались. Агирре — спустя два года после выхода в свет повести «Полковнику никто не пишет» — продавал книгу на вес, как макулатуру.

И все равно выход книги в свет радовал Гарсия Маркеса, тем более что «делать кино» ему пока не удавалось, несмотря на то что его друзьями были люди, близкие к киноискусству. Он не сидел сложа руки, бывал на съемках фильмов своих друзей, заводил знакомства на студиях, вовсю общался с людьми кино, но ситуация не менялась.

— Луис, ведь скорее, чем Альваро, можешь помочь мне ты. И ты хорошо знаешь, на что я способен. — Габриель старался быть как можно более убедительным. Он почти умолял.

Они были в офисе антрепренера Луиса Висенса, колумбийца, который за три года жизни в Мексике сумел «оседлать» кино, открыл бюро по найму актеров и основал журнал «Новое кино». Ему удалось войти в группу молодых мексиканских кинематографистов и внести свою лепту в развитие нового кино фильмами «На пустом балконе», «Секретная формула» и «В нашем городке воров нет», последний — по мотивам рассказа Гарсия Маркеса.

— Я пробовал, Габо. Неужели ты думаешь, я не пытался? Но продюсеры боятся твоего колумбийского языка.

— Вообще, если бы ты был американцем из Голливуда — нет проблем! — Альваро добавил себе в стакан рома.

— Но если бы мне хоть один фильм дали поставить, карахо! Все увидели бы, на что я способен.

— Вот как раз это и не получается. В Мексике навалом своих сценаристов и режиссеров.

— Все равно я буду пытаться! Кино лучше, чем проза.

— Как сказать. Фильм с экрана сошел, и о тебе забыли. А книга в библиотеке остается навечно! — Мутис выпил за здоровье друзей.

— Зато платят больше! Скажешь, нет? Карлос Фуэнтес обещал мне помочь, он скоро возвращается из Франции. Он мне посоветовал самому написать сценарий.

— Это мысль! Тогда я, может быть, смогу тебе помочь, — сказал Висенс.

В декабре 1962 года, благодаря усилиям литагента Кармен Балсельс, в Испании вышло в свет первое издание романа «Недобрый час». Редакторы мадридского издательства «Тальерес де Графика Луис Перес» настолько «причесали» роман — убрали все местные выражения, вульгаризмы и эсхатологические сентенции, — что Гарсия Маркес открытым письмом, опубликованным в январе в боготинской газете «Эспектадор», выразил протест издательству и запретил продавать книгу. В

отношении продажи его, конечно, не послушались, хотя книгу и так мало кто покупал.

В апреле 1966 года роман «Недобрый час» вышел в Мехико в издательстве «Эра». В «Примечании к первому изданию» Гарсия Маркес писал: «Когда в 1962 году роман „Недобрый час“ вышел в свет впервые, корректор позволил себе смелость изменить некоторые термины и „причесать“ стиль во имя сохранения чистоты языка. На этот раз автор оставляет за собой право восстановить все идиомы и вульгаризмы; такова его воля. Таким образом, это и есть первое издание романа „Недобрый час“».

Бесспорно, роман «Недобрый час», наравне с повестью «Полковнику никто не пишет», следует считать одним из наиболее совершенных произведений Гарсия Маркеса.

— Привет, Габо. Карахо, парень, ты все-таки решил уйти из журналов! Владелец рвет и мечет. Он готов прибавить тебе зарплату. — Мутис говорил по телефону.

— Я сыт по горло его дешевкой. Меня от нее тошнит.

— А на что ты будешь жить? Кто-то заказал сценарий?

— Пока нет! Мне надо больше бывать на студиях, общаться с киношниками, стать среди них своим. А работать буду в рекламном агентстве «Вальтер Томпсон», помнишь, ты сам меня знакомил. Деньги такие же, а то и больше, но на работу ходить не надо. Ночами буду выдумывать для них всякую белиберду, а днем буду пробивать стену кинобизнеса.

— Ты уже был в конторе «Томпсона»?

— Согласовал контракт. Сегодня подписываю. А бабские журналы — ну их к черту!

Гарсия Маркес действительно ночами работал на рекламную контору, однако скоро выяснилось, что ее хозяин, мексиканец Алаторре, попросту мелкий жулик и прохвост. Он месяцами задерживал сотрудникам зарплату, получая по их деньгам высокие проценты на фондовой бирже. Когда он задолжал зарплату за три месяца, Гарсия Маркес стал разыскивать его по всему городу. Наконец ему повезло и он нашел Алаторре, который сказал, что готов уплатить долг, и предложил своему сотруднику пойти вместе с ним в сауну, где и вручил ему чек. Только оставшись один, Гарсия Маркес уже в машине обнаружил, что от влажного воздуха буквы и цифры совершенно расплылись и что ни один банк такой чек к оплате не примет.

И вот наконец удача! В сентябре 1963 года мексиканский продюсер Мануэль Барбачано Понсе предложил Гарсия Маркесу, который не раз говорил о своем восхищении творчеством Хуана

Рульфо, написать сценарий по рассказу Рульфо «Золотой петух».

Дверь в «царство седьмой музы» приоткрылась. Писатель получил заказ, о котором мечтал еще во время пребывания в Риме.

В эти же дни в издательстве «Эра», который владели испанские друзья Гарсия Маркеса, вышло в свет второе издание повести «Полковнику никто не пишет». Хотя тираж был всего тысяча экземпляров, мексиканский читатель получил возможность познакомиться с творчеством колумбийского писателя.

— Альваро, поздравь меня, карахо! Барбачано заключает со мной контракт! И не какая-нибудь там любовная историйка. «Золотой петух» Рульфо, — восторженно говорил Габриель.

— Тебе, куате, действительно очень повезло. — Альваро обнял друга, похлопал его по спине. — Твое призвание — говорить о человеческих судьбах, о страдании и боли. Кроме всего прочего, Барбачано — добрый и порядочный человек.

— Тебя послушать — можно подумать, остальные мои друзья — сплошь злые и непорядочные!

— Да не в этом дело! Но чтоб ты знал: все пятнадцать месяцев, которые я просидел в «Лекумберри», Барбачано выплачивал мне зарплату.

— Такого не бывает! О таких людях, карахо, надо писать, а то все какое-то дерьмо попадается. Кроме тебя и всех моих друзей, разумеется.

— Именно с помощью Барбачано Луис Бунюэль создал одну из лучших своих картин. Мануэль — один из основателей нового кино Мексики, которое не зависит ни от правительства, ни от Голливуда. Он не раз мне говорил, что нет хороших, достойных сценариев и что надо обратиться к литературе.

— С Хуаном Рульфо он не ошибся.

— А теперь, старик, я тебе открою секрет. — Альваро улыбнулся. — Барбачано поначалу сомневался в тебе. Но он убежден, что в Мексике нет другого хорошего писателя, который бы так понимал и любил Рульфо, как он сам. Он вспомнил, что ты не раз выступал с речами по этому поводу, и теперь дает тебе шанс.

Первый свой сценарий, по уже готовому тексту, Гарсия Маркес сочинял три месяца. Барбачано сценарий понравился, однако он справедливо отметил, что диалоги получились слишком колумбийские.

В это время в Мехико вернулся Карлос Фуэнтес, и Барбачано поручил ему переписать диалоги. С первой личной встречи — до

этого они были знакомы только по переписке — между Гарсия Маркесом и Карлосом Фуэнтесом возникла дружба, которая окрепла за время совместной работы над сценарием «Золотого петуха» и принесла большую пользу обоим, прежде всего Гарсия Маркесу.

Узнав Гарсия Маркеса поближе, Карлос Фуэнтес отчитал его за унылый вид, за его робость, за комплекс «лишнего человека». Однако именно Фуэнтес в январе следующего года опубликовал в культурном обозрении еженедельника «Сьемпре!» хвалебную рецензию на повесть «Полковнику никто не пишет».

Снимать кинофильм было поручено известному режиссеру Рикардо Гавальдону. «Золотой петух» вышел на экран в декабре 1964 года и… не имел успеха. «Гавальдон был коммерческим режиссером старой школы, со множеством дурных привычек, лишенным всякого воображения. Как вспоминает Гарсия Маркес, он устроил авторам сценария невыносимую жизнь, заставляя их ходить по кругу и с упорством Пенелопы переделывать сценарий по семь раз на неделе (как потом в романе „Сто лет одиночества“ полковник Аурелиано Буэндия по многу раз выплавлял золотых рыбок). Дело дошло до того, что в один прекрасный день авторы заявили Барбачано Понсе, что прекращают работу с Гавальдоном, оставляют ему сценарий и пусть он делает с ним все, что ему заблагорассудится» (28, 424).

В середине 1964 года Гарсия Маркес снова работал вместе с Карлосом Фуэнтесом над сценарием по повести Хуана Рульфо «Педро Парамо». И снова фильм, снятый на этот раз испанским режиссером Карлосом Велой, не получился. Уже в день премьеры было ясно, что публика на этот фильм не пойдет.

Поначалу Барбачано заказал сценарий Карлосу Фуэнтесу. Затем сценарий «пошел по рукам», и каждый из девяти авторов менял в нем все, что хотел. После чего сценарий оказался на столе Гарсия Маркеса. Он пришел в настоящее негодование, ибо от романа «Педро Парамо» в тексте уже ничего не оставалось. Вдвоем с Фуэнтесом они сделали все, что могли, однако фильм все равно не получился.

— Мануэль, я написал сценарий строго по роману Рульфо. Тебе он показался не коммерческим. Давай говорить прямо! Ты считаешь, что зрителю не интересно смотреть на провинциальную жизнь как она есть. — Фуэнтес говорил на повышенных тонах. В тот день они с Гарсия Маркесом сдавали последний вариант сценария «Педро Парамо». — И мою работу стали уродовать все кому не лень.

— Я плачу, я и заказываю музыку, Карлос. — Барбачано

поднялся с кресла и вышел из-за стола.

— На моем сценарии стали плясать Хоми Гарсия Аскот, Альваро Мутис, еще кто-то и даже журналисты Фернандо Бенитес, Хосе де ла Колина, Гастон Гарсия Канту. Слава Богу, нашелся человек, который вернул сценарий к тексту Рульфо и ко мне. — Фуэнтес положил руку на плечо Гарсия Маркеса.

— Теперь эта штука в порядке! — заявил Габриель. — Все будет зависеть от режиссера.

— Дорогие мои, все дело в том, что публика, которая смотрит фильмы, не читает книг. А та, которая читает, не смотрит фильмы, особенно телесериалы.

— С другой стороны, зритель за последние десятилетия несколько повысил свой уровень культуры и стал требовательнее к режиссерам, — заключил Гарсия Маркес.

— Да брось ты! Публика все так же жаждет «хлеба и зрелищ»! — заявил Фуэнтес. — И с каждым десятилетием в кино все больше людей от коммерции, а не от культуры.

— Ну вот что, друзья, я люблю вас обоих и на этот раз не глядя вручаю сценарий Карлосу Беле, каким вы мне его принесли, — примирительно сказал Барбачано. — Не хотите ли по рюмочке текилы? Я дешевую не пью.

Сомнений нет, что год тщательной работы над сценариями по произведениям Хуана Рульфо пошел на пользу Гарсия Маркесу; глубокое проникновение в тайны мастерства этого большого художника сыграло свою роль в появлении на свет романа-эпопеи «Сто лет одиночества».

В сентябре 1963 года (этот месяц был весьма плодотворным) Гарсия Маркес убедил своего друга, импресарио и режиссера Альберто Исаака, снять по его рассказу «У нас в городке воров нет» экспериментальный фильм. Сценарий написал сам Гарсия Маркес, адаптировали его Альберто Исаак и Эмилио Гарсия Рьера, тоже друг Гарсия Маркеса. И снимались в картине тоже сплошь друзья писателя: в роли дона Убальдо — Луис Висенс, в роли священника — Луис Бунюэль, в роли игрока в домино — Хуан Рульфо, в роли игрока в бильярд — Хосе Луис Куэвас (ныне известный художник), в роли другого игрока в домино — Карлос Монсиваес (ныне известный писатель), в роли билетера кинотеатра — сам Габриель Гарсия Маркес, в роли специалиста по бильярду — Эмилио Гарсия Рьера, в других ролях — молодой Артуро Рипштейн (сегодня ведущий режиссер страны) и Элеонора Каррингтон, впоследствии известная художница.

Фильм, премьера которого состоялась 9 сентября 1964 года, имел успех. На Первом конкурсе экспериментальных фильмов

картина получила две премии: за работу кинооператора и адаптацию.

Летом 1964 года Гарсия Маркесу, снова при содействии Альваро Мутиса, удалось продать права на фильм по повести «Полковнику никто не пишет». Однако съемки фильма не состоялись — не нашлось «кассового» актера на главную роль.

Тогда, в конце того оке года, Гарсия Маркес решил написать собственный сценарий, который назвал «Время умирать». Компания «Аламеда Фильме» купила сценарий и пригласила молодого режиссера Артуро Рипштейна снять фильм под названием «Чарро». То, что сделал со сценарием Рипштейн, окончательно рассеяло иллюзии Гарсия Маркеса в отношении кинематографа и положило конец его работе в кино. Писатель вновь обратился к прозе и «заболел» идеей создания нового романа.

Отец Артуро Рипштейна, владелец «Аламеда Фильме», вынудил сына (ради коммерческого успеха) сделать вестерн, и Гарсия Маркес понял, что настоящая литература и коммерческое кино, воспитанное на худших традициях Голливуда, несовместимы.

До этого Гарсия Маркес, вместе с известным сценаристом Луисом Алькорисой, работал на окладе у крупного киноимпресарио. Ничего из того, что они сделали почти за год, не вышло на экран.

Это тоже повлияло на решение вернуться в литературу. «Итак, стало ясно, что кино не является для писателя „лучшим средством выражения“ его внутреннего мира, который с детства формировался в сознании, и что вряд ли средствами кино он сможет рассказать о том, как дед водил его в цирк и в кинематограф смотреть фильмы с участием Тома Микса[39], а бабушка, с наступлением сумерек, рассказывала истории о призраках, населявших огромный дом в Аракатаке» (28, 427).

— *Я* не знаю, как ты можешь все это выносить. Я сыт по горло. При одном упоминании о кино меня трясет! — говорил Фуэнтес.

Они лежали на траве у бассейна во дворе большого дома Фуэнтеса на Серрада де Галеано, в престижном районе Сан-Анхеле-Инн.

— Коньо, вот возьму и уеду в Колумбию. Я тоже больше не могу работать сценаристом! Это унизительно! Одни невежды вокруг!

— С другой стороны, Габо, кино нас обеспечивает, а значит, создает нам условия для написания романов. Не забывай, ты обязан сочинить свой звездный роман. Кроме того, благодаря кино у тебя теперь шикарный дом в Сан-Анхеле-Инне.

— Просто я, как дурак, полагал, что именно кинематограф

поможет мне выразить то, что я хочу сказать.

— Все дело в отсутствии вкуса у кинодельцов. Они видят в нем не искусство, а только средство обогащения. Вторая причина — это то, что каждый режиссер почему-то считает себя писателем, хотя на самом деле он должен не выдумывать, а лишь воплощать то, что написано в сценарии.

— Знаешь, Карлос, по-моему, я уже созрел для того, чтобы начать мой звездный роман.

— А зачем ты плел Альваро, что пуст, как бутылка из-под виски, что тебе больше нечего сказать?

— Мне было плохо! А потом я сообразил, что хоть бутылка и пуста, но виски-то во мне. У меня полно идей и, кроме того, может пригодиться многое из романа «Дом». Сам по себе он не состоялся, зато послужил мне, как самая полная бутылка лучшего виски. «Палая листва», «Полковнику никто не пишет», «Недобрый час» и «Похороны Великой Мамы» — все это из него!

— Твой Альваро — настоящий друг. Когда он мне рассказывал о том, что ты ему плел, он говорил, что не верит ни одному твоему слову. А ты знаешь, он тут на днях читал мне свои последние стихи. Он — мировой поэт. Мне понравилось.

— Он и прозу неплохую пишет. Пойдем, Карлос, купаться, а то сгорим.

Здесь уместно вспомнить, что много лет спустя Гарсия Маркес утверждал в одном из своих интервью, что первый вариант «Осени патриарха» объемом в триста страниц уже был готов в Мексике, где он прервал работу над этим текстом, потому что принялся за сочинение романа «Сто лет одиночества».

«Знаю, что ты уже много времени работал над „Осенью патриарха“, — читаем мы у Плинио Мендосы в его „Аромате гуайябы“, — но прервал работу над ним, чтобы взяться за „Сто лет одиночества“. Почему ты это сделал? Редко бывает, чтобы писатель прерывал работу над одной книгой ради другой».

«— Я прервал работу над „Осенью патриарха“ потому, что сам как следует не знал, каким он должен быть, и по этой причине мне никак не удавалось погрузиться в работу. А роман „Сто лет одиночества“ был задуман давно, и я не раз уже приступал к нему, но все никак не мог найти нужную тональность, и вдруг верная мелодия зазвучала сама собой».

Альваро Мутис в своих выступлениях и интервью категорически отвергал такую возможность. «Когда ему было написать триста страниц? В Мексике Гарсия Маркесу было не так-

то легко, — говорил Мутис. — Он работал в журналах, в двух рекламных издательствах, „Вальтер Томпсон“ и „Причард энд Вуд“, и „пахал“ на киномагната — писал для него сценарии. Кроме того, он сочиняя собственные сценарии, вел открытый образ жизни, много общался с интеллектуальной элитой Мехико. Триста страниц — это не тридцать. И потом, мы были с ним тогда очень близки — Габо просто не мог не сказать мне об этой работе. Мы делились всеми своими планами, я знал обо всем, чем он дышит. И еще одно. Габо был в курсе, что я собирался писать роман о Боливаре и что у меня собрано очень много материала. Разве он не забрал бы его раньше? Но Габо взял его у меня в последний день своего пребывания в Мексике, перед отлетом в Каракас, Лиму и Боготу. За неделю до отлета он сказал мне, что собирается в старой Европе начать новый роман о латиноамериканском диктаторе».

— Привет, Плинио! Это Габо!

— Как ты там, че? Как Мерседес? Как мои крестники?

— Не знаю.

— Ты что, не в Мексике?

— Я в твоем доме, пендехо! Пью виски с твоей женой. Кончай работу и тащи сюда Варгаса, Сепеду Самудио и Фуэнмайора, если они живы. Я вас жду!

Когда через час друзья собрались в доме Мендосы в Барранкилье и Габо выставил бутылку текилы, пошел душевный разговор. Марвель, жена Плинио, приготовила закуску.

— Это не какие-нибудь помои! Текила «Дон Хулио» — это высший сорт, — заверил Габриель. — Друзья, поздравьте! Я послал кино куда подальше, после чего сказал себе: «У кого нет головы, зачем ему шляпа?» И послал туда же и рекламные компании. И прилетел в Барранкилью собрать кое-какой материал. Пишу нечто невиданное! Не похожее на все, что уже написал. Чувствую, что оседлал Пегаса! Или я произведу сенсацию этим романом, или моя голова слетит с плеч!

Все выпили за успех новой книги.

ГЛАВА VII
Слава. «Осень патриарха» и «Невероятная и грустная история о простодушной Эрендире и ее жестокосердной бабке» (1967–1971)

В тот день, 1 августа 1967 года, когда Гарсия Маркес и Варгас Льоса впервые встретились в аэропорту Каракаса «Майкетия», поговорить как следует им не удалось. Их узнали, и толпа окружила их плотным кольцом. Каждый хотел получить автограф, протягивая у кого что нашлось подходящего, вплоть до авиабилета, который подсунула Габриелю какая-то красивая девушка.

Потребовалось вмешательство официальных лиц, встречавших обоих писателей, чтобы отделаться от поклонников и назойливых репортеров.

— Послушай, Габо, я только что был у Ромуло Гальегоса. Ходил его поприветствовать. Хотел представить тебя, но старик очень устал за день. Собирается познакомиться с тобой завтра, просто горит желанием, — сообщил Марио, входя в номер Гарсия Маркеса.

— Завтра так завтра, — равнодушно откликнулся Габриель.

— Занятный старик! Сказал, что мы с тобой совсем разные, а судьбы у нас одинаковые.

— Интересно в чем?

— Он считает, что у нас с тобой не только одинаковый писательский масштаб, но и жизнь очень похожа. Мы оба воспитывались дедами по материнской линии, и оба были избалованными детьми.

— Что еще? — Габриель заинтересовался.

— Что детство в раю закончилось, когда каждому из нас было десять лет. Оба поздно узнали своих родителей, и у обоих отцы пытались воспротивиться нашей склонности писать.

— Ты учился в религиозной школе?

— Да. И я, как и ты, получал диплом бакалавра в госинтернате.

— И тебя тоже спасала от одиночества только литература и

помогала утверждать чувство собственного достоинства в чужой, а иногда и враждебной среде? — с улыбкой спросил Габриель.

— Точно так! А ты в юности наверняка писал стихи, как и я. Гальегос еще отметил, что оба мы напечатали наши первые рассказы, когда нам было по двадцать лет.

— И ты читал запоем Дюма, Рабле, Достоевского, Рубена Дарио, Фолкнера, Вирджинию Вулф, Борхеса и Неруду?

— И еще русских — Льва Толстого, Чехова, Горького. Средства на жизнь мы оба начали добывать журналистикой.

— Точно! Насколько я знаю, мы оба в молодости побывали в Париже. Обоих тянула туда страсть к литературе. И хотя разница между нами — девять лет, ты останавливался в том же отеле мадам Лакруа.

— И обоим издательства Буэнос-Айреса отказали в издании первых романов.

— И у обоих один и тот же литературный агент — наша спасительница Кармен Балсельс. Давай за это выпьем! — предложил Габриель.

— И за то, что мы оба первые лауреаты премии Ромуло Гальегоса. Сначала я, потом — ты. Я не сомневаюсь, что следующая премия — твоя!

— А есть ли различия между нами?

— Есть! Ты влюблен в Фиделя Кастро, в его революцию, а я его презираю. Хитрый диктатор, который испохабит идею построения социализма в странах Латинской Америки.

Габриель промолчал, но они все равно выпили.

Следующий день начался с того, что в вестибюле отеля и даже за завтраком Гарсия Маркеса атаковали любители автографов и журналисты. Писателю становилось не по себе.

Вечером 4 августа Варгас Льоса, после вручения ему премии Ромуло Гальегоса, произнес в актовом зале Музея изящных искусств ответную речь. Он говорил о сложных условиях жизни в странах Латинской Америки, о трудностях, с которыми сталкиваются писатели при издании своих произведений, о том, как он пишет свои романы. О том, что «литература — это огонь», поскольку она всегда означает «нонконформизм и мятеж», и что «смысл существования писателя — это критическое осмысление действительности и протест» (37). Когда Варгас Льоса стал резко критиковать Фиделя Кастро, публика в зале и члены президиума замерли, а Гарсия Маркес нервно заерзал.

Колумбийский писатель, несмотря на полный разрыв отношений с агентством Пренса Латина, к Фиделю Кастро всегда относился с уважением. Однако последние семь лет Гарсия Маркес

хранил молчание не делал никаких заявлений по поводу кубинской революции — ни за нее, ни против. Это молчание объясняется тем, что Фидель Кастро, как он ясно видел, потворствует усилению влияния СССР на кубинскую революцию, чтобы не допустить влияния США.

11 августа, в день закрытия Восьмого Конгресса ибероамериканской литературы, в клубе «Атенео» последнее слово было предоставлено Гарсия Маркесу, который целые сутки до этого нервничал, поскольку не знал, о чем говорить, и вообще, так же как Хемингуэй, терпеть не мог выступать на публике. Он сидел в президиуме и не переставая курил, держа сигарету влажными от пота пальцами. Ему как высокому гостю это разрешалось. Уже на пути к трибуне он решил не произносить официальных речей. Он просто рассказал одну из множества историй, которые хранил в памяти. Начал он неуверенно, с трудом подбирая слова, но постепенно увлекся и в результате заслужил бурные аплодисменты. Годы спустя эта история легла в основу его сценария, по которому был снят фильм «Предзнаменование».

«Мы сидели рядом, — пишет Марио Варгас Льоса, — и, пока он не вышел к трибуне, я чувствовал, как мне передается его отчаянный страх: он был мертвенно-бледен, у него вспотели ладони, он был окутан клубами дыма, как летучая мышь. Он начинает говорить и первые секунды едва ворочает языком, вызывая недоумение присутствующих, однако вскоре рассказывает какую-то необыкновенно увлекательную историю и срывает бурные аплодисменты».

Это выступление было опубликовано в журнале «Имахенес» (1967. № 6) в Каракасе.

В том же сочинении Варгаса Льосы мы читаем: «У него есть одна характерная черта, которая особенно меня восхищает: все превращать в анекдот. Из него бьет через край поток бесчисленных историй или эпизодов из жизни, которые он вспоминает или сочиняет на ходу с впечатляющей легкостью. Будь то размышления о политике или литературе, суждения о людях, предметах или странах или о собственных планах и стремлениях — у него все выглядит как анекдот» (34, 81).

Конечно, Габриель Гарсия Маркес был самым талантливым из matadores de gallo. Мы помним, что значит это слово — шутники, балагуры, острословы, болтуны. И то выступление есть не что иное, как яркое выражение этого качества. Сюда же следует отнести и некоторые заявления, сделанные для прессы. Например, что его романы пишет жена, а он только подписывает, поскольку Мерседес знает, что они плохие и не хочет нести ответственность. Или когда в одной телепередаче его спросили,

является ли Ромуло Гальегос, по мнению Гарсия Маркеса, большим писателем, будущий лауреат Нобелевской премии ответил: «В романе „Канайма“ есть описание одного петуха, по-моему, оно удачно».

Однажды в Каракасе писатель пришел на ужин, устроенный в его честь старыми друзьями, с большим картонным плакатом, на котором он сам сделал надпись: «Запрещается говорить о романе „Сто лет одиночества“».

— Я только что дал интервью какому-то телеканалу. Габо, я назвал тебя Амадисом[40] Америки. И так оно и есть! — радостно заявил Варгас Льоса, стоя на пороге гостиничного номера Гарсия Маркеса. — Пошли ужинать?

— В следующем моем интервью, Марио, я назову тебя «последним странствующим идальго от литературы». И так оно и есть! Я вспоминаю поездку в Советский Союз. — Габриель отложил в сторону газету «Насьональ», где только что читал статью об СССР. — Во время фестиваля я на улице познакомился с неким Мишей Коганом. Он кое-как говорил по-английски. Подарил мне вечное перо «Союз». Через пару дней наш переводчик рассказал мне, что этот Коган был миллионером.

— Где? В США?

— Нет, в Советском Союзе. В последний год жизни Сталина его посадили на десять лет. Самый большой срок, дальше — расстрел. Он вышел из тюрьмы по амнистии в связи со смертью Сталина. Этот самый Коган работал на часовом заводе. Он выносил оттуда запасные части, а в доме одного приятеля они собирали часы. Когда его арестовали, там нашли два миллиона рублей, а зарабатывал он на фабрике двести в месяц.

— Да, мне рассказывали, что там не рай, как все ожидали. Так просто ничего не купишь. Огромные очереди. Но, говорят, если куда-то позвонить, то с доплатой можно получить все, что надо.

— Марио, ты веришь, что есть люди, которые видят за сотни километров? Если тебя ограбили, они смогут сказать, где твои вещи?

— Я, Габо, верю в то, что мы с тобой слетаем в Каракас, а потом напишем книгу в четыре руки.

— В Каракас полетим, но вначале слетаем на несколько дней в Боготу. Там тоже есть на кого посмотреть и кому себя показать.

— Согласен! А сейчас пошли ужинать.

В Боготе их принимали с еще большей помпой, как национальных героев. Было еще труднее отделываться от

поклонниц, поклонников, журналистов и фотокорреспондентов. Организацией программы, которую Гарсия Маркес согласовал по телефону из Каракаса, ведал ведущий колумбийский литературный критик Хосе Мигель Овьедо.

Гарсия Маркес предполагал показать своему перуанскому другу столицу Колумбии. Но где там! Пресс-конференция в отеле, торжественный круглый стол в крупнейшей газете страны «Тьемпо», в работе которого приняли участие Эдуардо Саламея Борда, Хорхе Саламеа, критик Хосе Мигель Овьедо, писатель Анхель Рамос и прилетевшие из Барранкильи Альваро Сепеда Самудио и Альфонсо Фуэнмайор, а вечером банкет. Во второй день продолжительное чествование в журнале «Летрас Насьоналес», роскошный обед и прием у министра образования. На третий день встреча со студентами госуниверситета, а днем с читателями в книжном магазине «Либрерия Контемпоранеа», где каждый из писателей подписал не менее пятидесяти книг, а вечером полуконспиративная встреча с молодыми коммунистами Колумбии.

15 августа Варгас Льоса улетал в Лиму совершенно измотанный, но очень довольный. Гарсия Маркес же, прежде чем лететь в Лиму, отправился в Барранкилью повидать родителей, Плинио Мендосу и остальных tamadores de gallo из «Пещеры».

В нелюбимой им Боготе Гарсия Маркес особенно остро почувствовал, что слава требует жертв: она забирает все силы и время и держит в постоянном напряжении. Он перестал принадлежать самому себе.

— Под тяжестью короны клонится голова, Габо. Как ты теперь будешь писать? — спросил Плинио, когда они остались наедине.

— Еще лучше! Однако, коньо, мне все это не по душе!

— Возможно, Мерседес окажет тебе во всем этом неоценимую помощь. Когда ты привез ее в Каракас, я назвал ее «Сфинксом». За три дня она не сказала мне ни слова. Однако в ней есть мудрость, присущая женщинам Карибского побережья. Они любят порядок во всем, не то что мы, мужики, которые расходуют себя на что попало. Она и дальше будет стержнем твоей жизни! Будет оберегать тебя, беззащитного, рожденного под знаком Рыб.

— Надеюсь!

— Так ты действительно хочешь укрыться в Барселоне, чтобы там заняться «Осенью патриарха»? Но это уже будет не Макондо.

— И да, и нет! Бальзак, Конрад, Мелвилл, Кафка и, конечно же, Фолкнер практически всю жизнь писали одну и ту же книгу, хотя и издавали ее под разными названиями. Однако их часто помнят лишь по названию какого-то одного произведения. В

Латинской Америке Ромуло Гальегоса знают по «Донье Барбаре», которая не является лучшим из того, что он написал. Астуриаса — по «Сеньору президенту», а ведь это никудышный роман, куда хуже его «Легенд Гватемалы».

— Если всякий писатель всю жизнь пишет одну и ту же книгу, то твоя книга — это о Макондо?

— Ты прекрасно знаешь, что это не так.

— Тогда о чем она?

— Об одиночестве! Центральный персонаж романа «Палая листва» живет и умирает в полном одиночестве. Оно же властвует в повести «Полковнику никто не пишет» и в романе «Недобрый час».

— И над Аурелиано Буэндия…

— То же самое будет и в «Осени патриарха».

В Лиму, по официальному приглашению Национального инженерного университета, Гарсия Маркес прилетел 2 сентября 1967 года. Он еще в Боготе просил Варгаса Льосу не устраивать парада.

Неделя началась с крестин второго сына перуанского писателя. Гарсия Маркес стал крестным отцом мальчика, которому дали имя Габриель Родриго Гонсало. Это было самое яркое выражение признательности и дружеского расположения к Варгасу Льосе. А 5 *и 7 сентября неделя закончилась открытым диалогом между двумя наиболее популярными писателями Латинской Америки, которыми в то время были Марио Варгас Льоса и Габриель Гарсия Маркес. Диалог был посвящен латиноамериканскому роману и состоялся в большом актовом зале архитектурного факультета Национального инженерного университета, где собралось огромное количество студентов и вся литературная Лима. Много говорилось о творчестве Гарсия Маркеса.*

Диалог приводится в сокращенном виде.

ВАРГАС ЛЬОСА: Писателям иногда приходит на ум такое, что не приходит в голову никому — ни инженерам, ни архитекторам. Люди часто спрашивают: чему служит литература? …Что ты думаешь по этому поводу? Чему ты служишь как писатель?

ГАРСИЯ МАРКЕС: Мне кажется, я стал писателем, когда понял, что не пригоден ни к чему другому. У моего отца была аптека, и он, естественно, хотел, чтобы я стал фармацевтом и продолжил его дело. У меня было совершенно иное призвание. Вообще-то я хотел стать адвокатом. В кинофильмах адвокаты всегда выигрывали процессы, даже самые безнадежные. Но уже в университете, где мне приходилось очень нелегко, я понял, что

для профессии адвоката тоже не гожусь. В то время я начал писать первые рассказы и, честно говоря, тогда не имел никакого понятия о том, чему служат писатели. Поначалу мне нравилось писать, потому что меня печатали и еще потому — я говорил об этом не раз, и это действительно так, — что, когда я печатаюсь, мои друзья любят меня еще больше. По прошествии времени, размышляя о профессии писателя и анализируя произведения других, я пришел к выводу, что литература, и прежде всего роман, выполняет определенную функцию. Сейчас — не знаю, хорошо это или плохо, — я полагаю, что эта функция является ниспровергающей, я хочу сказать, что не знаком с литературой, которая бы превозносила существующие ценности, окружающую действительность и способствовала бы созданию новых форм жизни, нового общества и в конечном счете улучшению жизни человека. Мне трудно дать исчерпывающий ответ, я плохо разбираюсь в теории и не знаю, почему так происходит. Вместе с тем я думаю, что всякий, кто пишет, обязан этим своему предназначению. Человек, обладающий призванием писателя, обязан писать, поскольку только так он перестанет страдать от головной боли и несварения желудка.

ВАРГАС ЛЬОСА: Таким образом, ты полагаешь, что задача литературы — ниспровергать. Допустим, но было бы интересно знать, может ли писатель предвидеть или рассчитать последствия такого ниспровержения. Другими словами, можно ли предвидеть последствия, которые вызовет та или иная книга?

ГАРСИЯ МАРКЕС: Нет! Я думаю, если писатель заранее предвидит последствия, то хорошей книги он не напишет. Прежде всего, однако, договоримся о терминологии: когда мы говорим «писатель и литература», мы имеем в виду новеллиста и роман, поскольку иначе можем впасть в ошибку. Я говорю только о новеллисте и романе и полагаю, что писатель находится в постоянном конфликте с обществом. Более того, мне представляется, что романы пишутся с тем и для того, чтобы писатель разрешил свой личный конфликт с обществом. Я сажусь писать книгу, когда мне хочется поведать миру какую-нибудь новую историю о чем-то, что запало мне в душу. Должен сказать, у меня есть своя идеология: я думаю, у каждого писателя она должна быть, и, если он твердо придерживается своих взглядов, если он искренен в момент сочинения книги, будь это «Красная шапочка» или история о партизанах, его идеологическая позиция непременно проявится в том, что он пишет. Я хочу сказать, она будет подпитывать сюжет, и тогда он будет содержать в себе ниспровергающую силу, о которой шла речь. Не думаю, что ее присутствие будет обдуманным, но оно неизбежно будет.

ВАРГАС ЛЬОСА: Тогда получается, что рациональный фактор, так скажем, не является преобладающим в литературном созидании. А каковы преобладающие факторы, главные критерии, определяющие качество литературного произведения?

ГАРСИЯ МАРКЕС: Единственное, что меня интересует в момент сочинения истории, — это чтобы она была интересна, волновала бы читателя и чтобы она была полностью достоверна. Я не могу выдумать ничего такого, что никак не соотносилось бы с моим летным опытом.

ВАРГАС ЛЬОСА: Не будем сейчас говорить об одиночестве, поскольку эта тема может нас далеко увести. Меня, например, очень интересует один твой подлинный семейный персонаж, о котором много пишут и которому, по твоим собственным словам, ты многим обязан. Речь идет о твоей тете?

ГАРСИЯ МАРКЕС: Нет, это мой дед…

ВАРГАС ЛЬОСА: А теперь мне хотелось бы знать, когда, в какой момент ты задумал превратить все истории, которые тебе рассказывал дед, в литературу?

ГАРСИЯ МАРКЕС: Только после того, как у меня уже было написано две или три книги, я осознал, что использую эти истории, то есть собственный опыт.

ВАРГАС ЛЬОСА: Мне кажется, в прошлый раз последний вопрос, который я тебе задал, касался состояния современного романа в Латинской Америке; мы говорили об апогее новеллистики, и не только в странах Латинской Америки, но и в Европе и Соединенных Штатах. <…> Как ты думаешь, что могло породить этот бум, почему именно сейчас наша новеллистика достигла такого расцвета?

ГАРСИЯ МАРКЕС: Я думаю, если люди кого-то читают, значит, они идентифицируют себя с автором. Видимо, мы попали в самую точку.

ВАРГАС ЛЬОСА: Продолжая говорить о современном латиноамериканском романе, следует обратить внимание и на другой фактор, достаточно курьезный: большая часть модных латиноамериканских авторов живет за границей: Кортасар вот уже двенадцать лет живет во Франции; Фуэнтес сейчас живет в Италии; ты тоже двенадцать или четырнадцать лет не был в Колумбии, и таких примеров очень много. Многие журналисты пишут об этом с озабоченностью, которую разделяет наше студенчество… Что ты думаешь об этой проблеме?

ГАРСИЯ МАРКЕС: В Колумбии многие задавали мне этот вопрос, особенно студенты университетов. Когда меня спрашивают, почему я не живу в Колумбии, я всегда отвечаю вопросом на вопрос: а кто вам сказал, что я не живу в Колумбии?

Да, я действительно уже четырнадцать лет как оставил страну, однако я продолжаю жить в Колумбии, поскольку прекрасно информирован обо всем, что там происходит; переписываюсь со многими людьми, постоянно получаю вырезки из газет и журналов и полностью в курсе всех дел. Я не знаю, есть ли какая-нибудь закономерность в том, что многие «модные» латиноамериканские новеллисты живут за пределами своих стран. В моем конкретном случае я прекрасно знаю, почему предпочитаю жить вне Колумбии. …Там писателю сложно работать. …Важно то, что, где бы я ни находился, я пишу колумбийские, латиноамериканские романы.

ВАРГАС ЛЬОСА: В прошлый раз я спрашивал тебя о проблемах, затронутых в романе «Сто лет одиночества»: насилие и жестокость, партизанская война и прочее в этом ряду, как, например, банановая лихорадка в Макондо. Плантации поначалу притягивали к себе авантюристов, а потом туда потекли иностранные капиталы, что привело к увеличению населения в тех местах.

ГАРСИЯ МАРКЕС: Значит, ты полагаешь, что эта моя книга и те, что сейчас пишутся и издаются, помогают читателю понять социальную и политическую ситуацию в Латинской Америке?

ВАРГАС ЛЬОСА: Я думаю, всякая хорошая литература непременно является прогрессивной, за исключением отдельных случаев, когда автор намеренно не желает этого. Умственный настрой Борхеса, например, является, по сути дела, глубоко консервативным, реакционным, но как автор он никакой не консерватор и не реакционер; я не нахожу в произведениях Борхеса (хотя он и подписывает абсурдные манифесты) ничего такого, что пропагандирует реакционные концепции развития общества или стагнацию, нет в них и пропаганды фашизма и империализма, которым он так восхищается.

ГАРСИЯ МАРКЕС: Да, это так, его произведения не отражают его личных убеждений.

ВАРГАС ЛЬОСА: Я считаю, что каждый большой писатель, даже если он реакционер, должен отстраниться в своих произведениях от собственных концепций, чтобы описать реальную действительность такой, какая она есть, а никакая реальная действительность не может быть реакционна.

ГАРСИЯ МАРКЕС: Да, но мы-то не уходим от наших убеждений. Например, описание банановой лихорадки в моем романе находится в полном соответствии с моими убеждениями. Я решительно на стороне рабочих. Это ясно видно. Так что, я полагаю, писатель может внести существенный политический вклад, если не будет уходить от своих убеждений и от

действительности и будет помогать читателю лучше разобраться в реальной обстановке в стране или на континенте; думаю, в этом и состоит политическая функция писателя, и уверен, что его роль в этом смысле только положительная (35).

«Диалог протекал легко, свободно, почти по-домашнему. Гарсия Маркес не только, казалось, смирился со своей ролью „звезды“, но и перестал бояться публики. Держался он раскованно, был доброжелательным и острил как никогда, на вопросы отвечал подробно, раскрывая секреты своего мастерства и свое видение мира» (28, 466).

Литературные критики много писали об этом диалоге, и все отметили, что Гарсия Маркес выразил свое восхищение и признательность известному аргентинскому писателю Луису Борхесу и заявил, что Борхес «необходим нам для проникновения в секреты языка, что является одной из серьезных проблем», а также упоминали следующее утверждение Гарсия Маркеса: «Я считаю, что ирреальность Борхеса на самом деле не является таковой; ирреальность Латинской Америки — особенная. Она представляет собой парадокс: для Латинской Америки это вещь реальная, обычная и повседневная и полностью смыкается с тем, что мы считаем реальной действительностью».

Как утверждает Дассо Сальдивар, писатель знал, что еще в 1950 году в Латинской Америке появился термин «реализм ирреального», или «ирреальность реальности».

— Ну как, ты доволен? — спросил Марио, когда они перед отлетом сидели в кафе аэропорта.

— Более чем, Марио, — весело ответил Габриель. — Спасибо тебе за все. Лима — очень интересный город. И хорошо, что ты меня провожаешь один.

В этот момент к ним подошли две девушки и попросили автограф. Но Варгас Льоса, сославшись на то, что им нужно поговорить, попросил, чтобы им не мешали. Официант встал у их столика на страже.

— А что тебе больше всего запомнилось в городе?

— Собор на Пласа де Армас, президентский дворец и дворец Кинта де Преса. Дома шестнадцатого века, с лепными порталами, патио и крытыми балконами. Такого нет ни в Колумбии, ни в Мексике, ни в Венесуэле. Послушай, за все это время я ведь ни разу не спросил тебя, над чем ты сейчас трудишься.

— Я закончил повесть «Щенки» и начал роман «Разговор в „Катедрале“». Продолжаю вскрывать цинизм и уродства нашего с тобой общества, критикую несправедливость.

— Протестуешь против дерьмового социального устройства. Это хорошо! Значит, ты против буржуазии, за социализм!

— Только не за социализм Фиделя Кастро и не за тот, что смастерили в СССР и в его странах-сателлитах. Это чудовищно — вепреться силой в чужой дом и насаждать там с помощью штыков свои порядки, абсолютно чуждые жизненному укладу, традициям и чаяниям этих народов.

— А я начал новый роман «Осень патриарха», о наших латиноамериканских диктаторах. Я тебе уже говорил.

— Значит, уходишь от своих детских воспоминаний?

— Но этот роман тоже основан на личном опыте. Я много чего выведал у старого мажордома президентского дворца в Каракасе. Я был там, когда бежал Маркос Перес Хименес, и многое узнал о предыдущем диктаторе Хуане Висенте Гомесе.

— Интересно, что это животное — выходец из бедной индейской семьи. Став диктатором, он об этом забыл и жестоко расправлялся с собственным народом.

— Порфирио Диас, мексиканский диктатор, тоже выходец из народа, — заметил Габриель и подумал, что надо бы попросить Мутиса прислать кое-какой материал.

— И Сталин!

— Да, тут есть какая-то закономерность.

Объявили посадку на рейс Лима — Мадрид, и они стали прощаться.

В самолете Гарсия Маркес увидел тех самых девушек, которые подходили к ним в кафе. Они все-таки получили автографы Гарсия Маркеса. Его любезностью воспользовались и другие пассажиры. Этим же рейсом летели два преподавателя литературы одного из мадридских университетов. Поначалу Гарсия Маркесу даже правилось, что у него есть собеседники, с которыми можно было поговорить о современной испанской литературе, однако очень скоро выяснилось, что собеседников интересуют в основном подробности его личной жизни. Уже погасили свет, и большинство пассажиров уснули, а испанцы все продолжали засыпать писателя вопросами. В конце концов он рассердился и попросил их занять свои места. Тогда один из них, тот, что помоложе, сказал: «Слава, как солнце, она сияет и дарит тепло на расстоянии, но стоит приблизиться — она холодна, как снежная вершина. Запомните, это Бальзак». А другой, шамкая вставной челюстью, произнес: «Слава, достигнутая быстро, быстро и угасает, сказал Шопенгауэр, а я говорю это вам, сеньор колумбиец».

Только когда Гарсия Маркес оказался в Барселоне, в обществе Кармен Балсельс, он вновь почувствовал себя простым парнем из

Аракатаки.

Впрочем, уже независимо от Кармен, его популярность постепенно набирала силу. Вслед за французским переводом престижное итальянское издательство «Фельтринелли» подписало с Кармен Балсельс договор на издание всех пяти книг Гарсия Маркеса.

— Кармен, перед тем как в Париже и Риме начнут издавать переводы моих книг, я бы хотел увидеть гранки, — сказал как-то за ужином Гарсия Маркес.

Балсельс удивленно посмотрела на писателя.

— Traduttore — traditore[41], — пояснил ее муж Луис Паломарес.

— Итальянцы не дураки! — усмехнулся Гарсия Маркес. — Если в Мадриде причесали мой «Недобрый час», то римские переводчики тем более упростят мой текст и мой стиль. А я этого не хочу! Не желаю!

— В договорах этого пункта нет. Надо заново оговаривать.

— Это мое условие, Кармен. Как хочешь.

— Не знаю, кто сказал, что переводы похожи на женщин: когда они верные, то некрасивые, а когда красивые, то неверные. Я думаю, Кармен, Габо прав. Он имеет право требовать. Чтобы его перевести — надо «голову сломать», и переводчики наверняка станут упрощать.

— Да зачем им ее ломать? Они сразу пойдут по линии наименьшего сопротивления. Обрежут мне…

— Не продолжай! — сказала Кармен. — Я им позвоню. Или лучше отправлю письма.

— С переводами всегда происходит одно и то же. Переводы — это пигмеи, если сравнивать их с оригиналами. Так что пусть присылают гранки. С французским я разберусь без проблем, и с итальянским тоже!

— Ну хорошо, Габо, я это сделаю! Но и ты должен меня понять. Когда я работала без тебя, это было одно. Теперь ты рядом со мной и хочешь видеть издателей. Пожалуйста! Только сними наконец свои разноцветные цыганские рубашки, постригись — вихры торчат, как у деревенщины. Завтра поедем в лучший магазин и накупим тебе костюмов и галстуков…

Пришлось согласиться.

В ноябре 1967 года американское издательство «Харпер энд Роу» заказало перевод романа «Сто лет одиночества» лучшему переводчику США.

А в течение следующих нескольких месяцев Кармен Балсельс

заключила договоры на переводы романа в Англии, Голландии, Швеции, Дании, Норвегии, Польше, Финляндии, Советском Союзе, Румынии, Венгрии, Югославии, Японии, Чехословакии, Португалии и Бразилии. Деньги сыпались как из рога изобилия.

Поначалу Гарсия Маркес не интересовался финансовой стороной дела, но вскоре выяснилось, что надо было контролировать Балсельс, так что прибавилась еще и эта работа.

Трудности с изданием романа «Сто лет одиночества» встретились лишь в Германии, где четыре самых крупных издательства не поняли книгу и отказались переводить ее на немецкий язык. Только через три года, после получения премий во Франции и Италии, Балсельс удалось уговорить немецкое издательство «Киепенхеур».

Гарсия Маркес, соединившийся с семьей в Барселоне, был надежно прикрыт своими литагентами от поклонников и собирателей автографов, однако Балсельс в целях рекламы загружала писателя множеством интервью. С осени 1967-го по Рождество 1970 года Гарсия Маркес дал более двухсот пятидесяти интервью. Правда, он так и не изжил свои прежние страхи и категорически отказывался давать интервью на радио и телевидении, однако с собратьями по перу — журналистами, писателями и критиками — встречался.

Вскоре после того как Гарсия Маркес обосновался в Барселоне, туда переехал на жительство и Варгас Льоса, который поселился неподалеку от своего колумбийского друга.

— Нет дня, чтобы мне не звонили два, а то и три издателя и столько же журналистов. — Габриель жаловался Марио. — Мерседес всем отвечает по телефону, что меня нет дома. Если это слава, то это сплошное свинство! Я притащился в Барселону, полагая, что меня здесь никто не знает, а вышло наоборот. Проблем стало еще больше.

— Габо, я тебе говорю, это все Кармен старается, — сказала Мерседес. — А ты не веришь.

— Эти посетители меня душат! Отнимают время, выбивают из колеи. Пьешь с ними, что-то им говоришь, а в результате они печатают совсем другое. Я не читаю, что они пишут. Это все мусор. И потом… — Габриель сбросил сандалии. Они сидели в саду перед домом. — …Говоришь с ними два часа, а в печати появляется страница, ну две. И читать невозможно — глупость одна.

— А Марио любит встречаться с журналистами, — сказала Кристина, жена Варгаса Льосы.

— Возможно, но писатель существует не для того, чтобы

делать заявления. Его обязанность — писать, рассказывать истории.

— Но ведь если журналисты не будут о тебе писать, читатель не станет покупать твои книги, — заметил Марио.

— Но они должны понимать, что писатель тоже имеет право на личную жизнь. Врываться в дом и что-то вынюхивать — разве это прилично? — Мерседес налила всем ароматного цейлонского чаю.

— Если кто-то хочет знать, что я думаю, — пусть читает мои книги! «Сто лет одиночества» — это триста пятьдесят страниц моих мыслей. Хватит на всех журналистов мира. Но самое противное то, что кроме журналистов меня одолевают издатели. До сих пор я не знал, что это такое.

— Ты расскажи о девушке, — подсказала Мерседес.

— Да! — Габриель рассмеялся. — Приходила тут одна красавица — издатель послал — и принесла с собой двести пятьдесят вопросов. Хотела, чтобы я на них ответил. А один издатель запросил у Мерседес мои личные письма к ней. Ну не сумасшедший?

— Нет. Толковый предприниматель.

— Я сказал девушке, что если я отвечу на двести пятьдесят вопросов и издательство напечатает мои ответы, то это будет, по сути дела, еще одна моя книга, деньги за которую получит издатель, причем деньги бешеные. Другой прислал гонца с просьбой написать предисловие к «Дневнику Че Гевары», написанному им в горах Сьерра-Маэстра. Я согласился, но сказал, что мне потребуется восемь лет, чтобы написать толковое предисловие.

— Габо нервничает, а отражается все это на мне. В такие минуты я посылаю к нему ребят. — Теперь засмеялась Мерседес.

— Я уж подумывал было… один любезный испанский издатель прислал мне письмо, в котором говорилось, что он готов предоставить в мое полное распоряжение свое имение в Пальма-де-Майорка, на Балеарских островах, на любой срок… — Габриель смолк, все ждали продолжения.

Наступили сумерки, и в кустах сирени запел соловей. В соседнем дворе послышался какой-то хлопающий звук, и птица замолкла.

— Но потом оказалось, что эту любезность он готов оказать только в том случае, если я отдам ему мой следующий роман.

— Габо потом ответил этому издателю, что тот ошибся районом и что Гарсия Маркес не проститутка, — закончила Мерседес.

— Тот случай напомнил мне другой, когда одна старуха из

Нью-Йорка прислала мне письмо, в котором расхваливала мои романы, а в конце предложила, если я захочу, прислать мне свое фото обнаженной натуры. Мерседес тут же разорвала это письмо на клочки.

Между тем в Барселоне Гарсия Маркес по-настоящему приступил к работе над романом «Осень патриарха», но вскоре, отложив рукопись, принялся за сочинение рассказов, которые затем вошли в сборник «Невероятная и грустная история о простодушной Эрендире и ее жестокосердной бабке».

Гарсия Маркес только что закончил разговор по телефону с Барранкильей, со своим другом Плинио Апулейо Мендосой. Была ночь, ему не писалось, и Габриель мысленно продолжил разговор.

— Конечно, я горжусь романом «Сто лет одиночества», но, карахо, он в корне изменил мою жизнь!

— Любопытно, но я заметил, что в интервью ты очень редко говоришь о романе «Сто лет одиночества», который критики находят непревзойденным. Ты в действительности так зол на него?

— Да, и очень. Он нарушил мою привычную жизнь. После его опубликования изменилось все!

— Почему?

— Да потому что слава искажает представление о действительности. Коньо, почти так же как власть. И представляет собой постоянную угрозу для личной жизни. К несчастью, в это никто не верит до тех пор, пока эта самая слава не обрушится на него самого.

— Возможно, успех, который тебе принес роман «Сто лет…», кажется тебе несправедливым по отношению к другим твоим произведениям?

— Роман «Осень патриарха», который я сейчас кропаю, в литературном плане будет сильнее «Ста лет…» и весомее. Правда, он об одиночестве во власти, а не об одиночестве в повседневной жизни. Роман «Сто лет…» написан просто, без затей, я бы сказал, — более поверхностно.

— Ты как будто презираешь этот роман?

— Нет, конечно, но сам факт того, что он написан с использованием всевозможных профессиональных трюков, вынуждает меня думать, что я могу писать лучше.

В те самые дни Габриель частенько вспоминал Альваро Мутиса, который был не просто другом — почти братом. Перед расставанием Мутис сказал Габриелю: не забывай, когда ты в

Мексике устраивался на работу в женские журналы и хозяин пригласил тебя в бар, ты пришел первым и ушел последним, чтобы владелец журналов не увидел, что твои ботинки просят каши.

Счет в банке между тем рос неимоверно быстро, как термитник в тропическом лесу. О популярности и говорить не приходилось. Гарсия Маркес, Бог тому свидетель, сопротивлялся всей этой шумихе, как мог, но он и сам чувствовал, что бытие действительно определяет сознание. И с каждым месяцем сопротивляться становилось все труднее.

«Дорогой мой, не хочу пробудить в тебе зависть, но пишу тебе эту бумагу, проезжая Дижон. Через три часа я опущу это письмо в Лионе… Встреченные мною французы спустя двенадцать лет кажутся мне еще более говорливыми, чем прежде», — писал Габриель по пути из Парижа, куда он возил Мерседес, чтобы показать ей город.

— А ты знаешь, Марвель, он прав, — сказал Плинио жене. — Я завидую ему и этого не стесняюсь.

— Блаженны боги — им неведома зависть.

— Это не то чтобы зависть, а, скорее, желание быть с ним рядом, и вместе с тобой. Париж того стоит!

— И мы тоже обязательно съездим туда! Не сомневайся!

«Париж на сей раз был для меня, как заноза в пятке, — писал Габриель неделю спустя, уже из Барселоны. — Любопытно, но сейчас Париж показался мне абсолютно неинтересным, а такой, каким мы видели его тогда, теперь для нас невозможен — во-первых, потому, что нам не по двадцать лет, а во-вторых, потому, что и сам Париж уже не тот. Наше жилье, которое мы тогда считали поганым, было как-никак битком набито интересными людьми. Кроме всего прочего, по улицам сейчас ни пройти ни проехать, двадцать четыре часа в сутки все заполнено людьми и машинами, и никогда нет ни одного свободного места в кафе или в ресторане».

— Неужели он не хочет, чтобы мы приехали? — спросил Плинио.

— Время и деньги меняют людей. Но так не хочется, чтобы Габриель подтвердил это своим примером, — ответила Марвель.

— Мы приехали, когда на улицах еще была разобрана брусчатка — последствия майских событий[42]; французы вообще считают ее устаревшей. Шоферы такси, булочник, бакалейщик — все рассказывали нам в подробностях о том, как все было, но складывалось впечатление, что ничего серьезнее ругани не было.

— А брусчатка? Ведь это булыжники, которые летели в полицию, — сказал Плинио.

«Я заперся в голубятне Пауля, чтобы немного почитать и послушать музыку, но и там меня отыскали латиноамериканцы. Они выпили и слопали все, что было, перепачкали все, что могли, и все время пытались убедить меня в том, что мои романы великолепны».

— Я всегда считал, что латиноамериканцы едут в Париж скорее чтобы повеселиться, нежели грызть гранит науки.

«А я тут будто заново перечитал „Сто лет одиночества“, только на французском языке, и нашел, что перевод сделан очень серьезно. В течение месяца я работал с переводчиком по четыре часа в день, пока не сумел убедить его, что он должен начисто переворошить свой родной язык, чтобы перевод получился в соответствии с оригиналом. Главным его аргументом было: „Старик, по-французски так не говорят“. В конце концов все получилось, и мои варваризмы уместились в его языке, а поначалу они никак не укладывались у него в голове».

— Я всю жизнь знал, что Габо умеет добиваться своего.

«Мир для меня рухнул, когда я услышал о советском вторжении в Чехословакию. Но теперь думаю: нет худа без добра; я окончательно убедился, что мы живем между двумя империализмами, в равной степени жестокими и алчными. В каком-то смысле это освобождение сознания. Поразительно то, что по цинизму советские даже обскакали гринго».

— То же самое будет и с кубинцами Кастро… А сколько выдержишь ты, Габо? Ты ведь до мозга костей карибский житель, и Барранкилья нужна тебе, как кислород. Как ты обходишься без зноя ее улиц и дворов, где жизнь протекает, как вода в реке, тихо и спокойно, без водоворотов и волнений? Как ты обходишься без нашей музыки и буйства красок?

Прошел год. За время, проведенное в Барселоне и Париже, Гарсия Маркес сочинил девять рассказов, которые были объединены в сборник «Невероятная и грустная история о простодушной Эрендире и ее жестокосердной бабке». Но только в 1972 году в Мексике эту книгу выпустило в свет издательство «Гермес».

Толчком к созданию сборника послужило, как всегда, воспоминание о действительном событии; Гарсия Маркес уже знал тогда, что станет писателем, и этот случай настолько поразил его воображение, что многие годы воспоминание о нем не давало ему покоя. Впервые этот сюжет появился на страницах романа «Сто лет одиночества», затем он стал основой для киносценария и, наконец, обрел окончательную форму в повести о простодушной Эрендире.

Юный Габриель, возможно в Сукре, стал свидетелем того, как

некая предприимчивая старуха — в повести это бабка Эрендиры — торговала одиннадцатилетней девочкой. Старуха переезжала на подводах из городка в городок, из селения в селение и нигде не задерживалась более трех дней. Она возила с собой шатровую палатку, музыкантов и запасы спиртного и еды. Любой посетитель передвижного кабачка за установленную плату мог делать с девочкой что хотел.

В тот год продвинулся и роман Гарсия Маркеса «Осень патриарха». По структуре и языку это произведение не имело прецедента не только во всей латиноамериканской литературе, но и среди того, что было написано самим автором. Главная тема — человек, обладающий неограниченной властью, его могущество и его одиночество. Она воплощена в анонимном, собирательном образе, в котором, однако, без труда можно узнать любого диктатора Латинской Америки. Роман «Осень патриарха», опубликованный в 1975 году, занял достойное место среди наиболее значительных произведений XX века, которые, начиная с романа испанца Валье Инклана «Тиран Бандерас», разрабатывали тему латиноамериканского диктатора, чья власть над своим народом была безграничной и тянулась десятилетиями.

— Почему ты писал «Осень патриарха» так долго? — спросил Плинио Мендоса своего друга.

— Потому что я сочинял этот роман, как пишут стихи, слово за словом. Поначалу бывали недели, когда мне удавалось написать только одну фразу.

— Как бы ты определил в одном слове тему этой книги?

— Это поэма об одиночестве во власти.

— В этой книге ты позволил себе полную свободу — ты вольно обращался с синтаксисом, с категорией времени, даже с географией, а кое-кто утверждает, что и с историей. Поговорим о синтаксисе. В книге есть длинные куски без знаков препинания, в которых переплетаются высказывания разных персонажей. Ведь это не случайно. Какова необходимость такого построения?

— Представь себе такую книгу с обычной линейной структурой: она была бы бесконечной и еще скучнее, чем есть. Спиральная структура помогает сжать время и рассказать гораздо больше, как бы заключить повествование в капсулу. С другой стороны, бесконечный монолог позволяет звучать другим голосам без идентификации героев, как и происходит в действительности со всей нашей карибской конспирацией, когда секреты во весь голос повторяют на всех углах. Из всех моих книг этот роман является наиболее экспериментальным и дорог мне как моя художественная авантюра.

— Так же свободно ты обращаешься и со временем.

— Абсолютно так же. Ты помнишь, там есть день, когда диктатор, проснувшись, видит, что все вокруг одеты в четырехугольные красные шапочки, какие носят лица духовного звания.

— И все в костюмах валета треф.

— Да, и все обменивают всё подряд — яйца игуаны, крокодиловые кожи, табак и шоколад — на красные четырехугольные шапочки. Диктатор открывает окно и видит в море военный линкор, оставленный моряками, и рядом три каравеллы Христофора Колумба. Как видишь, речь идет о двух разных исторических фактах — прибытии экспедиции Колумба и высадке американских морских пехотинцев, — которые я поместил рядом, не считаясь с исторической хронологией. Я сознательно позволил себе абсолютную свободу в употреблении времени.

— Точно также ты поступил с географией?

— В равной степени. Без сомнения, страна диктатора принадлежит к Карибскому региону. Но в романе испанские Карибы перемешаны с английскими. Тебе известно, что я изучил все Карибы, остров за островом, город за городом. И в книгу я поместил все. Прежде всего то, что было моим. Дом терпимости в Барранкилье, где я снимал комнату; Картахену времен моих школьных лет; портовые кабаки, куда я ходил в четыре утра, чтобы перекусить после работы в редакции; и даже баркасы с контрабандистами и проститутками, которые на рассвете отправлялись из Картахены на острова Аруба и Кюрасао. В романе есть улицы, похожие на Торговую улицу в Панаме, есть уголки старой Гаваны, Сан-Хуана или Гуайры. Там есть все, что я видел на любом из Антильских островов, английском или нидерландском.

— Ты утверждаешь, что эта книга — исповедь и что она основана на личном опыте. Однажды ты назвал ее зашифрованной биографией.

— Да, это моя исповедь. Я очень давно хотел ее написать, но раньше у меня не получалось.

— Это странно: говоря о диктаторе, ты утверждаешь, что опираешься на собственный опыт. Это материал для психоаналитика. Ты говорил однажды, что одиночество писателя схоже с одиночеством во власти. Возможно, ты имел в виду одиночество славы. Тебе не кажется, что твои достижения незаметно для тебя самого сделали тебя похожим на твоего патриарха?

— Я никогда не говорил, что одиночество во власти и

одиночество писателя идентичны. Однажды я действительно сказал, что одиночество славы очень похоже на одиночество во власти. С другой стороны, я всегда утверждал, что ни в одной профессии не испытываешь такого одиночества, как в писательской, в том смысле, что в момент работы никто не может помочь писателю и никто не знает, что он собирается написать. Да! Ты поистине совершенно одинок перед чистым листом бумаги. Что же касается одиночества славы и одиночества во власти, тут много общего, нет никакого сомнения. Как сохранить власть и как защитить себя от славы — в конечном счете требует одной и той же стратегии.

В конце 1960-х годов книги Гарсия Маркеса продавались во всех магазинах Европы, Америки и Японии. Он не раз ловил себя на мысли, что сам очень изменился.

Летом, в августе 1969 года, Гарсия Маркес пригласил Плинио Мендосу провести лето вместе с семьями на небольшом острове рядом с Сицилией. Палермо, порт, не раз атакованный в XVI–XVII веках средиземноморскими пиратами, очень напоминал Картахену-де-Индиас, лакомый кусок для пиратов Атлантики. Пробыв несколько дней в Палермо, Гарсия Маркес отправился на почти необитаемый остров Пунта-Фрам, где снял коттедж на берегу моря. Пятачок песчаного пляжа был окружен скалами вулканического происхождения. В жарком воздухе пряно пахло йодом и цветами. Родриго и Гонсало, черные, как зулусы, не вылезали из воды. Взрослые, укрывшись в тени просторной террасы, слушали Глюка, Гайдна, Брамса, Шопена или читали. Отдохнув, они вернулись в Палермо, взяли напрокат большую, удобную машину и обследовали Сицилию. А затем объездили всю Италию.

Путешествовали, как хотели: в Неаполе прожили два дня, в Риме — десять, в Генуе — четыре, а в Венеции пробыли только три часа. Напугало невероятное количество туристов и голубей.

На подъезде к Парижу завернули в Совиньон, чтобы навестить Хулио Кортасара.

— Привет, Хроноп![43],— крикнул Габриель через чугунную ограду сада.

Высокий, стройный человек с окладистой черной бородой, в сандалиях на босу ногу, стоял около аргентинской жаровни, где на решетке жарились цыплята.

Узнав Гарсия Маркеса, хозяин крикнул кому-то по-французски, чтобы принесли еще цыплят, вытер руки и пошел встречать гостей к калитке, такой же массивной, как и ограда.

После сытного обеда с красным вином, состоявшего из

цыплят, салатов, огромного количества сыров и разных сортов винограда, мужчины перешли в просторную библиотеку-кабинет с задернутыми шторами. Там они пили кубинский ром, курили кубинские сигары, слушали кубинские пластинки. Всего несколько дней назад Хулио Кортасар вернулся с Острова Свободы, где побывал впервые за десять лет после победы революции. Он показывал подаренные ему маракасы и на каждом выстукивал какую-нибудь незатейливую мелодию.

— Ну а что кроме этого ты вывез с Острова? — спросил Габриель.

Кортасар стал серьезным.

— Не так там все просто и радостно. Я не согласен с Варгасом Льосой, но впечатления у меня очень сложные.

— Например? — сказал Плинио Апулейо. — Мы с Габо были там в самом начале.

— Например, крестьянская проблема. В результате революции Кастро кубинский крестьянин получил землю. Но не прошло и трех лет, как крестьяне превратились в наиболее враждебный революции слой населения.

— Но почему? Это странно! — Габриель раскурил очередную сигару.

— Прежде всего потому, что революция крайне неумно организовала изъятие у крестьян продуктов его труда: нет обмена сельхозтоваров на промтовары и орудия труда. Надо было работать, а не выкрикивать лозунги. Оказалось, что этого не только недостаточно, это пошло во вред. У крестьянина гниют продукты его труда, а рынок как таковой отсутствует. Раньше сельхозпродукцию реализовывали частные фирмы, а теперь их нет. И цены, установленные революцией, крестьян не устраивают. Вот они и производят теперь только для собственного потребления.

— Как в Советском Союзе. Ленин дал землю крестьянам, но тут же стал обирать их до нитки. Вспыхнули восстания, — сказал Габриель.

— Ну, на Кубе до восстаний дело не дошло, кубинский крестьянин поступил умнее, он просто, как я уже говорил, стал производить только для личного потребления и на обмен с соседями. Бананов, авокадо, папайи на Кубе, если ты не гость революции, не найти.

— Земля что ли перестала родить? — усмехнулся Плинио.

— Мало того! Крестьяне перестали рубить сахарный тростник. Теперь на полях государственных хозяйств это делают рабочие и служащие городов. Мало того что в городе, таким образом, некому работать, городские рубят тростник плохо. На

следующий год земля дает меньше урожая. Революция объясняет это то непогодой, то неурожаем, но дело в другом. Словом, кубинская революция живет за счет Советского Союза.

— Это к добру не приведет, — заметил Габриель.

— Габо, как я увидел на примере Кубы, на одной ненависти к буржуазии далеко не уедешь. Ненависть порождает революцию, а что дальше? На Кубе сегодня явно не хватает Маркса.

— Но, надеюсь, не того, которого пропагандируют там советские дипломаты, специалисты и военные. Когда я был в СССР, то понял: советские, кроме «Капитала» Маркса, который на самом деле им глубоко чужд и которого они толком не понимают, других аргументов не знают. — Габриель закашлялся. — Маркс говорил о социальной революции, о социализме. Меня это тоже очень волнует, но я в своих книгах вскрываю недостатки и язвы того общества, которое знаю, а эту тему я боюсь трогать.

— Меня тоже волнует поиск новых форм бытия, возможность создания иного общества и формирования иного человека, свободного от пороков человека современного. К сожалению, на Кубе, друзья, я этого не увидел. — Хулио снова наполнил рюмки гостей.

— Но там многие выходцы из народа учатся в СССР, в странах соцлагеря, получают образование, — заметил Плинио.

— Образованных людей там много, но они не умеют мыслить свободно, и экономика там не работает. Образование еще не интеллект. Кубинская революция, к сожалению, этого не понимает. Я участвовал в работе одного круглого стола. Выступило восемь человек, четверо говорили свободно и легко, а четверо читали по бумаге, сухо и академично. Оказалось, те, кто говорил толково и легко, получили образование еще до революции.

— А что ты думаешь о случае с поэтом Эберто Падильей? — спросил Габриель.

— Плачевный случай, Габо! Честный интеллигент даже не возмутился, а просто хотел обратить внимание Кастро на то, кто в действительности управляет революцией, на то, что кубинская революция, которая вызывала у стольких людей в Латинской Америке большие надежды, совершает те же самые ошибки, что и компартия в СССР. А именно — уничтожает настоящую интеллигенцию. Падилью арестовали, бросили в тюрьму за свободное выражение мыслей, затравили, заставили оговорить себя. Я бы на его месте вообще покончил с собой.

— Так, собственно, и поступил Хорхе Масетти, — сказал Плинио. — Его интеллигентность и готовность отдать жизнь за счастье народа пришлись революции не ко двору, и он уехал в

аргентинскую сельву делать там революцию, то есть на верную смерть.

— То же самое произошло еще с одним моим земляком.

— С Че Геварой, — договорил Габриель.

В конце сентября они вернулись в просторную, уютную квартиру в Париже, хотя постоянный дом семьи Маркесов находился в те годы в Барселоне.

— Послушай, Габо, ведь Мерседес чертовски привлекательна и, должно быть, сексуальна. А ты весь извертелся, глядя на баб, пока мы шли от метро. — Плинио искренне изумлялся, хотя ему было приятно, что на улице многие узнавали Габриеля и с уважением здоровались.

— Вот погоди, когда тебе стукнет сорок, тебе тоже все женщины будут казаться красивыми, а тут одни мини-юбки и сплошной секс в глазах и в походке.

«У него была светлая, просторная, но тихая квартира на бульваре Монпарнас. Стены были выкрашены в светлые тона, повсюду чувствовались достаток и вкус: английские кожаные кресла, гравюры знаменитого Вильфредо Лама, шикарный стереопроигрыватель, а в библиотеке всегда свежие желтые розы в хрустальной вазе.

Они приносят удачу, Плинио.

Ему, как хорошему вину и старому вязу, годы пошли только на пользу. Легкое серебро в бакенбардах говорит о зрелости, и личной, и профессиональной. Он спокойно смотрит в будущее и не опасается превратностей судьбы, исчезла неуверенность, которая так мешала ему в былые годы. Он носит дорогие костюмы, хотя и не соблюдает этикет.

Он выглядит человеком, защищенным от жизненных неприятностей.

Теперь в его зодиакальном знаке преобладает Земля, а не Вода. Чувство реальности решительно взяло верх над Рыбами, которые представляют собой знак деликатный, неуверенный, склонный к бегству от действительности, знак его видений и тех предвестий, которые ранее вызывали в нем дрожь.

Теперь он бонвиван, и его интересуют вещи, на которые он раньше не обращал внимания, теперь они важны для него, даже необходимы, а раньше он жертвовал ими ради своего писательского призвания.

Теперь, кажется, он лучше, чем раньше, чувствует музыку, разбирается в хорошей живописи, ценит красивых женщин и

понимает толк в отелях, шелковых рубашках, винах, устрицах под острым индийским соусом, в черной и красной икре и ловко ориентируется в бесконечном количестве сортов сыра.

Его новые знакомства — сплошь известные люди: общественные деятели, кинорежиссеры, артисты или просто богачи, которые позволяют себе роскошь иметь в друзьях знаменитость, так же как они приобретают каракулевую шубу.

Однако он не теряет из виду своих старых друзей, товарищей прежних лет, которые делили с ним когда-то трудности жизни и дешевое вино. Он всегда находит время, чтобы повидаться с ними.

Теперь именно он расплачивается по счетам.

— Шампанского? — спрашивает он и делает это не из хвастовства и не потому, что имеет непреодолимую слабость к «Вдове Клико» (или, скорее, к «Дом Периньон»),

— Я родом из Тунха, извини за напоминание о затерянном в Андах городке холодных ветров, где я родился. У тех, кто родом из Тунха, шампанское вызывает головную боль.

Гарсия Маркес понял, что хотел сказать его друг, и ответил:

— Всему, что у меня есть, я обязан роману «Сто лет одиночества» (20, 21).

Из Барселоны Кармен Балсельс прислала гранки второго тиража французского издания романа «Недобрый час». Гарсия Маркес решил, не теряя времени, прочесть гранки и самому отнести их в парижское издательств, и потому он отправил жену с детьми в Барселону, а сам остался в Париже вместе с Плинио.

— Знаешь, Габо, у меня из головы не идет то, что сказал Кортасар в связи с Че Геварой. — Плинио выключил телевизор; они слушали последние известия.

— Он имел в виду свое личное восприятие, — ответил Габриель. — Конечно, Че — фигура необычайно привлекательная, и жаль, что он погиб.

— Не пугайся того, что я тебе сейчас скажу. Мне кажется, революционеры вроде него всегда обречены.

Гарсия Маркес насторожился и приготовился слушать.

— О присутствующих я не говорю! И потом, в каждом правиле есть исключения. Кортасар прав, когда утверждает, что Че на бильярдном столе кубинской революции оказался шаром большего, чем нужно, размера. Ведь известно, что его разлад с Фиделем возник на политической почве, и сначала Че отправился в Конго. На верную смерть. Но он не так глуп, чтобы устраивать революцию на голом месте. И с кем? С народом, который

совершенно не был к этому готов. И вообще не знал, что это такое. У Че просто не было другого выхода. Он был не согласен с Фиделем. Что ему было делать?

— А вот интересно! Действительно ли Че из Конго вывезла советская подлодка? — Видно было, что эта тема живо волнует Габриеля.

— Посидел затворником на даче под Гаваной и придумал отправиться в Боливию. Знал, что там умрет, но зато станет знаменем революции. Исключительный человек!

— Вот что меня смущает: разве разумно было посылать Режи Дебре[44] туда, где в горах Боливии Че скрывался со своим партизанским отрядом?

— Не только Дебре, но и разведчицу Таню. Оба фигуранта были известны ЦРУ, как мы с тобой нашим женам! Их выследили, а они привели к лагерю Че. Точное место определили американские самолеты-разведчики. Партизаны курили. Самолеты зафиксировали дым.

— Настоящий роман! Но не для меня. Я в этом не участвовал.

— Кстати, о романе. Ты здесь работал над «Осенью патриарха»? А почему стол завален книгами Рубена Дарио?

— Ты же знаешь, я люблю этого поэта.

— Но я не видел стихов. Только прозу. Помогает, как в свое время Плутарх. Ну ладно. Извини, что лезу в твою «кухню».

Дассо Сальдивар считает, что в романе «Осень патриарха» можно обнаружить более двадцати пяти ситуаций, заимствованных у Дарио или похожих на них. «Таким образом, присутствие в романе „Осень патриарха“ личности и творчества Рубена Дарио лишний раз подтверждает слова Гарсия Маркеса, что из всего им написанного именно этот роман содержит в себе наибольшее количество автобиографических моментов» (28, 490).

Есть в этом романе и влияние Фолкнера. Дом терпимости, описанный в романе, словно скопирован с того самого «Небоскреба», в котором писатель жил в Барранкилье. А теперь вспомним интервью Уильяма Фолкнера, которое он дал в начале 1956 года французскому журналу «Пари ревю». Автор романов «Сарторис» и «Свет в августе» признался, что лучше всего ему работается в доме терпимости, потому что по утрам там царит тишина и покой и работа идет особенно плодотворно, а по ночам там всегда праздник, вино и люди, с которыми бывает очень интересно поговорить. В беседе с Плинио А.Мендосой «Встреча двух товарищей», опубликованной в парижском журнале «Либерасьон» в 1972 году, Гарсия Маркес отмечает, что «интервью Фолкнера в „Пари ревю“ было напечатано, когда я жил в Барранкилье и как раз

в доме терпимости». В действительности это было не так, поскольку в начале 1956 года Гарсия Маркес уже жил в Париже.

Еще один характерный пример того, что Гарсия Маркес не слишком точен, когда речь идет о его биографии, — будь то время или место событий.

Зато он необыкновенно точен в деталях, если говорить о его произведениях. Точен и наблюдателен. Когда-то в Москве, в Мавзолее, его поразили маленькие, «немужские» руки Сталина. Руки патриарха списаны с них.

В середине октября 1969 года Гарсия Маркес и Мендоса вернулись в Барселону. Плинио ждало письмо от его жены Марвель; несколько месяцев назад она ушла от Плинио, а теперь просила встретить ее в аэропорту «Орли».

Плинио, который все еще любил ее, тут же улетел в Париж. Гарсия Маркес дал ему ключи от своей квартиры.

— Габо, ты меня слышишь? Я не знаю, что делать! — Плинио был взволнован. — В Париж прилетела другая Марвель. Коротко подстрижена, в вызывающей мини-юбке, ярая феминистка, готовая перевернуть мир!

— А разве это плохо? Особенно насчет мира…

— Не шути! Она категорически заявила, что в Барранкилью больше не вернется. Остается в Париже! Я не знаю, какая муха ее укусила.

— Но ты же ее любишь.

— При чем тут любовь! Я ее боюсь! Вошла в первый попавшийся магазин и купила прозрачную блузку. И тут же надела ее, без лифчика! Когда я заикнулся насчет ее вида, она только коротко бросила: «Какой ты, однако, пуританин!» Она сошла с ума! Окончательно и бесповоротно!

— Послушай, позвони мне завтра, в это же время, — сказал Габриель и повесил трубку. Плинио не обиделся, он знал своего друга: тот никогда не торопился давать совет, ему всегда надо было немного подумать. Как генералу перед сражением.

На следующий день Плинио снова позвонил Габриелю.

— Записывай адрес, — решительно сказал Габриель. — Бульвар Пастера, восемьдесят. Отличный психоаналитик. Испанец. Но главное — это не Марвель, а ты должен сходить к нему.

— Я? — Плинио чуть не выронил трубку.

— Да, ты! Уверен, карахо, что в помощи нуждаешься именно ты.

— Перестань! По-твоему, это я сумасшедший?

— Чтобы помочь ей, ты вначале должен помочь себе.

— Я никогда в глаза не видел ни одного живого психоаналитика. Что это за дела вообще? Откровенничать с чужим человеком! Что я там буду делать, карахо? Постороннему рассказывать такое!

— Послушайся моего совета! Я тебе дело говорю. Сходи к нему!

— Но она хочет работать натурщицей! Ты представляешь себе? И это в Париже! Разве она не чокнутая? Когда я объяснил ей, как это все называется, она сказала: «Тогда пойду в судомойки». Этого только не хватало!

— Она может заниматься бэбиситингом. В Париже многие студентки так подрабатывают. Всякая работа сгодится, — заметил Габриель. — И не изображай ты из себя латиноамериканского буржуа, тоже мне мачист нашелся. Сходи к психоаналитику. И все станет на свои места.

Плинио послушался совета Габо, и все действительно постепенно утряслось. Марвель и Плинио остались жить и работать в Париже. Марвель не захотела поселиться в квартире Габо, и, после того как оба нашли работу, они сняли маленькую комнатку.

Кармен Балсельс, чувствуя, что на ее подопечного пал крупный выигрыш в лотерее жизни, старалась выжать из ситуации все, что было возможно, часто не обращая внимания на протесты Габриеля. С ее «легкой руки» рецензии, отзывы, статьи шли непрерывным потоком, и не только в Испании, а многочисленным интервью с писателем, которые она организовывала, и вовсе не было конца. Писатель порой сердился на нее, но в целом был доволен своим агентом.

В марте 1970 года Балсельс договорилась с барселонским издательством «Тускетс» и выпустила отдельной книжечкой репортаж Гарсия Маркеса «Рассказ не утонувшего в открытом море», который пятнадцать лет назад имел шумный успех в Колумбии. Эта журналистская работа очень скоро стала наиболее читаемым произведением Гарсия Маркеса. За последующие двадцать пять лет эта книжка была издана во многих странах мира общим тиражом в десять миллионов экземпляров.

Однажды летом того же года после очередного выговора Гарсия Маркеса, который, несмотря на предварительную договоренность Балсельс, отказался давать интервью корреспонденту ведущего канала французского телевидения, предприимчивый литагент придумала очередной удачный ход.

Приблизительно в это время в Барселону переехал на жительство Варгас Льоса с семьей. Они поселились совсем рядом с

домом Гарсия Маркеса. Кармен подала идею Марио, и тот с радостью согласился написать книгу о Гарсия Маркесе.

— Послушай, Габо, ты сердишься на Кармен, а она по кирпичикам строит для тебя Нобелевскую премию. — Марио и Габриель качались в мексиканских гамаках желтого цвета в саду у Гарсия Маркеса.

— Да брось ты! Мне этой премии не видать как своих ушей. Она что, и вправду на это надеется?

— Книга о тебе заставит их там, в Стокгольме, задуматься. Зернышко за зернышком курочка зоб набивает. У Кармен мало что срывается, если уж она что задумает. Разве не говорят: «Кто не желает победы, уже побежден»? А я почему стараюсь? Потому что ты мне друг. А теперь и родня. За последние полгода я переворошил кучу материала. Каждую неделю Балсельс подбрасывает новый. Ни строчки для себя не написал.

— Карахо, Марио, дорогой, я искренне тебе благодарен.

— Кстати, Габо, я переписал большую часть первой главы. И теперь она называется «Роман и его демоны». Она у меня с собой, я хочу тебе ее почитать. — Марио вылез из гамака, взял папку, которая лежала на столе, открыл и начал читать.

— Писать романы — значит бунтовать против действительности, против самого Господа Бога и его творения, которое есть реальная жизнь. Это попытка исправить, изменить или упразднить существующую реальность, заменить ее реальностью вымышленной, которую создает автор.

— Ну, так!

— Он диссидент: он создает иллюзорную жизнь, порождает мир из слов, поскольку не принимает мир реальный. Природа писательской сущности — это неудовлетворенность окружающей жизнью; каждый роман есть скрытое богоборчество, символическое уничтожение действительности.

— Точно! Причины этого бунта, источники потребности писать могут быть разные, но природа их едина — неудовлетворенность окружающим миром.

В этот момент в соседнем дворе прозвучал выстрел, и Габриель умолк.

— Были ли его родители с ним чересчур снисходительны или слишком строги, познал ли он любовь слишком рано или слишком поздно, а возможно, и совсем не познал, обходилась ли с ним жизнь очень хорошо или очень плохо, был ли он слабым человеком или волевым, добродетельным или эгоистичным. — Марио продолжал читать, словно не слышал выстрела. — В какой-то момент этот человек — мужчина или женщина —

чувствует, что он не может принять жизнь такой, какой ее принимают общество, время, семья, и вступает в разногласие с миром.

— У тебя выходит, что виноват писатель, а не жизнь, его окружающая.

— Слушай дальше! Он стремится уничтожить существующую действительность, вызвать ее распад, заменить ее другой, созданной из слов. В этом смысле все писатели — бунтари.

— Все так, но ты покажешь мне всю работу, прежде чем отдашь ее в набор. Ладно? Что касается родителей, любви и всего прочего, ты, конечно, прав. Меня всегда удивляет, когда говорят, что раньше жизнь была лучше. Но ведь и раньше были писатели, которые бунтовали.

— Но таких выдумщиков, как ты, всегда было мало.

— Хочешь сказать, я врун. «В словах вруна далее правда не красна», — учил меня мой любимый дед

— Да что ты, Габо? Я даже не согласен с теми, кто называет тебя «умственным фокусником». Взять хотя бы один твой рассказ — реальную историю о потерпевшем кораблекрушение, — ведь это жизнь без прикрас, а у него за год три тиража.

— Написал, как умел. А «Осень патриарха» тебе что, не понравилась?

— Очень понравилась! И ты прав, ты должен писать, как тебе пишется.

— Жизнь у нас только одна, и другой не будет!

Книга Марио Варгаса Льосы «Габриель Гарсия Маркес. История одного богоубийства», которая вышла весной 1971 года, вызвала повышенный интерес, особенно среди критиков и преподавателей литературы. Перуанский писатель посвятил ее жене Кристине и их общему с Гарсия Маркесом другу Хосе Эмилио Пачеко[45].

Варгас Льоса назвал свою работу очерком, хотя это был очерк объемом в шестьсот шестьдесят семь книжных страниц. Книга состоит из двух частей: «Действительность реальная» и «Действительность вымышленная», а также библиографии; она содержит краткую биографию Гарсия Маркеса и глубокий фундаментальный анализ всех его произведений, написанных до 1971 года. В библиографии кроме произведений Гарсия Маркеса перечислены его интервью, выступления, а также книги и статьи о нем.

На сегодня из всего, что написано о Габриеле Гарсия Маркесе, эта книга Варгаса Льосы представляет собой наиболее серьезный литературный анализ произведений колумбийского писателя, а книга Дассо Сальдивара содержит наиболее капитальные сведения

биографического характера.

— Ну что, старик, ты доволен? — улыбаясь, спросил Варгас Льоса. — Это еще не Нобелевская премия, но надо отметить!

— Коньо, я с грехом пополам закончил третий курс университета, а тут тебе звание доктора за научные заслуги, без защиты диссертации.

— Колумбийский университет в Нью-Йорке — это вещь! А ты сердишься на нас с Кармен.

— Кто тебе сказал? — На лице Габриеля появилось выражение испуга, хорошо знакомое его друзьям в прежние времена. — Я знаю, если б ты не сочинил обо мне такую классную книгу, никто бы и пальцем не шевельнул. Мы с тобой это отметим.

— Габо, ты растешь на глазах!

— Река шумит, камни гонит! Если и дальше так пойдет, глядишь, и я поверю, что вы с Кармен и прочими моими друзьями сделаете из меня лауреата Нобелевской премии.

Плинио Мендоса часто навещал своего друга в Барселоне и останавливался у него в доме на улице Капоната. Дом был большой, со служанками и сторожем-садовником, бывшим футболистом сборной Каталонии. В тишине этого дома рядом с писателем жила и его Слава. Чтобы она особенно ему не докучала, Гарсия Маркес установил строгий распорядок, в соответствии с которым до трех часов дня его никто не должен был беспокоить — он принадлежал только самому себе и пишущей машинке. В середине 1970 года писатель успешно работал над очередной версией «Осени патриарха».

После изысканного обеда, приготовленного искусной кухаркой, он обычно переходил в просторную гостиную с английской кожаной мебелью и дорогими картинами и слушал классическую музыку или популярных тогда «Битлз», а иногда мансанеро и вальенаты родной Колумбии. У него был великолепный стереокомбайн, и еще он любил наблюдать из окна гостиной, как садовник срезает желтые розы, чтобы к пяти вечера заменить во всех комнатах вчерашние цветы.

К этому часу садовник-консьерж переодевался в униформу, чтобы, встречать новых друзей писателя, которыми Гарсия Маркес, как модный литератор, обзавелся очень скоро.

«Хорошо известно, что преуспевающая каталонская буржуазия наложила на Барселону свой отпечаток. Весь город дышит их цепким коммерческим практицизмом и дымом их сигар.

Барселона — царство предприимчивых и активных людей,

одетых в отлично сшитые костюмы, посещающих дорогие рестораны, кабинеты банковских воротил и концертные залы, где выступают „звезды“. Их часто можно встретить на шикарных пляжах Коста-Бравы, где они любуются голубой далью моря или купаются около своих белоснежных яхт, ни на минуту не переставая думать о новых выгодных сделках.

… Эти люди очень мало похожи на писателей, таких, как, например, Хуан Гойтисоло, которые живут в Париже, ездят на метро, одеваются как придется, смешиваются с толпой и с удовольствием беседуют с теми, кто гуляет по бульварам или сидит в каком-нибудь кафе. Такие, как он, живут в маленьких комнатках, где нет ничего, кроме стола и толстой тетради, в которой они, по вдохновению или в силу привычки, пишут рассказы, повести и романы. Они слишком заняты, чтобы красоваться в модных местах, и слишком безразличны к условностям, чтобы носить дорогую одежду.

Париж — это Париж, а Барселона — это Барселона.

Барселона не годится для писателей, которые только начинают оттачивать свое перо; там они подвергают себя риску быть раздавленными, в лучшем случае они получат работу корректора, будут вычитывать гранки или станут переводчиками. Виною тому издатели, которые не принимают к рассмотрению прекрасные рукописи только потому, что авторы их неизвестны.

Зато для писателя с именем Барселона — идеальное место: мало того что она является столицей издательского испаноязычного мира и полна разнокалиберных интеллектуалов и художников всех мастей, сверкающих, как морская пена, — именитого там везде приглашают, окружают вниманием, обслуживают по высшему классу, рекомендуя, если у него есть желание, рестораны, где подают лучших устриц и иные искусно приготовленные дары моря, лучшую испанскую ветчину и самое выдержанное вино; ателье, где на заказ шьют отличные рубашки и пиджаки из замши и кашемира; ночные клубы, где показывают наиболее откровенный стриптиз, и лучший дом терпимости на улице Рамбла с юными девочками и мальчиками.

…По тому, как его новые друзья рассаживались вокруг знаменитого писателя, как вдруг начинали расхваливать какую-нибудь вещицу или одежду, недавно им купленную, и как громко хохотали над плоскими шутками, иной раз срывавшимися с его языка, я начинал ощущать, что окружавшая его атмосфера, прежде мне незнакомая, полна той тонкой придворной лести, какой в свое время были окружены монархи Версаля. Кинозвезды и режиссеры, оперные певицы и певцы, театральные светила, торговые дельцы, бизнесмены, издатели всех мастей, высшие

правительственные чиновники — вот те люди, которые теперь окружали писателя» (20, 174–176).

Так свидетельствовал ближайший друг писателя Плинио Апулейо Мендоса, которому Габо не уставал повторять, что всем этим он обязан роману «Сто лет одиночества».

Таков краткий рассказ о жизни и творчестве Габриеля Гарсия Маркеса, о его деятельности и друзьях и о том, как было создано одно из самых необычных произведений литературы XX века — роман «Сто лет одиночества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «La hojarasca», Bogotá, Ediciones S.L.B., 1955.

II. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «El coronel no tiene quien le escriba», México, ERA, 1963.

III. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «La mala hora», Barcelona, BRUGUERA, 1981.

IV. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «El otoco del patriarca», Buenos Aires, Editorial Sudamericana, 1975.

V. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «Los funerales de la Mama Grande», Xalapa, UNIVERSIDAD VERACRUZANA, 1962.

VI. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «Cien acos de soledad», Buenos Aires, SUDAMERICANA, 1968.

VII. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «Textos costecos», Obra periodística, Vol. I, Recopilaciyn y prylogo de Jacques Gilard, Barcelona, BRUGUERA, 1981.

VIII. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «La increíble y triste historia de la candida Erendira y de su abuela desalmada», Mexico, HERMES, 1972.

IX. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «De viaje por los países socialistas», Bogotá, LA OVEJA NEGRA, 1982.

X. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «Ojos de perro azul» (cuentos), Buenos Aires, SUDAMERICANA, 1974.

XI. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «Relato de un naufrago», Barcelona, TUSQUETS, 1974.

XII. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «El negro que hizo esperar a los ángeles», Buenos Aires, ALFIL, 1974.

XIII. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «Isabel viendo llover en Macondo», Buenos Aires, ESTUARIO, 1975.

XIV. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «Noticia de un secuestro», Mexico, DIANA, 1996.

XV. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «El amor de los tiempos de cólera», Mexico, DIANA, 1985.

XVI. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «Crónica de una muerte anunciada», Mexico, DIANA, 1989.

XVII. GARCIA MÁRQUEZ, Gabriel, «El olor de la guayaba» (Conversaciones con Plinio Apuleio Mendoza), „De riajes por los paises socialistas“, Bogotá, LA OVEJA NEGRA, 982.

XVIII. Gabriel Garcia Márquez. «Testimonios sobre su vida. Ensayos sobre su obra». Selecciones y prólogo de Juan Gustavo Cobo Borda, Bogotá, SIGLO DEL HOMBRE EDITORES, 1992.

XIX. «Gabriel Garcia Márquez». Edición de Peter G. Earle. (El

escritor y la crítica), Madrid, TAURUS, 1981.

1. ARANGO, Manuel Antonio, «Gabriel García Márquez y la novela de violencia en Colombia», México; FONDO DE LA CULTURA ECONÓMICA, 1985.
2. ARAUJO NOGUERA, Consuelo, «Rafael Escalona, hombre y mito», Bogotá, PLANETA, 1988.
3. ARNAU, Carmen, «El mundo mítico de Gabriel García Márquez», Barcelona, EDICIONES PENINSULA, 1971.
4. BARSY, Calman, «La estructura dialéctica de „El otoño del patriarca“», EDITORIAL DE LA UNIVERSIDAD de Puerto Rico,1989.
5. CARBALLO, Emmanuel, «Protagonistas de la literatura hispanoamericana del siglo XX», México, UNAM, 1986.
6. COLLAZOS, Oscar, «García Márquez: La soledad y la gloria. Su vida y su obra», Barcelona, PLAZA & JANES, 1983.
7. COVA GARCIA, Luis, «Coincidencia o plagio?» (Sobre «Cien años de soledad» y Balzac), en «El Espectador», Magazine Dominical, Bogotá, 11 de mayo de 1969.
8. FARIAS, Victor, «Los manuscritos de Melquíades y dialéctica de la reproducción ampliada de negación», Frankfurt, VERLAG KLAUS DIETER, 1981.
9. FERNANDEZ-BRASO, Miguel, «Gabriel García Márquez», México, PLANETA, 1982.
10. FUENMAYOR, Alfonso, «Crónicas sobre el Grupo de Barranquilla», Bogotá, INSTITUTO COLOMBIANO DE CULTURA, 1978.
11. FUENTES, Carlos, «Gabriel García Márquez: segunda lectura», en «La novela nueva latinoamericana», México, CUADERNOS DE JOAQUIN MORTIZ, 1969.
12. GARCIA AGUILAE, Eduardo, «García Márquez: La tentación cinematográfica», México, Filmoteca de la UNAM, 1985.
13. GARCIA ASCOT, Jomi, «Cien años de soledad», una novela de Gabriel García Márquez sólo comparable a «Moby Dick», en «La Cultura en México», Suplemento de «Siempre», México, n. 732, julio de1967.
14. GILIO, María Esther, «Escribir bien es un deber revolucionario», Madrid, TRIUNFO, 1977.
15. GILARD JACQUES, „Cien años de soledad y Gabriel García Márquez“, Barcelona, BRUGUERA, 1981.
16. GOSSAIN, Juan, «Gabriel García Márquez habla de Gabriel García Márquez», Bogotá, RENTERNA EDITORES, 1979.
17. HERN ANDES DE LOPEZ, Ana María, «En el punto de mira: Gabriel García Márquez», Madrid, EDITORIAL PLIEGOS, 1985.
18. LOPEZ LEMUS, Víctor, «García Márquez. Una vacación

incontenible», La Habana, LETRAS CUBANAS, 1987.

19. MCMURRAY, George R„«Critical Essays on Gabriel García Márquez», Boston, G. K. HALL, 1987.

20. MENDOZA. Plinio Apuleyo, «Aquellos tiempos con Gabo», Barcelona, PLAZA & JANES EDITORES, 2000.

21. OBERHELMAN, Harley D„«Gabriel García Márquez. A Study oí the Short Fiction», Boston, TWAYNE PUBLISHERS, 1984.

22. PALENCIA ROTH, Michael, «Gabriel Garcia Marquez. La línea, el círculo y las metamorfosis del mito», Madrid, CREADOR, 1983.

23. POZANCO, Víctor, «García Márquez en „El Coronel“», Barcelona, ANTHROPOS, 1978.

24. QUIROZ OTERO, Ciro, «Vallenato, hombre y canto», Bogotá, ICARO EDITORES, 1983.

25. RODRIGUEZ NUCES, Víctor, «Garcia Marquez. Crítica e interpretación», La Habana, UNION, 1986.

26. RODRIGUEZ-VERGARA, Isabel, «El mundo satírico de García Márquez», Madrid, EDITORIAL PLIEGOS, 1991.

27. ROMA, Angel, «Garcia Márquez y la problemática de la novela», Buenos Aires, MARCHA, 1974.

28. SALDIVAR, Dasso, «GARCIA MARQUEZ. El viaje a la semilla. La biografía», Madrid, ALFAGUARA, 1997.

29. SELVA, Mauricio de la, «Gabriel García Márquez», en «Cuadernos Americanos», México, año XXVII, Vol. CLVUIII, n. 3, 1968.

30. SORELA, Pedro, «El otro García Márquez. Los años difíciles», Madrid, MONDADORI, 1988.

31. SWANSON, Philip, «Como leer a Gabriel García Márquez», Madrid, Ediciones Icar, 1991.

32. VALENZUELA, Lídice, «Realidad y nostalgia de García Márquez», La Habana, EDITORIAL PABLO DE LA TORRIENTE, 1989.

33. VARGAS, Germán, «Gabriel García Márquez y su obra», Bogotá, Grupo Editorial NORMA, 1991.

34. VARGAS LLOSA, Mario, «García Márquez: historia de un deicidio», Barcelona-Caracas, MONTE AVILA EDICIONES, 1971.

35. VARGAS LLOSA, Mario, «Diálogo sobre la novela latino-americana», Lima, PERUANDIRO, 1988.

36. «Diálogo de la novela latinoamericana». Peruandino.

37. «Contra viento y marea» (1962–1982), Seix Barrai, Barcelona, 1983.

38. WEST, Paul, «A green thougth in a green shade». (Reseca de «Cien acos de soledad»), en «Book World», USA, 22 February 1970.

39. WILLIAMS, Raymond L., «Gabriel García Márquez», Boston, TWAYNE PUBLISHERS, 1984.

40. ZAVALA, Iris M., «Cien años de soledad. Crónica de Indias», en «Insula», Madrid, año XXV, n. 286, septiembre 1970.

Журналы и газеты

«Siempre», Мехико, № 640 от 29.10.65; № 679 от 29.09.66.
«Primera Plana», Буэнос-Айрес, Ms 234, 1967
«El Pais», Мадрид, январь 1986
«Gaceta», Богота, № 39, 1983
«El Espectador», Богота, март 1977, ноябрь 1983
«Epoca», Рим, январь 1979
«El Universal», май 1948, май 1949
«El Tiempo», ноябрь 1987
«El Heraldo», декабрь 1943
«Coralibe», Богота, апрель 1981
«Jmagen», Каракас, 1969
«Pueblo», Мадрид, 5 мая 1981

ФОТОГРАФИИ

Будущему писателю 5 лет

Гарсия Маркес в доме деда в Аракатаке

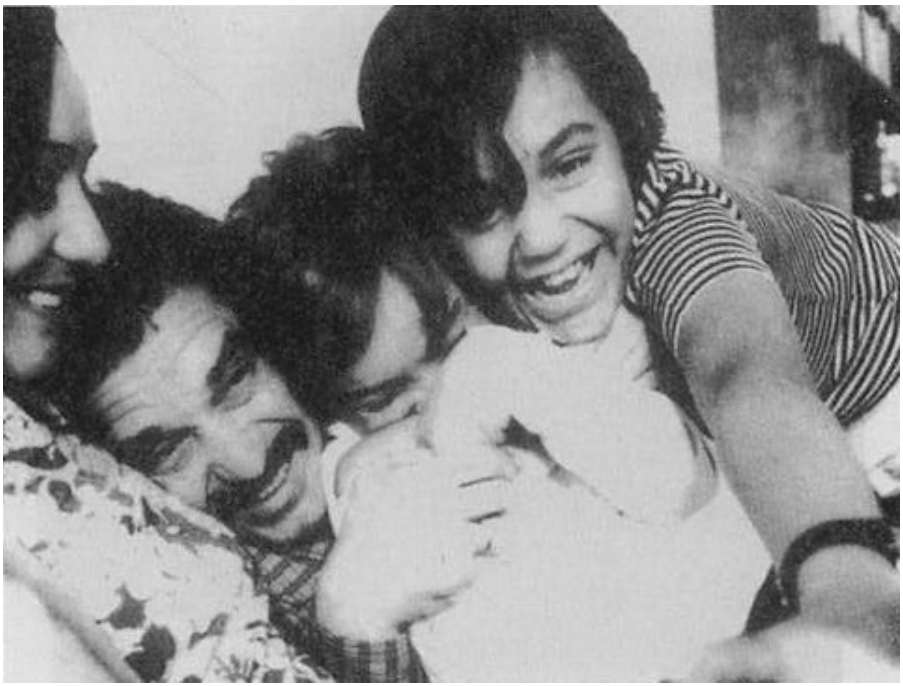
Мерседес Барча Пардо, невеста Гарсия Маркеса

Последний день в газете «Эспектадор». Июль 1955 г.

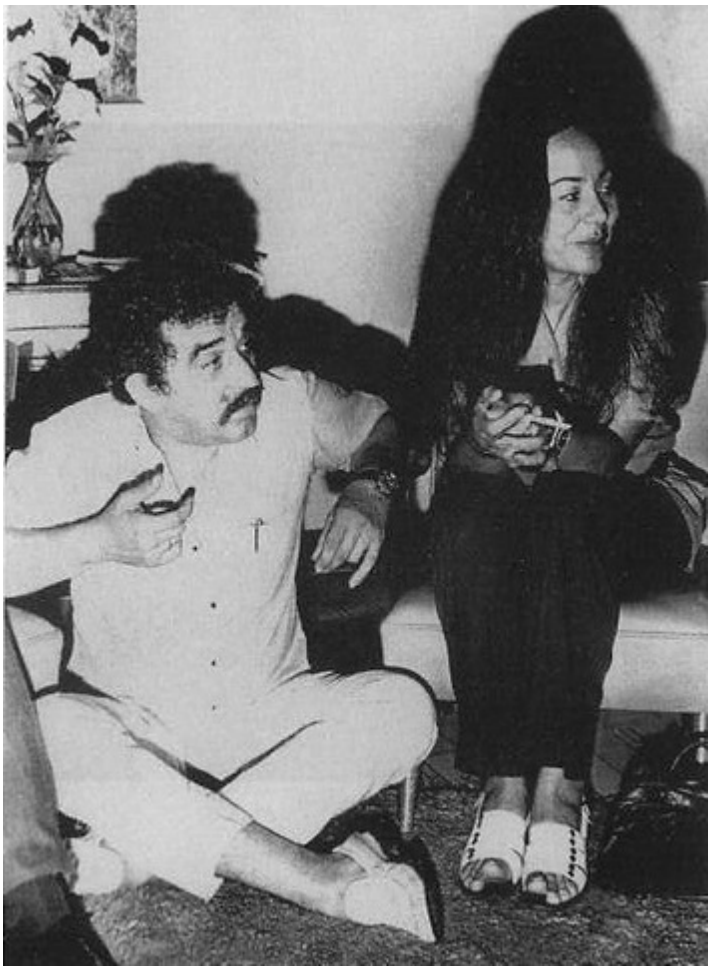
Гарсия Маркес в подмосковном колхозе. 1957. (Писатель первый справа)

Гарсия Маркес и Мерседес. Мехико. 1966

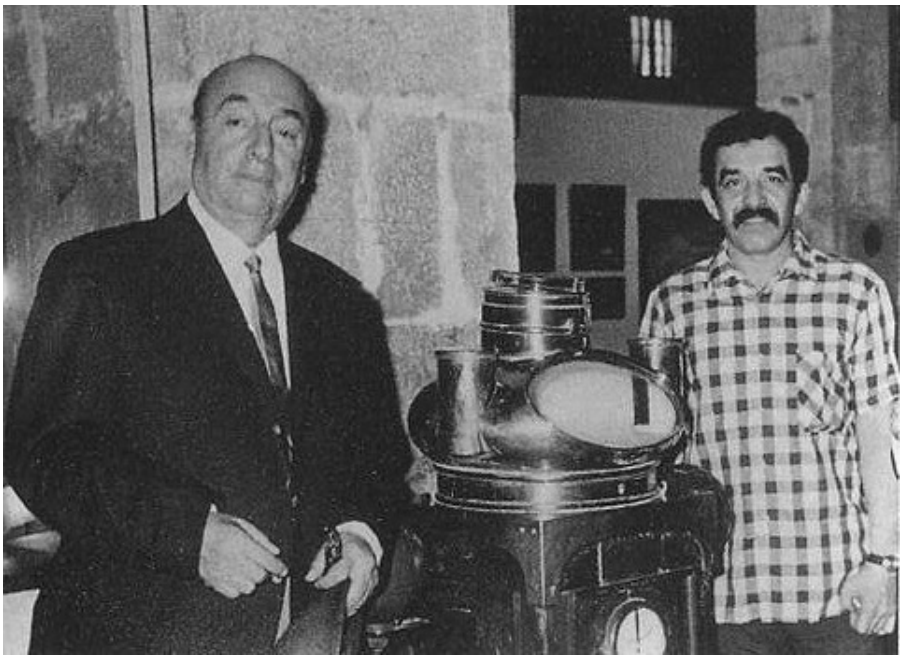
Гарсия Маркес с женой и их сыновья Гонсало и Родригес. Барселона



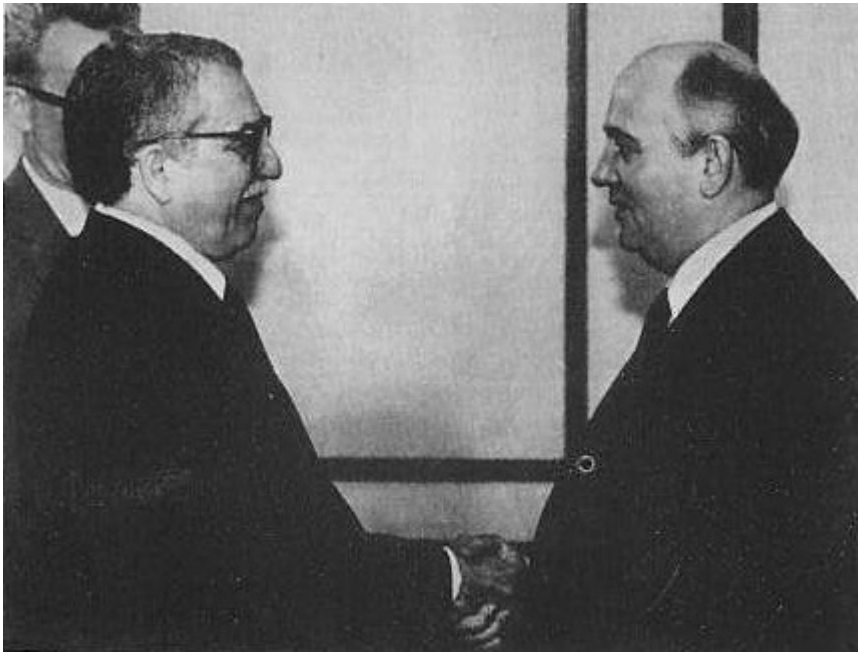
Гарсия Маркес и его жена Мерседес. 1978



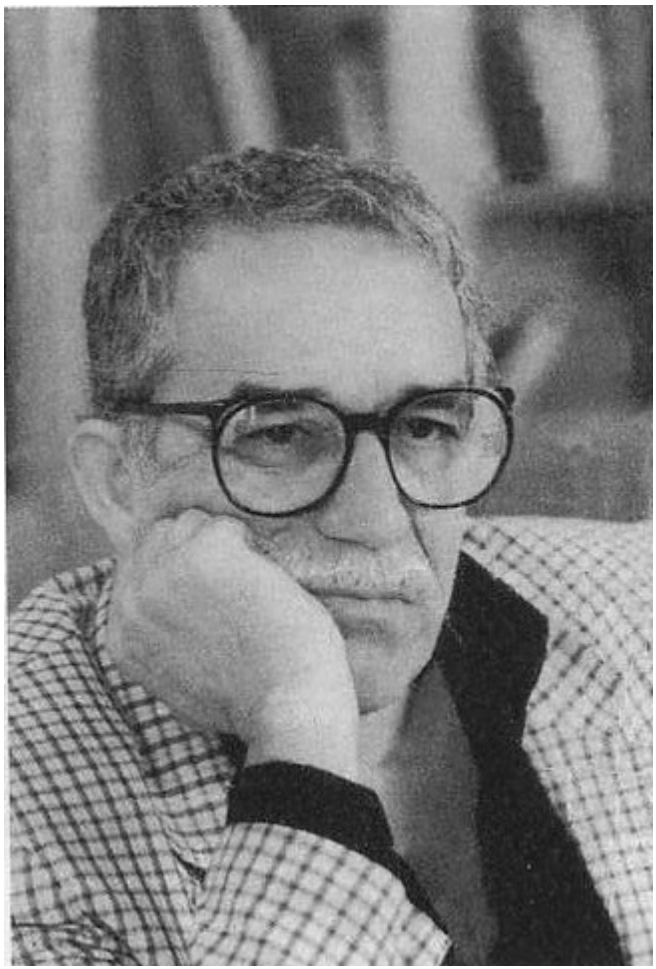
Пабло Неруда и Гарсия Маркес. Барселона. 1971



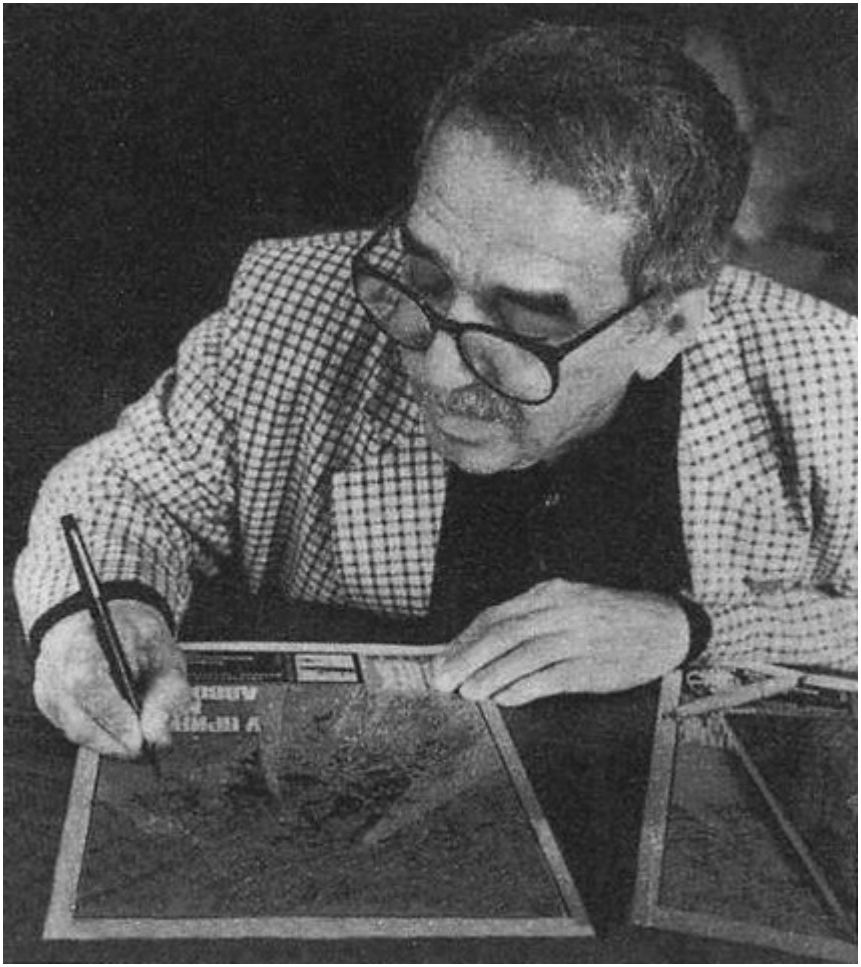
Встреча в Кремле. Гарсия Маркес и Михаил Горбачев. Москва. 15 июля 1987 г.



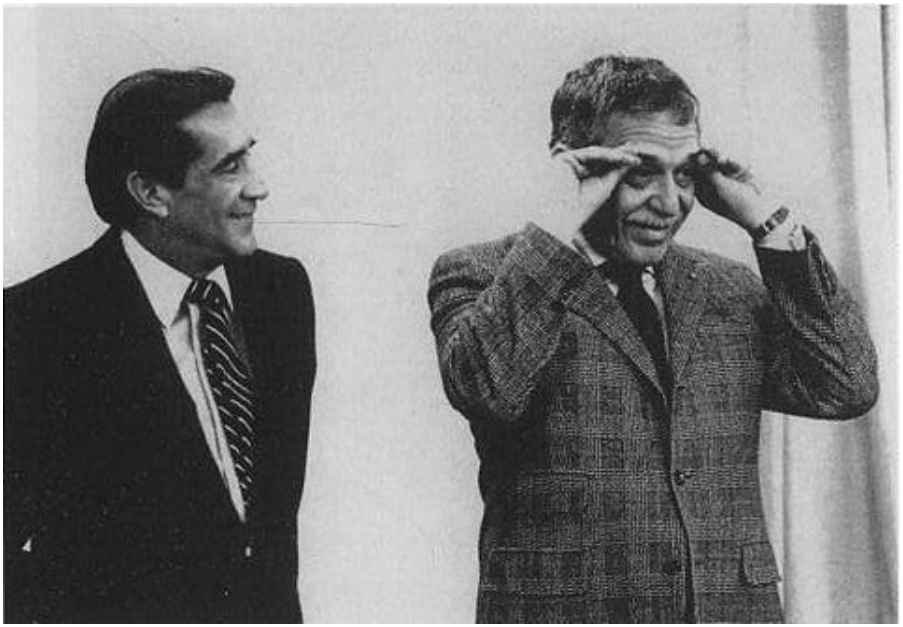
Гарсия Маркес. 1987



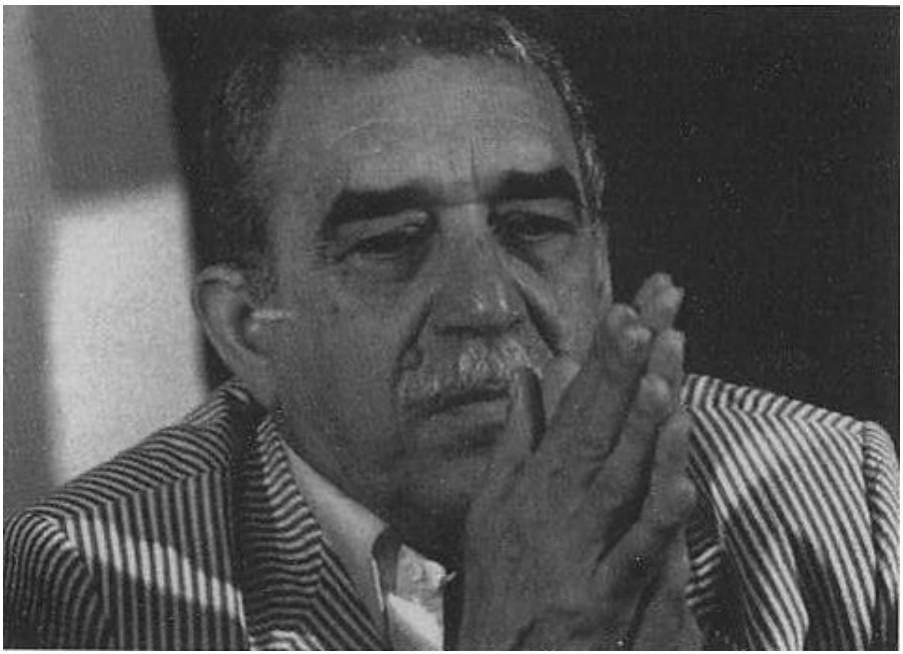
Гарсия Маркес в редакции журнала «Огонек». 1987



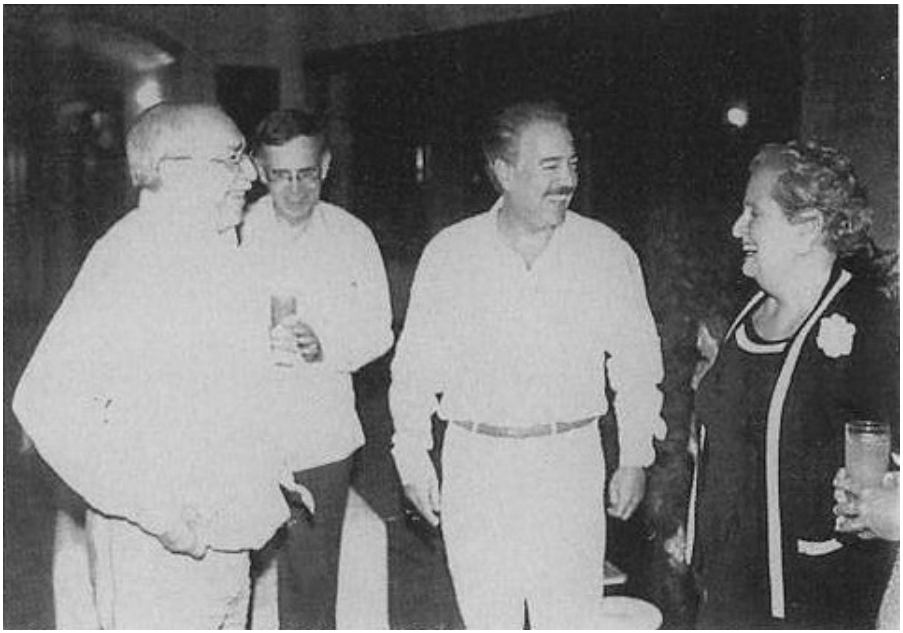
Гарсия Маркес и Виктор Флорес Олеа. Лос Пиньос. 1989



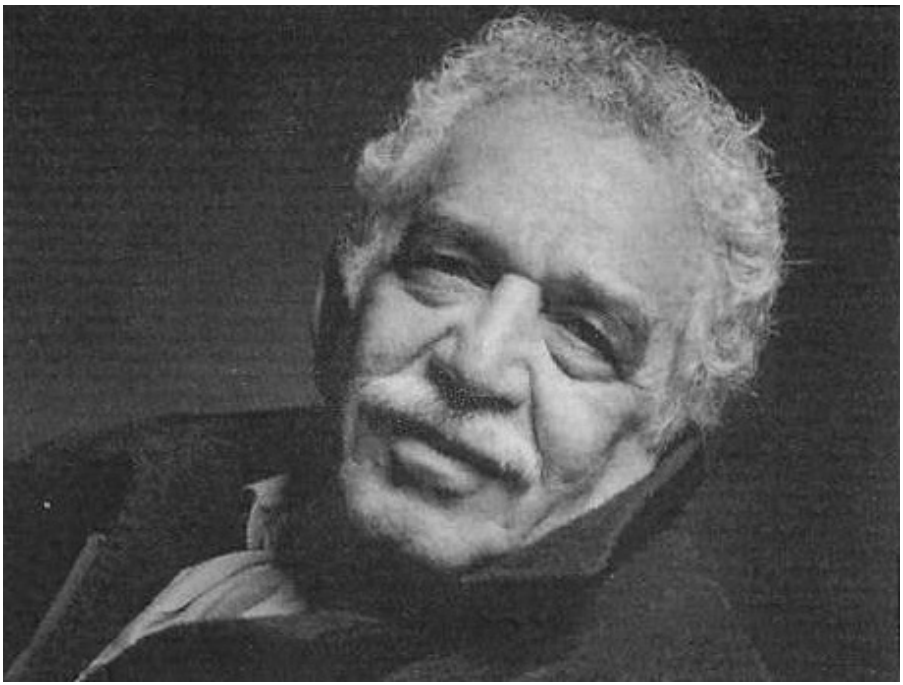
Гарсия Маркес



Посол Колумбии Кертис Канман, президент Колумбии Андрес Пастрама, Гарсия Маркес и госсекретарь США Мадлен Олбрайт после утверждения программы помощи Колумбии в борьбе с распространением наркотиков. 14 января 2000 г.



Гарсия Маркес. 1996



Гарсия Маркес

notes

Примечания

1

Здесь и далее цитируется роман Г. Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества» (М., 1997; пер. М. Былинкиной).

2

Здесь и далее в библиографических ссылках первая цифра обозначает номер цит. издания в списке литературы, а вторая — страницу (см. с. 342–345 наст. изд.).

3

Букв.: «Мачете опущен, индеец мертв» — колумбийская пословица, означающая, что человек закончил свой труд.

4

Государственная тюрьма Мексики.

5

Восклицание, употребляемое жителями Карибского региона в разговорной речи и выражающее удивление, досаду.

6

Популярное ругательство (*исп.*).

7

Чарро — в Мексике ковбой.

8

Восклицание, выражающее удивление или недовольство (*исп.*).

9

Виски с содовой и льдом.

10

Salgari Emilio (1862–1911) — итальянский писатель, автор популярных приключенческих повестей (более 70) и романов, переведенных на многие языки мира.

11

Мясо, жаренное на решетке, вертеле, а также целой тушей.

12

Житель Аракатаки.

13

Священник (*исп.*).

14

Запись сделана 27 июля 1930 года в церковной книге прихода Сан-Хосе (Аракатака) № 12, лист 126, пометка 324. Писатель не мог родиться в 1928 году, поскольку в книге того же прихода № 11, лист 96, пометка 192, 8 сентября 1928 года зафиксировано рождение его младшего брата Луиса Энрике.

15

Удачливый сыщик, герой одного из американских комиксов 1930-х годов.

16

Тихая, спокойная, безмятежная.

17

Дед писателя повредил ногу в результате падения с лестницы.

18

Вождь либералов, начавших войну в 1899 году против консервативного правительства Колумбии.

19

Глупец, недотепа (*исп.*).

20

Диплом зарегистрирован на с. 345 книга № 18 Министерства образования Колумбии.

21

Критик ошибается. Поездка начинавшего писателя с матерью в Аракатаку состоялась в начале марта 1952 года, когда Габриелю было 25 лет.

22

Valencia Guillermo (1873–1943) — наиболее яркий представитель поэтов-«парнасцев» Колумбии, чьим девизом было: «Пожертвовать всем миром, но стих отшлифовать».

23

Учебный год в Колумбии длится с марта по декабрь с перерывом на летние каникулы.

24

В столице Колумбии улицы, идущие с севера на юг, называются каррерами, а с востока на запад — улицами.

25

Регистрация № 129 на основе решения № 11 декана факультета права в книге № 7, листы 58 и 59.

26

Район порта Картахены.

27

Подросток, юноша, парень (*исп.*).

28

Озорник, бесенок, злой дух (*англ.*).

29

Негодяй, подлец (*исп.*).

30

Рубашка навыпуск из легкой материи с накладными карманами и открытым воротом (*исп.*).

31

Букв.: относящийся к Вальедупару; песенный жанр, распространенный в департаментах побережья Колумбии (меренге, пасильо, соны, пуйяс и тамборас).

32

Действие или сумма действий, направленных на переделывание мира.

33

Дружище (*исп.*).

34

Сленговое восклицание, выражающее одобрение в превосходной степени (*исп.*).

35

Междометие, употребляемое как обращение (*исп.*).

36

Мальчик, ребенок (*исп.*). На Кубе — фамильярное обращение к человеку любого возраста.

37

Падилья Эберто (р. 1932) — писатель, участник революции Ф. Кастро. В 1968 г. выпустил в свет сборник стихов «Вне игры». Был арестован. В тюрьме его вынудили выступить с уничижительной самокритикой.

38

От macho (*исп.*) — самец.

39

Актер Том Микс исполнял роль популярного персонажа ковбойских фильмов США.

40

«Amadis de Gaula» — рыцарский роман XIV века. Амадис — идеализированный образ рыцаря.

41

Переводчик — предатель (*ит.*).

42

Студенческие волнения в мае 1968 года.

43

Персонаж Кортасара, придуманный автором.

44

Дебре Жюль Режи (р. 1940) — писатель, философ левого направления.

45

Пачеко Хосе Эмилио (р. 1939) — мексиканский поэт и писатель.